

Кэрол Боумэн

Прошлые жизни детей

Как воспоминания о прошлых жизнях влияют на вашего ребенка

Перевод С. Грабовецкий, А. Грабовецкая

«Если ваш ребенок начнет переживать воспоминания о прошлой жизни, что вы будете делать?»

Эта удивительная книга, может быть, будет самой полезной из всех «софийских» изданий. С абсолютной достоверностью доказывая реальность перевоплощений, Кэрол Боумэн идет гораздо дальше простых фактов.

Вы узнаете, как легко и просто можно вспомнить свои прошлые жизни, особенно это касается маленьких детей. «После регрессии дети и взрослые становятся более уверенными в себе и спокойными, исцеляются от хронических болезней и фобий, преследующих их с раннего детства.

Для 90 процентов испытуемых воспоминание о смерти было лучшей частью регрессии.

Вспомнив собственную смерть, многие испытуемые обрели уверенность в жизни. Они больше не боялись смерти. Они поняли, что смерть еще не конец, это новое начало. Для всех воспоминание о смерти являлось источником вдохновения, дающего возможность переменить ход всей жизни».

«...Мы, родители, включены в часть плана, направленного на то, чтобы помочь нашим детям получить пользу от подобных воспоминаний».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Жил ли ваш ребенок прежде?

Слова благодарности

Часть первая. Истории о прошлых жизнях

Глава первая. Чейз и сара

Четвертое июля 1988

Неизъяснимый страх

Чейз видит войну

Куклы под кроватью

Интерлюдия

«куры гуляют свободно»

Сто одежек лукавицы

Глава вторая. Прелюдия

Мои похороны
«в недвижимой точке вращающегося мира...»
Ширма его незаурядного таланта
Разбитые мечты и ушедшие годы
«я нечто большее, чем мое тело»
«только через время можно покорить время» [6]

Глава третья. Раздумья на детской площадке

Рой идей
«опасная территория»

Глава четвертая. Момент смерти

Незавершенные дела пробуждают воспоминания
Доктор уомбэч и история вилки с четырьмя зубцами
Смерть и история
Намеки на исцеление
Открытия доктора файор и доктора бэкварда
Вспомнить о переживании смерти
Доктор роджер вулгер: поиски души и духа
Исцеление всерьез
Почему все так трагично?
Расширение рамок психологии
Момент смерти
Момент смерти в терапии
Типичные дети, типичные смерти

Глава пятая. Транс – это просто

Оставляя посторонний мир позади
«я ненавижу лагерь»
Сара правит
Грязные ноги
Небеса прошлых жизней
Двойные спонтанные воспоминания

Глава шестая. Доктор ян стивенсон

Слухи о золотых россыпях
Дело в доказательствах
Детектив по прошлым жизням
Милая сварнлата
Поведение – проигрывание прошлого
Рави шанкар встречается со своими убийцами
Родимые пятна и врожденные дефекты
Кредо
Все дело не в доказательствах
Общий рисунок объема данных
Естественное явление

Глава седьмая. Детские воспоминания о прошлых жизнях

Юные исследователи
В поисках новых маленьких путешественников во времени
Цветочные человечки

Дети помнят смерть
Ночь ниндзя
Маленькие англичане вспоминают...
...а мамы слушают
Рассказы из колыбели
Катарсис никола
Родители помогают решить головоломку
Appt – мир приключений
Тинеке нурдеграаф
Бабочки и опра

Глава восьмая. Блэйк

Многоопытные души в маленьких телах
Головой вперед
Лийя, дочь тийю
«меня сбил мужчина в грузовике»
«я люблю тебя, затем я тебя ненавижу»
«к нам возвратился наш прежний блэйк»

Глава девятая. Престо, Чикаго

Преодоление страха
Молния ударяет в лед
В хранилище файлов
В новом ритме
Имена и даты
В чикаго, немедленно!
Нарисовано по памяти
Снежный прием
Восстановленное равновесие
Устремляясь ввысь
Приверженность старой парадигме психологии
Первое марта 1994 года

Часть вторая. Практическое руководство по работе с воспоминаниями
о прошлых жизнях у детей

Глава десятая. Четыре признака

Первый признак: уверенный тон
Второй признак: неизменность во времени
Третий признак: знание, не объяснимое опытом
Четвертый признак: соответствие поведения

Глава одиннадцатая. Стимуляторы

Узнаваемые пейзажи
Привет. Я люблю тебя. Прощай.
Состояние ребенка
Материнский разум
Телепатическая связь между ребенком и матерью

Глава двенадцатая. Что могут сделать родители

Сохраняйте спокойствие
Признайте
Распознавайте
Пусть эмоции проявятся
Разъясните прошлое и настоящее
Разворачиваясь во времени
Постскриптум: записывайте

Глава тринадцатая. Увидеть прошлое во сне

Воспоминания о прошлых жизнях появляются в снах
Признаки сновидений
«j'ai peur! Ou est ma mere?»
Исцеление от кошмаров
Присмотритесь к буквальному смыслу
Кошмары и старая парадигма психологии
Бруксизм: рассказ об успехе
Телепатическая связь матери и ребенка

Часть третья. Прислушивайтесь к ребенку

Глава четырнадцатая. Взрослые и их религия

Лицом к лицу с реинкарнацией
Универсальная духовная идея
Догма жалит
Книга великолепия
Да, это бог!

Глава пятнадцатая. Смерть – это вращающаяся дверь

Утрата ребенка
Сила молитвы
Возвращение в семью
Глава шестнадцатая. Взгляните на детей иными глазами
Разум начинающего
«глубокая интеграция убеждений»
Чейз и сара

Примечания

Жил ли ваш ребенок прежде?

В своей захватывающей книге, взрывающей все традиционные представления о жизни и смерти, Кэрол Боумэн открывает нам неоспоримые свидетельства воспоминаний о прошлых жизнях у детей. Подобные переживания не просто реальны – они встречаются гораздо чаще, чем люди могут себе представить.

Необычная исследовательская работа, проведенная Боумэн, была инициирована воспоминаниями ее сына Чейза о прошлой жизни. Он описал сцены военных действий времен Гражданской войны настолько точно, что детали были подтверждены историком-экспертом. Но самое поразительное то, что хроническая экзема Чейза и его страх перед громкими выстрелами с тех пор бесследно прошли.

Вдохновленная этим, Боумэн собрала десятки подобных случаев и, проработав их, написала свой обширный труд, чтобы объяснить, как спонтанно и естественно дети вспоминают свои прошлые жизни. В этой книге она описывает различия между истинными воспоминаниями о прошлых жизнях детей и детскими фантазиями, дает родителям практические советы, объясняя, как следует реагировать на воспоминания ребенка и в каком ключе вести с ним беседу, чтобы эти воспоминания действительно оказали целительный эффект на детскую психику. *«Прошлые жизни детей»*, пожалуй, являются одним из наиболее добросовестно документированных и убедительных трудов о жизни после смерти, который наряду с произведениями Бэтти Дж. Иди, Рэймонда Моуди и Брайана Уэйса в состоянии открыть перед нами новые горизонты и преобразить наш взгляд на жизнь и смерть.

«Выдающаяся и смелая книга... это необходимо знать, так как дети действительно пытаются рассказать нам о своих прошлых жизнях. Не следует оставаться глухими».

Брайан Уэйс, ученый-психиатр, автор книги

«Много жизней, много учителей»

Когда ребенок говорит о воспоминании из прошлой жизни, словно круги расходятся по поверхности озера. В центре находится ребенок – исцеленный и переживший. Рядом стоят родители, замороженные истиной переживания – истиной настолько сильной, что она способна потрясти и сокрушить все устоявшиеся убеждения. Для того, кто не стал непосредственным свидетелем события, само прочтение книги о воспоминаниях ребенка о прошлой жизни способно настроить разум и душу на понимание. Детские воспоминания о прошлых жизнях обладают властью изменить жизнь.

Кэрол Боумэн

*Эта книга посвящена памяти Яна Бэллэнтайна,
чей взгляд на вещи и чей дух изменили
и продолжают изменять мир.*

Слова благодарности

Я выражаю сердечную благодарность за помощь всем этим людям:

Редактору Бэтти Бэллэнтайн за ее мудрость, терпение и долгие часы работы.

Норману Инджу, благодаря которому все и началось.

Мои аплодисменты Элизе Петрини за то, что помогла составить все фрагменты вместе.

Спасибо Кайл Кинг за ее волшебство; Джозефу Стерну за телефонный звонок; Джутит Уилок за ее усилия и прозрения; Эллен Нэйлл Хасс, доктору Эмме Меллон, Сюзан Гэррет, Розмари Пасдар, Эми Мак-Логгин и Мишель Маджон за то, что все они нашли время, чтобы прочесть мои черновики и высказать свое мнение.

Я крайне признательна всем родителям, поделившимся со мной историями своих детей.

Спасибо вам, доктора Хэйзел Деннинг, Уильям Эмерсон, Дэвид Чэмберлен, Винафред Блейк Лукас, а также Колетте Лонг за то, что сообщали мне о случаях и помогли консультациями.

Мой восторг и любовь Саре и Чейзу за то, что разрешили мне рассказать их истории.

Глубочайшая благодарность Стиву, моему соавтору в жизни.

Часть первая. Истории о прошлых жизнях

Глава первая. Чейз и Сара

«Сядь своей маме на руки, закрой глаза и расскажи мне, что ты видишь, когда слышишь те громкие звуки, которые так пугают тебя», – сказал Чейзу психотерапевт Норман Индж.

Мое сердце переполнялось волнением. Может, сейчас мы узнаем тайну истерического страха моего пятилетнего сына перед громкими звуками. Я мысленно вернулась на несколько месяцев назад, к Четвертому Июля, когда все это началось.

Четвертое Июля 1988

Каждый год мы с моим мужем Стивом устраиваем в нашем доме большую вечеринку в честь Четвертого Июля. Наши друзья всегда с нетерпением ждут этого дня, чтобы отпраздновать его вместе с нами. Вечеринка всегда заканчивалась походом на поле для гольфа, где собирался весь город, чтобы смотреть на фейерверк. За несколько недель до праздника Чейз возбужденно говорил о том, сколько радости доставили ему подобные зрелища во все предыдущие годы, особенно он любил фейерверк. Его глаза широко раскрывались, когда он вспоминал разноцветные огни, проносящиеся по небу. В этом году он рассчитывал насладиться долгим и красивым зрелищем.

Четвертого числа в полдень к нам пришли друзья с ракетницами, хлопушками и бенгальскими огнями. Сад скоро заполнился народом. Дети были повсюду – раскачивались на качелях, копались в песочнике и играли в прятки позади открытой веранды. Наши обычно тихие окрестности наполнились пронзительным смехом и криками детворы. Взрослые пытались расслабиться на веранде, в то время как малыши без устали носились вокруг дома, обычно с рыжеволосым Чейзом во главе.

И действительно, Чейз вполне оправдал свое имя¹. Он всегда находился в движении, был полон энергии и любопытства. Казалось, мы всегда отставали от него на два шага, стараясь поймать его, прежде чем он что-нибудь перевернет. Друзья подтрунивали над нами, говоря, что, выбрав имя *Чейз*, мы получили то, что хотели.

Наша девятилетняя дочь Сара и ее подружки удалились за дом, где уселись за свой собственный отдельный столик под елями, чтобы укрыться от глаз надоедливых родителей. Они могли развлекаться часами самостоятельно, украшая столик цветами и фарфоровыми игрушками. Это был их личный праздник, куда не допускалась «дикая» малышня. Единственный раз мы видели девочек тогда, когда они то забегали, то выбегали из комнаты Сары, примеряя различные наряды, бижутерию и шляпки.

Когда солнце опустилось низко за деревья, окрасив сад в оранжевый цвет, мы поняли, что пришло время собирать детей и отправляться смотреть фейерверк. Я ухватила Чейза, когда он пробежал мимо, стерла следы мороженого и торта с его лица и натянула чистенькую рубашку на его извивающееся маленькое тело. Вооружившись фонариками и теплыми пледами, мы присоединились к процессии, направляющейся к полю для гольфа.

Неизъяснимый страх

Чейз, крепко ухватив меня за руку, дергал ее то вверх, то вниз, шагая рядом со мной вприпрыжку. Старшие девочки из компании Сары создали свою собственную хихикающую шеренгу. Они сжимали в руках бенгальские огни, которые они смогут зажечь на поле для гольфа, как мы им пообещали. Мы пришли на наше любимое место как раз тогда, когда солнце садилось за грядой Блю Ридж Маунтинз, темневшей на горизонте. Там мы разостлали свои пледы на проверенном «стратегическом» склоне.

¹ *Chase* в переводе с английского означает «погоня», «охота», «преследование». – *Прим. перев.*

Со склона нам открывался вид на долину, заполненную людьми. Вскоре одеяла и шезлонги заполнили все поле. Мужчины и мальчики привели в действие свои петарды и ракетницы. Долина наполнилась громкими звуками, вспышками и дымом. Невдалеке бегали наши дети, вычерчивая в воздухе огненные круги и зигзаги бенгальскими огнями. Искры, разлетаясь во все стороны, одобритительно подмигивали маленьким проказникам.

Чейз, которого так и распирало от возбуждения и поглощенных им лакомств, носился то вверх, то вниз по склону, пока не подбежал ко мне и, обессилев, уткнулся лицом мне в колени. Все мы с нетерпением ждали, когда после этой шумной потехи начнется большое представление.

Вдруг пушечные залпы огласили начало настоящего фейерверка. Все небо осветилось от огромных ракет, разрывающихся в вышине. Толпа то ахала, то охала, наблюдая за фантастической сменой цветов. Впечатление усиливалось благодаря тому, что до нас доносились близкие залпы огромных ракетниц.

Но Чейз, вместо того чтобы наслаждаться зрелищем, вдруг начал плакать. «В чем дело? Что случилось?» – поинтересовалась я. Но он ничего не ответил, а стал рыдать еще громче. Я прижала его к себе, подумав про себя, что он возбудился сверх меры и сейчас громкие звуки испугали его. Но крики Чейза становились все более отчаянными и пронзительными. Через несколько минут я поняла, что он не скоро уймется, а его истерика нарастает. Решив отвести его домой, подальше от этого шума, я сообщила об этом Стиву и попросила его присмотреть за Сарой, пока не закончится фейерверк.

Короткая дорога к дому показалась мне очень долгой. Чейз то и дело приговаривал, что не может идти, и мне пришлось нести его на руках под гору. Но и дома Чейз не прекратил плакать. Я села на кресло-качалку и взяла его на руки. Здесь, на открытой веранде, среди беспорядка, оставшегося после вечеринки, я сидела и ждала, когда мой сын успокоится. Когда крики утихли настолько, что я могла задать ему вопросы о том, не забелел ли он, не ушибся ли, Чейз ничего не отвечал, а только отрицательно качал головой и всхлипывал. Когда я спросила Чейза, не напугали ли его громкие звуки, он только разрыдался сильнее. Я ничего не могла поделать – только прижимать его к себе и укачивать, глядя, как в вышину беззвучно взлетают огненные шары. Постепенно напряжение стало покидать тело Чейза, и он уткнулся лицом мне в грудь. Когда мои руки совсем затекли от тяжести его тела, Чейз забылся сном, и я смогла уложить его в постель.

Необычное поведение Чейза сильно меня озадачило. В своей короткой жизни с ним никогда не случалось столь долгой и сильной истерики. И он никогда раньше не пугался фейерверка. Да и вообще Чейза было нелегко испугать. Но вскоре я перестала ломать себе голову, объяснив себе все происшедшее тем, что Чейз был очень утомлен всей этой праздничной суматохой и беготней, а возможно, просто съел слишком много сладостей – что-то явно выбило его из колеи. В конце концов – такое случается с детьми.

Но через месяц все повторилось. В один из горячих августовских дней наша подруга пригласила меня с детьми провести несколько часов в закрытом бассейне. Чейз любит купаться и с удовольствием поехал туда. Но когда он подходил к бассейну и слышал громкие хлопки, которые производили ныряльщики, прыгающие с трамплина, у него снова началась истерика. Ухватив меня за руку, он засеменил к двери. Я пыталась успокоить его, объяснить, что здесь не происходит ничего страшного, но, поняв, что все мои уговоры пропадают впустую, я скоро сдалась и покинула помещение бассейна.

Я нашла стул в тени и, присев на него, спросила Чейза, что все-таки так пугает его. Но он не мог ответить на этот вопрос, хотя выглядел явно обеспокоенным и испуганным. Вскоре он перестал плакать, но даже тогда я не смогла уговорить его зайти в помещение.

Мы так и продолжали сидеть, не заходя внутрь, и я мысленно перенеслась в другое время, когда праздничный фейерверк, устроенный в честь Четвертого Июля, спровоцировал первый приступ истерики. Тут я поняла, что хлопки; доносящиеся от

трамплина, звучали почти так же, как разрывы праздничных ракет. Я снова спросила Чейза, не пугают ли его громкие звуки. В ответ мой сын, покорно покивав головой, ответил: «Да», но все равно отказался подходить к бассейну.

Итак, понятно – это были громкие хлопки! Но почему Чейз *вдруг* стал испытывать страх перед громкими звуками? Мой разум пытался сложить вместе все фрагменты. Я не могла припомнить ничего происходящего прежде, что могло бы вызвать столь болезненную реакцию на громкие хлопки. И это произошло уже во второй раз за месяц. Казалось, что страх пришел ниоткуда. Будет ли повторяться истерика при каждом громком звуке? Я была обеспокоена. Это могло перерасти в настоящую проблему! Если бы такое не повторялось, я могла бы надеяться, что он перерастет свой загадочный страх.

Вскоре нам повезло: через несколько недель нашим гостем стал замечательный человек и гипнотерапевт Норман Индж. Он остановился у нас в доме, когда проводил сеансы регрессии в прошлые жизни в Эшвилле. Норман стал нашим учителем, и все мы начали исследовать миры прошлых жизней.

Однажды Норман, Чейз, Сара и я сидели на кухне за столом, пили чай с пряниками и хохотали, слушая истории Нормана. Что-то вдруг напомнило мне о том, что Чейз уже несколько раз пугался громких звуков, и я спросила Нормана, что он думает по этому поводу. Он выслушал внимательно весь мой рассказ, а затем спросил, не будем ли мы с Чейзом возражать против маленького эксперимента. Я не понимала, что Норман подразумевает под «экспериментом», но чувствовала к нему такое доверие, что, не раздумывая, согласилась. Чейз также был рад испытать что-нибудь «новенькое».

Итак, не вставая из-за стола, Норман начал. Как я поняла позже, этот момент был поворотным пунктом в моей жизни. Прежде мне и в голову не приходило, что *дети могут помнить свои прошлые жизни*.

Чейз видит войну

«Сядь своей маме на руки, закрой глаза и расскажи мне, что ты видишь, когда слышишь те громкие звуки, которые так пугают тебя», – ласково сказал Чейзу Норман.

Я посмотрела на веснушчатое лицо Чейза. *Ничто* не могло подготовить меня к тому, что я вскоре услышала.

Маленький Чейз тут же начал описывать себя солдатом – взрослым солдатом, который нес ружье: «Я стою за скалой. У меня в руках длинное ружье с чем-то вроде шпаги на конце». Мое сердце вырывалось из груди, а волосы на руках становились дыбом. Сара и я взглянули друг на друга широко открытыми от удивления глазами.

«Во что ты одет?» – спросил Норман.

«На мне грязная, рваная одежда, коричневые ботинки, пояс. Я прячусь за скалой, приседая на колени и стреляя во врагов. Я на краю долины. Битва идет вокруг».

Я слушала Чейза, удивляясь тому, что он говорит о войне. Он никогда не интересовался «военными» игрушками и у него не было даже игрушечного пистолета.

Чейз отдавал предпочтение детским конструкторам; мог часами строить что-то из блоков «Лего». Время для просмотра телевизора было четко ограничено *Сезамской Улицей* и *Мистером Роджерсом*, и ни один из диснеевских мультфильмов, которые он видел, не отображал войну.

«Я за скалой, – сказал снова Чейз. – Я не хочу смотреть, но мне надо видеть, куда я стреляю. Дым и вспышки вокруг. И громкие звуки: вопли, крики, выстрелы. Я не уверен, в кого стреляю, – очень много дыма, столько всего происходит. Мне страшно. Я стреляю во все, что шевелится. Я совсем не хочу быть здесь и стрелять в других людей».

Несмотря на то, что у Чейза был детский голосок, его тон был серьезным и зрелым – нехарактерным для моего пятилетнего весельчака. Казалось, он чувствовал и думал то же, что и солдат. Он действительно не хотел быть там и не

хотел стрелять в других людей. Это была неприукрашенная картина войны или военной службы; Чейз описывал чувства человека, находящегося в пылу сражения, сомневающегося в необходимости своих действий и страшщегося мысли о том, что его могут убить. Эти чувства и картины исходили из некоего места, спрятанного глубоко в его душе. Чейз не выдумывал все это.

Тело Чейза выражало то, как глубоко он переживал эту сцену. Когда он описывал себя стреляющим из ружья, я чувствовала, как напрягаются все его мышцы. А когда Чейз говорил, что не хочет стрелять в других людей, его дыхание учащалось, а сам он сжимался, словно пытаюсь спрятаться от того, что он видел. Держа Чейза, я чувствовала его страх.

Норман также чувствовал волнение Чейза, который полностью вошел в роль солдата, убивающего других людей ради того, чтобы выжить. Он медленно стал объяснять Чейзу: «Мы живем много разных жизней на Земле. Мы по очереди играем разные роли, как актеры в пьесе. Иногда мы играем солдат и убиваем других в бою, а иногда убивают нас. Мы просто учимся, играя свои роли». Попросту говоря, Норман указал Чейзу на то, что он не виноват в том, что был солдатом. Он убедил Чейза, что он всего-навсего выполнял свою работу, даже если ему приходилось убивать других солдат.

Я чувствовала, как тело Чейза расслабилось, когда он слушал доводы Нормана, а дыхание стало более спокойным. Болезненное выражение вмиг исчезло с его лица. Слова Нормана явно помогали. Маленький Чейз понимал эти универсальные концепции.

Когда Норман увидел, что мой сын успокоился, то попросил Чейза продолжить рассказ о том, что он видел.

«Я присел на колени за скалой. Кто-то, выстрелив со стороны долины, ранил меня в правое запястье. Я ползу за скалой, зажимая запястье другой рукой. Из запястья идет кровь, у меня кружится голова.

Кто-то из моих знакомых тащит меня с поля битвы и несет туда, куда несут всех раненых солдат. Это не похоже на обыкновенную больницу – просто кровати под тентом. Кровати там тоже не похожи на кровати – это твердые деревянные скамьи, на которых очень неудобно лежать».

Чейз сказал, что у него кружилась голова и он слышал пушечные залпы, когда ему перевязывали кисть. Он также сказал, что испытал кратковременное облегчение, находясь вдали от битвы. Но вскоре ему снова приказали идти в сражение.

«Я возвращаюсь на поле битвы. Куры ходят по дороге. Я вижу, как везут телегу с пушкой на ней. Пушка привязана к телеге толстыми веревками. У телеги большие колеса».

Чейз рассказал, что ему приказали обслуживать пушку, стоящую на холме, откуда открывался вид на главное поле битвы. Ему явно не понравился этот приказ, и он повторял, что скучает по своей семье. Когда он упомянул о семье, мы с Норманом переглянулись.

Но, прежде чем нам удалось выведать у него новые сведения, Чейз заявил, что образы начинают исчезать. Он открыл глаза, обвел взором кухню, снова посмотрел на нас и улыбнулся. Детский румянец вновь вернулся на его лицо. Норман спросил, как он себя чувствует. Чейз ответил: «Хорошо», спрыгнул с моих коленей, ухватил пряник и побежал играть в соседнюю комнату.

Когда Чейз исчез за дверью, Норман, Сара и я обменялись изумленными взглядами. Я посмотрела на часы, вмонтированные в духовку плиты. Прошло лишь двадцать минут с того момента, как Норман велел Чейзу закрыть глаза. Мне же показалось, что сеанс длился несколько часов.

Норман прервал молчание, повисшее в кухне, попросив налить ему еще одну чашку чая.

Мы заговорили о том маленьком чуде, которое произошло только что перед нами. Норман выразил уверенность в том, что Чейз вспоминал прошлую жизнь. Он объяснил, что травматические события, пережитые в прошлых жизнях, такие, как

пребывание на войне, а в особенности – трагическая смерть, могут стать причиной фобий в нынешней жизни. Могли ли эти переживания стать причиной страха перед громкими звуками? Вполне. Норман сказал, что мы должны подождать и посмотреть, не исчезнет ли страх.

Норман признался, что никогда прежде не работал с такими маленькими детьми, и потому удивлен, насколько легко Чейз вспомнил прошлую жизнь – никакая гипнотическая индукция не была нужна. Очевидно, воспоминания Чейза находились близко к поверхности, и потому потребовался лишь легкий толчок, чтобы они полностью проявились.

Сара, которая все это время тихо сидела на стуле, прислушиваясь к разговору, вдруг начала подпрыгивать на месте: «Экзема на его кисти. Это то место, куда он был ранен!»

Она была права. Рана на кисти, как описывал ее Чейз, в точности совпадала с тем местом, где у него постоянно возникало раздражение. Экзема на его правой кисти возникла сразу же после рождения. Когда он уставал или расстраивался, то начинал расчесывать пятно до крови. Сара говорила в таких случаях, что он «сдирает себе кожу до мяса». Я часто перевязывала ему кисть, чтобы он не расчесывал ее столь безжалостно. Меня очень беспокоило его состояние, и я показывала Чейза нескольким дерматологам, но ни тесты на аллергены, ни соблюдение диеты, ни мази не помогли.

К нашему удивлению, через несколько дней после регрессии экзема совершенно исчезла, и ее рецидивов мы больше не наблюдали.

Страх Чейза перед громкими звуками также полностью прошел. Фейерверк, залпы и другие гроыхающие звуки никогда больше его не пугали. После регрессии Чейз очень полюбил играть на барабанах. Когда ему исполнилось шесть лет, на день рождения он получил в подарок набор барабанов. Сейчас он настоящий ударник, и наш дом ежедневно наполняют гроыхающие звуки.

Куклы под кроватью

Девятилетняя Сара внимала всему, что говорил Норман. И во время рассказа Чейза, казалось, она сама пребывала в трансе, впитывая каждое слово. Когда мы закончили прорабатывать переживания Чейза, она обратилась к Норману с просьбой провести то же самое с ней. Она призналась психотерапевту, что давно пытается побороть свой собственный страх перед пожарами.

Как и боязнь громких звуков у Чейза, страх Сары перед пожарами был необъясним. И хотя она призналась, что страдала от этой фобии уже давно, мы со Стивом узнали об этом только год назад, когда Сара решила провести ночь у своей подружки, Эйми, живущей в нескольких кварталах от нас. Девочки засиделись перед телевизором допоздна. В этот раз показывали фильм со сценами пожаров в домах. Сара пришла в такой ужас от этого фильма, что мать Эйми вынуждена была привезти ее домой посреди ночи, подняв нас с постели. Ничего подобного прежде не происходило, хотя Сара не раз проводила ночи дома у подружек.

Когда Сара появилась дома, ее глаза были красными от слез. Она сказала, что рыдала без удержу каждый раз, когда кто-то в фильме погибал в пожаре. Нас удивила реакция Сары, и мы спросили, случалось ли с ней подобное раньше. Тогда она призналась нам, что испытывала такой панический ужас перед пожарами, особенно перед пожарами в доме, что держала под кроватью специальную сумку, в которой находились все любимые игрушки и наряды Барби, чтобы все было под рукой, если придется спешно покидать дом. Нас это совершенно поразило, так как подобная предусмотрительность совершенно не вязалась с характером нашей независимой и гордой Сары. Откуда явился этот страх? Я не выпускала ее из объятий, пока девочка не успокоилась. Измотанная переживаниями, Сара наконец заснула. Но она нервничала еще несколько дней. Даже постоянные заверения в том, что сейчас она находится в полной безопасности, и проверка аварийных путей выхода не могли окончательно успокоить ее. Сара начинала дрожать каждый раз, стоило зажечь свечи за столом, и требовала, чтобы их тут же задули. Она не верила

нам, когда мы обещали ей, что сможем защитить ее даже в том случае, если дом охватит пламя.

Так же как и в случае с Чейзом, я думала, что Сара сможет перерасти свой страх перед огнем. В конце концов, многие маленькие дети страдают от необъяснимого страха перед различными вещами, который исчезает, когда они вырастают. Кроме всего прочего я просто не знала, что я еще могу сделать. Но сейчас Сара сама ухватилась за возможность избавиться от страхов, увидев, что Норман проделал с Чейзом. И Норман согласился. Не вставая из-за стола, Норман начал инструктировать Сару. «Закрой глаза. Ощути ужас перед пожаром. А сейчас скажи мне, что ты видишь».

Руки Сары покоились на столе. Она зажмурилась, пытаясь сконцентрироваться, и начала описывать то, что видела. Я до сих пор не могла прийти в себя от рассказов Чейза о войне – он говорил о ней как взрослый человек. Я даже не знала, чего ожидать от его старшей сестры. Мне оставалось лишь слушать и наблюдать.

Сара описала простой двухэтажный деревянный дом, «по форме напоминающий амбар», окруженный лесом и земельным наделом. Прямо перед домом проходила дорога, поросшая травой. Она увидела себя девочкой одиннадцати-двенадцати лет. Сара рассказала, что проводила большую часть времени в работе по дому – помогала своей матери, а иногда и отцу ухаживать за животными. Она не ходила в школу, так как ее родители не верили в «образование для девочек». Она увидела также младшего брата, который не мог помогать родителям. Чтобы разглядеть его пристальнее, Саре пришлось зажмуриться еще сильнее, и она сообщила, что тот страдал от какого-то увечья.

Вплоть до этого момента Сара сообщала обо всем этом как наблюдатель, не допуская никаких посторонних эмоций. Тут Норман предложил ей «продвинуться в то время, когда появился страх перед пожарами». Характер рассказа тут же изменился. Сейчас она говорила о юной девушке в настоящем времени. Она полностью вошла в ужас ее положения.

«Вдруг я просыпаюсь и слышу запах дыма – я знаю, что дом горит. Мне страшно. Меня охватывает паника. Я вскакиваю с постели. Пламя и дым везде. Я бегу через весь дом, ищу своих родителей. Лестничная клетка и поручни объаты пламенем. Сквозь щели между досками пола пробиваются тонкие языки огня. Подол моей ночной рубашки охватывает пламя. Я бегу в комнату родителей. Я ищу их везде. Их нет там! Их кровати застланы. Где же они? Я продолжаю бегать по комнатам, пока не оказываюсь отрезанной от остальной части дома в дальнем углу комнаты родителей. Почему они не приходят спасти меня? Почему они не вытащат меня отсюда?»

Сара замолкла, чтобы перевести дыхание. Она все еще склонялась вперед, упираясь руками в стол. Ее лицо было бледным, но ей удавалось контролировать его выражение. Она переживала это воспоминание всем своим существом, паникуя, как маленькая зверушка, загнанная в угол бушующим пламенем.

Я чувствовала, как страх, звучащий в ее голосе, затягивал меня в ее историю. Адреналин разносился кровью по всему моему телу. Сама атмосфера кухни была наэлектризована опасностью. Повинуясь материнскому инстинкту, я протянула руку, чтобы утешить Сару. Но другой голос во мне говорил, что не нужно прерывать поток воспоминаний. Я вопросительно взглянула на Нормана. Он прочитал в моем взгляде немой вопрос и кивнул головой, давая мне знать, что с Сарой все в порядке. Сара продолжала, заливаясь слезами:

«Горящая балка срывается с потолка передо мной и пробивает пол насквозь. Огонь везде. Выхода нет. Дышать очень больно. Я знаю, что сейчас должна буду умереть!»

Сара снова замолкла. Голова опущена на руки. Только сейчас я обнаружила, что давно задержала воздух в груди и выпускаю его со свистом. На кухне воцаряется тишина. Не слышно ни звука, кроме урчания холодильника.

Норман выждал минуту, затем спросил: «Что ты испытываешь сейчас?»

«Я чувствую, как парю над верхушками деревьев. Я легкая, как воздух. Я не испытываю никакой боли. Хорошо, что все кончилось. Это было ужасно».

Норман спросил, может ли Сара рассмотреть свою семью, оставшуюся на земле.

«Вот мой дом. Он полностью объят огнем. Крыша провалилась. Я могу различить свою семью в саду. Мой брат сидит на земле. Отец держит мать за плечи. Она рыдает и протягивает руки к дому».

Сара вновь разразилась рыданиями, описывая свою семью. Она сказала, что поняла, что те пытались спасти ее, но не смогли пробраться в дом из-за жара и пламени. Они были вне себя от горя, так как не смогли спасти свою дочь. Сара была глубоко тронута их чувствами. Прерывая свою речь всхлипываниями, она рассказала нам о том, что осознала, как сильно родные любили ее. Она поняла, что те просто ничего не смогли сделать, чтобы спасти ей жизнь. Она признала, что пришла в эту жизнь с ложным убеждением, что родители просто бросили ее на произвол судьбы.

Всхлипывания Сары наконец прекратились. Мы с Норманом сидели тихо и ожидали, пока она терла свои глаза. Затем Сара открыла их и взглянула на нас. Она несколько раз чихнула, после чего ее лицо расплылось в улыбке. Паника и страх прошли. Она выглядела умиротворенной.

Она прочла беспокойство на моем лице и поспешила уверить меня в том, что с ней все в порядке. Затем она еще раз рассказала о своих последних мгновениях перед смертью. Она сказала, что это произошло очень быстро, – в какие-то считанные секунды с того момента, как балка пробила пол рядом с ней, и до того момента, когда особо яростные языки пламени с ревом взмыли вверх. Она объяснила, что забежала в угол родительской спальни из чистой паники, так как у нее не было времени подумать о возможном пути отступления. Ее последней мыслью было найти своих родителей. Сара призналась, что предсмертные минуты были исполнены гневом по отношению к родителям, так как она была уверена, что те могли бы спасти ее, если бы захотели этого. Сара еще раз подтвердила, что этот гнев – свои предсмертные чувства и мысли – она пронесла с собой в эту жизнь, так как не могла разобраться из-за паники в том, что произошло на самом деле. Затем она объяснила, что ее страх перед пожарами в этой жизни напоминал ей о незавершенном событии из прошлой.

Мы с Норманом были поражены, что Сара сумела сама все истолковать. Она осознала сама, без всяких намеков с нашей стороны, что ее нынешние страхи имеют прямую связь с травматической смертью в прошлой жизни. Многие взрослые, вспомнившие прошлые жизни, не способны так скоро определить связь между прошлым и настоящим. Сара сделала это сразу же и самостоятельно.

Через несколько дней Сара распаковала сумку со своими куклами и нарядами, которую держала под кроватью. Ее «иррациональный» страх перед огнем исчез после этого сеанса. Но она до сих пор зажигает спички с большой осторожностью.

Интерлюдия

Через несколько дней после того, как Чейз и Сара вспомнили свою прошлую жизнь, Чейз был принят в детский сад, а Сара начала учиться в четвертом классе. Чейз с радостью ожидал посещения школы. Он ходил в маленькую альтернативную школу, где всячески! поощрялось занятие музыкой, устными рассказами и развивались творческие способности. Он любил диктовать свои рассказы учителю и особенно гордился сагой о двух проказливых хомяках, Ромео и Джульетте, которую прочли в классе как образец. Возвращаясь из школы, он вздох рассказывал о том прогрессе, который сделал их класс в создании макета среды обитания динозавров из папье-маше в натуральную величину. Чейз прекрасно себя чувствовал и быстро рос.

Сара училась в четвертом классе новой экспериментальной публичной школы. Она обучалась по ускоренной программе, где определенное время отводилось созданию независимых проектов. Это позволяло девочке чувствовать себя взрослой

и ответственной. Конечно же, начав замечать мальчиков, Сара стала переживать, что не может расти побыстрее. Она подолгу занимала телефон, судача со своими подругами об изменяющихся симпатиях и группировках в классе.

Все эти новые приключения помогли отвлечься детям от тех необычных экспериментов, которые с ними проделал Норман несколькими неделями раньше. Сеансы регрессий скоро стали для них «просто чем-то, что произошло».

Несколько раз Сара, Чейз, Стив и я говорили между собой и с нашими близкими друзьями об этих воспоминаниях. Но, в основном, истории не покидали пределов семьи. Мы не хотели разглашать их, чтобы не подвергать детей риску быть осмеянными или обвиненными в сочинении небылиц. Я опасалась, что насмешки могут привести к тому, что чудесные двери, вдруг открывшиеся в их прошлые жизни, столь же внезапно захлопнутся. Я проинструктировала Сару и Чейза, чтобы те никому не рассказывали о том, что вспомнили из своей прошлой жизни, не посоветовавшись со мной. Я объяснила им, что все происшедшее является реальностью, но для большинства людей это непонятно, а некоторые даже будут пытаться поднять их на смех. Дети поняли меня и с готовностью приняли мой совет.

Я часто думала об их необычайных воспоминаниях, и у меня в голове рождалось множество вопросов. Обладают ли также и другие дети памятью о своих прошлых жизнях? И если это так, лежат ли их воспоминания столь же близко к поверхности и являются столь же доступными, как и в случае с Чейзом и Сарой? Насколько часто детские страхи и проблемы физического развития коренятся в прошлых жизнях? Вопросов становилось все больше. Я хотела найти ответы, но через несколько недель Стив дал согласие работать в Пенсильвании, и через три месяца, в декабре, мы продали дом и переехали. Из-за всех этих пертурбаций у меня не оставалось ни времени, ни сил искать ответы на все эти вопросы.

Все мы испытывали чувство потери, покидая Эшвилл, но дети переживали это особенно остро. Ведь они здесь родились. Мы отложили отъезд до Рождества, когда Сара должна была пропеть сольную песню на рождественском концерте. В конце концерта одноклассники Сары подарили ей букет роз, и многие маленькие девочки, стоявшие на сцене, расплакались. Нам было грустно покидать столько близких друзей и этот уютный городок. Эшвилл был хорошим местом для нас.

Мы переехали в загородный каменный дом, которому насчитывалось больше сотни лет, расположенный возле Филадельфии. Он был окружен красивыми деревьями и тихими глухими улочками, по которым было безопасно разъезжать на велосипеде или кататься на скейте. Чейз и Сара пошли в новую публичную школу. Сара была разочарована тем, что парты в классах располагались рядами, а ученикам запрещалось разговаривать между собой во время уроков, но все же скоро привыкла к новой школе и приняла большинство ее правил. Чейз легко перенес перемену, и через несколько недель у обоих появились новые друзья.

С момента вселения в новый дом Чейз ни разу не вспоминал о своих регрессиях. Я решила, что он просто забыл о них. Но как-то утром, через несколько месяцев после переезда, когда шестилетний Чейз и я сидели за завтраком, мой сын обрушил на меня новые воспоминания из своей солдатской жизни. Разговор складывался примерно так:

«Мам, помнишь, как я видел себя солдатом, когда был с Норманом?»

«Да», – ответила я, удивившись, что он снова начал говорить об этом после того, как прошло столько времени. Я почувствовала, как покрываюсь гусиной кожей, но, начав глубоко дышать, чтобы успокоиться, взглянула Чейзу прямо в глаза.

«Мы тогда смешно говорили», – сказал Чейз, глядя сквозь меня.

«Что ты имеешь в виду? Вы говорили по-английски? На том, языке, на котором мы говорим?»

«Да», – ответил он, завертевшись, словно слегка сбитый с толку. – Но это было смешно. Мы не так произносили слова». Он снова запнулся, подбирая слова. «Знаешь, как говорят черные?» Я утвердительно кивнула. «Так я был черным».

Когда мне удалось немного оправиться от шока, я смогла произнести: «Ты был с другими черными солдатами?» – изо всех сил стараясь, чтобы мой голос звучал обычно.

«Да, там были черные и белые солдаты, они сражались вместе», ответил Чейз. Я наблюдала за его лицом. Глаза мальчика смотрели в сторону. Казалось, он разглядывает образы, появляющиеся в его уме, а затем рассказывает об этом мне.

Помня о вопросах Нормана, я спросила: «И что еще ты видишь?»

«Это все».

Больше ничего не было. Чейз потерял образы и снова вернулся к своей овсянке.

Меня застала врасплох неожиданная фраза Чейза, и я не смогла вовремя найтись. Я сожалела, что не сумела задать более подходящих вопросов и сделать все возможное, чтобы он продолжал говорить. Может ли он открыть еще что-то из своей жизни солдата? Возможно, эти воспоминания из прошлой жизни влияют на него таким образом, какого я не в силах понять? Возможно, существуют еще какие-то проблемы и эмоции из той жизни, которые должны всплыть в памяти. И почему этот отрывок воспоминаний появился перед мысленным взором мальчика во время завтрака? Насколько я могла судить, ничто не могло спровоцировать мысли Чейза устремиться в эту сторону во время нашего разговора. Может быть, он все время думал об этом? Мог ли какой-то случай в школе дать толчок воспоминаниям? Я не знала ответа. Это было тайной. Я хотела дожидаться другого случая, чтобы получить возможность задать Чейзу побольше вопросов.

Я присоединила этот новый кусочек информации о том, что Чейз был черным солдатом, к той картине, которая выплыла при беседе с Норманом год назад: поле боевых действий, описание полевого госпиталя, лошади, везущие пушки, ружья со штыками, прикрепленными к их дулам. И так как он говорил по-английски и был черным, стала размышлять я, солдат, которого вспоминает Чейз, был, очевидно, американцем. Эта деталь дала новый поворот всей истории. Мог ли он быть черным солдатом во время Гражданской войны? Испанско-американской войны? Первой мировой войны? Использовали ли лошадей для перевозки пушек во времена Первой мировой войны? Слабое знание истории подвело меня в этот раз.

По совпадению, следующий номер газеты *The Philadelphia Inquirer* вышел с иллюстрированной статьей, посвященной открытию местной выставки в память о солдатах Гражданской войны. Из статьи я узнала, что полки черных солдат сражались бок о бок с белыми солдатами, как и говорил Чейз. Я присмотрелась к лицам черных солдат, а затем перевела взгляд на рыжеволосого Чейза, чье лицо было испещрено яркими веснушками, и подумала, что Бог обладает довольно странным чувством юмора.

Эта статья дала мне возможность задать Чейзу дополнительные вопросы, касающиеся воспоминаний. Поскольку он еще не умел читать, я, не комментируя, показала ему фотографию, рассчитывая вызвать его реакцию. Я внимательно присматривалась к выражению его лица, в то время как он разглядывал фотографии. «Не напоминает ли тебе что-то эта картинка?» – наконец решилась спросить я.

«Ага», – ответил он без всяких эмоций. Он не собирался сообщить мне больше никакой информации, и потому я попыталась расшевелить его, заявив, что материал этой статьи совпадает с тем, что он рассказал мне вчера – как черные солдаты сражались плечо к плечу с белыми.

«Припоминаешь ли ты что-то еще?» – спросила я наконец.

«Вроде нет», – ответил мальчик. Это не сработало. Вчера его лицо приняло особое выражение – в нем появилась какая-то энергия и жар. Сейчас выражение было совсем иным. Итак, я отложила газету и перевела разговор на другую тему. Я не хотела подталкивать его или высказывать свое страстное желание узнать побольше. Я хотела, чтобы он спокойно рассказал о своих воспоминаниях снова, если они всплывут на поверхность.

«Куры гуляют свободно»

Февраль 1991 года был беспокойным временем для многих из нас. Конфликт в Ираке принес реальность войны в наши дома, а также впервые – в жизни моих детей. И хотя мы не смотрели телевизор, но внимательно прислушивались к сообщениям по радио и читали газеты. Тревога все нарастала. Каждый испытывал напряжение.

Однажды поздним вечером, когда мы слушали сообщение о бомбовой атаке Ирака, за окном раздался мощный раскат грома, рядом сверкнула молния и разразилась буря. Все мы вздрогнули, а Чейз начал плакать. Стив и я делали все возможное, чтобы разубедить наших детей в том, что война дошла до Филадельфии.

После того как началось наземное наступление войск, я подъехала на машине к школе, чтобы забрать Чейза. Когда он забрался в машину, то первым делом заявил: «Они никогда больше не заставят меня воевать». Не будучи уверенной, что расслышала слова сына правильно, я попросила его повторить их. «Они никогда больше не заставят меня воевать», – повторил Чейз всю фразу слово в слово.

«Что ты имеешь в виду?» – спросила я, пытаюсь «вычислить» контекст этого заявления.

«Я хочу проделать новую регрессию, как тогда с Норманом, когда я был солдатом. Я снова что-то вспоминаю. Ребята в школе все время говорят о войне, которую показывают по телевизору, а я постоянно думаю о том, что я видел, когда был с Норманом». Судя по всему, сообщения о военных действиях дали толчок новым воспоминаниям Чейза. Это был тот случай, которого я так долго ждала.

По дороге домой Чейз рассказал мне о том, что школа была разукрашена желтыми лентами, символизирующими поддержку американским войскам. Он сказал, что как учителя, так и ученики испытывали беспокойство из-за войны, но в то же время гордились тем, что американцы нанесли удар по Ираку. Это прославление войны, продолжал объяснять Чейз, вселило в него чувство тревоги. Он знал, что подобные чувства сродни тем временам, когда он видел себя как солдата. Зрелые рассуждения Чейза казались мне совершенно искренними, и я согласилась провести с ним регрессию.

Прошло уже два года с тех пор, как Чейз в последний раз говорил о своих воспоминаниях из прошлой жизни. За это время я прошла подготовку по гипнотерапии и изучила методы регрессии в прошлые жизни, которыми пользовались Норман Индж и доктор Роджер Вулджер. Я также ассистировала на сеансах регрессий у взрослых и прекрасно знала, насколько тяжелыми и травматичными могут оказаться воспоминания о прошлых жизнях. Но на личном опыте я убедилась также и в том, что регрессии в прошлые жизни – вполне безопасный процесс. Подсознание, содержащее память о прошлых жизнях, весьма селективно. Оно само решает, какие воспоминания стоит раскрыть для сознания. В этом процессе человеку позволено заходить не дальше, чем ему это необходимо в данный период. Я чувствовала себя уверенно, проводя Чейза по прошлой жизни. Я знала, что смогу справиться с любой ситуацией.

Я выждала, когда у нас появится свободный промежуток времени, затем отключила телефон и попросила Чейза улечься на кровать. Вспомнив, насколько легко Чейз и Сара пришли к своим воспоминаниям во время сеанса с Норманом, я решила следовать его примеру и не применять формальной индукции. Я предложила Чейзу просто закрыть глаза, сделать несколько глубоких вдохов и «снова отправиться к той сцене, которую ты видел, когда был с Норманом». В этот раз, когда восьмилетний Чейз рассказывал свою историю, я делала подробные записи.

«Не помню звуков, но вижу это. Вижу лошадей, проходящих по долине. На них сидят люди с ружьями, к которым прикреплены штыки. Вижу себя, прячущимся за скалой. Я сижу на корточках. Я чувствую грусть, страх, гордость. Солдаты на лошадях за нас. Сейчас я стою на коленях позади скалы. Выжидаю.

Все в дыму. Я не *стреляю*, я жду. Начал стрелять в неприятеля – у меня нет выбора. Я не нападаю, я защищаюсь. Всадники – белые, я – черный. Белые всадники на моей стороне. Слишком много чего происходит. Все смешалось. Я испугался до смерти. Он стреляет, попадает мне в кисть. Мне даже не больно. Все вокруг стало черным».

Чейз говорил тихо. Фразы были прерывистыми, словно мысли и образы неслись с потоком сознания не всегда последовательно. Казалось, что он наблюдал за историей, разворачивающейся в его мозге, докладывая лишь о ее отдельных фрагментах. Он видел и чувствовал гораздо больше, чем мог описать. Иногда он останавливался, и в его рассказе возникали пробелы. Я попыталась стимулировать процесс вопросами: «Что ты испытываешь? Что произошло потом?» Без этих деликатных толчков он мог бы застрять на одном месте.

Как и раньше, он вел свой рассказ детским голосом, но строил фразы как взрослый. Некоторые выражения поразили меня. В них попадались слова, далеко выходящие за пределы его привычного словаря.

Чейз лежал на кровати, и его тело отражало напряженность тех сцен, которые врывались в его память. Он застывал, когда говорил об испуге. Рассказывая о том, как ему в руку попала пуля, Чейз напрягся и вдруг замолчал. Его тело расслабилось, когда он объявил, что «отключился». Тонкий язык тела приносил новое измерение в этот захватывающий рассказ.

«А что ты испытываешь сейчас?» – поощрила я Чейза.

«Сейчас я снова иду сражаться. У меня на руке повязка. Я вижу лошадей, тянущих пушку и поднимающих облако пыли. Пушка лежит на телеге с большими колесами, она привязана к ней толстым канатом. По дороге разгуливают куры. Сейчас перерыв между боями. Я думаю о том, насколько несчастен я оттого, что иду воевать. Я не знаю, во что меня втянули».

После долгой паузы я спросила: «Что произошло потом?»

«Я снова на поле боя, стреляю из пушки, стоящей на вершине холма. Тяну за веревку, и пушка стреляет. Однако я не заряжаю ее. Я не могу стрелять из ружья из-за раненой руки. Мне страшно палить из пушки. Сейчас я знаю, каково другим, когда в них попадают. Им тоже страшно».

И снова Чейз делает паузу. Я спрашиваю: «Знаешь ли ты, почему воюешь?»

«Я не знаю», – бормочет Чейз.

Меня заинтересовали слова Чейза: «Я не знаю, во что меня втянули». И потому прошу его отправиться в более раннее время, предшествующее сражению. Я хочу побольше разузнать о жизни Чейза перед войной, понять, почему он все время повторял, что не хочет оставаться тут и стрелять в людей.

«Я в доме. Это мой дом. Что-то вроде хижины, сделанной из неотесанного дерева. Входная дверь ведет на крыльцо с поручнями. К ним привязывают лошадей. На крыльце стоит кресло-качалка, входная дверь находится посередине. Я думаю, что женат, да, я женат. У меня есть жена и двое детей. Я счастлив. Это перед войной. Мы живем там, где черные свободны. Я вижу свою жену, я смотрю на нее сзади. Она одета в голубое платье и белый фартук. Она носит платье с оборкой, а на ногах у нее черные ботинки. У нее прямые волосы.

Я вижу черного мужчину, сидящего на крыльце и курящего трубку. Это я. Я не молод – около тридцати, наверное. Я очень счастлив в этом городе, Я не родился здесь, но меня сюда привезли в крытой телеге, когда я еще был ребенком. Я художник и плотник. Я леплю горшки и продаю их. Я также делаю деревянные куклы для детей. За домом находится зеленая поляна, окруженная кустами. Это мое любимое место. Тут я леплю горшки.

Перед моим домом проходит глинобитная дорога, ведущая в город. Мой город очень дружелюбен, в нем много хижин и ферм. Куры гуляют свободно. Есть и другие черные, которые прекрасно ладят между собой. Название городка звучит вроде "Коллоссо", – Чейз немного напрягается, пытаюсь припомнить название.

«Это тысяча восемьсот шестьдесят какой-то год. Как раз перед войной.

Люди выстроились возле столба на перекрестке дорог. Это центр города. Они очень возбуждены, говорят о войне. Я читаю объявление, прикрепленное к столбу. На объявлении написано «ВОЙНА» и что-то напечатано мелкими буквами. Я не уверен, что умею читать, но знаю, что здесь говорится о добровольцах. Я тоже возбужден. Я доброволец. Подписываю бумагу. Я не знаю, о чем говорится в бумаге. Я не умею читать. Я покидаю семью. Это очень грустное время для всех нас, особенно для моих детей. Они плачут. Я очень грущу. Это самое грустное время в моей жизни».

И снова Чейз останавливается, почувствовав грусть. После длинной паузы я спрашиваю: «И что происходит?»

«Мы знакомимся с каким-то очень важным человеком, после того, как я вступил в армию. Наверное, с генералом. Он говорит о стратегии. Я знаю, что мне полезно выслушать его, но не могу сосредоточиться. Я все время думаю о своей семье. Я чувствую, что мною распоряжаются и мне это не нравится. Люди, окружающие меня, выглядят скорее грустными, чем испуганными».

Чейз замолкает, затем перескакивает к сцене в полевом госпитале. «Я ранен в запястье. Я нахожусь под большим куском ткани, натянутой на столбы. Это похоже на крытую телегу. Там много народа. Очень шумно. Вокруг идет война, слышны выстрелы. Кто-то накладывает повязку мне на запястье. Многие люди кричат – они испытывают страшную боль. Мне повезло, что я не так тяжело ранен, как остальные. Думаю, с кистью все будет в порядке. Мне не хочется возвращаться воевать. Я скучаю по своей семье. Я стою за пушкой. В меня попали!»

Чейз замолчал. Я почувствовала энергетический сдвиг. Пришло облегчение, словно легкий ветерок пролетел по комнате.

После перерыва Чейз начал говорить сам: «Я парю над полем битвы. Я чувствую облегчение оттого, что погиб. Я вижу внизу дым и битву. Когда я смотрю на поле битвы, все затихает и теряется в дыме. Ничто больше не движется. Я чувствую счастье оттого, что погиб. Я отправляюсь к иной, более счастливой жизни. Я пролетаю над своим домом. Я вижу жену и детей. Я прощаюсь с ними. Они не могут увидеть меня, так как я дух. Но они знают, что я мертв».

Чейз выглядел умиротворенным. Я позволила ему оставаться в таком блаженном состоянии еще минуту. Затем я спросила, что он вынес из той жизни, когда был солдатом. Его ответ поразил меня.

«Каждому необходимо побывать на войне. Война все расставляет на свои места. Не обязательно погибать на войне, но нужно испытать ее. Это учит тебя чувствовать, дает представление о том, что чувствуют другие. Это плохое место. Я пропустил Вторую мировую войну. Я находился тогда там, наверху, и ожидал своей очереди, чтобы возвратиться в более мирное время. У меня была еще одна короткая жизнь посередине».

Я слушала, открыв рот, как мой маленький сын говорит о вселенском равновесии и сострадании. Он говорил отнюдь не как семилетний ребенок. Его слова и голос звучали так, словно они исходили от древней души. Я не знала, что сказать. Где это было «там, наверху»? Где он ожидал очереди, чтобы прийти назад? Я хотела послушать еще, но он закончил говорить. Окно к этой тайне внезапно захлопнулось, и я знала, что не смогу больше его открыть.

Чейз открыл глаза и продолжал лежать на кровати. Казалось, что его мысли еще не вернулись сюда полностью, но он был спокоен. Я спросила, как он себя чувствует. Чейз ответил, что, вспомнив больше, чувствует себя лучше. Я обняла его и сказала, что он сейчас в безопасности, что ему не придется воевать больше, что всем нам ничего не грозит и что мы живем одной семьей. Чейзу это понравилось, и он обнял меня в ответ. Через минуту он соскочил с кровати, вылетел из спальни и побежал играть в свою комнату с новеньким конструктором *Lego*.

Сто одежек луковицы

Что-то необычное произошло в этот день. Я то и дело возвращалась мыслями к предыдущим словам Чейза: «Они больше никогда не заставят меня воевать!»

Теперь я поняла, что за ними крылось. Воспоминания о жизни солдата были слишком реальны для него. Страх, грусть и растерянность мирного человека, ставшего солдатом, поднялись слишком близко к поверхности сознания Чейза и, оказав влияние на его современную личность, сформировали мировоззрение.

Две регрессии Чейза в ту жизнь раскрыли по очереди слои эмоций, мыслей и образов. Подобно «одежкам» луковицы, снятые слои открывали доступ к другим. Норман помог Чейзу перевести первый слой эмоций на сознательный уровень – слой страхов, которые ожили благодаря громким звукам, напомнившим ему о битве. Когда Чейз признал свои чувства солдата, убивающего других во время битвы, его экзема – стигма раны – исчезла.

Военные действия на Ближнем Востоке воскресили в нем новый слой эмоций – чувство тоски по своей оставленной семье. Грусть Чейза перешла в облегчение, когда ему удалось продвинуться дальше в воспоминаниях о своей гибели и попрощаться с родными. На этом он смог закрыть свою жизнь как солдата, благодаря чему он, возвысившись над личной трагедией, осознал вселенское значение войны для развития души. Его личные страдания переросли в духовное осознание.

Соответствие между последним вариантом истории и первой регрессией было удивительным. Хотя от первой до последней регрессии прошло около трех лет, Чейз повторял описания образов и чувств почти слово в слово. Его словарный запас увеличился, благодаря чему текстура рассказа обогатилась, но не претерпела внутренних перемен. Воспоминания остались такими же. Он видел эти образы отчетливо, а затем описывал их.

Описание Чейза показалось мне точным отображением жизни солдата во время Гражданской войны. Его рассказ о том, как чувствовал себя оказавшийся в гуще битвы человек, которым «распоряжаются», был гораздо более реалистичен, чем те приукрашенные версии Гражданской войны, которые демонстрируют нам в кино и по телевидению. Обыденные детали придавали истории колорит и реалистичность: куры, которые гуляли свободно, оборочки на юбке его жены и ее черные ботинки, объявление о вербовке в армию, висящее на столбе, стоявшем в центре города, бумаги, которые он подписывал, хотя не умел читать, полевой госпиталь, сооруженный из столбов и натянутого холста, веревка, потянув за которую, можно было произвести выстрел из пушки (что соответствовало описанию пушечного механизма того времени, как я позже выяснила). Убедительность истории, потрясающая правдивость деталей, трагичность положения героя – все это сделало бы честь любому романисту. Но это исходило из уст семилетнего мальчика, который никогда не видел реалий войны.

Но главное – благоприятные последствия регрессий были вполне ощутимы. После последней регрессии Чейз стал более уверенным в себе и спокойным. Его больше не беспокоила война с Ираком, хотя мы все с облегчением вздохнули через несколько дней, когда с ней было покончено.

Глава вторая. Прелюдия

За год до того, как Норман провел Чейза и Сару через их прошлые жизни, он регрессировал меня через мои собственные две прошлые жизни. Благодаря регрессиям я исцелилась от двух хронических болезней и смогла объяснить себе видения, тревожные мысли и сны, преследовавшие меня с самого детства.

Если бы я сама не пережила еще раз события своих прошлых жизней, то случившееся тогда на кухне с моими детьми не представилось бы мне столь значительным. Но поскольку я прошла сквозь это сама, я смогла увидеть подлинность переживаний моих детей. Я смогла не концентрироваться на самом факте того, что дети вспоминают события прошлых жизней, а подметить тонкости процесса и те черты, которые поразили меня. Как легко всплывают на поверхность детского сознания эти воспоминания и до чего просто дети усваивают уроки из прошлых жизней! Я поняла, что этот процесс обладает огромным потенциалом для

всех детей. Я видела в регрессиях моих детей не изолированное событие, а пример того, как можно оказать помощь всем детям.

Описание моей регрессии демонстрирует, как выглядят воспоминания о прошлых жизнях, как можно ощутить их. Порой эта память расходится кругами непосредственно под поверхностью сознания, оказывая влияние на нынешнюю жизнь. Воспоминания из прошлых жизней у детей действуют примерно так же, как и у взрослых.

Мои похороны

Во время зимы 1986 года я так тяжело болела, что даже не знала, сумею ли выжить. Мне тогда было тридцать шесть лет. Это была третья зима, когда мне приходилось бороться с приступами астмы, плевритом, пневмонией и тяжелым бронхитом. Мне было так трудно дышать, что Стиву приходилось буквально заносить меня на второй этаж, в спальню. Одолеть лестницу самостоятельно было не в моих силах. Мой надрывный отрывистый кашель разносился по всему дому днем и ночью.

Ничто не могло избавить меня от кашля, даже специальная микстура с наркотическим веществом и гора таблеток от кашля, возвышающаяся на моем ночном столике. Мне прописали такое количество лекарств, которые я должна была принимать через различные промежутки времени, что мне просто не удавалось проследить за этим. Стив попытался помочь мне, нарисовав таблицу приема различных препаратов и прикрепив ее рядом с кроватью. Но это не помогло: я была так слаба, что не могла разбирать слова и цифры на таблице. Так что Стиву пришлось самому следить за приемом таблеток.

Облегчение приходило, лишь когда я ненадолго засыпала, но и сны перебивались приступами мучительного кашля. Измученная болезнью и отравленная медикаментами, я не могла заботиться о шестилетней Саре и трехлетнем Чейзе. Стив разрывался между работой, заботой обо мне и детях. Но, как бы он ни старался, ворох грязного белья становился все выше, детские игрушки были разбросаны по всему дому, а Сара и Чейз страдали от недостатка внимания. Я забыла о том, что такое порядок, и просто не имела *ат* справиться с самой легкой работой.

Мне нужно было соблюдать строгий постельный режим либо дома, либо в больнице. Я не хотела ложиться в больницу, но знала, что все равно не смогу уделять внимание Саре и Чейзу, где бы ни находилась. Итак, мы позвонили по телефону моим родителям и попросили их забрать к себе детей, пока я не выздоровею. Холодным январским днем Стив отвез Сару и Чейза в аэропорт и посадил их на самолет, летящий до Нью-Йорка. Я была слишком слаба, чтобы беспокоиться о своих близких, едущих по опасным обледеневшим дорогам, и чувствовала лишь облегчение при мысли о том, что мне предстоит заботиться лишь о себе и ни о ком другом.

В нашем доме никогда прежде не царила такая тишина. Я лежала в постели и, с трудом делая каждый вдох, слышала, как скрипели мои легкие, словно ржавые дверные петли. Мой одурманенный лекарствами мозг усиливал все звуки, раздающиеся вокруг: шипение радиатора, гул проезжающих мимо дома машин, лай соседского терьера. Когда ветер усиливался, наш старый дом скрипел и стонал, а верхушки елей за окном изгибались в диких спазмах. Я была благодарна, по крайней мере, что нахожусь в теплой спальне и не должна выходить на стужу. В промежутках между приступами кашля я наблюдала за тем, как тают под лучами восходящего солнца ледяные разводы на стеклах. Часы и минуты не имели для меня значения. Я отсчитывала время по рассвету, наступлению дня, приходу сумерек и наступлению ночи.

Однажды во второй половине дня, когда в комнате начало темнеть, а тени, отбрасываемые мебелью, становились все глубже, я лежала совершенно измученная и отчаянно мечтала о сне. Приступы кашля не позволяли мне забыться

на протяжении всего дня, и мой разум часами балансировал в сумеречной зоне, разделяющей состояния сна и бодрствования.

В ту же минуту, когда усталость победила и я стала погружаться в сон, перед моим мысленным взором предстал образ хрупкого мужчины средних лет. Вначале я видела только его лицо: взгляд темно-карих глаз пронизывал меня насквозь. Я пыталась удержать видение и подробнее рассмотреть его. Образ был реален и отчетлив. Я сосредоточилась на нем и уже через несколько минут смогла различить фигуру человека и комнату, в которой он находился. Он лежал на кровати, одетый во все белое. Его тело со всех сторон было обложено подушками. Я слышала, как он кашляет, с трудом вдыхает воздух и сплевывает кровь в носовой платок. Женщина, одетая в платье, сидела у его изголовья. На ее лице застыло тревожное выражение.

Я в это время тоже лежала на кровати и с трудом дышала. Его положение показалось мне до странности знакомым.

Сила видений притягивала меня – в них была реальность и от них исходил свет, несвойственный для дневной дремы. К тому же я знала, что не сплю, так как слышала лай соседского пса под дверью дома. Я забыла о боли и кашле. Прошло напряжение, и дыхание стало более медленным. Я не двигалась, закрыв глаза, сконцентрировалась на образах и направила на них все свое внимание.

Все в этой картине было для меня необычайно знакомым: и резная кровать, и белоснежное белье, и женщина, сидящая рядом, и лицо умирающего – особенно его глаза, в которых отражалась душа. Когда я позволила себе проникнуть глубже в видение, я *почувствовала*, что все это мне знакомо.

Я содрогнулась всем телом от шока узнавания, словно прикоснулась к обнаженному проводу. В одну секунду я поняла, что я была этим мужчиной, что я существовала в ином времени, на другом плане. Вначале истину постигло мое тело, лишь затем мозг смог зарегистрировать этот факт. Это было потрясающее узнавание, как если бы вы случайно столкнулись на улице с другом, которого не видели многие годы. Вначале появляется ощущение чего-то знакомого, и лишь затем вы припоминаете сознательно, где и когда встречались с ним.

Эта странная узнаваемость потрясла меня. И когда я наконец признала, что вижу саму себя в прошлой жизни, мысль, завершающая историю, пришла мне в голову. Этот мужчина (может, лучше сказать я?) умер от чахотки в тридцать с лишним лет, примерно в том возрасте, в который вступила сейчас я.

Мне потребовалась минута, чтобы полностью осознать эту новую мысль. В процессе осознания кадры в моей голове сменились, и передо мной предстала новая сцена – похороны. Я увидела погребальную процессию – лошадей, везущих кареты, мужчин и женщин, одетых в наряды девятнадцатого века. Наблюдая сверху, я увидела, как процессия свернула к кладбищу и прошла сквозь кованые железные ворота, прикрепленные к каменным столбам. Кладбище выглядело как парк – там было много тенистых деревьев и мавзолеев. И снова перспектива сместилась. Я увидела вблизи одетую в длинное платье женщину, которая ухаживала за покойным в последние минуты его жизни. Ее лицо было прикрыто вуалью, к глазам она прижимала носовой платок. Вид этой сраженной горем женщины поднял во мне волны невыразимой грусти и тоски. Пытаясь справиться с этими непрошеными чувствами, я потеряла концентрацию. Видение тут же исчезло, как и появилось.

Я открыла глаза и оглядела свою комнату, стараясь закрепить в настоящем. Неяркий свет проникал сквозь занавески, соседский терьер до сих пор лаял.

Еще одна мысль заставила меня похолодеть: если я действительно была тем мужчиной, умершим от подобного состояния приблизительно в моем возрасте, то неужели я тоже обречена умереть сейчас от заболевания легких? Было ли это видение моей собственной неизбежной смерти? Мне стало страшно. Я не могла перенести мысль о том, что мне суждено умереть и оставить детей и мужа одних.

Сквозь мой мозг в беспорядке проносились мысли. Была ли это обычная галлюцинация, вызванная утомлением и приемом лекарств? Я предпочла бы считать, что просто вообразила себе все это, что скоро все развеется. Но видение пробудило во мне слишком сильные чувства, чтобы можно было разом отделаться

от них. Эмоции были слишком знакомы, словно я испытала их когда-то, но забыла. Образы отличались четкостью, которую можно увидеть лишь в жизни. В них не было сумбура и сумятицы, сновидений и галлюцинаций.

Но что мне оставалось делать со всей этой информацией? Если я повторяла паттерн прошлых жизней, как я могла разбить этот шаблон и избавиться от цикла болезней?

Когда Стив возвратился домой этим вечером, я все рассказала ему о своем видении. Он не знал, что думать о всем этом. Но он считал: если я верю, что видения, явившиеся из моей прошлой жизни, помогут мне исцелиться, он будет только счастлив поддержать мою надежду. На следующий день я послала его в местную библиотеку отыскать книги, касающиеся вопроса перевоплощений, могущие пролить свет на эту тайну. Он нашел там книги по переселению душ и теологические дискуссии по этому вопросу, но ни в одной из них не говорилось о том, что означает, если ты вспоминаешь свою прошлую жизнь. Стив вернулся из библиотеки с пустыми руками и расстроенный. Что ж, придется мне искать ответ самостоятельно.

«В недвижной точке вращающегося мира...»

В последующие дни я лежала в кровати, не в силах ничем заняться. Я была слишком слаба, чтобы читать, и, к своему большому огорчению, обнаружила, что разговор по телефону, длящийся более пары минут, вызывал приступы невыносимого кашля. Все, что мне оставалось делать, – это наблюдать за верхушками елей за окном, любоваться солнечными пятнами, ползущими по стене, – и думать.

Вопросы о перевоплощении и смерти кружились в моем неугомонном мозге. Картины моих похорон в прошлой жизни стояли перед моим мысленным взором – реальные и яркие. И предчувствие неминуемой смерти разливалось холодом по моему телу. Сейчас, когда я так тяжело болела, понимание перевоплощений обрело особый смысл и значение для выживания.

Я подумала об иудейских традициях моей семьи, о религии, которую я исповедовала в детстве, чтобы решить, не забыла ли я с тех пор чего-нибудь такого, что могло бы помочь мне сейчас. Я никогда не могла постигнуть мысль о том, что существование заканчивается со смертью. Мне также всегда казалась бессмысленной идея, что человек рождается в страданиях, живет, умирает и больше ничего. Но иудаизм никогда не мог дать мне адекватный ответ о смерти и жизни после смерти, в нем также ничего не говорилось о перевоплощениях. То же самое относилось и к христианству, которое исповедовали мои друзья.

Когда я была маленькой девочкой, наш раввин произнес слова, которые запомнились мне навсегда: «По мановению Божьей руки вы могли бы оказаться рожденными в Индии и погибать от голода». Я не понимала этого. Почему, думала я, Бог может решать, кому следует даровать хорошую жизнь, а кому – плохую? Мне повезло, это хорошо, но почему же другим не посчастливилось? Неужели наши судьбы зависят от Божьего каприза? Мне, ребенку, это просто казалось бессмыслицей.

В довершение ко всему, мои подружки-католички пугали меня своими вариантами рая, ада и чистилища. Смерть в их представлении была чем-то ужасным, так как душа может навсегда попасть в очень плохое место. В их представлении, дорога в рай была совсем не простой – только небольшому проценту людей удавалось осилить ее. Итак, сделай я что-то дурное – и это обречет меня на вечные муки?

Одним дождливым днем мы играли в нашем гараже с соседскими ребятами, как вдруг одна девочка встала и объявила, что мы обязательно попадем в ад, так как евреи не признали Иисуса Христа Спасителем. Ее слова разъярили меня. Это было несправедливо. С этого момента я отказывалась признавать их версию загробной жизни! Если они не дают мне никакого шанса лишь потому, что я еврейка, что ж, мне

безразлично, что они думают о том, что происходит после смерти. Это была последняя капля!

Затем мои мысли поплыли в другую сторону, к тому времени, когда я училась в колледже Симона в начале шестидесятых и впервые познакомилась с поэзией Элиота, с его шедевром «*Четыре квартета*», поразившим меня. Мой преподаватель, Конрад Сноуден, высокий представительный негр, обладающий незаурядным интеллектом, стоял перед нами и держал в руках книжечку Элиота, словно Моисей с Десятью Заповедями. Мы застыли на стульях, трепеща. Он заворочил нас своим магическим и страстным голосом, прочтя всю поэму. Исполненные тайны слова «*Квартетов*» звенели в моих ушах: «В моем конце – мое начало... чтобы обладать сознанием, не нужно быть во времени» [1].

Эти две фразы я никак не могла забыть, они звенели в моей голове и сопровождали меня повсюду, подобно мелодии. Правда, таящаяся в этих строках, глубоко запала мне в душу и требовала от меня понимания. «В моем конце – мое начало... чтобы обладать сознанием, не нужно быть во времени». Месяцами я носила книжку Элиота в своем рюкзаке, надеясь, что это поможет проникнуть в тайну запомнившихся мне строк.

Тем летом я с несколькими подружками отправилась на Плам-Айлэнд, расположенный на север от Бостона, где еще сохранилась нетронутая природа, чистые дюны и пляжи. Весь вечер и всю ночь мы хохотали, рассказывали истории, ели китайские блюда и играли в разные игры среди темнеющих дюн. Ночное небо было особенно чистым, и звезды казались гораздо более яркими, чем в дымном небе над Бостоном. Когда первые лучи солнца озарили небо над океаном, я решила, что достаточно наобщалась, и, покинув друзей, поднялась на дюну, чтобы полюбоваться восходом и послушать шум океанского прибоя.

Когда оранжевая полоска солнечного диска проклюнулась над горизонтом, я почувствовала странный гул в ушах, и все вокруг меня начало искриться и мерцать. От горизонта исходило сияние. Затем все переменялось совершенно необычным образом. Моя усталость, гипнотизирующий шум прибоя, отблески восходящего шлица на воде переместили меня в совершенно неведомое мне раньше состояние сознания.

Я не просто видела с помощью глаз – я постигала все окружающее меня. Я видела, ощущала, становилась песком, волнами и бесконечным оранжево-розовым небом. Мое тело все еще сидело на дюне, но я не могу сказать, что «я» сидела там, так как внезапно я превратилась в чистую энергию, и все окружающее также стало энергией, струящейся по мне и вне меня. Все то, что я всегда считала плотным веществом, превратилось в цельное отражение этой золотой энергии. Казалось, мое тело полностью растаяло и я превратилась в единое целое с песком и прибоем, а затем, на одно мгновение, слилась со всем Мирозданием. Я ощутила, что невероятно увеличилась. В моем теле находились миры, которые были больше «меня», я была гораздо больше той «Кэрол», с которой привыкла себя отождествлять. Легкость и радость хлынули в мой мозг, и я поняла, действительно поняла, что являюсь частью чего-то гораздо большего, чем мое ограниченное я.

Тут же я осознала, что энергия, которую я ощутила в себе, никогда не исчезнет. Умереть может лишь тело, тогда как суть, пронизывающая все, но каким-то образом сфокусированная в моем теле, будет существовать вечно. «В недвижной точке вращающегося мира нет ни плоти, ни плотского. Нет ни вперед, ни назад в недвижной точке, где существует танец...» [2]. Слова Элиота наконец обрели смысл!

Этот момент откровения, это блаженство были внезапно прерваны вспышкой молнии, прорезавшей небо. Мои друзья подбежали к дюне, на которой я сидела, и закричали, что собираются отправиться обратно в город, так как к острову приближается шторм. (Шторм так и не разразился.)

По дороге в Бостон я пыталась описать этот «момент вечности» своим друзьям. Они не могли понять, шучу ли я или говорю всерьез. Как я ни старалась, у меня ничего не получалось – все звучало фантастично, даже для меня самой. Но это не

было фантазией. Не было шуткой. Не было иллюзией. Все было реально – более чем реально. Все, что я пережила, не давало покоя мне несколько дней, и я никогда не забывала этого чувства. И сегодня я могу перенестись на тот пляж и ощутить неопишное счастье тех блаженных мгновений.

На следующий день я гуляла по Гарвард-сквер, все еще оглушенная тем необыкновенным переживанием и в отчаянии, что не могу подобрать слов, чтобы описать все это. Я зашла в одно из своих любимых мест – книжный магазин «Сфинкс» – и без всякой мысли вытащила наугад одну из книг, стоящих на полке. Я раскрыла ее и начала читать со середины. Слова словно ударили меня током – они в точности описывали то, что я пережила на берегу. «Твое собственное сознание, сияющее, пустое и неотделимое от Великого Тела Сияния, не имеет ни рождения, ни смерти и есть Неизменный Свет» [3]. Книга называлась «*Тибетская Книга Мертвых*».

На следующей неделе я отложила в сторону «*Четыре квартета*» и ушла с головой в чтение «*Тибетской Книги Мертвых*». Я поняла, что в ней говорится не столь о смерти, как о той части нас самих, которая никогда не умирает, – о сознании.

Для буддистов сознание является непрерывным континуумом, который существует вечно, даже после того, как мы умираем. Возрождение является само собой разумеющимся фактом. «*Тибетская Книга Мертвых*» описывает стадии, через которые проходит сознание непосредственно перед моментом смерти и сразу же после смерти. В ней рассказано о том, какое путешествие совершает душа, покинув тело, и о возвращении ее в матку для нового воплощения. Этот древний текст, написанный мудрецами Тибета, предназначен для того, чтобы его читали человеку, находящемуся на пороге смерти, и его душе после того, как она покинет тело. В нем содержатся детальные инструкции, касающиеся стадий сознания, сквозь которые проходит душа в своем путешествии после смерти и перед возрождением. Они называются состояниями *бардо*.

Согласно «*Тибетской Книге Мертвых*», самая важная стадия покинувшей тело души – это время, близкое к моменту смерти. В момент, непосредственно следующий за смертью, душа с наибольшей полнотой осознает свою божественную и вневременную природу и единство с Великим Телом Сияния. Слова, эхом отозвавшиеся в моей душе, когда я впервые раскрыла книгу, описывали величайшие моменты озарения. Они были столь красноречивы для меня, поскольку в тот момент на берегу я попала в *бардо* и поняла вневременность существования.

Знакомство с «*Тибетской Книгой Мертвых*» привело меня, в свою очередь, к изучению таких древних текстов, как «*Упанишады*» и «*Бхагавадгита*». Я, пользуясь любым доступным источником, пыталась понять, что такое непрерывность сознания и механизм перевоплощений. В «*Упанишадах*» говорилось о возрождении в поэтических выражениях. Там есть такие строки: «Подобно злаку человек созревает и падает на землю; подобно злаку он восходит вновь, когда приходит его время» [4].

Но эти буддистские и индуистские тексты, несмотря на всю свою великую мудрость, не могли вполне удовлетворить меня, современную женщину. Смысл, который я в них искала, был затуманен религиозной доктриной, остававшейся мне непонятной. В древневосточных текстах подчеркивалась необходимость дисциплинированной жизни – как единственный путь, ведущий к просветлению и освобождению от цикла перевоплощений. Но эта дисциплинированная жизнь описывалась в терминах, совершенно чуждых мне, студентке бостонского колледжа семидесятых. Я никогда не могла представить себя ведущей дисциплинированную монашескую жизнь.

Затем, как-то утром в колледже, я с удивлением натолкнулась на английских поэтов-романтиков девятнадцатого века. Эти поэты – Вордсворт, Колридж и Блейк – описали свои видения, схожие с представлениями тибетских мудрецов. Я почувствовала облегчение, обнаружив восточный мистицизм в западной литературе, созданной людьми, говорящими на том же языке, что и я. Эти поэты писали о бессмертии души, о том, что суть, заключенная в нас, является вневременной, вечной и божественной. «Я не видел Бога и не слышал никакого Бога в

ограниченном органическом восприятии; но мои чувства обнаружили бесконечность во всем», – писал Уильям Блейк [5].

Прочтя это, я посвятила следующие три месяца тому, что выписывала строки из поэзии Блейка и «Тибетской Книги Мертвых» для сравнения. Эти записки стали для меня священной попыткой прояснить и объяснить тот луч просветления, который преобразил весь мир, когда я сидела на дюне.

Все эти поиски и исследования смысла смерти и перевоплощения помогли мне ответить на некоторые вопросы и укрепить свои убеждения новым каркасом. Но все же я была растеряна: я не знала, как использовать это в своей жизни. Если часть меня всегда существовала в иные времена, в иных жизнях, как это могло повлиять на мою нынешнюю жизнь в практическом смысле? И если рисунок мыслей и переживаний переходит из жизни в жизнь, то как мы можем его изменить? На эти вопросы у меня не было ответов. Но так как я лежала в постели с картиной умирающего мужчины перед своим мысленным взором, вопрос о перевоплощении стал для меня личной реальностью. Мне нужно было знать больше. Моя жизнь зависела от этого.

Ширма его незаурядного таланта

Я не умерла той зимой. После того как я увидела видение, мое здоровье пошло на поправку. Безусловно, все дело могло быть в лекарствах и отдыхе. Не берусь утверждать обратного. Когда приступы кашля ослабели, я смогла подолгу высыпаться. Это был благословенный, ничем не прерываемый сон. Мои силы восстанавливались с каждым днем. Примерно в это же время Сара прислала нам письмо из Нью-Йорка, в котором сообщала, что дедушка с бабушкой заботятся о ней, но добавляла: «Когда дедушка и бабушка поправляют мне одеяло, я не чувствую себя хорошо. Я жду не дождусь, когда сойду с самолета и увижу вас».

Я поняла, что мне стало гораздо лучше, когда мои мысли приняли иной оборот. Меня стали беспокоить такие бытовые вещи, как уборка дома, стирка грязного белья, которое скопилось за время болезни, и способность восстановить физическую форму, чтобы управляться с Чейзом. Через несколько недель Стив отправился в аэропорт и вернулся оттуда с Чейзом и Сарой. Я долго и крепко обнимала их, мысленно возвращаясь в те мрачные дни, когда казалось, что мне суждено навсегда с ними расстаться. Я была счастлива и благодарна судьбе.

К тому времени, как в саду расцвели нарциссы, я полностью поправилась. Я не помню другой такой прекрасной весны. Эшвилл сиял розовыми, пурпурными и красными азиями, а цвет кизила висел белыми созвездиями среди деревьев парка. Я наслаждалась теплом и солнцем, как никогда раньше, и благодарила Бога за каждый безболезненный вздох, который я делала. Весна и мои силы расцветали, а страхи, пришедшие с болезнью, отлетали, как дурной сон. Но когда наступила осень и в цветах созрели семена, я снова задумалась о своем здоровье и стала беспокоиться о том, удастся ли мне пережить эту зиму. Я вспомнила о своем видении и пожелала, чтобы все дурные предчувствия рассеялись, как дым, хотя в глубине души знала, что этого не произойдет. Казалось, что что-то еще осталось неразрешившимся, но я не знала, что именно. Я молилась, чтобы ко мне пришло понимание и здоровье.

В октябре наш близкий друг, Розарио, которому я поведала о видении, явившемся мне во время болезни, позвонил, чтобы сообщить интересную новость. Он только что познакомился с гипнотизером из Флориды, который сейчас находился в Эшвилле и проводил сеансы регрессий в прошлые жизни. Возможно, этот человек смог бы помочь мне понять мое видение и разорвать круг болезней. Без колебаний, даже не зная, что такое регрессия в прошлую жизнь, я позвонила гипнотерапевту Норману Инджу.

Утром следующего ясного осеннего дня, когда во всей красе горела красная листва на кленах, Норман Индж появился у моей входной двери. Я была тут же заинтригована его лукавой улыбкой, искрящимися глазами и серебристыми прямыми волосами. Мы разговорились, и Норман описал мне свою необычную родословную.

Он был выходцем с Гавайских островов и происходил от древнего рода *кахуна* – духовных целителей с Гавайев. По традиции *кахуна* Норман научился древней мудрости от своего отца и деда. Эти традиционные знания в комбинации с гипнотерапией и психолингвистическим программированием расширили его возможности как целителя. Меня так заинтриговал рассказ Нормана, что я забыла обо всем на свете.

Норман начал проводить сеанс с простого упражнения по релаксации. Пока я полулежала на кушетке и прослушивала кассету с успокаивающей музыкой, Норман инструктировал меня, как следует фокусироваться на дыхании и сознательно расслаблять каждую часть тела. Вскоре я полностью расслабилась. Тогда Норман повел меня за собой на воображаемую прогулку. Пройдя мимо мирного пейзажа, я должна буду спуститься вниз по воображаемой лестнице. Норман предупредил меня, что, достигнув последней ступени, я окажусь в иной жизни.

Бледные образы тут же возникли в моей голове – образ того же хрупкого мужчины, которого я видела во время болезни несколько месяцев назад. Голос Нормана казался утешающим, когда достиг моего сознания: «Опишите то, что видите, – сфокусируйтесь на образах». Когда я последовала совету Нормана, картина изменилась – перестала быть расплывчатым видением, образы стали четкими и полными жизни. Иногда сцены поочередно сменяли одна другую, как в кино. Иногда картинка застывала, и я могла проследить за чувствами, которые у меня возникали.

Норман сопровождал меня все время. Образы менялись. Я уже была не умирающим человеком, который лежал на кровати, а им же, но в детстве. «Я вижу себя ребенком. Я одет во все белое и сижу на высоком стульчике. Моя мама кормит меня кашей. Я вижу отца и сестер, сидящих тут же за столом». Я описала Норману, как я чувствую себя, будучи ребенком, окруженным морем любви и заботы.

В моей голове прозвучал скептический голос: «Ты все это сочиняешь». Но притягательная сила образов и эмоций победила мой сомневающийся рассудок. Скептический голос становился все тише, пока не исчез, а я погружалась все глубже в видения, замороженная словами Нормана: «Что вы испытываете? Что вы чувствуете?»

После нескольких минут фокусировки я перестала просто смотреть кинофильм, разворачивающийся перед моим мысленным взором. Я стала настоящим героем истории, испытывающим полноценные чувственные переживания. Я могла «видеть» глазами этого человека, я могла слышать его ушами, я испытывала любовь, кипящую в его сердце, и я знала, о чем он думает. Но самым удивительным было то, что я могла быть попеременно то посторонним наблюдателем, то вновь оказываться внутри тела или даже находиться одновременно по обе стороны. Я могла выпрыгивать из своего тела и наблюдать за собой из любой точки. В этом измененном состоянии я обладала сюрреалистическим всеведением. Я имела доступ ко всему, что человек знал, понимал и переживал, и в то же время могла наслаждаться более широкой перспективой, понимая ход его жизни даже лучше, чем он сам.

В то же время, будучи поглощенной видениями, я прекрасно осознавала, что нахожусь в своей комнате вместе с Норманом. Я слышала, как где-то звонит телефон, но он звонил очень далеко, и это не имело никакого значения. Все происходило так, словно я бодрствовала во сне и могла направлять внимание сознательно туда, куда хотела. Это был сенсорный парадокс – стоять обеими ногами в разных реальностях.

Сцены в моем мозге продолжали развиваться, и я увидела себя десятилетним мальчиком. Я находился в комнате со сводчатыми потолками и высокими окнами. Глиссандо солнечного света падало из окна на рояль, стоящий посреди комнаты. Рядом со мной, положив мне на плечо руку, стоял пожилой мужчина. Я знал, что этот добрый человек был моим любимым учителем музыки. Тепло наполнило все мое тело, когда я подумал о моей семье и музыке. Моя жизнь состояла из смеси любви и музыки. Я испытал счастье.

«И что произошло потом?» – спросил Норман, разбивая чары.

«На семейном совете было принято решение, что я должен уехать в город, чтобы продолжать изучение музыки. Я горд тем, что мне придется уехать». Я ощутила, как сжалась моя грудь и на глаза накатились слезы. Я должен была попрощаться с семьей и со своим учителем музыки.

«Двигайтесь дальше, переходите в другой период», – ободрял меня Норман.

Я увидела себя как молодого человека лет тридцати, стоящего возле пианино в большой квадратной комнате с тяжелыми портьерами на французских окнах. Комната была заполнена хорошо одетыми людьми. Меня окружали восторженные почитательницы, и я говорил с ними. Женщины подступали все ближе, и я мог уловить запах их духов. Я также чувствовал, как пахнет моя собственная тальковая пудра.

Я улыбнулась, увидев следующую сцену. Сейчас молодой человек спускался по лестнице в сопровождении двух элегантно одетых женщин. Я различал богатые цвета длинных платьев, в которые были одеты мои спутницы, а также искры, отбрасываемые хрустальными люстрами, висящими над поворотом лестницы. Сцена имела бархатную текстуру элегантности и цивилизованности. Я развернул плечи, испытывая гордость знаменитого исполнителя, медленно проходящего сквозь оживленную толпу.

Но эту гордость омрачали грусть и невыносимая тоска. «Я чувствую себя разорванным пополам. Я наслаждаюсь тем восторгом, который вызываю у публики, но они не могут увидеть за моим талантом меня самого. Они не знают, кто я такой на самом деле». Я чувствовал, как у меня сосет под ложечкой, когда вспоминал о той любви и заботе, которые навсегда остались в прошлом, когда я был со своей семьей. «У меня много друзей, – продолжал думать я, – им нравится та музыка, которую я играю. Но у меня нет никого, кто действительно глубоко любит меня». Я почувствовал приступ слабости и лег на диван, приняв позу плода.

Затем я снова возвратилась к той сцене, где мужчина лежал на смертном одре. Он все время кашлял, почти не мог дышать. Это была та же сцена, которую я видела несколько месяцев назад во время болезни. Женщина, которая, судя по чувствам, была моей сестрой, сидела у изголовья, готовая исполнить любое мое желание. Я могла ощутить в своем теле его усталость и боль, пронизывающую его грудь, вспоминая свою собственную болезнь прошлой зимой. В этот момент Норман, воспользовавшись возможностью, спросил: «Каковы эмоциональные причины вашей болезни? В чем вы нуждаетесь?» Не задумываясь, я ответила: «Это единственная возможность получить ту заботу, в которой я нуждаюсь. Моя жизнь не сбалансирована». И хотя я сказала это с позиций того мужчины, у меня возникло ощущение, что эти слова в какой-то мере относятся и к моей нынешней жизни. Но я не знала почему.

Норман же понял это. Пока я находилась в трансе, он помог мне понять, что моя нынешняя жизнь была негативом жизни этого мужчины. Как музыкант, он мог полностью реализовать свой творческий потенциал, но при этом он нуждался в любовных отношениях, которые сделали бы его жизнь завершенной и сбалансированной. За ширмой незаурядного таланта люди не могли увидеть его человеческих черт или даже приблизиться к нему. Его болезнь стала экстремальным проявлением нужды в любви и заботе.

Напротив, моя жизнь была полна любви. Ее давали мне моя семья и друзья. Как мать двух маленьких детей, я отдавала всю силу и энергию заботе о них. Я задыхалась. У меня не было средств для реализации своего творческого потенциала и не было более высокой цели, кроме благополучия моей семьи. У меня не было времени развить в себе художника, исследователя или учителя с тех пор, как я вышла замуж и родила детей. В этот момент, когда передо мной развернулось мое парадоксальное прошлое, я поняла, что для того, чтобы стать гармоничной личностью, я должна развить способность к созиданию. Только это может принести мне здоровье.

Затем Норман провел меня сквозь смерть этого человека. Я могла видеть сестру, сидящую у его кровати, когда он наконец умер. Я видела всю комнату как наблюдатель – со стороны. На его худом лице появилось выражение облегчения после того, как он умер, покинул свое сухое изможденное тело. В тот же момент я ощутила, как мое собственное тело расслабилось.

Затем перспектива изменилась, и я увидела похоронную процессию сверху. Это была та же сцена, которую я наблюдала месяц назад. Я чувствовала себя как дух, покинувший тело того мужчины, парящий над толпой, наблюдающий за своими собственными похоронами. Меня глубоко тронуло то, что столько друзей пришли попрощаться со мной. Внезапно в фокусе этой картины оказалась сестра, стоящая среди толпы и утирающая слезы платком. Я ощутила к ней жалость. Мне хотелось сказать ей, что я уже не страдаю, и поблагодарить ее за любовь и заботу. По совету Нормана, я попрощалась с ней и сказала «спасибо» за ее любовь.

Разбитые мечты и ушедшие годы

Видения из этой жизни померкли. Без всякого перехода Норман предложил мне отправиться в другую прошлую жизнь. Я тут же увидела перед собой девочку одиннадцати-двенадцати лет, играющую на рояле перед небольшой аудиторией. Она была одета в серое платье с голубым отливом, белые чулки, а большой мягкий бант был повязан на ее волосах, достигающих плеч. Она давала представление. Я знала, что ее игра нравится родителям и другим чопорно одетым взрослым, которые сидели в комнате. До моего сознания донесся голос Нормана: «Что вы испытываете?»

«Я играю перед этими людьми, чтобы они смогли решить, стоит ли мне продолжать учебу в консерватории. Я знаю, что играю хорошо. Мне это легко дается. Принято решение, что я могу продолжать свое обучение. Поступить в консерваторию – большая честь. Но я чувствую грусть оттого, что должна расстаться со своими родителями. Я буду далеко от них, я буду скучать, но мне так хочется продолжать учиться музыке.

Я вижу отца, мать и младшего брата на вокзале. Все вокруг покрыто коричневой или серой копотью. Отец склоняется надо мной и целует. Мать плачет, младший брат выглядит потерянным. Я везу с собой один коричневый квадратный чемодан».

«Куда вы направляетесь? Где вы находитесь?»

«Я покидаю Польшу и отправляюсь учиться в Вену», – эти слова, внезапно сорвавшиеся с моих губ, поразили меня.

Затем я вижу себя молоденькой девушкой, идущей по коридору. Потолки очень высокие, с них свисают светильники, над дверями находятся застекленные оконца. «Здесь я обучаюсь музыке, у меня появились друзья, и я счастлива. Это мой новый дом».

В моем мозге возникает следующая сцена, но в этот раз у меня иное настроение. От счастья не осталось и следа. Я испытываю страх. «Я вижу себя в тесной квартире. Мне около двадцати пяти– тридцати лет. Рояль занимает весь угол комнаты. Дверь открывается, и в комнату входит молодой человек в берете. Я знаю, что он мой муж. Он говорит что-то быстро и взволнованно. Его тревога связана с тем, что мы – евреи. Мой муж, университетский преподаватель, высказался против немецкой полиции. Я вижу ужас в его глазах. Я знаю, что нам грозит беда. Я не хочу видеть, что произошло потом».

Норман сказал: «Продолжайте».

Я свернулась на кушетке и обхватила колени руками. У меня засосало в животе. Мне приходилось выдавливать из себя слова, чтобы рассказать, что произошло потом. «Я вижу двух своих детей – маленькую девочку около двух лет и мальчика лет шести. Мы стоим вместе с другими людьми на мостовой. На мне светло-коричневое пальто. Позади нас находится высокая каменная стена. Моего мужа нет с нами. Я не знаю, куда он исчез. Они увели его. Немцы окружают нас со всех сторон. Мне страшно за себя и за своих детей».

Я начинаю плакать, рассказывая Норману о том, что вижу. Печаль волнами захлестывает меня. Мне холодно. Положение ухудшается.

«Мы стоим возле поезда. Вокруг солдаты и собаки – немецкие овчарки. Я держу маленькую дочь на руках, а сын стоит рядом и держится за мою свободную руку. Мысли путаются. Отовсюду раздаются крики. Никто не понимает, что происходит».

Я ощущаю, что происходит что-то ужасное за пределами той картины, которая стоит у меня перед глазами. Я снова начинаю плакать. Норман говорит: «Продолжайте». Но я начинаю рыдать еще надрывнее, не в состоянии ничего сказать. Однако я находилась в достаточно полном сознании, чтобы попросить Нормана дать мне бумажные салфетки, чтобы вытереть нос и глаза.

Мое тело свело от страха, и я не хотела допускать появления следующей сцены перед моим взором. Выждав, когда я выплачусь, Норман снова настоял, чтобы я продолжала.

«Я в лагере. Вокруг все серое. Я хожу отупевшая. Я не понимаю, что происходит. Я не знаю, что случилось с моими детьми и мужем. Моей семьи нет. Моей музыки нет. Мой дух сломлен. Я больше не живу. Теперь я взлетела. Я смотрю сверху вниз на обледенелую комнату с бетонными стенами. Я вижу себя лежащей на куче мертвых, неестественно изогнутых тел. Меня отравили в газовой камере».

Последние картины я описывала сухим, неэмоциональным тоном. Затем образы исчезают. «Какая потеря, – единственное, что я могу сказать напоследок. – Какая потеря».

Норман, видя, что с меня достаточно, завершил сеанс предложением возвратиться в настоящее, запомнив все, что я пережила. Убедившись в том, что я полностью возвратилась в свое тело, он поговорил еще недолго и попрощался.

Я лежала на кушетке еще несколько минут, не в силах ни о чем думать. Я была совершенно опустошена от пережитых эмоций и плача. Меня необычайно растрогали эти воспоминания, особенно те, которые относились к женщине, погибшей вместе со своей семьей во время немецкой оккупации. Я осознала, что носила тень горя этой женщины всю свою жизнь. Какое облегчение я испытала, освободившись от этого образа! Мне стало легче и светлее на душе.

Я вышла во двор и присела на крыльце. С того момента, как Норман постучал в мою дверь, прошло около трех часов, и день был в полном расцвете. Солнце стояло высоко в небе, и его лучи казались теплыми, но октябрьский воздух был прохладным и освежающим. Я думала о своей регрессии, о жизнях, оставшихся за спиной, и о новых жизнях, которые еще должны прийти. Я ощутила в полной мере, сколь счастлива я, что живу в этом теле в этот момент на Земле.

Усваивая уроки регрессий, я осознала, что воспоминания из прошлых жизней придают новое измерение моей настоящей жизни. Туманные образы из прошлых жизней, преследовавшие меня до сегодняшнего дня, сгустились и стали вполне зримыми и осязаемыми осознанными воспоминаниями. Мое представление о том, что во мне живет нечто большее, чем опыт этой жизни, подтвердилось. Теперь я знала наверняка, что какая-то часть меня пережила смерть и сделает это же в будущем. Моя вера в перевоплощения и бессмертие души превратилась из умозрительной идеи в обыденную реальность. Это подтверждение позволило мне чувствовать себя духовно здоровой и счастливой.

Через две недели после регрессии с Норманом мой отец скончался в больнице в результате банальной операции. Это стало испытанием для моего нового понимания жизни и смерти. Его внезапная смерть была ударом для всех нас. Я тут же вылетела в Нью-Йорк, а Стив с детьми отправились на следующий день туда на машине.

Я стояла возле могилы и слушала, как раввин читал из Екклезиаста: «Всему свое время и все имеет свою цель под небесами». Я думала о своих собственных похоронах и смертях, которые я видела во время регрессий, о том, как я парила над своим телом. Я спрашивала себя: «Может ли отец видеть нас сейчас? Где он? Что он сейчас чувствует?» Внезапно волосы на моих руках словно наэлектризовались, я

ощутила волну энергии, прокатившуюся по всему телу. Я ощутила, что он присутствует на кладбище, и в голову пришли слова из *«Тибетской Книги Мертвых»*, которую следовало читать человеку, лежащему на смертном одре: «О, благороднорожденный... сейчас ты переживешь Сияние и Ясный свет Чистой Реальности. Узнай его». Я представила, что мой отец слышит эти слова, и поняла, что они означают.

Затем произошло что-то странное. В тот момент, когда опускали в могилу гроб отца, с головы моего брата слетела ермолка и упала в промежуток, образовавшийся между гробом и земляной стенкой могилы. Не было никакого ветра, чтобы объяснить происшествие. Мы с удивлением переглянулись. Во взгляде каждого читался один и тот же вопрос: «Что *это* было?» Мы со Стивом безмолвно взглянули друг другу в глаза. Был ли это знак от отца? Кое-кто верил, что это был знак.

«Я нечто большее, чем мое тело»

В последующие месяцы, когда я мыла посуду, складывала белье, чтобы отправить его в прачечную, или возила детей по городу, образы из прошлых жизней проплывали перед моим мысленным взором. Новое понимание приходило в виде озарений и подтверждало мое представление о том, как увиденные мною прошлые жизни соотносились с моей нынешней жизнью.

В свете этого нового понимания сцены и образы моего раннего детства стали приобретать больший смысл. Моя любовь к музыке и фортепьяно, история истребления евреев нацистами, которая одновременно страшила меня и завораживала, болезнь легких, которая столь долго не отпускала меня, – все это получило объяснение. Детские игры также получили иную окраску: мои подруги и я часто прятались под лестницей в подвале, притворяясь, что мы скрываемся от нацистов. И не странным ли было то, что мы, дети, любили брать с собой консервы, притворяясь, что боимся умереть с голоду? Когда я задумываюсь об этом сейчас, связь кажется очевидной.

Наконец-то я поняла иную загадку из моего детства. Меня долгое время преследовало повторяющееся сновидение, где женщина с каштановыми волосами средней длины, одетая в светло-коричневое пальто и черную шляпку, шла по бульвару, за которым возвышалась каменная стена. Образ был столь ярким и живым, что я не могла забыть его. Я когда-то думала, что должна стать этой молодой женщиной, когда вырасту.

Этот сон повторялся многие годы и всегда был одинаков. Но когда я видела его в последний раз, за несколько недель до встречи с Норманом, что-то изменилось в нем. В тот раз я знала, что *была* этой женщиной. Снова во сне я видела, как иду по бульвару, точно тем же путем, но сон не прервался на обычном месте, и я подошла к нарядному дому с большим квадратным двором. Видение было графически-точным и завершенным. Я могла бы нарисовать диаграмму этого дома на следующий день. Я вошла в темную комнату в правом крыле дома. Потолок комнаты был высоким, у стен стояла массивная антикварная мебель, а окна были закрыты тяжелыми портьерами, не пропускающими солнечный свет. Я отчетливо помню патину богатых деревянных панелей.

Я подошла к трем мужчинам, одетым в военную форму. Один из них сидел за столом, тогда как двое других стояли по обе стороны от него. Я обратилась к сидящему, вежливо спросив его о местонахождении моего мужа. За вопросом последовало молчание – они вели себя так, словно меня не было в комнате. В отчаянии я ударила кулаком по столу и закричала на них по-немецки – язык, которого я не знаю в этой жизни. Они презрительно засмеялись и выставили меня за порог, употребив грубую силу. Я ушла, униженная и испуганная. Я думала: «Как я смогу сама растить детей?» Мои плечи были опущены и голова склонилась вниз.

Немецкие слова проносились у меня в голове, когда я проснулась и стала трясти Стива, чтобы рассказать ему об этом сновидении. Я пыталась повторить немецкие слова, пока те, казалось, вертелись на кончике моего языка. Но через

несколько секунд они выскользнули из моей памяти. Тревога же сохранилась надолго.

Женщина, которую я видела в своем повторяющемся сновидении, была той же женщиной, которая явилась мне во время регрессии с Норманом. Очевидно, эти отрывочные воспоминания проскальзывали в сны из моего подсознания еще тогда, когда я была ребенком. До регрессии я не имела ни малейшего представления о том, что означали эти картины, являющиеся в сновидениях. После регрессии эти сны никогда не снились мне.

Прояснился еще один случай из детства. Когда мне было три или четыре года, я сидела на полу в гостиной и играла. До сегодняшнего дня я могу припомнить ощущение тепла солнечных лучей, падающих тогда из окна, и жесткий ворс шерстяного коврика под моими ногами. Мама зашла в комнату и поставила на проигрыватель пластинку с классической музыкой. Я тут же забыла про свои игрушки, красота музыки заполнила весь мой мир. Я знала эту музыку! Я могла напевать мелодию, предчувствуя каждую ноту. Я сидела и слушала. Такая радость переполняла мою душу, что я начала плакать. Я чувствовала, как я сама и окружающая меня комната становятся больше. Весь мир расширялся, и я сливалась со всем. В этот момент я поняла, что являюсь чем-то *большим*, чем мое тело. И хотя эта эйфория длилась всего лишь пару минут, магия этого вневременного мгновения навсегда осталась со мной.

Я нечто большее, чем мое тело. Оглядываясь назад с высоты сегодняшнего момента, после опыта, обретенного в регрессии, я понимаю, что произошло тогда. Фортепьянная музыка, которая звучала из проигрывателя, была той композицией, которую я неоднократно играла в своих предыдущих жизнях. Знакомые звуки дали толчок памяти моей души и перенесли меня в пространство того сознания, которое было гораздо старше четырехлетней девочки, играющей на ковре. «В моем конце – мое начало... чтобы обладать сознанием, не нужно быть во времени». В детстве у меня было это переживание. И это же переживание повторилось позже, когда я сидела на берегу возле Бостона через много лет.

«Только через время можно покорить время» [6]

Зима пришла и ушла, и к своей огромной радости я ни разу не болела в течение самых холодных месяцев. Такое случилось со мной впервые за долгие годы. В марте пронеслась чудовищная снежная буря – столько снега за раз не выпадало на протяжении всей зимы. Пушистый снег в фут глубиной превратил горы в сказочный край, а поле для гольфа возле нашего дома стало лучшим во всем городе местом для езды на санках. Мы потеплее одевали наших детишек, и они весь день напролет катались с горки на надутых камерах от шин грузовика.

В эту ночь мы со Стивом дождались, пока дети заснут, а затем тихонько проскользнули во двор, чтобы покататься с горки. Это была прекрасная звездная ночь. Подростки разожгли огромный костер, и отблески огня играли на снегу, озаряя склон, с которого мы со Стивом спускались на импровизированных санях. Мы вдвоем ложились на одну надутую камеру и мчались по обледенелому косогору вниз, подпрыгивая на кочках и выбоинах. Нас вертело во все стороны, и мы то кричали, то хохотали от восторга. Свалившись в сугроб, я тут же вскакивала и неслась вверх, чтобы снова прокатиться на камере. Я вдыхала всей грудью морозный воздух. Внезапно я вспомнила прошлую зиму, когда я лежала больная и каждый вдох мне давался с трудом. В этот момент я поняла, что действительно исцелилась. Я прошептала молитву благодарности, направленную мигающим звездам над головой, вскочила на камеру и понеслась вниз, высоко подпрыгивая на рытвинах.

Почему я исцелилась? В этом была явная связь с моими регрессиями, с тем, что мне удалось изучить рисунок прошлой жизни и осознать, как он переходит из жизни в жизнь. Одна схема была для меня ясной. Каждый раз я умирала с пораженными легкими – мужчина, которым я была, умер от туберкулеза, женщина, которой я тоже была, погибла, когда ядовитый газ наполнил ее легкие. Каким-то

образом травмы этих двух смертей отразились на моих легких, и, пока я их не сознавала, они влияли на меня. Но осознав эти две смерти при регрессии, плача от горя и боли, я смогла освободиться от травмы. Я снова дышала свободно.

Но и это еще не все. Физические травмы указывают на незавершенные дела, на уроки, которые еще следует усвоить. Регрессия в жизнь талантливого пианиста продемонстрировала мне необходимость сбалансировать свою жизнь: не забывать ни о любви и интимных отношениях, ни о реализации творческого потенциала, заложенного во мне. Понимание этого помогло мне направить свою жизнь по новому курсу.

Смерть в нацистском лагере продемонстрировала мне неоконченные дела иного плана. К тому времени, как я погибла в газовой камере, моя душа уже давно перестала чувствовать что-либо. Слезы горя по моей семье и потерянной жизни замерзли в моем теле. В следующей жизни огромное горе хлынуло под давлением к поверхности моего сознания, прорвавшись даже в детские сны. Сейчас, осознавая истину, я наконец-то смогла выплакать горе своей некогда потерянной жизни. Моя душа познала покой.

Я также знала, что на мой вопрос «Что означают перевоплощения в моей жизни?» наконец-то получен ответ. Ответ был прямым и практическим: «Повторное переживание прошлых жизней помогает освободиться от хватки прошлого и дает новый старт в настоящем».

Мне было так хорошо! Эта единственная регрессия дала мне исцеление и *новую цель* в жизни. Это было событие, которым я не могла не поделиться с другими. Я рассказывала о своей регрессии родным, друзьям, знакомым и незнакомым – каждому, кто хотел меня выслушать. Многие мои друзья загорелись желанием пережить то же самое и решили предпринять регрессию в прошлые жизни с Норманом Инджем.

Вот каким образом Норман Индж оказался в моей кухне одним августовским днем, где он распивал чай с Чейзом и Сарой. Оглядываясь назад, я с ясностью вижу, что невероятная смесь разных ингредиентов – искусство Нормана в регрессиях в прошлые жизни, мое собственное исцеление год назад благодаря воспоминаниям о прошлых жизнях, необъяснимые страхи моих детей – да, вся эта смесь сделала возможным то маленькое чудо, которое произошло на моей кухне.

Мои глаза широко раскрылись, жизнь изменила направление, и мое будущее определилось в тот момент, когда Норман тихим голосом начал инструктировать Чейза: «Сядь своей маме на руки, закрой глаза и расскажи мне, что ты видишь, когда слышишь те громкие звуки, которые так пугают тебя?»

Глава третья. Раздумья на детской площадке

Прошло несколько недель после того, как Чейз и Сара прошли через регрессию, когда наступила моя очередь дежурить в подготовительной школе Чейза. Я стояла на детской площадке, а вокруг носились кричащие, смеющиеся дети. Я наблюдала за одноклассниками Чейза – в основном, четырехлетними и пятилетними малышами, – играющими в лапту под яркими лучами осеннего солнца, кормящими кроликов в загоне, карабкающимися на «стенки» и «горки» и раскачивающимися на качелях. Небольшая группа ребят собралась на моторной лодке, нашедшей свое окончательное пристанище на детской площадке. Дети бегали по палубе, вертели во все стороны штурвал и призывно махали руками тем, кто собирался влезть на судно. Две девочки в ярких развевающихся пальтецах грациозно танцевали во дворе, двигаясь в такт своему внутреннему ритму.

Я стала искать глазами Чейза по всему двору. Ярко-рыжая шевелюра делала его очень приметным в любой толпе. Он взбирался вверх по лестнице с несколькими ребятами, таща за собой упирающегося маленького мальчика. Мой ум начал свою игру: если Чейз был черным солдатом во время Гражданской войны, то кем были в своих прошлых жизнях остальные дети? Вспомнят ли они? Если спросить их, кем они были раньше, расскажут ли мне ребята о своей жизни в

эскимосском селении или о том, что кто-то из них был русским крестьянином или африканским пастухом?

Я обвела взглядом площадку и увидела маленькую девочку, склонившуюся возле клетки и серьезно беседующую с кроликом. Две танцующие девочки выскочили позади нее из-за дерева и захихикали. Я тут же вспомнила свое собственное детство, то, как я беседовала с воображаемыми собеседниками, одним из которых была крольчиха ростом с ребенка, по имени Бетти. Я и тогда знала, что Бетти была просто плодом фантазии, но мне доставляли истинную радость наши взаимоотношения, и я беседовала с ней, как с закадычной подругой. Мы проводили много времени вместе, исколесив на трехколесном велосипеде все окрестности. (Бетти, конечно же, сидела на багажнике.) Я вспомнила и другие детские приключения. Мои друзья и я создавали укрепления из песка на берегу Гудзона, едва успевая отражать атаки враждебных племен. Я почувствовала, как магия детских фантазий зашевелилась во мне вновь.

Чейз привлек мое внимание, когда пробежал рядом по дорожке по направлению к школе, прокричав, что пришло время слушать истории.

Направляясь в класс, я думала о том, насколько богата фантазия детей и насколько воспоминания о прошлых жизнях схожи с этими фантазиями. В обоих случаях ребенок может представлять себя другим человеком, живущим в иное время, он видит вещи, которых больше никто не видит, и говорит с несуществующими людьми. Но чем больше я думала об этом, тем отчетливее видела разницу между фантазиями и воспоминаниями. Ребенок, увлеченный фантазией, создает временную реальность, которая меняется по его воле. Он легко становится то одним, то другим персонажем – сейчас он отважный солдат, защищающий форт от яростных набегов неприятеля, а через минуту он уже становится веселым пекарем, готовящим пирожки для Царя и Царицы Мира. В этих фантазиях бросаются в глаза явные несоответствия. Это комбинация всего того, что ребенок считает правдивым в той роли, которую он берется играть, приправленная неумным воображением и невероятной магией. В результате получается смесь фактов и вымысла.

Когда Чейз и Сара вспоминали свои прошлые жизни, они видели иную реальность – нетронутую и *последовательную* внутреннюю реальность, с достоверными деталями. В этих воспоминаниях чувствовался вкус истины. Никто из них не проявлял магических способностей, благодаря которым они могли спастись от любой беды. Напротив, события, которые они описывали, отличались трагичностью, той трагичностью, которой они не видели и о которой даже не могли услышать в этой своей жизни. Они не играли, не забавлялись приключениями, которые могли бы направлять и контролировать.

Я села на квадратный коврик, лежащий на полу классной комнаты, и стала слушать историю о мышонке и его мотоцикле, которую учитель рассказывал детям. Все это время я наблюдала за детьми, сидящими рядом. Некоторые слушали, затаив дыхание, не отводя глаз от учителя, другие же тихо лежали на своих квадратных ковриках, положив головы на руки. Один маленький мальчик беспрестанно вертелся на полу, дергая бахрому. Я удивилась тому, насколько разнообразные личности собрались в этом маленьком классе, и не могла не думать о том, кем были раньше эти маленькие люди и что испытали их души. Насколько это разнообразие объяснялось обстоятельствами прошлых жизней? Я присмотрелась к маленьким лицам, окружавшим меня в этой комнате. В свете этих идей их детские черты приобрели новое, более глубокое значение.

Я посмотрела на Чейза, сидящего между двумя своими лучшими друзьями – Хендсоном и Марией. Его глаза были широко раскрытыми, но усталыми. Мне стало больно при мысли о том, какие страдания он перенес, будучи солдатом, умершим от раны на поле боя вдалеке от дома и семьи. И тут же я испытала теплое чувство, подумав, какой путь преодолела его душа, чтобы попасть в эту теплую классную комнату из холода давно прошедшей битвы. Я улыбнулась про себя, затем

отмахнулась от этих мыслей, так как пришло время сворачивать наши коврики и отправляться домой.

Рой идей

Несколькими днями позже мы с моей подругой Кэти Скай встретились за ланчем. У Кэти трое детей, она работает учительницей в подготовительной школе, к тому же она музыкант и писательница, обладающая живым умом. Во время моей болезни она постоянно посещала наш дом, приносила горячий суп и присматривала за детьми. Кэти уже было известно о моем необычайном выздоровлении после регрессии с Норманом. Этот ланч предоставил мне первую возможность рассказать ей, что произошло с моими детьми во время визита Нормана, а также поделиться идеями, переполняющими мой мозг.

Через полчаса, когда я наконец смогла сделать перерыв в своем рассказе, то обнаружила, что Кэти уже управилась со своей порцией, в то время как я почти не прикоснулась к еде. Она не вставила ни слова за все время моего монолога и поразила меня вопросом: «Ну, хорошо... а это безопасно?»

Безопасно? Этот вопрос никогда не приходил мне в голову. Регрессии моих детей были столь спокойными, столь мягкими и естественными, что я и подумать не могла о таящейся в них опасности. Как Чейз, так и Сара легко продвигались в своих воспоминаниях. После сеанса они казались довольными и тут же начали играть. Они никогда не смешивали события нынешней жизни с переживаниями прошлых. Сара особенно прочувствовала всю значительность происшедшего. Я энергично взмахнула вилкой и решительно заявила: «Дело в том, что их жизнь стала гораздо лучше сейчас, чем прежде. Их страхи исчезли, и экзема Чейза прошла». Кэти поняла, к чему я клоню.

Во время десерта мы с Кэти вспоминали, сколько детей наших знакомых страдают от фобий. Мы обе знали одного маленького мальчика, который испытывал страх перед водой. Его мать никак не могла уговорить его поплавать в бассейне. Может ли оказаться, что он утонул в прошлой жизни? Не пройдет ли его страх, если он просто вспомнит свою прошлую жизнь?

Я разволновалась, когда мои мысли потекли по этому пути. Ведь не только страхи и фобии, но и любые другие черты могут нести в себе информацию о прошлых жизнях. Мы заговорили о детях, наделенных редкими талантами, проявляющих странные интересы или обладающих эксцентричным характером, который удивлял их родителей. Кэти рассказала мне о трехлетней девочке из ее класса, которая сидела на земле и плакала возле маленькой ямки, которую она вырыла, а затем накрыла листьями. Когда Кэти спросила девочку, отчего та плачет, малышка ответила: «Я плачу из-за того, что мои дети умерли во время потопа». Когда Кэти спросила родителей девочки, как объяснить эти слова, они ничего не смогли ответить.

Перебирая все возможности, мы с Кэти перепрыгнули на другую идею. Как часто мы видим в семьях детей, совершенно не схожих со своими родителями? Мы обе почувствовали уникальность наших детей, когда впервые взяли их в руки, — семена индивидуальности уже тогда ощущались в этих крошечных людях. Мы могли *почувствовать* это. Возможно, подобная уникальность вовсе не является результатом случайной комбинации родительских генов. Возможно, ее можно также объяснить следами опыта, который перенесся из прошлых жизней в новые? Возможно, наши дети нечто гораздо большее, чем чистые таблички, на которые можно нанести все что угодно, как это пытались нам доказать ученые столько лет?

В пылу обсуждения одного из таких вопросов Кэти внезапно спохватилась и, закричав, что куда-то безнадежно опаздывает, вылетела из-за столика. Она оставила меня одну потягивать свой кофе и пытаться управиться с роем идей, гудящих в моей голове.

«Опасная территория»

Но не все восприняли мои идеи с таким же энтузиазмом, как Кэти. Остальные мои друзья, которым я рассказывала о регрессиях, оказались менее восприимчивыми. Некоторые из них принимали возможность перевоплощений и соглашались с тем, что идея кармы предлагает новое представление о высшей справедливости. Но когда они узнавали о моих идеях, что воспоминания о прошлых жизнях могут исцелять, или о том, что я позволила своим детям пройти сквозь регрессию, в них побеждал скептицизм. Они холодно намекали на то, что я, должно быть, ошиблась и что всему этому можно найти иное объяснение.

Иные просто были смущены и испытывали за меня неловкость. Им казалось, что я забыла о здравом смысле, так как идеи о возможности перевоплощения были для них чем-то сверхъестественным и столь же подозрительными, как заголовки передовиц желтой прессы. И она еще решила ставить эксперименты на собственных детях! Одна моя приятельница прямо заявила мне: «Ты вступила на опасную территорию, возможно, оттуда не будет возврата». Я стала объяснять ей, что подозревала эту истину всю свою жизнь и только сейчас сумела найти ей доказательство. Более того, «всем после регрессий стало только лучше – мне лучше, Саре лучше, Чейзу лучше». Но видя, что подругу не переубедить, я оставила эту тему.

Подобное сопротивление и нежелание поверить убедило меня в том, что необходимо найти иные доказательства – солидные доказательства из авторитетных источников. Только такие подтверждения могут в чем-то убедить скептиков. Мне очень понравилась идея проведения такого исследования. Ведь я смогу сослаться на самых авторитетных авторов, чтобы подтвердить свою правоту сомневающимся друзьям.

Чем больше я думала об этом, тем больше мне хотелось отыскать такую книгу, которая объяснит *мне самой* механизм этого процесса. Безусловно, думала я, книги о регрессиях детей в прошлые жизни должны существовать. Другие люди – профессионалы с университетскими дипломами и научными степенями – должны были исследовать и документировать то, на что я случайно наткнулась. Но кто эти «другие»? Как мне найти их?

Глава четвертая. Момент смерти

Незавершенные дела пробуждают воспоминания

Я начала свой поиск с того, что возвратилась к тем библиотечным полкам, где размещались книги по религии и философии, которые год назад пересматривал Стив по моей просьбе. «Он мог что-то пропустить», – думала я. Но это безнадежно утомительное занятие не принесло никаких плодов, если не считать того, что у меня разыгрался насморк и я стала чихать от пыли, годами оседавшей на фолиантах. Во всех этих академических трудах и слова не говорилось о том, как воспоминания из прошлых жизней могут исцелять людей.

Возможно, в более новых книгах мне удастся отыскать что-то более подходящее. И я потащила Чейза за собой в центр Эшвилла, к своему любимому книжному магазину, торгующему разнообразной литературой, и любимому кафе, расположенному напротив. После долгих уговоров Чейз наконец согласился смирно посидеть в детском отделе, пока я перерывала книги, посвященные реинкарнациям и мистицизму, на полках, зажатых между астрологической и буддийской литературой. Несколько названий выглядели привлекательно: я нашла книги Файор, Сатпена, Уомбэч и Моуди и стала быстро просматривать их. Тем временем Чейзу надоело сидеть смирно, и он затеял игру в прятки с маленькой девочкой между высокими стопками книг. Я слышала их восторженные крики, доносящиеся из разных уголков магазина, и знала, что мне недолго осталось ждать того момента, когда до моих ушей донесутся звуки разрушения. Итак, я ухватила под мышку Файор, Уомбэч и Моуди, быстро расплатилась и выволокла свободной рукой Чейза из магазина.

Доктор Уомбэч и история вилки с четырьмя зубцами

Доктор Хелен Уомбэч с ее книгой «Повторное проживание прошлых жизней» оказалась как раз тем авторитетом, на который я смогла бы сослаться в спорах с моими критически настроенными друзьями. Она предложила остроумный эксперимент, чтобы доказать, что память о прошлых жизнях является реальной.

Но доктор Хелен Уомбэч вначале и не думала о возможности перевоплощений. Она начала свою деятельность как традиционный психолог и ученый. Ее интерес к этому необычному вопросу возник тогда, когда она стала пытаться найти объяснение своему личному переживанию – яркому *deja vu*, возникшему у нее во время посещения исторического музея в Нью-Джерси. Когда она взобралась по лестнице этого старого здания, ее охватило странное чувство, что она попала в иное место и время. «Я вошла в маленькую библиотеку, автоматически подошла к книжным полкам, потянулась за книгой и сняла ее с полки. Мне показалось, что я «знаю», что это моя книга, и по мере того, как я листала страницы, перед моим внутренним взором проплывала картина. Я ехала верхом на муле по кочковатому полю, и эта книга лежала передо мной, на седле. Солнце припекало мне спину, а одежда не полностью защищала мое тело. Я ощущала, как мул движется подо мной, в то время как я с головой ушла в чтение книги, лежащей передо мной на седле. Мне казалось, что я знала о содержании книги прежде, чем перелистала ее»[1].

Доктор Уомбэч была глубоко потрясена безошибочным ощущением, что она уже жила в ином теле в иное время. Это ощущение было новым и чуждым ей. В то время Хелен Уомбэч была уважаемым психологом, глубоко убежденным в том, что всякий психический феномен может быть объяснен с точки зрения классической науки. Но переживание *дэжа вю* было слишком реальным, чтобы его отвергнуть. Она заподозрила, что это может быть проблеск скрытой реальности, проблеск тех измерений сознания, которые никогда не допускались в традиционной психологии. И у нее возникло предчувствие, что применение этой скрытой реальности будет иметь невероятную ценность в ее лечебной практике.

Это личное переживание изменило представления доктора Уомбэч о потенциале разума, но несколько не поколебало ее веры в научные методы. Ее научная практика требовала объективного и рационального подхода к изучаемому вопросу.

Она начала с того, что перечитала всю доступную ей литературу по психическим явлениям и воспоминаниям о прошлых жизнях. Затем она стала применять гипноз для регрессии студентов-добровольцев в прошлые жизни. С каждой новой регрессией она становилась все более и более заинтригованной. Исследуемые люди испытывали глубоко эмоциональные переживания, которые окончательно убедили Уомбэч в реальности воспоминаний из прошлых жизней. Они описывали жизни неизвестных людей из всех уголков мира и из различных исторических эпох очень детально и многогранно, говоря об этом как о чем-то само собой разумеющемся. Большинство деталей, описываемых исследуемыми, – такие, как стиль одежды, характер архитектуры, особенности кухни, – соответствовали тому, что было известно историкам о той или иной стране и эпохе. Ее поразило, насколько точными были эти воспоминания. Ее подопечные не делали ошибок в описаниях таких малоизвестных фактов, которые ей удавалось верифицировать только после многочасовых поисков в библиотеках.

Но система доказательств реальности воспоминаний о прошлых жизнях весьма хрупка. Ей не удавалось собрать достаточное количество неопровержимых фактов, известных имен и исторических событий, чтобы убедить своих коллег-скептиков. Ей не удавалось найти способы доказательства того, что исследуемые не могли сочинить сами все эти истории на основании фактов, известных им из книг.

Затем она взглянула на характер полученных данных. Одна черта показалась ей особенно значительной, и Уомбэч решила продвигаться вперед. По крайней мере половина исследуемых упоминали о том, что хотя бы в одной из своих прошлых жизней они погибли в очень раннем возрасте. Это отражало тот факт, что в

примитивных обществах приблизительно 50 процентов детей умирают прежде, чем достигают пятилетнего возраста. Для Хелен Уомбэч это являлось подтверждением факта, что подобные истории не были заимствованы из книг или кинофильмов. Какому это могла польстить мысль о смерти от голода или болезни?

Почерпнув нужную информацию из этого наблюдения, Хелен Уомбэч решила изменить тактику. Она знала, что статистические выкладки, полученные в результате обследования большой группы, являются более убедительными в глазах ученых, чем факты, почерпнутые при работе с отдельными индивидами, сколь бы красноречивы ни были свидетельства последних [2]. Итак, вместо того, чтобы разбираться до конца с частными случаями, Хелен Уомбэч решила собрать данные о широких слоях населения и таким образом определить, будет ли характер полученных данных отражать характер широких исторических данных.

Доктор Хелен Уомбэч обнаружила, что ей удастся регрессировать группу, состоящую из десяти человек, так же легко, как и отдельных людей. Она также узнала, что исследуемые запоминают все увиденное ими при регрессии, даже если не говорят во время транса. Основываясь на этих открытиях, Хелен Уомбэч начала работать с крупными группами добровольцев. Она вводила их в гипнотическое состояние и давала установку на возврат в любой исторический период в пределах от 2000 года до Рождества Христова до 1945 года нашей эры. Все группы находились в равных условиях, эксперимент повторялся по три раза для каждой из групп. Пока исследуемые находились в трансе, она предлагала им осмотреться вокруг и отсылала их в типичный день нынешней жизни. Затем она проводила их через смерть и состояние после смерти. Никто из исследуемых не говорил во время сеанса, если ему не давалось задания ответить на ряд стандартных вопросов.

Исследуемых просили описать увиденное ими во время регрессии: во что они были одеты или обуты, цвет кожи и тип волос, климат и пейзаж, жилые дома, которые они видели, пищу, которую они ели, а также предметы обихода, инструменты и деньги, которыми они пользовались. Остальные вопросы относились к их смерти: где они умерли, в каком возрасте их постигла смерть, причина смерти и что произошло *после* того, как они умерли.

Верная точной научной методологии, Хелен Уомбэч приложила максимум усилий, чтобы не допустить ошибок и искажений. Добровольцы не знали друг друга до сеанса регрессии и не имели права разговаривать, прежде чем не заполнят вопросник. Она придумала вопросы, с помощью которых можно было изобличить фантазеров и импровизаторов, а также тщательно анализировала ответы каждого из испытуемых на внутренние разногласия и исторические анахронизмы. В конце эксперимента у нее оказалось 1 088 заполненных вопросников. Она ожидала, что от 10 до 20 процентов будут отброшены по причине неточностей и внутренних разногласий, но была удивлена, обнаружив, что следует отвергнуть только одиннадцать из них – меньше одного процента!

Семьдесят процентов исследуемых помнили прошлые жизни. Она произвела компиляцию и анализ их ответов для реконструкции географического положения, культуры, климата, расы и социального положения исследуемых в их прошлых жизнях (согласно их воспоминаниям). Она составила таблицы, нарисовала графики и написала выводы о своих находках. В результате обнаружилась удивительная корреляция между воспоминаниями исследуемых об их прошлых жизнях и историческими фактами:

Мужчины и женщины: в своих воспоминаниях исследуемые говорили о практически равном разделении между двумя полами (50,3 процента мужчин и 49,7 процентов женщин) на протяжении всех исторических периодов. При этом следует учитывать, что 78 процентов исследуемых были женщины. В большинстве происходило случайное изменение пола при переходе их одной жизни в другую.

Богатые и бедные: ни один из исследуемых не вспомнил себя в роли известной исторической фигуры или хотя бы личности, прожившей яркую жизнь. Среди них не было ни Клеопатр, ни Галилеев, ни Наполеонов, ни Марий Антуанетт. В большинстве жизни были блеклыми, скучными и тяжелыми. Главным занятием

почти во все исторические периоды было сельское хозяйство. Подавляющее большинство прошли сквозь жизни, облаченные в домотканую одежду, обитая в маленьких хижинах и питаясь злаками из деревянных мисок.

Хелен Уомбэч также обнаружила достоверное соотношение между богатыми и бедными. Во все исторические периоды высшие классы никогда не превышали десяти процентов от всех испытуемых, средние классы (ремесленники и купцы) колебались между двадцатью и тридцатью четырьмя процентами, тогда как низшие классы (крестьяне, рядовые члены племени, солдаты и рабы) составляли не менее шестидесяти процентов. В темные века, во времена заката цивилизаций число отчаянно бедных людей возрастало до восьмидесяти процентов.

Расы и географическое положение: хотя наибольшее количество исследуемых относились к европейской расе, большинство из них помнили хотя бы одну из своих прошлых жизней в роли представителя иной расы – африканской, азиатской или индейской. Разброс числа и местонахождения различных рас в точности соответствовал изменяющейся плотности населения в ходе истории на всем земном шаре.

Многие белые исследуемые, помнящие прошлые жизни в двадцатом веке, говорили, что тогда они были африканцами или азиатами. Это исключает объяснение феномена с точки зрения генетической памяти.

Пища: большинство исследуемых говорили об употреблении простой пищи, вроде каш, приготовленных из смеси злаков, корней, ягод, в которые иногда добавлялись фрукты или овощи. Мясо было редкостью – говядина вообще никогда не упоминалась до 1500 года. Многие исследуемые также говорили об употреблении испорченных продуктов. Большую часть дичи составляли мелкие животные, казавшиеся жирными на вкус.

В качестве примера высокой степени детализации, Хелен Уомбэч говорит о возможности проследить за эволюцией столовых приборов от грубых ложек и черпаков до вилок с тремя зубцами, упоминания о которых впервые появляются в 1500 году. С 1800 года ее исследуемые начинают вспоминать о современных вилках с четырьмя зубцами. Однако большинство исследуемых говорили, что при еде обходились просто руками.

На основании такого количества данных, собранных в результате тысячи с лишним регрессий, доктор Хелен Уомбэч решила, что ей удалось доказать статистически тот факт, что воспоминания прошлых жизней под гипнозом действительно точно воспроизводят историю. Она была убеждена, что подобные результаты являются плодом подлинных воспоминаний, а не пустого фантазирования.

Смерть и история

Трудно даже передать насколько ценной и своевременной показалась мне эта информация. Это была подборка тех объективных данных, которые помогли бы мне переубедить моих друзей-рационалистов в реальности прошлых жизней. Книга Хелен Уомбэч *«Повторное проживание прошлых жизней»* предоставила мне объективные факты, которые я смогу противопоставить общему представлению о том, что прошлые жизни являются всего лишь предрассудком, фантазиями или просто шуткой, которой можно щегольнуть на вечеринках.

Но больше всего меня заинтриговала та часть научных выкладок Хелен Уомбэч, которая касалась того, что происходило с ее исследуемыми, когда они умирали. Это была совершенно новая информация – статистический анализ переживаний во время смерти в различные исторические периоды.

С этими данными Хелен Уомбэч проделала то же, что и с остальными, – она разбила причины смерти по категориям и составила график соответствий различным историческим периодам. Среди общего числа смертей 62 процента составляли смерти от естественных причин – таких, как старость и болезни. 18 процентов смертей были насильственными – убийства, самоубийства, нападение диких животных. Смерти от неизвестных причин составляли 20 процентов. Многие

исследуемые говорили о смерти, постигшей их до тридцатилетнего возраста, что соответствовало средней продолжительности жизни на протяжении всей истории человечества.

Но еще более интересной была статистика переживаний во время смерти:

- Для 90 процентов испытуемых смерть была лучшей частью регрессии. Вновь и вновь они говорили о том, как приятно умирать.
- Семьдесят девять процентов испытывали глубокий покой и умиротворенность после смерти. Многие переживали столь сильную радость при освобождении от тела, что плакали во время регрессии.
- Около двадцати процентов описывали парение над собственными телами после смерти и наблюдение за суетой, воцаряющейся вокруг тела, которое они оставили.
- Две трети воспаряли по направлению к яркому свету, оставив свои тела, а двадцать пять процентов говорили, что вначале оказывались в темноте, а уж затем поднимались к свету.
- Большинство заявили, что утратили страх смерти в своей нынешней жизни [3].

Но не все принимали смерть столь спокойно и мирно. 10 процентов исследуемых говорили о крайне отрицательных эмоциях, связанных со смертью. Каждый из этих людей умер внезапно от насилия, несчастного случая или на войне, переживая огромный страх. Вот пример, демонстрирующий, как совершенно внезапная смерть вызывает смятение и дезориентацию: «Меня сбила машина, когда я перебежал улицу. Мне казалось, что я продолжаю бежать, я даже не осознавал собственной гибели. Затем я ощутил растерянность и панику, так как не мог понять, что со мной произошло» [4].

Если душа умершего и чувствовала печаль, то это чувство относилось к тем, кого она оставляла в этом мире. Самыми печальными были смерти тех родителей, которые оставляли после себя маленьких детей, о которых следовало заботиться, в особенности – смерти женщин во время родов.

Намеки на исцеление

Со временем доктор Хелен Уомбэч обнаружила невероятный побочный эффект эксперимента. Через несколько недель после окончания эксперимента некоторые исследуемые заявили ей, что смогли наконец исцелиться от фобий, преследовавших их всю жизнь. Эти фобии *всегда были связаны с той формой смерти, которая случилась с ними в прошлом*. Они прошли после того, как люди вспомнили свою смерть: у одного человека прошел страх перед водой, когда он вспомнил, как тонул в прошлой жизни, другой стал спокойно относиться к лошадям только после того, как вспомнил, что был убит лошадью в прошлом, а женщина, страдавшая от приступов головокружения и внезапных позывов к паническому бегству, исцелилась от всего этого, вспомнив как в прошлой жизни упала с утеса, когда спасалась от преследующей ее толпы горожан. Хелен Уомбэч пришла к выводу, что травматические смерти, сопровождавшиеся сильными негативными эмоциями, *возможно*, порождают фобии в последующих жизнях. Делать более далеко идущие выводы Хелен Уомбэч не стала.

Очень большое значение имеет тот факт, что многие люди, регрессируемые Хелен Уомбэч, избавились от своих фобий без всякого предварительного убеждения в том, что эти воспоминания способны исцелять, а также без вмешательства психотерапевтов. Ни Хелен Уомбэч, ни ее подопечные не могли даже подозревать, что подобные опыты смогут исцелить их от фобий. Это просто произошло, и доктор Хелен Уомбэч была столь же удивлена, как и ее исследуемые.

Эти отрывочные сведения показались мне чуть ли не самой важной частью информации во всей книге. Если исцеление произошло столь неожиданно и без всякого намерения со стороны как исследователя, так и исследуемых, то целительный эффект при воспоминаниях прошлых жизней является необычайно

сильным универсальным. *Люди смогли исцелиться от фобий, просто вспоминая свои прошлые жизни.* Они даже не подозревали, что такое возможно.

Но доктор Хелен Уомбэч лишь вскользь прокомментировала это открытие в своей книге. В своей целенаправленной попытке найти эмпирическое подтверждение возможности воспоминаний прошлых жизней она оставила без ответа много необычайно интригующих вопросов. Например, она не сделала попытки объяснить, *как и почему* воспоминания о прошлых жизнях связаны с нашей нынешней жизнью. В своем стремлении найти статистические закономерности Хелен Уомбэч пренебрегла *сильными эмоциями*, которые, с моей точки зрения, лежат в сердце этого явления. Она также ничего не упоминала о детях.

Открытия доктора Файор и доктора Бэкварда

Книга Эдит Файор *«Ты был здесь раньше»* была для меня поистине прекрасной находкой. Это была первая книга из всех прочитанных мной, в которой во главу угла ставились *целительные эффекты* регрессий в прошлые жизни.

Подобно Хелен Уомбэч, доктор Эдит Файор прежде никогда не верила в прошлые жизни. Она даже никогда не задумывалась над этим вопросом, пока не столкнулась с ним совершенно неожиданно для себя. Она прошла курс обучения как психолог-клиницист в колледже Мэрилендского университета, а также училась в Университете Майями. На протяжении всех этих девяти лет обучения ее преподаватели делали упор на объективность научных методов исследования. Но, несмотря на всю науку, Файор, на основании прочтения Фрейда, пришла к выводу, что помочь людям по-настоящему можно, лишь пролив свет на их скрытые мотивации. Итак, начав практиковать в Калифорнии как психотерапевт, доктор Файор увлеклась гипнозом, так как считала это кратчайшим путем к мотивациям, покоящимся в глубине подсознания.

Доктор Файор следовала фрейдистскому методу возрастной регрессии. Когда ее пациенты пребывали в гипнотическом трансе, она предлагала им возвратиться сквозь годы к причине их нынешних проблем. Как правило, такой причиной могла быть эмоциональная травма. Когда травма попадала в сферу сознания и прорабатывалась, симптомы, приведшие пациента к психотерапевту, прояснялись. Применяя эту технику, доктор Файор обнаружила, что сложные проблемы, ранее требующие годы лечения, при гипнозе разрешались за несколько месяцев [5].

К собственному удивлению, она обнаружила, что проблемы, преследовавшие человека всю жизнь, могут быть прослежены до его первых месяцев жизни и даже до переживаний плода, находящегося в матке. По тем временам это была поистине радикальная концепция, подвергшаяся насмешкам со стороны психотерапевтов-традиционалистов, считавших, что мозг младенца недостаточно развит, чтобы запоминать происходящее. Однако когда пациенты доктора Файор вспоминали свои очень ранние переживания, их хронические эмоциональные проблемы, такие, как чувство вины или физические недуги, подобные астме и мигрени, исчезали.

Но в один прекрасный день доктор Файор наткнулась на кое-что совершенно необычайное. При гипнотической возрастной регрессии, исследуя нарастающие сексуальные проблемы пациента, она предложила ему отправиться к причине своих проблем. Доктор Файор была совершенно не подготовлена к тому, что ей довелось услышать.

Пациент сказал: «Две или три жизни тому назад я был католическим священником». Затем он живо и ярко описал картину жизни и отношение к сексу итальянского католического священника семнадцатого века. Поскольку доктор Файор знала, что ее пациент верит в перевоплощения, она рассудила, что эта «жизнь» – не более чем яркая фантазия. Но, встретившись с ним в следующий раз, она была удивлена тем, что, по его словам, пациент не только избавился от проблем, связанных с сексом, но и стал чувствовать себя гораздо лучше во всем остальном.

После этого сеанса аналогичные случаи стали повторяться. Другая клиентка во время регрессии внезапно перескочила в прошлую жизнь и вспомнила смерть,

которая прекрасно объясняла причину проблемы, приведшей ее к психотерапевту. Но и в этом случае доктор Файор не была убеждена, что воспоминания были реальными и что пациентка не просто фантазирует. Но через шесть недель женщина, прошедшая сквозь регрессию, заявила, что проблема полностью исчезла из ее жизни.

Воспитание не подготовило Файор к принятию этой истины. С детства ее учили, что мы живем на Земле лишь раз, а ее научная методология подсказывала ей проявлять скептицизм ко всему, чего нельзя доказать. Но она была также и целителем, глубоко преданным своему делу, и потому не могла просто отмахнуться от того факта, что воспоминания из «кажущихся» прошлых жизней помогают людям избавиться от проблем. Несмотря на ее убеждения или убеждения ее пациентов, истории их прошлых жизней исцеляли. С этого момента она стала применять регрессии в прошлые жизни в обязательном порядке.

Люди обращались за помощью к Файор по разнообразнейшим поводам. Она всегда начинала с поисков причины в нынешней жизни пациента. Когда она не могла обнаружить таковой, то обращалась к прошлой жизни. Оказывалось, что причины проблем часто лежат именно в прошлой жизни, а точнее, связаны с обстоятельствами смерти в ней. Доктор Файор обнаружила, что переживание смерти является *самой главной* причиной симптомов и проблем человека. Ее пациенты неоднократно испытывали невероятное облегчение именно после переживания под гипнозом смерти из прошлого [6].

Один из случаев, приведенных Файор, демонстрирует механизм такого воздействия. Удачливый бизнесмен и юрист настолько боялся высоты, что всячески избегал путешествовать самолетом и даже вести машину через горы. Этот страх ограничивал его способность к передвижениям и наносил вред карьере. Пройдя традиционный курс терапии, не принеший ему успеха, он обратился за помощью к доктору Файор. При драматической, высоко эмоциональной регрессии этот человек вспомнил себя в качестве рабочего, ремонтирующего крышу европейской церкви. Он поскользнулся на одной из плит и стал падать с крыши. Пытаясь задержать падение, он ухватился за желоб. Он заново пережил каждую исполненную ужаса секунду, вспоминая, как его пальцы медленно разжимались, и наконец он свалился вниз, на острый кол, торчащий из строительных лесов. Пережив заново и проработав свою трагическую смерть, он избавился от страха перед высотой[7].

Доктор Файор обнаружила, что, наряду с фобиями, причины физических симптомов также могут быть прослежены до страшных смертей в прошлых жизнях. Например, причины мигреней, болей в шее и в позвоночнике и расстройств желудка могут корениться в характере прошлых смертей, таких, как аутодафе, гильотина, отравление или смертельное ранение из огнестрельного или от холодного оружия в соответствующую часть тела. Физические недуги могут являться последствием того, что человек переживал в момент гибели сильные эмоции, такие, как злость, чувство вины или ужас. Эти чувства, не нашедшие полного выражения, поддерживаются в памяти и проявляются в виде болезней в последующих жизнях. После того как травматические обстоятельства повторно переживались под гипнозом, а эмоции прорабатывались под руководством доктора Файор, физическое напоминание о переживаниях в прошлой жизни прояснялось, а симптомы исчезали.

Пересмотрев открывшиеся мне истины, я вновь возвратилась мыслями к Чейзу. Чувство вины, зародившись в *прошлой жизни*, продолжало проявляться в этой жизни, но уже в качестве физического симптома – экземы, возникшей в том месте, где неприятельская пуля пробила его руку. Когда он получил возможность возвратиться в прошлую жизнь и вспомнить обстоятельства своей гибели, болезнь исчезла. Поначалу это казалось мне невероятным, но вот передо мной лежало подтверждение моих догадок – книга доктора Файор.

Случаи из этой книги служили также подтверждением моих собственных воспоминаний о прошлых жизнях. Я легко могла представить, как моя собственная история соседствовала с другими примерами в ее книге *«Ты был здесь раньше»*. Эти истории обладали теми же качествами, что и моя. В них было множество

бытовых, незначительных деталей и неожиданных поворотов, которые придавали рассказам правдивое звучание. Они были пронизаны глубокими эмоциями – любовью, грустью, страхом и радостью. Меня не покидало ощущение, что я подглядываю сквозь замочную скважину, когда я читала их, – такими они были личными. Я помню, что была так же тронута, когда слушала на кухне рассказ Сары и Чейза о своих прошлых жизнях. Это были истории о реальных людях, проживших реальные жизни и заглянувших в глаза собственной реальной смерти.

Вспомнить о переживании смерти

«В своем кабинете я помогла умереть более чем тысяче человек», – это заявление доктора Файор кажется слишком легкомысленным. Но это правда. Почти каждый пациент, помнящий прошлую жизнь, может также вспомнить переживания, связанные с ее концом. Рассказы о воспоминаниях смерти удивительно соответствуют друг другу. Это касается как историй людей, прошедших сквозь регрессию у Хелен Уомбэч, так и рассказов о переживаниях на пороге смерти, изложенных в книге Раймонда Моуди *«Жизнь после жизни»*. Каждый, кто помнил то, как умирал, описывал продолжение сознания после смерти. Они не перестали осознавать себя после остановки сердца и дыхания. Их восприятие оставалось живым – они были в состоянии видеть, слышать и чувствовать все, что происходило вокруг их тела. Всякая физическая и эмоциональная боль, мучившая их при жизни, исчезала, чувство голода проходило, жажда удовлетворялась. Они снова чувствовали единство с миром.

В момент смерти они обычно ощущали, как покидают свои тела, воспаряя все выше, ощущая все большую легкость и глядя вниз на сцену своей собственной кончины. Пациенты рассказывали о том, что находились выше верхушек деревьев и наблюдали за собственными похоронами – совсем как я после своей смерти в девятнадцатом веке. Многие из них вошли в небесную сферу яркого света и окунулись в его теплую любящую суть. Появлялись ангелы и небесные существа. Некоторые люди слышали звуки – гул, жужжание, а иные даже различали небесную мелодию. Были такие, которых приветствовали умершие родственники и друзья в виде духов. Для большинства это были мгновения чистого блаженства. Все как один говорили о чувстве покоя, сопровождающем этот переходный период, исполненный невероятной красоты и прелести. Эти воспоминания заставляли плакать людей, находящихся в трансе.

Вспомнив собственную смерть, многие пациенты доктора Файор обрели уверенность в жизни. Они больше не боялись смерти. Они поняли, что смерть еще не конец, это новое начало. Для всех воспоминание о смерти являлось источником вдохновения, дающего возможность переменить ход всей жизни.

Хелен Уомбэч обнаружила, что около 90 процентов ее добровольцев испытывали одинаковые приятные переживания, описание которых совпадало почти слово в слово. Возможно ли проникнуть сквозь покровы одной из величайших тайн жизни благодаря регрессии? Я думаю, что возможно. Мои воспоминания о смерти были почти идентичны переживаниям, описываемым в трудах Хелен Уомбэч и доктора Файор. Сара говорила почти теми же словами о своих ощущениях после смерти: «Я чувствую, как парю высоко над верхушками деревьев. Я чувствую себя легкой, как воздух. Я догадываюсь, что мертва. Я не ощущаю никакой боли. Мне хорошо от того, что все уже позади». Чейз вспоминает свой полет над полем битвы и чувствует при этом себя хорошо, так как с этой жизнью покончено и он может устремиться вперед, к лучшей жизни.

Закончив читать книгу доктора Файор, я осознала, что это было то подтверждение, которого я так долго искала. Передо мной был труд психолога-клинициста, прошедшего многолетнюю подготовку в изучении эмпирических наук, описывающий те же типы историй из прошлых жизней, те же переживания, связанные со смертью, и, что самое главное, те же целительные эффекты воспоминаний о прошлых жизнях, что были обнаружены мною на примере

собственной семьи. Это придало мне уверенности в поисках. Ответы пришли. Мое исследование оказалось плодотворным.

Но у меня до сих пор оставались невыясненные вопросы о том, *каков* механизм исцеления. Вряд ли я могла подозревать, что смогу найти ответы на эти вопросы на кухне у моей подруги Кэти.

Доктор Роджер Вулгер: поиски души и духа

Однажды утром Кэти пригласила меня к себе домой на чашку кофе экспрессо для «разговора между нами, девочками». После второй чашки мы «взлетели». Наши голоса становились все громче, и муж Кэти, Патрик, тщетно пытавшийся сосредоточиться в соседней комнате, не мог не услышать наш оживленный разговор о прошлых жизнях. Он приоткрыл дверь и, заглянув к нам, сказал, что давно уже бросил все попытки заниматься своим делом и потому просит разрешения присоединиться к нам.

«Какое совпадение, – провозгласил он, растягивая слова, как всякий настоящий уроженец штата Джорджия. – Мой большой друг Роджер как раз опубликовал книгу о прошлых жизнях, А это напоминает мне историю...»

И тут Патрик, прирожденный рассказчик, никогда не упускающий возможности развлечь публику, пустился рассказывать раблезианские байки о «старых добрых деньках в Вермонте», когда он и Роджер были совершенно неразлучны. Его рассказ становился все более фривольным и смешным, пока мы не взмолились и попросили его перестать, так как уже совершенно изнемогали от хохота. Затем он подошел к книжному шкафу, достал с полки книгу своего друга и с циничной улыбкой заявил: «Тебе она может понравиться. Лично я считаю, что все это разглагольствование о прошлых жизнях – полнейшая чушь. Я не могу поверить, что ты веришь в это!» Кэти и я переглянулись и снова залились смехом. По иронии судьбы, Патрик, блестящий рассказчик невероятно лихих историй, был окружен чокнутыми людьми, которые действительно верили в эту «чушь».

Этим же вечером после того, как дети легли спать, я открыла; книгу доктора философии Роджера Вулгера *«Иные жизни, иные "я" – открытие прошлых жизней последователем Юнга»*. Наслушавшись рассказней Патрика об авторе, я и не знала, чего ожидать от книги. Но меня тут же унесло потоком повествования. Здесь было все, что интриговало меня на протяжении многих лет, – прошлые жизни, Элиот, регрессии под гипнозом, Уильям Блейк, исцеления. Но самым приятным для меня было упоминание о моей давней любви – *«Тибетской Книге Мертвых»*. Доктор Вулгер придал новый смысл этим идеям и сделал мое понимание прошлых жизней более глубоким. Прочтя книгу, я тут же позвонила Кэти и, не скрывая своего изумления, заявила: «Неужели друг Патрика мог написать такую книгу? Это действительно потрясающе и так здорово написано!» Я была потрясена тем, что у Патрика есть столь эрудированный друг. «Да, – согласилась Кэти, – у Патрика есть замечательные друзья».

Как и доктор Файор, доктор Вулгер является психотерапевтом, интересующимся, в первую очередь, целительными свойствами воспоминаний о прошлых жизнях. К тому же доктор Вулгер ученый, обладающий широким кругозором, чьи знания отнюдь не исчерпываются психологией. Его книга повествует не только о реинкарнационной терапии как об уникальной клинической технике. Он вводит эту методику в контекст нестареющего изучения разума и, демонстрируя влияние воспоминаний о прошлых жизнях на психику человека, подрывает сами основы современной психологии. Комбинируя идеи западной психологии и восточного мистицизма, опыт своих собственных регрессий и прямых наблюдений над тысячами пациентов, он строит завершенную модель механизма воспоминаний о прошлых жизнях.

Я перечитала книгу доктора Вулгера. В ней ни слова не говорится о детях, но я решила, что, поняв динамику воспоминаний о прошлых жизнях у взрослых, смогу распространить это и на детей.

Книга доктора Вулгера начинается личной историей. Он рос в Англии, буквально в нескольких милях от Стрэдфорда-на-Эйвоне, где витал дух Шекспира. Юный Роджер попал под чары драматургии и вначале задумал сделать карьеру актера. Вместо этого он оказался в Оксфордском университете, в мире экспериментальных наук и стерильной статистики. Он получил диплом как по психологии поведения, так и по аналитической философии. Но эти занятия оставили выпускника неудовлетворенным и разочарованным. Он задавал себе вопрос: «Что общего может иметь статистика с душой и сердцем? С высшими духовными достижениями человечества?» Пытаясь найти ответ на волнующие его вопросы «помимо прокрустова ложа западной мысли», он погрузился в индуизм и христианский мистицизм. В этом процессе он получил степень доктора философии за сравнительную историю религии от Лондонского университета. Однако изучение религии привело лишь к созданию сухих философских конструкций, где дух и душа были лишь названиями. Ученый же стремился к практическому применению своих идей, к их использованию в своей профессиональной и личной жизни.

Доктор Вулгер продолжил свои научные изыскания в Цюрихе, в Институте Юнга. Карл Юнг знаменит тем, что расширил представления Фрейда о подсознании. Он создал теорию психологии, допускающую таинства духа и души. Именно у Юнга Вулгер нашел ту философию, которая импонировала как его интеллектуальному, так и духовному аспектам.

После Цюриха он прибыл в Америку, чтобы прочесть курс лекций в Вермонтском университете, и остался здесь, открыв практику по психотерапии. Однажды сотрудник спросил его, не хочет ли тот поэкспериментировать с регрессиями в прошлые жизни. Несмотря на определенный скептицизм, доктор Вулгер, подогреваемый жаждой к приключениям, дал свое согласие.

К своему великому изумлению, доктор Вулгер на первой же регрессии живо вспомнил свою жизнь во Франции тринадцатого века в роли наемного солдата папской армии. Он пережил невероятный ужас, став свидетелем того, как жители целой французской деревни были истреблены и сожжены во имя Святой Церкви. Почувствовав отвращение к подобной жестокости, солдат изменил свои взгляды и решил дезертировать, но был пойман и сожжен на колу как еретик.

Это изменило всю его жизнь. Благодаря этой регрессии доктор Вулгер понял, почему его столь часто преследовали кошмары о пытках и казни, от которых его не смогли избавить все многочисленные сеансы психотерапии. И тут же он смог разрешить другую загадку своей жизни – теперь стали понятны причины того панического страха, который он испытывал перед огнем с самого детства. Этот сеанс оказался настолько впечатляющим и принес столь очевидные результаты, что доктор Вулгер и его коллеги начали всерьез заниматься регрессиями в прошлые жизни, меняясь по очереди местами друг с другом. Они собрали всю доступную информацию по регрессиям в прошлые жизни под гипнозом и, делая друг с другом своими прозрениями, стали усовершенствовать методы. Обретя достаточную уверенность в применении техники, доктор Вулгер перешел от своей традиционной практики к психотерапии прошлых жизней.

Исцеление всерьез

Как доктор Вулгер, так и доктор Файор обучались традиционной психотерапии, но явились с различных сторон Атлантического океана. Оба пришли к одному заключению: регрессии в прошлые жизни помогают исцелению. Их пациенты реально выздоравливали.

Как и в книге доктора Файор, истории, звучавшие на сеансах доктора Вулгера, казались совершенно правдивыми, ни одна из них не производила впечатления бессвязной фантазии. Большинство пациентов рассказывали о своих прошлых жизнях в роли неизвестных людей – крестьян, солдат, охотников, рабов, собирателей плодов. Все истории всегда рассказывались с точки зрения, присущей данному лицу, и никогда не подавались в широкой исторической перспективе, характерной для представителей нашего времени. Сюжеты этих рассказов

правдоподобны и естественны, как в реальной жизни, несмотря на странные повороты судьбы. Они густо приправлены бытовыми деталями, которые, как я убеждена, являются надежным показателем истинности воспоминаний о прошлой жизни.

Но больше всего интересовала доктора Вулгера *психологическая* правда рассказов. Он говорил своим пациентам, что не имеет никакого значения, верят ли они в прошлые жизни и перевоплощения. Регрессии в прошлые жизни помогают независимо от убеждений. Вот почему он не утруждал себя подтверждением исторических фактов. Он редко проверял точность названий или описываемых событий. Он даже предупреждал своих пациентов не заниматься проверкой достоверности деталей, так как считал это отвлечением, способным понизить жизненную энергию и целительную силу истории. «Воспоминания о прошлой жизни не являются самоцелью, – подчеркивал он, – но это путь к эмоциональному катарсису, пониманию самого себя и исцелению, что является прямыми целями психотерапии» [8].

Подобно доктору Файор, доктор Вулгер помогал своим пациентам проследить истоки болезни до прошлых жизней. Но если случаи, приведенные доктором Файор, демонстрируют простую причинно-следственную зависимость между случаями из прошлой жизни и сегодняшними проблемами ее пациентов, то доктор Вулгер показывает нам, сколь сложными могут быть причины и следствия. Источник проблем может проецироваться на серии прошлых жизней, причем каждая последующая жизнь способна придавать проблеме дополнительную усложненность. Он убедительно доказывает, как серии прошлых жизней сплетаются в запутанный клубок психических, эмоциональных и физических проблем, с которым приходится иметь дело в настоящем. Например, фобия может сопровождаться физическим симптомом; человек, которого повесили за то, что он говорил правду, неугодную начальникам, в настоящей жизни испытывает страх перед публичными выступлениями и вдобавок страдает от хронических болей в шее. Страх Чейза перед громкими звуками, как и его экзема, проистекали от травматических переживаний на поле битвы. Доктор Вулгер является мастером по распутыванию подобных узлов, и он объясняет в своей книге, как это делать.

Люди приходят к психотерапевту из-за того, что страдают от определенной проблемы и пытаются избавиться от нее. Доктор Вулгер демонстрирует нам, что, раскрыв прошлые жизни пациентов, можно справиться с разнообразными проблемами.

Например, доктор Вулгер столкнулся в своей практике с рядом фобий – необъяснимых страхов, – которые удалось вылечить благодаря возвратам в прошлые жизни. Как правило, причиной каждой фобии была специфическая травма, полученная в прошлой жизни, – чаще всего, смерть. Но попутно он обнаружил, что регрессионная терапия способна помочь избавиться от ряда других страхов – таких, как невротические страхи, депрессии, идеи ущербности и одержимость деньгами.

Ряд физических жалоб удастся проследить непосредственно до травмы в прошлой жизни: боли в шее или в плече часто объясняются смертью через повешение, аллергии и болезни легких могут быть объяснены отравлением газом в прошлой жизни. Физические симптомы не всегда вызваны чисто физическими причинами. Так, например, головные боли не обязательно связаны с ранениями головы, причиной их может быть неразрешимый вопрос. Боли же в спине могут возникнуть оттого, что человек не в силах нести чувство вины.

Идеи и мысли могут пережить смерть. Последняя мысль, занимавшая человека перед смертью, способна настолько запечатлеться в его душе, что станет доминировать в его следующей жизни. Доктор Вулгер называет это «*историей жизни*»² (так же, как другие психологи называли это «доминирующим мифом личной темы»). *История жизни* формирует личные наклонности, представления и

² *Life script* – может быть переведено с английского как «почерк», так и «рукопись (жизни)». – Прим. перев.

мотивации, придавая характерную окраску восприятию мира и человеческих поступков.

Например, *история жизни*: «Выходить из дому небезопасно» – может возникнуть в результате смерти при неожиданном нападении. «Я ни на что не способен» – говорит о том, что в прошлой жизни человек испытал серьезную неудачу. «Я во всем виноват» может появиться от фатальной ошибки в прошлой жизни. Смерть в детском возрасте, когда рядом находились родители, может привести к *истории жизни*: «Вы не смогли меня защитить».

Но не только травмы, связанные со смертью, оказывают воздействие на настоящее. Второй по *силе* влияния травмой (после насильственной смерти) является изоляция, разлука и отверженность. Эта грустная тема преследует людей сквозь всю историю: изоляция ребенка от родителей во время войны, разлука возлюбленных, попавших в рабство. Разлука ребенка с родителями навсегда может настолько травмировать психику, что останется доминирующей темой в последующей жизни, даже если смерть наступит гораздо позже. Подобная травма может манифестировать себя в будущем как незащищенность, неспособность доверять окружающим, невероятная ревность, боязнь разлуки у младенца [9].

Трудные личные отношения и семейные конфликты также могут корениться в сценариях прошлых жизней. Все те же люди, знакомые по прошлым жизням, вновь появляются в нашей судьбе, незавершенные дела прошлого требуют разрешения в настоящем. Мы возвращаемся, чтобы проиграть все те же темы, меняясь ролями и полами из жизни в жизнь. Взаимоотношения варьируют от любовных до враждебных. Общие проблемы могут возникать и разрешаться в группах из двух, трех и нескольких человек.

Я уверена, что положительные взаимоотношения встречаются чаще, чем все остальные: заботливый отец может стать вашей нежной дочерью, а преданный друг – вашей матерью. Обычно хорошие отношения в прошлом продолжают быть положительными и в настоящем. Это правда, что любовь выживает, даже если роли меняются. Встреча двух «половинок» не просто романтическое понятие – это реальность.

Но в книге доктора Вулгера речь идет об исцелении всерьез, и его пациенты являлись к нему с серьезными проблемами взаимоотношений. При регрессии они часто описывали родовую вражду и кровную месть, переходившую из жизни в жизнь. Старые счеты между отцом и сыном, господином и слугой, сводными братьями или сестрами, обидчиком и жертвой (список можно продолжить до бесконечности) получают новое звучание и заново проигрываются в последующих жизнях. Доктор Вулгер приводит пример, когда отец и дочь кувыркались вместе через *шесть* жизней, а другое несчастное трио – мать, дочь и внучка не переставали сводить счеты на протяжении *девяти* прошлых жизней [10].

Почему все так трагично?

Что-то беспокоило меня в случаях из книги доктора Вулгера. Все они казались мне исключительно кровавыми и жестокими. В центре травматических воспоминаний о прошлых жизнях, кажется, стоят нескончаемые изнасилования, убийства, пытки, несчастные случаи, самоубийства и катастрофы. Почему все так трагично? Возможно, подобные жестокости были более обычным явлением в прошлых столетиях, чем мы себе представляем? А регрессии в прошлые жизни являются окном, позволяющим взглянуть на темные уголки истории в новой перспективе? Эти рассказы о прошлых жизнях никак не назовешь подслащенными пиллюлями.

Но я осознала, что есть еще одна причина, по которой истории, сообщенные во время регрессий, были столь кровавыми. Пациенты доктора Вулгера обращались к нему с серьезными проблемами, увечающими их жизни, – с теми проблемами, которые не поддавались традиционному лечению. Причина этих тяжелых страданий, как правило, крылась в насильственной смерти или страшной психической травме, пережитой в далеком прошлом и оставившей неизгладимый шрам. Чем страшнее

смерть, чем тягостнее травма, тем дольше будет переходить из жизни в жизнь оставленный ими шрам.

Это озарение помогло мне осознать, что вся боль и трагедия, которыми исполнены случаи из практики доктора Вулгера, *не* являются отражением *типичных* жизней. По наблюдениям Хелен Уомбэч, 62 процента исследуемых вспоминали смерть при мирных обстоятельствах. Случаи, описанные доктором Вулгером, являются экстремальными и относятся к остальным 38 процентам.

Доктор Хелен Уомбэч продемонстрировала, что счастливые жизни встречаются не так и редко, и они оставляют свой положительный след в форме таланта, добродетели, мудрости, любовных отношений и процветания в последующих жизнях. Доктор Файор также нашла подобные свидетельства. *Но счастливая жизнь не приводит людей к психотерапевту.* «Для пациента, переживающего тяжелый стресс, столь же ценно сосредоточиться на счастливой прошлой жизни, – говорит доктор Вулгер, – как и для врача, собирающегося лечить больную ногу, внимательно изучить здоровую».

Я уверена, что этот принцип применим и для детских воспоминаний о прошлых жизнях. Большинство из них вполне безобидно и не причиняет проблем в будущем. Но случай с Сарой и Чейзом научил меня тому, что дети способны носить на себе шрамы травматических воспоминаний так же, как и взрослые. Их смерти были не менее ужасны, а последние воспоминания не менее болезненны, чем смерти тех взрослых, с которыми имели дело доктор Хелен Уомбэч, доктор Файор и доктор Вулгер. Чейз погиб во время бойни Гражданской войны, а Сара сгорела заживо во время пожара. Память о таких трагедиях жива не только у взрослых.

Расширение рамок психологии

Доктор Вулгер сделал нечто большее, чем просто продемонстрировал ряд проблем, которые можно исцелять при помощи реинкарнационной терапии. В его книге речь идет о механизме работы регрессий в прошлые жизни. Обычно он объясняет это, говоря, что реинкарнационная терапия не является изолированной техникой, а скорее продолжением рутинной психотерапии. Он демонстрирует шаг за шагом, как принципы западной психологии можно применять к прошлым жизням.

Например, он любит одну цитату из Юнга: «Комплекс возникает тогда, когда мы терпим поражение в жизни». Вулгер спрашивает: «В *какой* из жизней?» Он осовременил фразу Юнга: «Комплекс возникает тогда, когда мы терпим поражение в *любой* из жизней» [11].

Начиная с Фрейда, в традиционной западной психологии считается, что все, что мы переживаем в этой жизни, запечатлевается в подсознании – то есть вся сила нашей психики неподвластна нашему осознанию. Эти подсознательные силы направляют, придают форму и окраску всему, что мы чувствуем, думаем и делаем. Доктор Вулгер просто утверждает, что переживания наших прошлых жизней также плавают в этом подсознательном супе. Травмы, эмоции и мысли сброшены в этот суп вместе с тем, что мы пережили в нынешней жизни. Оказавшись в подсознании, все эти воспоминания подчиняются одним и тем же законам и ведут себя одинаково. Любая серьезная травма, произошла ли она несколько лет или нескольких жизней назад, будучи забытой и подавленной, может вызвать проблемы. Это также означает, что все забытые и подавленные травмы могут быть исцелены подобным образом – выведены в сознание. Психотерапия – это процесс охоты на изначальные травмы, с тем чтобы раскрыть их перед сознанием.

С точки зрения доктора Вулгера, поле поиска, допустимое в рутинной психологии, слишком сужено. Такое исследование ограничено нынешней жизнью и не уходит глубже момента рождения.

Психотерапевты прошлых жизней доказали, что стоит расширить рамки традиционной психологии и пересмотреть различные прошлые жизни. При расширении рамок, рождение перестает быть абсолютным началом, исходным пунктом отсчета времени. Скорее, это переходный период, та дверь, сквозь которую многоопытная душа протаскивает багаж знаний, накопленных ею в прошлом. В этой

новой парадигме идея о *tabula rasa* – представление о том, что человеческий разум при рождении совершенно чист и на нем записывается новый жизненный опыт, – разрушается. Смерть также не является конечной точкой отсчета – это не абсолютный конец всех последствий. Она тоже переходный период – та дверь, через которую отлетает душа для путешествия в новые жизни.

Но смерть – нечто большее, чем просто дверь. Это также психологическое событие, травма с психологическими последствиями. Психотерапевты прошлых жизней приобрели определенный опыт, но даже им следует узнать гораздо больше, так как идея совершенно нова. Вот почему доктор Вулгер решил учиться у восточных философов – индуистских и буддийских мудрецов, в частности у авторов «Тибетской Книги Мертвых», которые изучали и исследовали момент смерти в течение столетий.

Буддисты пишут о разуме – так же, как и западные философы. Но они начинают с совершенно новой посылки – концепции о том, что сознание существует отдельно от тела и продолжается после смерти. Эту идею о продолжении трудно понять людям Запада, так как нас учили, что сознание рождается вместе с телом и угасает с физической смертью. Но рассказы западных людей, переживших клиническую смерть, вкупе с воспоминаниями о прошлых жизнях, людей, пришедших сквозь регрессию, являются подтверждением восточных мифов, существовавших тысячелетия назад.

Буддисты проследили стадии разума, который проходит полный цикл из жизни в жизнь, в том числе и интервал между жизнями. Согласно священному буддийскому учению, момент смерти является пиковым психологическим моментом – высшим *бардо* всего цикла жизни, смерти и возрождения.

Момент смерти

В момент смерти мы отбрасываем свои физические тела и все ментальные барьеры. Иллюзии физического мира исчезают, и мы встречаемся лицом к лицу с тем, что буддисты зовут «Чистым Светом Реальности» или «подлинной природой Разума». Здесь квинтэссенция Вселенной и наша внутренняя природа являются одним и тем же. «Осознание природы разума равносильно осознанию природы всех вещей» [12]. Это вневременная, не имеющая возраста сущность, неподвластная самой смерти.

Такое возвышение сознания делает момент смерти прекрасной возможностью добиться прогресса душе в ее космическом путешествии. В этот момент становится возможным открыть сердца и объять истину о нашей собственной божественной природе, в то же время избавляясь от всякого негативизма и травматических переживаний последней жизни и предшествующих ей жизней. Таким образом мы приближаемся к более благоприятной жизни.

Но это и опасный момент, так как именно в это время «смерть может непропорционально увеличиться и заполнить наше восприятие полностью» [13]. Таким образом, если наш разум в этот момент был занят мелочными и негативными мыслями, они усилятся и будут доминировать в нашем сознании, влияя на особенности следующего воплощения.

Это же обнаружил и доктор Вулгер, исследуя своих пациентов. В своих поисках причин проблем нынешней жизни он пришел к выводу, что смерть является тем психологическим событием, которое оказывает наибольшее влияние на благополучие последующей жизни. Многие проблемы, мешающие людям в этой жизни, можно проследить непосредственно до мыслей и чувств (обычно отрицательных), сопровождающих момент смерти. Эти мысли и чувства не умирают вместе с физическим телом. Они вплетаются в память души и составляют сложный узор образов, мыслей и чувств, отпечатанный в высоком переживании. Как объясняет это доктор Вулгер: «Возвышенное сознание, характерное для момента смерти, с огромной силой отпечатывает умирающие мысли, чувства или ощущения на то (не важно, как мы это называем), что переносит нашу сущность из одной жизни в другую» [14].

При травматических смертях – в особенности, внезапных или ужасных смертях – у нас нет времени, чтобы переосмыслить свою жизнь или осмыслить смерть. У нас также нет времени, чтобы загладить обиды, нанесенные другим, попрощаться со своими близкими и возлюбленными или завершить земные дела. Мы не умираем с миром. *Мы умираем незавершенно*. Если нас захлестнули в этот момент отрицательные эмоции – страх, ненависть, осуждение, чувство вины, гнев, – они усиливают все другие чувства, в том числе и телесные ощущения и сообщения, проносящиеся сквозь разум. Именно эти *эмоции* склеивают все отпечатки души и переносят их нетронутыми в другие жизни.

Если наша смерть является незавершенной, мы покидаем этот мир, по выражению доктора Вулгера, с «незаконченными делами души». Мы проходим сквозь двери смерти с неразрешенными проблемами и потребностью закончить то, что мы не сделали. Эти проблемы, требуя своего разрешения, манифестируют себя в следующей жизни. Незавершенные дела приводят в движение воспоминания.

Благодаря регрессивной терапии и целительным свойствам подсознания мы получаем возможность отправиться к моменту смерти и изменить его эффекты в положительную сторону. Точный механизм работы остается загадкой, но положительные результаты тысяч успешных регрессий в прошлые жизни являются надежным свидетельством.

Момент смерти в терапии

Главный пункт в терапии доктора Вулгера – проигрывание момента смерти. Вот когда происходит настоящее исцеление.

Обычно он работает с клиентом в течение нескольких дней, чтобы разобраться во всех деталях проблемы. Он снимает слой за слоем напластования этой и прошлой жизни, чтобы дойти до центра проблемы. Высшая точка наступает тогда, когда пациент шаг за шагом подходит к собственной смерти и состоянию озаренного всеведения, сопутствующего моменту смерти. Он направляет своих пациентов на пересмотр каждой *заряженной* мысли, эмоции, всякого телесного ощущения.

В момент смерти доктор Вулгер задает вопросы, помогающие сфокусироваться на деталях переживания: «Что происходит? О чем вы думаете? Какова ваша *последняя* мысль? Что вы чувствуете?» Он определяет связи: «Как травма ощущается вашим телом? Что вам говорит ваше тело?» Здесь может наступить катарсис – сильные эмоции, вмерзшие в прошлом в момент смерти, сейчас выходят на поверхность и отпускают человека. После этого энергия, удерживавшая эти воспоминания, рассеивается, и негативные чувства, эмоции и мысли «отклеиваются» от души.

В этом состоянии пациент обретает возможность полностью осознать и освободиться от проблем прошлых жизней. «Осталось ли что-то незавершенное в той жизни? Что нужно сделать, чтобы освободиться от этого?» – всегда спрашивает доктор Вулгер. Пользуясь техниками интеграционной терапии, доктор Вулгер приглашает своих пациентов поговорить с персонажами из иных жизней. Таким образом можно попросить прощения, загладить вину, завершить незавершенное. Прежде чем вывести пациента из транса, он удостоверяется в том, что все проблемы разрешены, на все вопросы получены ответы, а процесс смерти завершен. Пациент должен понять сознательно, что все это осталось в прошлом и не должно больше быть проиграно. Такое завершение и является целью регрессии.

Доктор Вулгер заканчивает сеанс обсуждением того, что произошло с пациентом. Они пересматривают историю прошлой жизни, проводя параллели с настоящим. Он объясняет пациенту, каким образом следует интегрировать это прозрение в обыденную жизнь и то, каким образом можно изменить старые стереотипы посредством нового знания. Он может предложить пациенту ежедневно использовать такие аффирмации, как: «Сейчас мне ничего не угрожает» или: «Я могу доверять людям», «Я достоин любви». Это необходимо для подкрепления нового понимания.

Драматический случай с Эдит – пациенткой доктора Вулгера – ярко демонстрирует то, как возврат к моменту смерти может изменить рисунок прошлой жизни, приведший к возникновению хронической болезни.

Эдит, танцовщица, которой было под тридцать, страдала от тяжелой болезни – красной волчанки, причиняющей боли и скованность в суставах. На сеансе у доктора Вулгера она живо вспомнила себя молодым мужчиной в России, анархистом, который принимал участие в восстании против правительства, подавлявшего силой голодные бунты. Отец этого молодого человека был убит несколькими днями ранее. Желая отомстить за смерть отца, молодой человек с группой друзей составил план атаки одной из дворцовых казарм, где размещались гвардейцы. Вечером с бомбой, спрятанной под пальто, он осторожно приблизился к казарме. Но прежде чем у него появилась возможность запустить самодельную бомбу, та взорвалась в его руках.

В этот момент регрессии Эдит полностью отождествила себя с молодым человеком и испытала его чувства. Когда доктор Вулгер настоял на том, чтобы Эдит рассказала подробнее о своих переживаниях, та разрыдалась и, почти крича, заявила, что не может выдержать это зрелище. Голосом, исполненным ужаса, она рассказала, что видит свое тело с оторванными руками и ногами. Мужчина умирал медленно, осознавая, что навсегда утратил конечности. Тогда доктор Вулгер предложил Эдит: «Осознайте свои последние слова, произнесенные перед смертью, и дойдите до того момента, когда ваше сердце наконец перестает биться». Эдит ответила: «Мои ноги и руки никогда не будут больше работать, никогда, никогда!»

Внезапно Эдит осознала связь между этим переживанием из прошлой жизни и своим страхом перед прогрессирующей волчанкой.

Доктор Вулгер умело направлял Эдит: «Были ли иные мысли о ваших руках и ногах, прежде чем вам их оторвало взрывом?» Эдит описала свой гнев по отношению к людям, убившим ее отца, и как она хотела причинить им страдания. Эдит снова начала плакать, поняв, что ее мстительность обернулась против нее самой и молодой человек умер в муках. С этим осознанием она согласилась отказаться от своей мести. Молодая женщина сделала глубокий вдох, и ее тело, до этого заново переживавшее всю боль, наконец расслабилось и обмякло. Когда она села и открыла глаза, то почувствовала, что боль ушла из ее суставов.

Когда доктор Вулгер встретился с Эдит через шесть месяцев, ее болезнь находилась в стадии ремиссии и женщина снова обрела способность танцевать[15].

Типичные дети, типичные смерти

Книга доктора Вулгера убедила меня в том, что случай с Чейзом и Сарой вовсе не был каким-то из ряда вон выходящим, а скорее типичным. Хотя в ней не говорилось ничего специфического о детских воспоминаниях, модель исцеления доктора Вулгера, и особенно случай с Эдит, прекрасно объясняли мне, что произошло с моими детьми. *Их смерти в прошлых жизнях были незавершенными..*

Когда Сара воскресила свою смерть во время пожара в доме, она снова испытала все свои сильные эмоции последних мгновений жизни. У нее не было времени поплакать, попрощаться со своей семьей и завершить свою жизнь. Ее смерть оказалась незавершенной. Она умирала, злясь на своих родителей, уверенная, что те бросили ее в беде, и она испытывала ужас перед пламенем, охватывающим ее. После того как она позволила этим болезненным эмоциям пробиться наружу, выплакалась и выразила всю обиду по отношению к родителям, эти эмоции исчезли. В момент прозрения она увидела, что родители пытались спасти ее и их нельзя винить. Она избавилась от обиды и гнева.

Я помню тот момент, как мы с Сарой сидели на кухне: мы почти могли ощутить тот поток энергии, который излился из нее, казалось, что гнев и страх с силой вырвались наружу. И когда ее оставил гнев, прошла и фобия.

В случае с Чейзом катарсис не оказался необходимым, чтобы его страх перед громкими звуками и экзема прошли. Осознание и понимание – вот все, что ему было нужно на первом сеансе с Норманом Инджем. Процесс был мягким и не столь высокоэмоциональным. Очевидно, в тот раз Чейзу не нужно было видеть момент той смерти. Он прошел очень долгий путь, и воспоминания поблекли.

Но как выяснилось впоследствии, процесс остался незавершенным. Неразрешенные эмоции той жизни укоренились глубоко в его душе, и через три года они были пробуждены сообщениями о войне в Персидском заливе. Его грусть расставания с семьей пробила наружу с оставшейся частью истории, вместе с воспоминаниями о смерти на поле битвы. В конечном счете он закрыл ту свою жизнь, когда заново пережил момент смерти и состояние после смерти. Он обрел нужную отрешенность для того, чтобы проработать свои чувства и оставить ту жизнь за собой, там, где ей и следовало находиться. Его смерть наконец завершилась.

Модель исцеления доктора Вулгера помогла мне понять то, что случилось с моими детьми. Но кое-что ставило меня в тупик. Воспоминания моих детей качественно отличались от тех мрачных и кровавых историй, которые приводил доктор Вулгер в своей книге. Смерти из прошлых жизней Сары и Чейза были столь же трагичны и ужасны, как и их, но травмы моих детей, казалось, лежали ближе к поверхности, требовали лишь внимания и нежного прикосновения, чтобы проявиться и разрешиться. Их травмы напоминали поверхностные порезы, которые нуждались в доступе солнечных лучей и свежего воздуха для того, чтобы затянуться. С пациентами же доктора Вулгера дело обстояло иначе – их глубокие раны требовали психологической хирургии. Чем объяснялись эти качественные различия? Я прокручивала в своем уме этот вопрос снова и снова.

Я поняла, что забывала об очевидном: детские воспоминания *действительно* находятся ближе к поверхности. Дети не прожили столько лет и не приобрели тот опыт, чтобы подобные проблемы глубоко внедрились в их личность. Очень маленькие дети не имеют вообще того слоя убеждений и культурных условностей, который мешает их самоосознанию и внушает им мысль о том, что прошлых жизней не существует. Поскольку доступ к памяти у детей прегражден меньшим количеством барьеров, им легче вспомнить свои прошлые жизни и разрешить связанные с ними проблемы, чем взрослым. Они могут справиться за несколько минут с тем, что требует во взрослом возрасте много усилий как от пациента, так и от психотерапевта.

Глава пятая. Транс – это просто

Оставляя посторонний мир позади

После переезда в Филадельфию я поговорила с Норманом Инджем по телефону. У меня накопился целый ворох вопросов, и я вывалила его на Нормана без зазрения совести. Он понимал, что я нахожусь сейчас в поиске, и хотел помочь мне. Норман сделал предложение: если я приеду к нему во Флориду, он начнет меня обучать проведению регрессий. Единственное условие, которое он ставил, было то, что я продолжу свое обучение по гипнотерапии, когда возвращусь домой. Мне очень хотелось принять предложение Нормана, но я не представляла, как смогу осуществить поездку во Флориду. Стив был все время в разъездах из-за своей новой работы, и я должна была заботиться о детях.

Но, видно, судьбе было угодно, чтобы я отправилась туда. Через несколько недель моя мать позвонила и сообщила, что собирается во Флориду к подруге. Она также пригласила меня с детьми погостить вместе с нею. Как я вскоре выяснила, ее подруга жила неподалеку от дома Нормана. Мне хватило двух секунд, чтобы составить план: я смогу поехать во Флориду, отвести детей в «Мир Диснея» и обучаться у Нормана, пока моя мама развлекается со своими внуками. Все складывалось прекрасно.

Наконец, после того, как Чейз ежедневно в течение нескольких недель повторял вопрос: «Уже пришло время отправиться в Диснейуолд?», этот великий

день настал. Чейз, Сара, моя мать и я вошли в Королевство Магии, оставляя позади посторонний мир. Диснейуолд был именно таким, как мы его себе представляли – головокружительным и магическим – миром в себе. Неутомимый Чейз бросался от одного приключения к другому, Сара следовала за ним по пятам. Мы с матерью плелись в хвосте, подкрепляя себя холодным чаем и кофе. Дети вели себя прекрасно, несмотря на то, что приходилось выстаивать долгие очереди к аттракционам. Они находились в состоянии полного блаженства – мчались на поездах, опускались на дно в подводной лодке и преследовали пиратов Карибского моря на паруснике. Когда Чейз застрял на своем коне-призраке посреди кладбища на целых страшных десять минут, ему казалось, что это лучшая часть путешествия.

Я тоже вкусила магии – карабкаюсь по стенам форта первопроходцев и стараюсь не упустить Чейза из виду – и вдруг услышала, как отдаленный голос произнес «Кэрл?». Я оглянулась и увидела приятельницу из Эшвилла, которую Норман регрессировал в прошлую жизнь. Она была единственным человеком, прошедшим сквозь регрессию в прошлую жизнь, которого я знала лично. Странно, но нам обоим казалось, что мы должны будем встретиться возле форта в Диснейуолде за много миль от наших домов. Я рассказала, что приехала во Флориду, чтобы учиться у Нормана. Она ответила: «Все совпадает».

За два дня мы исследовали каждый дюйм Королевства Магии. Дети с большой неохотой возвращались в реальный мир Флориды, мы же с матерью были давно готовы к этому.

На следующий день я оставила детей с матерью и отправилась к Норману. Проезжая по песчаной долине по направлению к дому Нормана, я заметила большую белую птицу, летящую впереди машины. Казалось, что она указывает мне путь. Выйдя из машины, я заметила, как птица уселась на дерево рядом с домом Нормана. Норман открыл дверь и вышел наружу, чтобы встретить меня.

«Видели ли вы ее? – спросила я, указав на птицу. – Она привела меня к вашему дому».

«О да, – ответил Норман со странным блеском в глазах. – Она навещает меня время от времени». Я сразу поняла, что мне предстоит провести очень интересное время с Норманом.

Мы провели два дня в разговорах о целительстве, подсознании, кахунд-шаманизме на Гавайях и гипнотизме. Но разговор постоянно возвращался к вопросу о том, как открыть поток воспоминаний. Я засыпала Нормана вопросами: как смогли Сара и Чейз так легко получить доступ к воспоминаниям без формального гипноза? Возможно ли гипнотизировать детей так же, как и взрослых? Если регрессировать Сару и Чейза снова, возвратятся ли они в ту же прошлую жизнь или в иную, и окажется ли эта иная прошлая жизнь тоже травматической?

Как объяснил Норман, гипноз – это всего лишь состояние фокусированной концентрации. Мы постоянно то входим, то выходим из гипнотического состояния, смещая свой фокус то вовнутрь, то наружу. Например, когда мы с интересом смотрим телевизор или погружаемся в чтение захватывающей книги, то отключаемся от окружающего мира – не замечаем ни звуков, ни времени, ни суеты рядом с собой. Мы входим в легкий транс. Иногда, когда мы ведем машину по автострате, наше внимание гаснет, мы погружаемся в свои мысли и внезапно замечаем, что пропустили нужный поворот, когда уже поздно что-либо сделать. Это тоже легкий транс. Безусловно, какая-то часть нашего разума продолжает следить за дорогой и управлять машиной, но наше сознание временно не принимает участия в том, что мы делаем.

То же относится и к состояниям гипнотического транса. Сознание до некоторой степени отключено, пока наш разум занят внутренними образами, мыслями и чувствами. Сознание никогда полностью не выключается – оно всегда осуществляет наблюдение. Вот почему во время сеанса женщина может вспомнить о том, что ей нужно достать носовой платок или отправиться в туалет, а затем возвратиться на кушетку, не выходя из транса.

Норман заявил, что транс у детей – то же самое, что и у взрослых. Но *дети входят в транс и выходят из транса гораздо легче и чаще, чем взрослые*. Если вы наблюдали за детьми, а особенно за маленькими детьми, то, наверное, заметили, что их глаза расширяются, а дыхание становится иным, когда их взгляд застывает и они смотрят в пустоту некоторое время. Кажется, что они уходят в свой собственный мир, не осознавая, что происходит вокруг. Собственно говоря, в эти моменты они входят в состояние легкого транса, фокус их внимания направлен на внутреннюю реальность. Что именно они переживают в таком состоянии, мы не знаем. Но психологи считают, что дети, способные часто и надолго уходить в себя, обладают самым высоким интеллектом и творческими способностями. Таким образом, это не просто безопасное состояние, но оно еще и приносит детям пользу.

Со взрослыми клиентами – как объяснил мне Норман – ему приходится пользоваться рядом разнообразных техник – релаксацией, дыханием, направляемым воображением, чтобы помочь им перевести фокус с внешних ощущений на внутренние. Процесс начинается с того, что человек закрывает глаза и фокусируется на дыхании. Затем внутренняя фокусировка углубляется, когда клиенту предлагают вообразить прекрасную сцену или иной привлекательный образ, занимающий ум. Когда клиент теряет контакт с внешними раздражителями, переходный этап завершается, и его внутренняя реальность обретает самостоятельную жизнь. Сознание в это время «делает перерыв», а подсознание начинает доминировать.

Когда клиент находится в трансе, Норман предлагает ему «Отправиться в прошлую жизнь» или «Отправиться к тому моменту, когда возникла проблема». Такие предложения действуют как ключ, открывающий дверь к опыту, заключенному в подсознании, в хранилищах памяти. Если ключ подойдет, замок откроется. Однако иногда случается так, что дверь открыть не удастся. Либо психотерапевт не смог отыскать правильный ключ, либо клиент еще не готов погрузиться в свое подсознание и забаррикадировал туда доступ. Сознание некоторых людей является просто слишком сильным, и они сопротивляются процессу. Но людей, не поддающихся гипнозу, меньшинство. Если различные техники не помогают, лучше не пытаться ускорить процесс. Клиент сопротивляется по определенной причине – это защитный механизм, и его следует уважать. Этот процесс не может быть никому навязан.

«Я ненавижу лагерь»

После того как мы провели с Норманом несколько часов за восхитительным разговором о гипнозе и удивительных целительных свойствах мудрого подсознания, прибыл первый клиент, Чарльз. Он согласился с тем, чтобы я присутствовала на сеансе в качестве ученицы Нормана. Его привело к Норману любопытство. Он хотел заглянуть в свои прошлые жизни, чтобы побольше узнать о себе. У Чарльза не было никаких особых проблем, которые он хотел бы разрешить.

Норман начал с того, что стал расспрашивать Чарльза об обстоятельствах его жизни. Я вся обратилась в зрение и слух, боясь пропустить хоть слово из их разговора. Он расспрашивал Чарльза о самых грустных, самых счастливых и самых запомнившихся событиях в жизни. Он также выведал истории всех физических болезней и перенесенных травм, о которых Чарльз мог вспомнить.

Чарльз сидел в глубоком кресле с наклонной спинкой в темном кабинете Нормана. И хотя Норман еще не провел гипнотической индукции, глаза Чарльза были полузакрыты и он погрузился в задумчивость, припоминая события прошлого. Самое травматическое воспоминание пришло из детства, когда родители отправили его в загородный летний лагерь на одни сутки. Как ужасно там было! Чарльз настолько возненавидел лагерь, что сразу убежал оттуда, сев на пригородный поезд. Когда отец узнал, что сделал Чарльз, он пришел в ярость и выпорол сына ремнем. Это был единственный раз в жизни Чарльза, когда отец наказал его физически. Чарльз этого не забыл. И действительно, Чарльз прямо вжался в кресло, рассказывая эту историю после стольких лет.

Больше Чарльз ничего не смог припомнить из своей жизни, что имело бы особое значение или беспокоило его. Итак, Норман начал проводить гипнотическую индукцию, чтобы облегчить процесс вхождения в прошлые жизни. Я прислушивалась внимательно к словам Нормана, вглядывалась в лицо Чарльза, чтобы увидеть, какие в нем произойдут перемены, когда он войдет в транс.

Норман предложил особенно тихим и мягким голосом, чтобы Чарльз закрыл глаза и сосредоточился на своем дыхании. Затем он попросил своего клиента представить себя в каком-то прекрасном месте на лоне природы. Плавнo переходя от одного образа к другому, Норман предложил Чарльзу вообразить отверстие в земле и лестницу, уводящую под землю. Он сказал, чтобы Чарльз представлял, как шаг за шагом спускается по ступенькам, пока не окажется в светящейся комнате под землей. Раз, два, три, четыре... девять, десять. В комнате множество дверей.

Я сидела, затаив дыхание, в ожидании того, что должно было вот-вот произойти. Я слышала, как сердце бьется у меня в груди.

Но ничего не случилось. Чарльз продолжал хранить молчание. Норман сказал ему медленно и спокойно: «Опишите, что происходит вокруг вас». Вразумительного ответа не последовало. «Что вы ощущаете в теле?» Снова ничего. «Посмотрите на свои ноги. Во что вы обуты?» Но ничего не происходило. Норман применил различные техники для того, чтобы помочь Чарльзу сфокусироваться на своем внутреннем видении. Он переходил от одного приема к другому, но ничего не помогало. Чарльз послушно исполнял все пожелания Нормана. Но каждый раз он отвечал, что не видит никаких образов, кроме обычных умозрительных картин.

Но по мере того, как я слушала все, что Норман говорил Чарльзу, что-то странное начало происходить со мной. Я ощутила, как по моему животу разлился жар, и не могла определить, происходит ли это от возбуждения или страха. Холодный поток энергии пробежал вдоль моего позвоночника. На меня нахлынула грусть. Я почувствовала, что вот-вот расплачусь. Я попыталась взять себя в руки, боясь испортить сеанс, но слезы уже лились у меня по щекам. Я вытерла их платком, сделала глубокий вдох и повторила еще одну отчаянную попытку сдержаться. Что в конце концов происходит со мной?

Норман, направив все свое внимание на Чарльза, не заметил моего состояния. Он был готов сдаться и успокаивал своего клиента, говоря, что людям отнюдь не всегда удается вспомнить свою прошлую жизнь на первом же сеансе. В этом не было ничего страшного.

Внезапно, повинувшись какому-то импульсу, не в силах больше сдерживаться, я нарушила молчание. «Чарльз, – сказала я, – это очень странно, что у тебя было отрицательное переживание, связанное с лагерем, потому что со мной в детстве произошло то же самое, когда я отправилась в лагерь скаутов. Я все время плакала. Я чувствовала себя совершенно несчастной и ненавидела лагерь. Но это было очень странно, так как все вокруг были очень довольны. Сейчас я знаю, в чем дело, – этот *летний лагерь* напоминал мне *концентрационный лагерь*».

Как только последние слова были произнесены, Чарльз обхватил свою грудь руками и стал ловить ртом воздух. Норман, не растерявшись, прекрасно понимая, что происходит, тут же выпалил: «Чарльз, что происходит?»

«Я ощущаю запах газа. Не могу дышать. Задыхаюсь». Чарльз через силу выдавливал из себя каждое слово. Едва мог говорить.

«Где вы?» – спросил Норман. Чарльз рыдал, не сдерживаясь. Я могла видеть картину смерти Чарльза своим мысленным взором, прежде чем тот начал говорить. Его речь прерывалась всхлипываниями, он стал рассказывать, какой ужас он пережил, когда его, молодого человека, втолкнули вместе с остальными мужчинами в маленькую холодную комнату. Он услышал запах газа, наполняющего комнату, затем ощутил пронзительную боль в груди. Затем он покинул тело.

Тишина. (Если не считать моего хлюпанья носом.) Норман вручил каждому из нас по салфетке.

Когда Чарльз успокоился настолько, что смог продолжать говорить, Норман попросил его отправиться в более ранний период той жизни. Чарльз вспомнил свою

жизнь в роли польского еврея, которого насильно увели из дому вместе с родителями и соседями. Он вспомнил поездку на поезде и то, как оказался в газовой камере, где хватал ртом воздух, пока ядовитый газ не заполнил его легкие.

Норман снова попросил его описать свою жизнь, еще раз провел через смерть в газовой камере, пока Чарльз не стал дышать свободно и успокоился.

Нас ждал еще один сюрприз. Как только Чарльз вышел из состояния транса, он воскликнул: «Вот почему у меня бывают приступы беспричинного беспокойства! Без всякого видимого повода у меня учащается сердцебиение, я начинаю задыхаться и чувствую сжимающую боль в груди. В детстве родители водили меня от одного специалиста к другому, но ни один из них не обнаружил у меня органической патологии. Они отвели меня даже к психиатру, но и тот ничем не смог помочь. Сейчас все приобретает смысл – приступы беспокойства, затрудненное дыхание и боль в груди. Это из-за смерти в концентрационном лагере. Тот детский лагерь напомнил мне концентрационный, и я не мог выдержать этого! Сейчас все стало на свои места!»

После сеанса мы с Чарльзом крепко обнялись. Мы смотрели друг на друга в безмолвном понимании, испытывая чувство благодарности за то, что смогли пережить это, за то, что между нами установилась такая тесная связь.

Мы с Норманом проводили Чарльза на улицу, под яркий солнечный свет, чтобы попрощаться с ним там. После того как он уехал, мы рассмеялись, решив, что этот сеанс обучения превзошел все наши ожидания. Поскольку Чарльз не сразу воспользовался приглашением Нормана отправиться в прошлую жизнь, я стала свидетелем того, как Норман демонстрирует весь свой репертуар, стараясь найти технику, способную сдвинуть клиента с мертвой точки.

Но главное, я научилась доверять своей интуиции. Очевидно, я тоже вошла в транс, когда Норман произвел гипнотическую индукцию. Поскольку я концентрировалась на Чарльзе, то каким-то образом сумела настроиться на *волну* его воспоминаний, вначале на эмоциональном уровне (начала плакать), затем визуально (увидела его в концентрационном лагере). Доверившись своей интуиции, я предложила этот ключ к памяти Чарльза. Он подошел идеально, и начался процесс воспоминаний. Иногда терапевты начинают «совместно представлять» – видеть то, что видят их клиенты и воспринимать эмоции их воспоминаний.

К этому времени уже наступил вечер. Солнце разбивалось о листву высоких пальм, и бриз взъерошил кусты и деревья вокруг дома Нормана. Я была эмоционально опустошена после сеанса, но мой ум переполняли идеи. И я умирала с голоду. Норман, его жена Джойс и я отправились в ближайший тайский ресторан. Каждое блюдо казалось великолепным. Я была очень голодна. После обеда Норман отвел меня в книжный магазин, где он время от времени проводил занятия по регрессиям в прошлые жизни и целительству. Я была приятно удивлена, увидев такое количество людей, интересующихся регрессиями в прошлые жизни, в одной комнате. Но Норман подготовил для нас иной сюрприз в этот вечер – через несколько минут мы стали петь подлинные гавайские песни и танцевать хулу!

Сара правит

Когда следующим утром Сара и Чейз услышали о моих приключениях, они очень расстроились, что не имели возможности провести время с Норманом. Больше всего дети жалели о том, что не видели, как Норман танцует хулу. Я позвонила Норману, и мы составили с ним план. На следующий день Норман приехал к нам с самого утра и отвез нас, а также наш багаж, к себе домой, где мы провели несколько часов, прежде чем отправиться в аэропорт. Детям потребовалось всего несколько минут, чтобы исследовать дом и сад Нормана вдоль и поперек в поисках домашних животных, игрушек и бассейна. Не обнаружив ничего особо интересного, оба моих ребенка уселись на кушетку. И тут Сара самым сладким голосом с лукавым мерцанием в глазах спросила Нормана, не согласится ли он провести с ней еще одну регрессию. Мы с Норманом переглянулись. Отличная мысль!

Мы сопровождали Сару в кабинет Нормана. Я сказала Чейзу, что он может присутствовать, если пообещает вести себя тихо. Чейз с готовностью дал слово. Для него все это было так же интересно, как и для меня.

Норман сказал Саре, чтобы она устраивалась поудобнее в откидывающемся кресле, а сам тем временем прикрыл жалюзи, чтобы в кабинет не проникали лучи яркого утреннего солнца. Затем он спросил у Сары, не испытывает ли она каких-либо проблем, подобных тем, о которых она говорила в прошлый раз, и не возникло ли у нее вопросов относительно жизни. Мне было интересно, что ответит на это Сара. Но нет, ничто особо ее не тревожило – ей было просто любопытно.

Я стала ждать, что предпримет Норман в таком случае, когда нет никаких специфических жалоб. В прошлый раз, когда Норман занимался с ней этим, он использовал страх Сары перед огнем как ключ к ее памяти. Но сейчас, когда не было ничего явного, за что можно было бы зацепиться, не станет ли он применять ту же технику гипноза, что и со взрослыми?

Норман включил магнитофон с записью успокаивающей музыки – флейты и синтезатора. Затем предложил Саре закрыть глаза и нарисовать в своем воображении самую красивую картину в мире – представить свой любимый уголок природы. Тут же ее прикрытые веки затрепетали, как крылья бабочки, на лице заиграла улыбка. Норману не нужно было направлять Сару дальше. «Где ты, Сара? Что ты испытываешь?» – спросил он успокаивающим голосом.

Сара стала описывать себя как взрослого мужчину, живущего в Египте много лет тому назад. Она видела, как сидела на каменном сиденье посреди большой комнаты с колоннами в окружении людей, которые были ее слугами. При описании этой сцены Сара приняла напряженную позу, ее руки упирались в подлокотники кресла. Лицо Сары перестало быть мягким, оно приобрело то же каменное выражение, что и описываемая ею сцена. Ее изменившийся голос поразил меня. Он все еще был высоким, как голос маленькой девочки, но в нем зазвучали ноты человека, который привык, чтобы его слушались.

«Что ты испытываешь, обладая такой властью?» – спросил Норман, чтобы решить, не является ли подсознательная тяга к власти причиной того, что Сара решила продемонстрировать именно эту жизнь.

«Мне нравится власть. Я умею пользоваться ею. Мои люди любят меня», – ответила Сара гордо.

В эту минуту Чейз стал ерзать на стуле. Я приложила палец к губам, напомнив ему, что он обещал сидеть тихо. Он скорчил гримасу. Я указала ему на дверь. Чейз тихо подошел к ней и, когда прикрывал дверь с обратной стороны, я видела сквозь щель его горящий любопытством глаз, заглядывающий в комнату.

Сара стала описывать свою жизнь в роли могущественного правителя. Она рассказала об отношении этого человека к своим подданным. Его интересовало то, что о нем думают его люди, и он стремился использовать власть мудро. Он никогда не отвергал советы и всесторонне взвешивал любой вопрос, прежде чем принять решение. Особым доверием правителя пользовался один его советник и близкий друг. Сара начала тихо плакать, когда вспомнила смерть этого друга. На его могилу правитель возложил камень. Когда ему требовалось принять сложное решение, правитель отправлялся на могилу, клал руки на камень и пытался ощутить присутствие умершего друга, чтобы получить от него совет.

Норман предложил Саре: «Отправляйся к этому камню прямо сейчас, положи на него руки». Я видела, как загорелось лицо Сары, как она выпрямилась на стуле. «Да, – сказала она, – я могу ощущать его энергию». Ее глаза все еще были закрыты. Я взглянула на Нормана. Он кивнул головой: да, Сара действительно испытывала все это.

Сара сказала, что ничего важного больше не происходило в жизни этого мужчины, кроме обычных хлопот, связанных с правлением. У него были жена и дети, но все это как бы составляло фон его жизни. После его смерти власть должна была перейти к старшему сыну, и эта мысль успокаивала правителя.

«Сожалеешь ли ты о чем-то в этой жизни?» – спросил Норман.

Верхняя губа Сары начала подергиваться. Жесткое выражение сошло с ее лица, а слезы покатались из закрытых глаз. Она вытерла их рукой, стараясь не разрыдаться.

«Что это?» – спросил Норман.

«Это моя сестра. Я испытываю чувство вины по отношению к своей сестре».

«Что произошло с твоей сестрой?» – подбадривал ее Норман.

«Согласно законам Египта, я имел право унаследовать все состояние после смерти отца. Но моя сестра позавидовала мне, и вместе со своим мужем они украли что-то ценное. Мне кажется, это была статуя. Она не должна была поступать так. Это было против закона нашей страны. Я разозлился, когда обнаружил пропажу. Она узнала, что мне известно о ее поступке, и удрала той же ночью со своим мужем. Я больше ее никогда не видел и тосковал по ней всю свою жизнь».

Сара начала плакать. «Я должен был слушаться своего сердца, а не закона страны. Но у меня не было выбора. Это должно было послужить уроком для моих подданных. Таков был закон. Мне жаль, что так вышло с моей сестрой».

Узнаешь ли ты в ком-то из этой жизни свою сестру? Возможно, это кто-то из твоих знакомых в иной форме?»

«Это Чейз, – не колеблясь, ответила Сара. – Я решила возвратиться вместе с ним на этот раз, чтобы мы научились проявлять справедливость друг к другу». Улыбка тронула уголок ее рта. «Это смешно, – прибавила Сара, – но у моей сестры тогда тоже были прямые рыжие волосы. Почти у всех остальных волосы были черными».

Сара открыла глаза и широко улыбнулась.

«Вот почему ты всегда стараешься уступить своему брату, даже когда он надоедает тебе?» – спросила я Сару.

«Я думаю, что да», – ответила Сара с лукавой улыбкой, потянувшись и запрыгала по комнате, явно желая избежать дальнейших комментариев.

Сара всегда уступала Чейзу все лучшее. И мы со Стивом не могли не изумляться тому великодушию и терпимости, которые Сара проявляла по отношению к своему младшему беспокойному брату. Я усмехнулась про себя, вспомнив, как мы приписывали эти добродетели хорошему родительскому воспитанию, но дело, очевидно, обстояло гораздо сложнее.

Мы вышли на кухню, выпили там сока, а затем перешли на террасу, где яркое солнце Флориды заставило нас щурить глаза. Чейз терпеливо поджидал нас там. Он вел себя так хорошо, как только может вести себя шестилетний мальчик, зная, что примерное поведение обязательно будет вознаграждено.

Норман взглянул на часы и сказал, что у нас есть время для еще одной регрессии. Затем обратился к Чейзу, чтобы узнать его мнение на этот счет. Он не хотел, чтобы Чейз остался в стороне. Сара все еще сияла. Чейз ответил: «Конечно».

Грязные ноги

Мы все пошли назад, в кабинет Нормана. На этот раз Чейз уселся в откидывающееся кресло. Маленький мальчик в большом кресле.

Норман начал так: «Ты недавно был в Диснейуолде. Расскажи мне о своем любимом аттракционе». Чейз рассказал, как ему понравилось ездить на машине по дому с привидениями. Машина шла ровно, а затем внезапно дергалась в сторону.

«Хорошо, – продолжал Норман, – а теперь представь, что ты снова сидишь в этой машине и едешь очень, очень быстро и все время кружишься и кружишься». Чейз ухватился за ручки кресла. Его веки быстро затрепетали, дыхание участилось. «Эта машина едет очень быстро, а затем внезапно останавливается. Когда она остановилась, ты выходишь из нее и оказываешься в иной жизни. В той жизни, куда ты хочешь попасть».

«Я мужчина. На мне коричневые штаны, – Норман подмигнул мне, Сара же сидела с закрытыми глазами и ловила каждое слово, – и белая рубашка. Она очень большая – не похожа на обычные рубашки. На ногах у меня сандалии с кожаными ремешками. Я могу видеть эти ремешки и грязные пальцы ног. Сейчас жарко и полно

пыли. Очень сухо. Женщина... моя жена стоит рядом со мной. Она одета в платье. На голове у нее шляпа с полями, торчащими в обе стороны. Я меняю маленький сын. Я делаю для него деревянные игрушки. У меня есть собака. Я очень счастлив».

Во второй раз я слышала, как мой сын говорит том, что у него есть семья. От этих слов у меня по телу пробежала легкая дрожь.

«Какой работой ты занимаешься?» – спросил Норман.

«Я вырезаю деревянные изделия для людей. Мне нравится моя работа. Я счастлив».

«Произошло ли что-то с тобой в этой жизни?» – спросил Норман.

«Это хорошая жизнь. Я люблю свою семью».

«Произошло ли что-то важное в этой жизни?» – спросил Норман.

«Я работаю, я люблю свою работу. Мой сын растет и учится работать, как и я. Он вырезает красивые вещи из дерева. Это хорошая жизнь, я действительно люблю свою семью».

«Был ли в той жизни кто-то знакомый тебе по этой жизни?» – продолжал зондировать Норман, стараясь выяснить, что осталось незавершенным в той жизни.

«Да, мой сын. Это мой друг. Хенсон».

Я вспомнила Хенсона, который всегда сопровождал Чейза в школе, и улыбнулась, вообразив его сыном Чейза. Матери Хенсона и мне нравилось, когда мальчики встречались после школы и играли вместе. Они были так добры друг к другу и никогда не дрались.

«Можешь ли ты что-то еще рассказать об этой жизни?» – нас поджимало время, но Норман хотел довести сеанс до конца.

«Да, о моей собаке. Я скучаю по собаке из той жизни. Я страшно расстроился, когда мои родители отдали собаку перед тем, как родился я. Я снова хотел иметь собаку. Я очень грустил, когда они отдавали собаку».

«Ты знаешь, что произошло *перед* тем, как ты родился?» – уточнил Норман.

«О да, я знал, что они отдадут нашего пса, но я не мог сказать, чтобы они не делали этого, так как не родился еще». Это был интересный поворот. Да, у нас была собака, большая немецкая овчарка, которую мы вынуждены были отдать, так как переезжали из деревни в город. Мог ли Чейз действительно знать об этом *прежде*, чем появился на свет? Знают ли дети о том, что происходит в окружающем мире, находясь в матке? Эти вопросы я решила отложить на потом.

Пришло время уезжать. Норман уверил Чейза в том, что это было очень здорово вспомнить такую счастливую прошлую жизнь, что эти чувства он сохранит навсегда в своем сердце. Затем он велел моему сыну открыть глаза. Чейз раскрыл глаза как-то особенно широко, потер их руками и стал внимательно разглядывать все в комнате. Затем он перелез через ручку кресла и побежал к двери. Когда мы вышли вслед за ним в другую комнату, он светло улыбнулся и попросил разрешения окунуть ноги в бассейн.

Когда я сказала им, что пора уезжать, дети начали ныть. Им было так интересно с Норманом. Я прекрасно знала, что они чувствуют.

Уже на воздухе я окончательно осознала, что Норман сделал это снова. Но в этот раз все было иначе, чем тогда, на кухне. Иными были приемы, которые использовал Норман, чтобы пробиться к их памяти. В прошлый раз он воспользовался их специфическими страхами как мостом в прошлые жизни. Сегодня же, когда страхов уже не было, Норман применил ту же общую индукцию, что и со взрослыми, – технику релаксации и направленного воображения. Чейзу он предложил вообразить вертящуюся машину из Диснейуолда как средство доставки в иную жизнь, и это сработало. Сара же без всякой определенной инструкции отправилась в жизнь, где у нее оставалось незавершенное дело. И по ее же словам, она *решила* прийти в эту жизнь вместе с Чейзом, чтобы трещина, возникшая в их отношениях, смогла исчезнуть. Повлияет ли это прозрение на их отношения? Поживем – увидим.

Добрые воспоминания Чейза о том времени, когда он был резчиком по дереву, не отличались драматизмом. Это объясняло его дружбу с Хенсоном, но не решало

никаких проблем. Очевидно, это приятное воспоминание уравновешивало предыдущее травматическое переживание.

Я почувствовала облегчение от того, что последние воспоминания о прошлых жизнях у Сары и Чейза были спокойными, а не трагичными. Поистине, счастливые жизни нужны нам, чтобы смягчить трагические переживания из других.

Небеса прошлых жизней

Я возвратилась из Флориды с твердым намерением продолжить свое исследование (как я громко окрестила то, чем занималась последнее время). Я также получила от Нормана длинный список книг для обязательного прочтения. Я читала и читала: книги доктора Мильтона Эриксона, считающегося общепринятым авторитетом в области гипноза, книги по нейролингвистическому программированию и, конечно же, книги по прошлым жизням и регрессионной психотерапии. Чтобы исполнить обещание, данное Норману, я нашла в Филадельфии гипнотерапевта, согласившегося обучать меня основам гипноза.

У Патрика и Кэти я взяла адрес доктора Вулгера и написала ему письмо, в котором сообщила, как высоко я ценю его книгу, а также рассказала немного о своем скромном опыте изучения воспоминаний о прошлых жизнях у детей. В конце письма я высказала надежду на то, что когда-нибудь мы сможем встретиться. В ответ доктор Вулгер прислал мне расписание своих семинаров. В списке числился недельный семинар, который он собирался проводить летом в одном из красивых уголков северной части штата Нью-Йорк. У меня не было никаких сомнений – я решила в нем участвовать!

В конце июня я забросила детей к матери и продолжила путешествие к границе Вермонта. Семинары проводились в большом обветшалом доме у озера – в тихом месте, где не было телефонов и прочих отвлекающих от регрессий в прошлые жизни факторов. Я присоединилась к группе из пятидесяти человек, в состав которой входили терапевты, психиатры, социальный работник, юрист, преподаватели, акушерка и учитель йоги из Коста-Рики. Я очутилась в раю прошлых жизней. Целую неделю я занималась тем, что проводила регрессии для других, отправлялась в регрессии сама и беспрестанно говорила о прошлых жизнях.

Мы наблюдали за Роджером, демонстрирующим свои техники на членах группы и проводящим принципы своей книги в жизнь. Я видела, как участники семинара испытывают самые разнообразные эмоции и чувства, проходя через регрессии в прошлые жизни. Они плакали, стонали, смеялись и катались по полу всю неделю. Я не переставала удивляться тому, как глубоко уходили люди в свои истории из прошлых жизней и насколько элегантно и отточены были техники индукции Роджера. Он редко прибегал к формальной гипнотической индукции, вместо этого он использовал образы, ключевые возвращающие мысли и фразы (*историю жизни*), телесные симптомы и чувства в качестве мостов к историям прошлых жизней. Поскольку эти воспоминания состоят из нескольких компонентов – ментального, эмоционального и физического, – человек, закрыв глаза и сфокусировавшись на одном из них, вызывает воспоминание о своей истории из прошлой жизни.

Например, если кто-нибудь описывает свою проблему как: «Я никогда не чувствую себя в безопасности», Роджер предлагает этому человеку повторить фразу несколько раз, сосредоточив все внимание на дыхании. «Я никогда не чувствую себя в безопасности. Я никогда не чувствую себя в безопасности. Я никогда не чувствую себя в безопасности. Я никогда не чувствую себя в безопасности» – с этим повтором образы и чувства начинают устремляться в сферу осознания пациента, обретая свою собственную жизнь и сплетая в живой рисунок истории прошлой жизни. То же относится и к чувствам: пациенту предлагают «придать слова чувствам и повторять эти слова до тех пор, пока образы, принадлежащие соответствующей истории, не начнут приходить на ум».

Наконец я полностью поняла работу того механизма, с помощью которого Норман получил доступ к памяти моих детей тогда, на кухне. Он воспользовался техникой наведения моста, когда произнес: «А теперь расскажи, что ты видишь,

когда слышишь те громкие звуки, которые пугают тебя», а затем: «Закрой глаза и скажи мне, что ты видишь, когда чувствуешь страх перед огнем». Он использовал эти страхи как сенсорные сигналы, как мосты, переброшенные в прошлые жизни.

Вскоре у меня появилась возможность экспериментировать с этими методиками собственноручно. В конце семинарской недели мы разбились на пары и начали работать с партнерами. Мыс напарницей отыскиали тихий уголок, и я легла там па подушки, брошенные на пол. Она предложила мне выбрать предмет беспокойства и описать его. Я хотела работать и потому решила рассказать ей, какую неловкость я испытываю, когда Роджер обращается лично ко мне, адресуя свой вопрос всей группе. Я всегда боялась публичных выступлений любого рода. Напарница предложила мне развить эту мысль, и я перешла к тому, что с самого детства я чувствовала, что не вписываюсь ни в какую группу. Я всегда была чужаком в любом обществе. «Вписаться» всегда было для меня проблемой, и эта неспособность вызывала чувство неловкости во многих ситуациях. Воспользовавшись этим ключом, женщина сказала мне закрыть глаза и все время повторять: «Не вписываюсь, не вписываюсь».

«Не вписываюсь. Не вписываюсь. Не вписываюсь» – образы начали формироваться. «Не вписываюсь, не вписываюсь». Очень скоро я оказалась в ином теле, в ином времени. Я увидела себя в образе мальчика лет двенадцати, сидящего на жесткой деревянной скамейке в квадратном примитивном здании. Это была школа. Моя одежда была грубой, старой и бедной. Рядом со мной сидели другие мальчики. Тут же я решила, что все это происходит в конце восемнадцатого века в Пенсильвании в религиозной общине – возможно, Эймиш. И я поняла, в чем проблема – я была сообразительным ребенком с живым воображением и, конечно же, чувствовала себя не на месте в этой строгой общине, среди ее богобоязненных членов. Войдя в это видение, я обнаружила, что мальчик мечтает о чем-то своем, почти не замечая протяжный, заунывный голос учителя.

Внезапно я почувствовала обжигающую боль от удара по рукам, возвратившую меня к тусклой действительности. Зануда-учитель прошелся розгой по моим рукам. Я чувствовал, как горят мои руки, но это ни в коей мере не могло сравниться с душевной болью. Что я делаю здесь? Я не вписываюсь в эту обстановку. Почему я остаюсь здесь? Я ненавижу эту подавляющую жизнь, держащую в узде мой дух и запрещающую самовыражение. Эти ограничения убивали меня.

В следующей сцене я взбирался вверх по черешне. Я не только видела это, но и ощущала неровную кору дерева под своими пальцами. Я также ощущала веревку из конопли, переброшенную через плечо. Я принял решение. Я не отступлюсь от него. И я начал плакать. Я испытывал чувство вины, думая о своих родителях. Я молился, чтобы они простили меня и чтобы простил меня Бог. Я ощутил грубую веревку, наброшенную на мою шею. Я уже собирался прыгнуть вниз с ветви, но тут меня отвлекла боль, которую я еще испытывал в руках после того, как учитель протянул меня розгой. Ощущение изменилось, в руках появилось покалывание, они были живыми. Сквозь них проходила такая энергия, что они начали болеть. Я прыгнул, и мой последний вдох был прерван петлей, затянувшейся вокруг шеи. Все вокруг почернело. Моя последняя мольба была обращена к Богу. Пусть мой дух освободится, чтобы свободно выразить себя. Моими последними ощущениями были – сдавливание горла и огромная энергия, исходящая из рук.

Внезапно из темноты до меня донесся отдаленный голос. Моя напарница по семинару спрашивала: «Что происходит?» Затем я увидела себя в обстановке девятнадцатого века. За роялем сидел элегантно одетый молодой мужчина. Его игра была исполнена неземной красоты. Мой дух изливался из моих рук, выражая себя без всяких усилий. Мои руки были живыми, но легкие дышали с трудом, словно петля, туго обвившаяся вокруг моего горла, все еще мешала воздуху попасть в грудь. Понимание связи между этими двумя жизнями наполнило мое сознание с поразительной ясностью.

В конце недели все участники семинара были опустошены сильными переживаниями. Мы испытали слишком много высокой драмы за столь краткий срок.

Поразительно, но многие из нас все же чувствовали себя более счастливыми. Мы отметили окончание семинара роскошным ужином с вином, купленным в местной винной лавке. Чтобы сделать обстановку более непринужденной и развлечь нас, Роджер продемонстрировал то, что у него получалось лучше всего, – «разминку питона». Вскоре мы все катались по полу. Впрочем, мы привыкли к этому за время семинара.

Двойные спонтанные воспоминания

В то время как я составляла для себя инструкции, мои дети подготовили для меня свою собственную программу.

Сара и Чейз подружились с соседским мальчиком, Джоном, который был того же возраста, что и десятилетняя Сара. Все трое носились по окрестностям на велосипедах и отправлялись в соседний лесок на поиски приключений. Семилетний Чейз обожал Джона и следовал за ним по пятам, куда бы тот ни направлялся. Я была рада, что мои дети наконец нашли друга, который нравился им обоим.

Но этой гармонии не суждено было просуществовать слишком долго. Скоро Сара стала ревновать Чейза к Джону и решила омрачить их дружбу, заявив Чейзу, что Джону он в действительности совсем не нравится. Она сказала, что Джон соглашается болтаться с ним везде только потому, что ему больше нечего делать. Безусловно, Чейз был задет этим до глубины души. Сара не послушалась моего совета «оставить их в покое».

Однажды субботним вечером Чейз с Джоном насобирали картонных коробок и стали резать их и скреплять вместе клейкой лентой. Чейз перерыл все ящики в доме в поисках строительных материалов. Из любопытства я заглянула в детскую и увидела, что на полу вырос картонный замок с башнями, бойницами и подъемным мостом. Модель занимала большую часть пола, а остальное пространство было покрыто обрезками и прочим мусором. Но я была так рада тому, что мальчики сами придумали себе развлечение, а не играют в видеоигры, что, обуздав свою тягу к чистоте, тихонько вышла из комнаты.

Сара тоже как-то заглянула к Чейзу и, увидев, чем занимаются мальчики, угрюмо возвратилась в свою комнату.

Позже, когда Джон ушел, Сара снова прошлась насчет дружбы двух ребят. На этот раз Чейз отреагировал истерически – заплакал и побежал в свою комнату, чтобы зарыться головой в подушку. Сара метнулась в свою комнату и с силой захлопнула дверь. Я, услышав эту возню, бросилась наверх, чтобы посмотреть, что происходит с детьми. Сначала я забежала в комнату Чейза, желая успокоить его. С Сарой я разберусь попозже – думала я. Чейз лежал на постели, вниз лицом. Все попытки утешить его успехом не увенчались. Он продолжал плакать.

Затем, в перерывах между всхлипами, он начал рассказывать мне об образах, которые явились к нему из его жизни «замковых времен». Я не знала, откуда шли эти образы, но предложила Чейзу сосредоточиться на них и рассказать все мне. «Я молодая женщина. На мне длинное платье. Я нахожусь в комнате с каменными стенами. Я очень грущу. Умираю из-за разбитого сердца».

Сейчас, говоря все это, Чейз уже лежал на кровати лицом вверх. Фразы были отрывистыми. Он выдавливал их из себя еле слышно, одну за другой.

«Ты умираешь из-за разбитого сердца?» – ободрила я его.

«Да, я помолвлена с молодым человеком, которого не люблю. Я люблю другого. Но мой отец хочет, чтобы я вышла замуж именно за этого юношу, чтобы присоединить больше земли к своим владениям. Я говорю ему, что не собираюсь выходить за того человека, которого он нашел для меня. Отец обезумел от моих слов и запер меня в башне. Я не могу оттуда выйти. Я ничего не ем. Я не хочу больше жить. Мое сердце разбито. Я умираю из-за разбитого сердца». Через несколько минут Чейз прибавил: «Сара была моим отцом, а Джон тем юношей, за которого я хотела выйти замуж».

Все время, пока Чейз рассказывал свою историю, Сара, не переставая, прыгала на маленьком батуте в своей комнате. Я слышала сквозь закрытые двери скрип

пружины батута. Внезапно она ворвалась в комнату и выпалила: «Я имела полное право так поступить, будучи ее отцом. Таков был закон страны!» Она сделала поворот на пятках и умчалась обратно.

Мне потребовалось несколько долгих секунд, чтобы сообразить, что здесь произошло. Это было невероятно! Сара каким-то образом смогла войти в память Чейза, активизировав свои собственные воспоминания того времени. Сейчас я очень жалела, что не могу находиться одновременно в двух местах.

Чейз начинал успокаиваться, и я сказала ему, что скоро вернусь. Спустившись по лестнице, я нашла Сару в гостиной. Она сидела на кушетке. Руки сложены на груди. Подбородок воинственно задран. Она смотрела прямо перед собой. Слезы лились из глаз, но Сара упрямо повторяла: «Я имела полное право так поступить, будучи ее отцом. Таков был закон страны!»

«А как ты относишься к этому поступку сейчас?» – спросила я ее, не вполне уверенная, каким образом смогу узнать у Сары все остальное. Сара заплакала сильнее: «Я должен был слушаться своего сердца, а не закона. Я был не прав, что пытался заставить ее выйти замуж за нелюбимого».

«Почему бы тебе не объяснить Чейзу, как ты относишься к этому сейчас?» Со слезами, блестящими на щеках, Сара бросилась в комнату к Чейзу и стала объяснять, насколько она чувствует себя виноватой, что не послушалась тогда своего сердца. Она знала, что поступила неправильно. Чейз с красным, зареванным лицом слушал рассказ Сары, подавляя рыдания. Он принял ее извинения и крепко обнял за шею. Через несколько минут они обнимались и дурачились. Слезы и конфликт остались позади.

Я выбежала из комнаты и помчалась разыскивать Стива. Это было поразительно: Сара и Чейз *спонтанно и одновременно* вспомнили одну и ту же жизнь, когда Сара была отцом, а Чейз – дочерью. Хотя роли и обстановка были сейчас совсем иными, Сара, Чейз и Джон все равно проигрывали все тот же старый конфликт. Насмешки Сары спровоцировали активизацию воспоминаний вначале у Чейза, затем у самой Сары.

На долю секунды скептический голос в моей голове поинтересовался, не является ли это одним из творческих путей проигрывания конфликта, не сфабриковано ли все это из отрывков романтических диснеевских историй и волшебных сказок? Возможно, но история Чейза была слишком последовательной, а его реакция слишком реалистичной для фантазии. Каким образом Чейз узнал слово *помолвлена*³ и так точно использовал его в этой истории?

Я чувствовала каждой клеткой своего тела, что это было реальностью. Это была уже знакомая территория. Больше всего меня удивило то, что воспоминания пришли спонтанно. Я не сказала и слова, чтобы пробудить их. К тому же остается загадкой то, откуда Сара могла знать, что происходит с Чейзом в эту минуту. Она никак не могла услышать его тихий голос за закрытой дверью. Она помнила ту же жизнь, но в иной перспективе. Ее история в точности совпадала с воспоминанием Чейза.

Роль Сары в этой драме повторяла тему «слушаться своего сердца, а не закона страны», возникшую во время египетской жизни. Тематическая связь этих двух историй замечательна. В свете египетской жизни Сара помнила, как она и Чейз поссорились из-за наследства. Очевидно, они проигрывали эту семейную драму соперничества за право наследования из жизни в жизнь. Они все время изменяли пол и истории жизни, а также менялись ролями, но так и не могли прийти к окончательному решению. Сара дала определение драме и высказала свое отношение к ней во время регрессии с Норманом: «Я решила возвратиться вместе с ним на этот раз, чтобы мы научились проявлять справедливость друг к другу». Какая неожиданная перспектива на соперничество двух родственников! В некоторых случаях, описанных в книге доктора Вулгера, сложные отношения между близкими

³ В оригинале употреблено редко встречающееся в английском языке устаревшее слово *betrothed*, которого просто не мог знать маленький современный мальчик. – Прим. перев.

родственниками могут переходить из одной жизни в другую и проигрывать до тех пор, пока проблема не разрешится и круг не разорвется. Остается надеяться, что, осознав этот стереотип, Сара и Чейз смогут перейти за пределы этого круга в своей нынешней жизни.

После этого вечера Чейз и Джон перестали быть столь неразлучными, как прежде, что было вполне нормально, учитывая разницу в возрасте. Сара оставила их в покое. Вскоре они оба забыли об этом случае.

Для меня же это было уроком о механизме работы подобных воспоминаний. Кроме личной значимости этих двойных воспоминаний, меня заинтриговал способ, каким Сара «настроилась на волну» воспоминаний Чейза. Это было телепатическое общение между ними. Я сама пережила подобное общение, когда во время обучения у Нормана «увидела» и «ощутила» воспоминание Чарльза о концентрационном лагере.

Но самым замечательным было то, что оба ребенка спонтанно вспомнили одну и ту же жизнь, где они встречались прежде. Воспоминания сами выплыли наружу, без всякого провоцирования с моей стороны. Я вспомнила слова Нормана: *«Дети постоянно то входят в транс, то выходят из транс»*.

После этого случая меня заинтересовал вопрос, бывают ли и у других детей спонтанные воспоминания о прошлых жизнях.

Глава шестая. Доктор Ян Стивенсон

Слухи о золотых россыпях

Читая любую книгу по реинкарнациям, которую мне удавалось найти, я все время встречала ссылки на доктора Яна Стивенсона. Почти все авторы цитировали его труды или приводили опубликованную им статистику. Из всех этих отрывочных сведений мне удалось заключить, что Стивенсон возглавлял отделение психиатрии на медицинском факультете университета в Виржинии и что он исследовал тысячи детей, спонтанно вспомнивших свои прошлые жизни.

Я должна была узнать больше. Безусловно, доктор медицины, которому знакомы тысячи случаев воспоминаний о прошлых жизнях, сможет ответить на мои вопросы о целительном воздействии подобных воспоминаний. Но я нигде не смогла найти подробного обсуждения его работ. Это было странным. Авторы, пишущие о прошлых жизнях, знали Стивенсона. Почему же они не занимались исследованием той информации, которая, как казалось мне, обладала величайшей ценностью для терапии и почти научно доказывала возможность перевоплощений? Такое безразличие, по моему мнению, было сродни игнорированию слухов о золотых россыпях.

И сейчас, когда у обоих моих детей проснулись спонтанные воспоминания о прошлых жизнях, я решила направить свои шаги туда, куда вели все эти слухи. Я намеревалась узнать, к чему привели исследования доктора Стивенсона.

Я позвонила в местную книжную лавку и заказала книги, названия которых мне удалось найти в библиографии: *«Двадцать случаев, свидетельствующих в пользу реинкарнации»* и *«Дети, которые помнят свои прошлые жизни»*. Передо мной извинились и сказали, что это академические труды, которые могут быть заказаны лишь в университете Виржинии. Когда я наконец дозвонилась до служащей из отдела университетской прессы, мой голос звучал столь взволнованно, что та не удержалась от замечания: «Нам редко звонят клиенты, проявляющие такой интерес к академическим книгам». С этого дня я бросалась к почтовому ящику каждый раз, как только слышала сирену почтового фургона.

Наконец, когда посылка из университета прибыла, я не удержалась и, сразу же вскрыв ее, стала листать книги на ходу, поднимаясь по тропинке к дому. Мне тут же бросились в глаза названия глав: «Типы доказательств реинкарнаций», «Вариации случаев в различных культурах» и «Связь поведения ребенка с прошлой жизнью». Я издала крик, вспугнувший малиновок, когда в *«Двадцати случаях»* обнаружила

таблицу, в которой приводились сравнительные данные воспоминаний детей о прошлых жизнях и биографий умерших людей.

Я приготовила чашку чаю, уничтожила в мыслях список своих домашних дел на сегодняшний день и уселась в свое самое удобное для чтения кресло. Я открыла *«Двадцать случаев»* и стала перепрыгивать со страницы на страницу. Один случай был интереснее другого.

Например, мне попался на глаза случай с Пармодом, мальчиком из Индии, которому было два с половиной года, когда он вспомнил, что был владельцем большого магазина, торговавшего газированной водой и бисквитами. Этот магазин находился в другом городе. Когда родители отвезли его в этот город, мальчик сразу же привел их к «своему» магазину и показал как привести в действие автомат с газированной водой, который предварительно отключили, чтобы проверить его знания [1].

Трехлетний Мишель Вraith из Техаса поразил свою мать специфическими деталями об автомобильной катастрофе, во время которой, по его словам, он погиб. Жизнь, о которой он помнил, совпадала с биографией соученика матери (и ее бывшего любовника), о котором никто ни разу не упоминал в семье. Этот человек умер в автокатастрофе точно так же, как описывал маленький Мишель [2]. Когда индийской девочке Сукле исполнилось полтора года, она полюбила укачивать на руках деревянную чурку, называя ее своей дочерью, Миной. Через несколько лет Сукла вспомнила достаточно деталей о своей прошлой жизни, чтобы ее семья смогла отыскать описываемую ею деревню. Сукла отвела их к «своему» дому и там встретила с девочкой Миной, чья мать умерла, когда та была еще младенцем [3].

В книге было приведено много столь же захватывающих случаев. В каждом из них маленький ребенок (обычно двух или трех лет) вспоминал достаточно деталей о своей прошлой жизни, чтобы можно было установить его предыдущую личность. В таких случаях доктор Стивенсон проверял каждый из случаев, чтобы убедиться в том, что ребенок не мог получить подобную информацию из иных источников, и единственным объяснением биографических деталей могли быть лишь воспоминания о прошлой жизни.

Эти книги были революционными. Почему работы доктора Стивенсона не были широко известны?

Почитав около часа его книги я, пожалуй, нашла ответ на этот вопрос. Его труды были строго академичны. Я вынуждена была совершать усилие, чтобы проследить за этими категоричными доказательствами, прорваться сквозь педантичность лексики длинных обсуждений методологии. Даже после двух чашек дарджилинского чаю меня то и дело клонило в сон. Но я снова приходила в себя, когда на страницах книги то там, то здесь вспыхивали искры живых историй. У меня стало рождаться чувство, что под этими наслоениями научной аргументации лежат бесценные факты, которые я смогу использовать в своем собственном поиске понимания детских воспоминаний.

Но, читая дальше, я ощутила разочарование, осознав, что доктор Стивенсон вовсе не интересовался целительным потенциалом воспоминаний. Вначале я предполагала, что, будучи психиатром, он должен проявить интерес к целительству. Но, очевидно, я ошиблась. Закрыв книгу и отложив ее в сторону, я отдалась власти сна.

Дело в доказательствах

В течение следующих нескольких дней я пыталась осмыслить подход доктора Стивенсона к вопросу воспоминаний. Наконец я стала догадываться, в чем заключалась проблема. Для этого стоило лишь попытаться понять, что хочет высказать автор. Во-первых, доктор Стивенсон в первую очередь эмпирик. Следовательно, его задача состоит в сборе данных и их публикации в сыром виде, чтобы другие исследователи могли воспользоваться плодами его труда. Он упрямо отказывался делать выводы или выступать с заявлениями. Он пишет для подобных себе – ученых, академиков, исследователей. Вот почему извивистый академический

стиль этих книг адресован соплеменникам, прекрасно владеющим этим редким наречием.

Доктор Стивенсон не уделил достаточного внимания вопросам целительства, желая в первую очередь дать ответ на более глобальный вопрос, тревоживший человеческий ум с незапамятных времен: *Что остается от нас после того, как умирает тело?* Благодаря его невероятным усилиям впервые в истории науки мы получили на этот вопрос обоснованный ответ – факты, свидетельствующие о перевоплощениях. А значит, наша личность *остается* после смерти тела.

Когда я осознала это, мое разочарование как рукой сняло. Единственное, что я испытывала, – это чувство огромной благодарности к человеку, посвятившему долгие годы кропотливого труда для того, чтобы собрать доказательства, ставшие бесценным достоянием науки. Я почувствовала уважение, восхищение и даже благоговение, осознав до конца значение его работы. В этом новом свете научные изыскания Стивенсона показались мне необыкновенно захватывающими.

Доктор Стивенсон является доктором медицины и психиатром, но еще в начале своей карьеры он разочаровался как во фрейдистском психоанализе, так и в бихевиоризме. Ниспровергатель авторитетов, он отверг обе теории, считая их ограниченными, ошибочными, ненаучными и способными завести в тупик. И это тогда, когда они считались столпами науки и были столь популярны в обществе высоких интеллектуалов [4]. Он начал изучать другие теории развития личности, и это привело его к парапсихологии. Парапсихология – это отрасль науки, в которой производится поиск объективных доказательств высших возможностей разума, таких, как телепатия, а также свидетельств того, что смерть личности не приходит с телесной смертью, свидетельств необычных явлений, таких, как полтергейст, – иными словами, всего того, что отказывается признавать консервативная ветвь психологии.

Пересматривая литературу по психологии, доктор Стивенсон натолкнулся на несколько отдельных сообщений о воспоминаниях прошлой жизни у детей. Заинтересовавшись этим вопросом, он решил копнуть глубже и обнаружил сорок четыре подобных сообщения, появлявшихся в газетах, книгах и журналах за последнее столетие. Обо всех случаях сообщалось как об аномалиях – захватывающих историях и необычайных происшествиях, которые не представляли интереса для науки, будучи взятыми в отдельности. Но, начав анализировать и сопоставлять эти случаи, Стивенсон обнаружил, что они во многом схожи. Выявленные совпадения убедили его в аутентичности историй и побудили провести собственное исследование. Ученый увидел возможность объединить эти случаи и, прибавив новые доказательства, заявить о возможности перевоплощений. Никогда прежде не предпринималась попытка провести систематическое изучение воспоминаний детей о прошлых жизнях.

В 1961 году он отправился в Индию, чтобы исследовать единственный новый случай, а также найти подтверждения ранее опубликованным сообщениям. Сразу же по прибытии его ожидал сюрприз – страну облетела весть, что американский профессор приехал в Индию, чтобы собирать сообщения о воспоминаниях из прошлых жизней. Тут же к нему стали являться люди с новыми историями. В течение первых пяти недель его вниманию было предложено не меньше двадцати пяти случаев, которыми профессор заинтересовался. Через три года их набралось около четырехсот. Это было начало проекта, которому он посвятил все последующие годы. Стивенсон стал упорно разыскивать все новые и новые случаи спонтанных воспоминаний, попутно совершенствуя методы поиска. Вскоре иные исследователи начали следовать его путем, подтверждая результаты. Доктору Стивенсону сейчас за семьдесят, но и в эти годы он задает тон на этом поле деятельности [5].

Самым блестящим новаторством доктора Стивенсона, пожалуй, является то, что он обратился к маленьким детям за получением доказательств перевоплощений. Когда воспоминания о прошлых жизнях рождаются у взрослых людей, практически невозможно доказать их подлинность, так как они могли почерпнуть все эти факты

из книг, телевидения и других средств информации. Память же ребенка довольно чиста, не тронута мирским опытом. Потому изолированные воспоминания, которые можно отнести лишь к прошлой жизни, намного легче идентифицировать у маленьких детей.

Доктор Стивенсон ограничил поле своих исследований только *спонтанными* воспоминаниями, когда дети начинали говорить о прошлых жизнях лишь по собственному желанию, не будучи спровоцированными на это никакими замечаниями. Это исключало возможность применения гипноза и иных техник охоты за воспоминаниями, за которые исследователей критикуют скептики, аргументируя это тем, что при гипнозе возможно внушение определенных идей.

Само количество случаев, расследованных, систематизированных и опубликованных доктором Стивенсоном, является весьма весомым доказательством. Суммарная сила приведенных случаев способна компенсировать с избытком любую погрешность отдельных деталей. Давно устоявшийся принцип научного подхода гласит: совпадение общего рисунка множества случаев является более убедительным доказательством, чем самые надежные данные, полученные из отдельных источников. Если растущее число случаев, полученных другими исследователями, несет на себе тот же рисунок, – доказательство является практически неоспоримым.

За тридцать пять лет с момента приезда в Индию доктор Стивенсон осуществил впечатляющий объем работ. Им и его коллегами собрано около 2 600 случаев из различных культурных и религиозных сред мира [6]. Большинство случаев произошло в Юго-Восточной Азии, но есть случаи, описанные на Ближнем Востоке, в Африке, Европе и Соединенных Штатах. Шестьдесят пять случаев, описанных во всех деталях, приведены в четырехтомном труде доктора Стивенсона «*Случаи реинкарнационного типа*», более двухсот новых случаев должны скоро появиться в печати. Он также опубликовал более 260 статей под такими броскими заголовками, как: «Вера в реинкарнацию среди представителей народности игбо Юго-Восточной Нигерии с особой ссылкой на связь между *огбандж* («повторными детьми») и серповидно-клеточной анемией» [7].

Детектив по прошлым жизням

Научившись расшифровывать сложный стиль сочинений доктора Стивенсона, я обнаружила в этих книгах поистине детективные истории. Безусловно, в роли главного детектива выступает сам доктор Стивенсон, которому помогают вести расследование его единомышленники. Он идет по следу, куда бы тот ни уводил его. А тот часто проходит по мокрым земляным дорогам, направляющимся в заброшенные деревни стран третьего мира. Там он сталкивается со всевозможными колоритными персонажами, иногда заходит в тупик и даже попадает в опасные ситуации. Его интересуют не только голые факты, он сумел выработать в себе тот острый взгляд, подмечающий малейшие детали и умеющий находить путеводные нити в любом контексте, который и отличает настоящего детектива от рядового следователя.

Подобно детективу, доктор Стивенсон ставит перед собой цель раскрыть случай. Случай «раскрыт» и цель достигнута тогда, когда доктор Стивенсон находит ребенка с отчетливыми и детальными воспоминаниями о прошлой жизни и может сопоставить эту историю с биографией (только одного) некогда жившего человека, так, чтобы они полностью совпадали. (Для определения этого умершего человека он пользуется термином *предыдущая личность*.) И наконец, после того, как история «верифицирована», доктор Стивенсон проводит другое дотошное исследование, чтобы убедиться в том, что ребенок не имел возможности узнать детали биографии умершего посредством иных средств (какими бы абсурдными они ни казались), кроме воспоминаний из прошлых жизней. (Обычно, чтобы исключить *иные* связи, доктор Стивенсон проверяет возможность телепатического общения или одержимости духом.)

Другими словами, верифицированным можно назвать только тот случай, при котором совпадения представляются весьма убедительными и который можно объяснить *вне всякого* сомнения только воспоминаниями о прошлых жизнях. Доктор Стивенсон хранит в своих архивах более девяти сотен верифицированных случаев.

Откуда являются подобные случаи? Поскольку доктор Стивенсон занимается исследованием естественных явлений, они не могут быть созданы или воспроизведены в лабораториях. Доктор Стивенсон ожидает, когда случаи придут к нему, полагаясь на разветвленную мировую сеть исследователей и коллег-единомышленников. Он хватается за каждый слух о ребенке, якобы вспомнившем свою прошлую жизнь. Одна из причин, почему большинство случаев собрано им в Индии, – это то, что его информационная сеть там развита лучше, чем в других странах⁴.

Каждый из случаев начинается тем, что маленький ребенок (обычно двух или трех лет от роду) начинает рассказывать о своей прошлой жизни, называя имена людей и названия мест, о которых никто из членов семьи до этого времени не слышал, или проявляет странности поведения. В большинстве случаев он описывает детали собственной смерти – часто насильственной. Иногда ребенок заявляет своим родителям, что он кто-то другой и что у него другие родители, а порой называет имена супруга или супруги и детей, которые живут в другой деревне или в городе, и требует, чтобы его отвезли туда.

Ребенок обычно начинает настойчиво говорить о своих воспоминаниях на протяжении нескольких месяцев или лет, несмотря на желание членов семьи подавить в нем эту память. (Доктор Стивенсон пишет в своих отчетах, что более чем в половине случаев родные пытались подавить воспоминания.) Слухи о воспоминаниях ребенка из прошлой жизни просачиваются из деревни и иногда достигают слуха людей, у которых был родственник, чья жизнь совпадает с историями, описываемыми ребенком. Эти люди пытаются встретиться с ребенком, чтобы определить, действительно ли он является воплощением их умершего родственника, или наоборот, родные ребенка уступают его настойчивым просьбам увидеться со своей семьей из прошлой жизни и отвозят его в описанную им деревню.

Как правило, во время первого посещения ребенок самостоятельно находит дорогу к «своему» дому, безошибочно ориентируясь, шагает по улицам. Он узнает прохожих и называет их по именам. Придя в дом своей предыдущей личности, он говорит об изменениях, которые произошли там за время «отсутствия», спрашивает о вещах и людях, которых не хватает в данный момент, а также вспоминает некоторые факты из жизни семьи, о которых не знает никто из посторонних. Обо всем этом говорится с точки зрения умершего. В некоторых случаях он вспоминает о потайных местах хранения золотых вещей или ценных бумаг, а также о семейных скандалах, которые хранились в полной тайне от окружающих. Самое удивительное, ребенок ничего не знает о том, что произошло в семье после смерти предыдущей личности. Память словно застыла во времени. Изменения постройки и комнат, перемены во внешнем облике родственников и друзей прежней личности, которые произошли после смерти, – все это в новинку ребенку и часто ставит его в тупик.

В тот момент, когда кто-то из информаторов слышит о подобном случае, они докладывают исследователям и те отправляются на место, пока воспоминания свидетелей еще свежи. Когда доктор Стивенсон приезжает, он делает все возможное, чтобы *опровергнуть* воспоминания ребенка. Используя техники дознания, заимствованные им из судебной практики, ученый проводит «перекрестный допрос» ребенка, членов его семьи, родственников предыдущей личности и остальных свидетелей, пытаясь выявить малейшие разногласия в их

⁴ Несколько парадоксальное заявление. По нашему мнению, здесь дело в том, что в Индаш всегда верили в реинкарнации, поэтому подобные воспоминания детей родители не считают «детской фантазией» и обычно идут навстречу ребенку, если тому хочется отправиться в место своей прошлой жизни, считая такое желание естественным. – *Прим. ред.*

свидетельствах. Он отказывается принимать рассказы из вторых рук и настаивает на том, чтобы с ним говорили только прямые свидетели. Без ведома семьи он находит и опрашивает других жителей деревни, не связанных с этим случаем непосредственно и способных дать нелицеприятную характеристику прямым участникам истории.

Доктор Стивенсон делает все возможное, чтобы избежать ошибок: если он не знает местного языка (а он владеет пятью языками), то пользуется во время интервью услугами двух, а иногда и трех переводчиков. Кроме записей, которые интервьюеры делают у себя в блокнотах, вся беседа фиксируется на магнитофонной пленке, участники драмы фотографируются, а также собираются твердые свидетельства: письменные записи и данные метрик. Он переписывает и приводит в порядок первичные записи в первые же дни после визита, а также тщательно строит хронологию открывшихся воспоминаний, проверяя их на наличие сбоев и пробелов.

С той же дотошностью он реконструирует драму на основании показаний прямых свидетелей, присутствовавших при первой встрече ребенка с семьей предыдущей личности. В первую очередь здесь он пытается определить, не получил ли ребенок каких-либо случайных сведений. Он проверяет каждый факт, который помнит ребенок о предыдущей личности. В среднем 90 процентов заявлений проверяется во всех этих завершенных случаях [8]. Затем он проверяет возможность контакта между этими двумя семьями, даже самого отдаленного. Он прилагает все усилия, чтобы обнаружить иные пути получения информации ребенком, кроме воспоминаний.

При публикации своих наблюдений доктор Стивенсон не допускает никаких сырых фактов, которые могли бы снизить научную ценность исследования. При изложении случаев он оговаривает все «за» и «против» любых возможных погрешностей или получения информации обычным путем. Эти проблемы освещены под всеми углами и разобраны до мельчайших деталей. Он желает уверить читателя, что он проверил любой возможный путь получения ребенком этих сведений, не важно, насколько невероятным этот путь мог бы оказаться. Отдельные дискуссии занимают несколько страниц, что требует большого терпения от читателя.

Доктор Стивенсон до конца является последователем строгого эмпирического метода. Меня изумляли многие «точные попадания» детей при их воспоминаниях (труды ученого полны таких примеров), но доктор Стивенсон никогда не допускает эмоций в своих описаниях. Он никогда не старается привлечь внимание читателя к необычным вещам, которые говорили или делали дети. Эти сверкающие драгоценности свидетельств прошлых жизней, а также невероятные и глубокие истории человеческих жизней, прекраснее которых я, пожалуй, никогда не читала, погребены среди нудного изложения технических деталей и подробных комментариев.

Милая Сварнлата

История Сварнлаты из *«Двадцати случаев»* [9] весьма типична среди случаев, описанных доктором Стивенсоном. Воспоминания девочки о прошлых жизнях начались, когда ей было три года, и были достаточно подробными, чтобы определить семью предыдущей личности, после чего она перечислила более пятидесяти специфических фактов, которые были верифицированы. Но случай со Сварнлатой все же отличался от других тем, что воспоминания не поблекли. И это приятный случай – в нем присутствует любовь и счастливые воспоминания.

Сварнлата Мишра родилась в 1948 году в Индии в штате Прадеш. Ее семья принадлежала к среднему классу. Когда она в трехлетнем возрасте проезжала вместе с отцом мимо городка Катни, находящегося в более чем сотне миль от ее дома, девочка внезапно указала куда-то рукой и попросила шофера свернуть на дорогу, ведущую к «ее дому». Она также сказала, что лучше выпить чаю там, чем на дороге.

Вскоре она сообщила новые детали о своей жизни в Катни, и ее отец записал их. Девочка сказала, что ее имя Бия Патак и что у нее было два сына. Она описала свой дом изнутри и снаружи, а также прибавила, что позади здания находилась школа для девочек. Из окон, выходящих в другую сторону, можно было видеть железную дорогу и известковую печь. Сварнлата сказала, что Бия умерла от «боли в горле» и ее лечил доктор Бабрат из Джабалпура. Она также вспомнила об инциденте, приключившемся во время свадьбы, когда они с подругой никак не могли найти уборную.

Весной 1959 года, когда Сварнлате было десять лет, слухи о ней дошли до профессора Шри Банерджи, индийского исследователя и коллеги доктора Стивенсона. Банерджи отправился в Катни и, пользуясь лишь описанием Сварнлаты, отыскал дом. Известковые печи находились сразу же за этой усадьбой, принадлежащей семье Патрак, а школа для девочек стояла позади дома.

Семья, которой принадлежали дом и усадьба, была зажиточной. Бия Патрак умерла в 1939 году, оставив мужа, двух сыновей и множество младших братьев. Профессор Банерджи в интервью с семьей верифицировал все, что рассказала Сварнлата. Эти Патраки никогда не слышали о семье Мишра, которая жила за сотню миль от них. Семья Мишра также ничего не знала о Патраках.

Через несколько месяцев вдовствующий муж Бии, один ее сын и старший из братьев неожиданно приехали в город, где жила Сварнлата, чтобы проверить ее память. Никому не сообщив в городе о том, кто они такие, и пригласив с собой девять горожан, родные Бии пришли в дом Мишра. Следующая сцена напоминает детективную историю, но она совершенно правдива.

Сварнлата тут же узнала своего старшего брата и назвала его «Бабу» – ласкательным именем, которое ему дала Бия. Доктор Стивенсон сообщает только голые факты, но я думаю, что эмоции в этот момент переполняли всех очевидцев и участников драмы. Затем десятилетняя Сварнлата обошла комнату, внимательно рассматривая лица каждого из присутствующих. Некоторых она узнала, как знакомых из города, иные были совершенно чужими ей. Затем она подошла к Шри Чинтамини Панди – мужу Бии. Встав перед ним, девочка опустила глаза и застенчиво назвала его по имени (как это обычно и делают жены в Индии). Доктор Стивенсон ни слова не пишет о реакции мужа, который после десяти лет разлуки увидел свою жену возрожденной.

Сварнлата также точно идентифицировала сына Бии, Мурли, которому было тринадцать лет, когда его мать умерла. Но Мурли решил сбить девочку с толку и целый день говорил, что он совершенно другой человек. Он также пытался убедить Сварнлату в том, что друг, которого он привел с собой, – второй сын Бии, Нареш. Сварнлата не поверила ни одному из розыгрышей. Она продолжала стоять на своем и говорила, что Мурли – это ее сын, а другой человек – незнакомец. Наконец Сварнлата напомнила своему бывшему мужу о том, что Бия отдала ему две тысячи рупий перед смертью и что эти деньги хранились у нее в шкатулке. Удивленный тем, что Сварнлата помнит о секрете, который был известен лишь ему и покойной жене, Шри Панда согласился, что все, что та говорила, было правдой.

Через несколько недель отец Сварнлаты отвез девочку посетить дом, где жила и умерла Бия. Войдя в дом, та сразу же рассказала об изменениях, произошедших в доме. Она спросила о парапете, о веранде и о деревце ним⁵, которое раньше росло в саду, – все это исчезло после смерти Бии. Девочка также узнала комнату Бии, а также другую комнату, в которой та скончалась. Затем она точно идентифицировала более двадцати человек из числа знакомых Бии и проявила при этом эмоции, вполне соответствующие характеру отношений между каждым из них и Бией. Мурли снова расставил ловушки, но девочка не попала ни в одну из них.

Очевидно, это было захватывающее представление. Перед обитателями дома стояла десятилетняя незнакомка, прибывшая издалека (по индийским понятиям, это весьма далекое расстояние), говорящая на несколько ином диалекте, чем они, но

⁵ Вечнозеленое дерево, широко распространенное в тропическом поясе Юго-Восточной Азии. – *Прим. перев.*

при этом помнящая по именам всех членов семьи, их друзей и старых слуг, владеющая всеми семейными секретами былых времен, да еще и отпускающая шутки насчет того, как все изменились за двадцать лет. Интересно то, что Сварнлата не знала *ничего* о том, что случилось с этой семьей после 1939 года. Ее память замерла после смерти Бии.

В последующие годы Сварнлата посещала семью Патрак с регулярными интервалами. У нее установились нежные отношения со многими членами этой семьи, которые принимали ее как возрожденную Бию. Отец Сварнлаты также принял правду о предыдущей личности своей дочери. Через много лет, когда пришло время выходить замуж, Сварнлата стала советоваться с Патраками о том, кого следует выбрать в мужа.

Что ощущала Сварнлата, помня обо всем этом? Не казалось ли ей странным то, что она помнит жизнь взрослой женщины? Доктор Стивенсон, поддерживающий с ней связь в течение долгих лет, сообщил, что Сварнлата росла и развивалась нормально, с годами превратившись в красивую женщину, окончившую университет с отличием. Сварнлата призналась ему, что временами, когда она вспоминает свою счастливую жизнь в Катни, ее глаза наполняются слезами и иногда ей хочется возвратиться в ту роскошную жизнь. Но она сохранила преданность семье Мишра и полностью принимает свое настоящее положение.

Поведение – проигрывание прошлого

Доктор Стивенсон записывал не только слова детей, чьи случаи он расследовал. Ученый обращал также особое внимание на их поведение. Черты характера, врожденные способности, вкусы, не характерные для данной семьи, но присущие предыдущей личности, подкрепляли словесные показания и служили еще одним свидетельством того, что перевоплощение имело место. Такой интерес к поведению ребенка был очередным новаторским приемом доктора Стивенсона.

Например, индийские дети, вспомнившие свою предыдущую жизнь в семье, принадлежащей к высшим классам, часто упрекали своих родителей, принадлежащих к менее высокой касте, в грубости стиля жизни и отказывались принимать пищу из рук людей низкого происхождения. Бишен Чанд вел себя в точности так, как испорченный богач, каким он себя помнил. Он презрительно упрекал своих родителей за бедность, требовал, чтобы ему подавали лучшую пищу, и отказывался носить дешевую одежду, заявляя, что она не подойдет даже для его слуг [10]. И напротив, дети, помнящие о своей принадлежности к низшим классам в прошлой жизни, могут проявлять примитивные инстинкты, необходимые для выживания в трудных условиях и при нехватке пищи. Их грубое поведение часто приводит в недоумение и оскорбляет чувства родителей. Некоторые дети испытывают чувство благодарности, попав в лучшие по сравнению с предыдущей жизнью условия и выражают удовольствие, получая лучшую пищу и более богатую одежду. Одна девочка, родившись в семье браминов – высшей касты в индийской иерархии, – помнила свою прошлую жизнь в качестве уборщицы – представительницы низшего класса «неприкасаемых». Будучи милой девочкой во всех иных отношениях, она приводила в ужас своих родных неприятными привычками и постоянным требованием дать ей свинину (все члены семьи были вегетарианцами). И «в отличие от остальных членов семьи, она с готовностью, почти с радостью убирала экскременты, оставленные младшими детьми» [11].

Когда ребенок, у которого есть воспоминания о предыдущей жизни, посещает семью предыдущей личности, он часто начинает вести себя по-разному с различными знакомыми людьми по прошлой жизни. Стивенсон приводит в качестве примера девочку из Таиланда, которая проявила огромную радость при встрече со своей дочерью из прошлой жизни и в то же время враждебно отнеслась к мужу прошлой личности, брак с которым был очень несчастлив [12]. Он также рассказывает о мальчике из Шри Ланки, вспомнившем свою предыдущую жизнь в качестве девочки. Он был очень рад встретить своих сестер по прошлой жизни, но холодно встретился с братом, который часто был жесток по отношению к своей

сестре [13]. Один индийский мальчик стал упрекать женщину, в которой узнал свою жену, за то, что она носит белое сари (наряд индийских вдов), а не одета в цветное сари, как его жена. Такие слова, сказанные мальчиком в адрес взрослой женщины, при обычных обстоятельствах в Индии могли быть сочтены за серьезное оскорбление [14].

Доктор Стивенсон признает, что необычное поведение ребенка само по себе не означает ничего – различные черты могут быть объяснены по-разному. Но при совпадении многих необычных характеристик, которые кажутся совершенно неуместными и составляют синдром поведения предыдущей личности, можно с уверенностью думать о перевоплощении. Доктор Стивенсон четко документировал поведенческие соответствия почти во всех описанных им случаях.

Фобии являются впечатляющим примером поведенческой памяти. О них часто упоминается в подобных случаях и они объясняются характером смерти прошлой личности. Случай Шамлини является ярким примером, так как с рождения девочка страдала двумя внешне не связанными между собой фобиями, которые стали понятными при выяснении обстоятельств смерти в прошлой жизни [15].

Еще совсем малышкой Шамлини страшилась воды и поднимала страшный крик при попытках искупать ее. Кроме этого, она очень пугалась автобусов. Она зашлась истерическим плачем, когда ей пришлось ехать на автобусе, и начинала плакать каждый раз, когда видела их на расстоянии. Ее родители недоумевали, так как не знали ни одного инцидента в ее жизни, который мог бы породить такую странную фобию.

Когда Шамлини начала говорить, то рассказала своим родителям о том, что помнит свою прошлую жизнь, и описала в деталях деревню Галтудава, где она и проходила. Девочка также сообщила о своей смерти. Однажды утром она пошла купить хлеб. Поскольку земля была залита разлившейся рекой, она шла по насыпи, где проходила дорога. Автобус проехал совсем рядом, и ее отшвырнуло на затопленное рисовое поле. Она подняла руки и воскликнула «мама!», после чего, по ее словам, ушла в глубокий долгий сон.

Позже семья узнала историю одиннадцатилетней девочки Хемасили из деревни Галтудава, которая погибла, оступившись и упав с дороги, когда увертывалась от проезжающего мимо автобуса. Она утонула посреди рисового поля, залитого водой. Когда Шамлини исполнилось четыре года, ее отвезли в деревню Галтудава. Там она узнала членов семьи предыдущей личности и сумела убедить свидетелей в том, что действительно является возрожденной Хемасили. Наконец родители получили объяснение фобий Шамлини, которые исчезли вскоре после того, как та вновь познакомилась с жизнью и окружением своей бывшей личности.

Рави Шанкар встречается со своими убийцами

Случай Рави Шанкара [16] (речь идет совсем не о музыканте) был одним из самых знаменитых свидетельств реинкарнации в Индии еще до того, как доктор Стивенсон приступил к его расследованию. Это драматический пример того, как выраженные вербальные воспоминания порой подкрепляются следами на теле.

Рави Шанкар родился в 1951 году. В июле, когда ему исполнилось четыре года, он заявил своим родителям, что он на самом деле Мунна, сын Джагешвара, парикмахера из Канауджа. Со всеми подробностями он рассказал, как однажды двое знакомых мужчин – другой парикмахер и мойщик окон – заманили его в сад возле Храма Чинтамини, перерезали ему горло и закопали в песке.

Рави неоднократно рассказывал эту историю на протяжении следующих двух лет своим родным, друзьям и школьному учителю. Он постоянно спрашивал своих родителей об игрушках, которые у него были в предыдущей жизни, – о деревянном слонике, игрушечном пистолете и часах. Такие игрушки его настоящая семья была не в состоянии приобрести, но маленький Рави все равно требовал их. Он говорил о том, что он Мунна, так часто, что его рассказы стали надоедать его друзьям и близким. Мальчик также часто грозился родителям убежать к «своей другой семье».

Школьный учитель первым оценил значимость заявлений Рави, записал их и послал с письмом профессору Б. Л. Атрейя, который и начал первым расследовать случай.

Упорные рассказы Рави о том, что он был убитым мальчиком, распространились по деревне, а затем просочились в соседние районы. Вот каким образом Шри Джагешвар Прасад узнал об истории Рави. 19 января 1951 года единственный сын Прасада, шестилетний Мунна, был зарезан бритвой. Нашлись свидетели, видевшие, как мальчик уходил с парикмахером Джавахаром и мойщиком Чатури, что и послужило поводом к их аресту. Один из обвиняемых имел мотив для убийства ребенка, так как после этого автоматически становился наследником его отца. Когда изуродованное тело мальчика и его отрезанную голову извлекли из песка, мойщик Чатури неофициально признался в убийстве, но затем взял назад свои показания. Поскольку прямых свидетелей убийства не нашлось, дело было закрыто, а парикмахер и мойщик отпущены на свободу.

Прасад испытывал глубокое горе из-за убийства сына. Когда он услышал, что какой-то мальчик утверждает, что в прошлой жизни ему перерезали горло парикмахер и мойщик, он отправился в деревню, где и жил Рави, чтобы встретиться с ним и проверить, действительно ли он является его возрожденным сыном. Но отец Рави, испугавшись, что Прасад захочет отнять его сына, наотрез отказался показывать мальчика. Он также опасался того, что убийцы, находящиеся на свободе, пожелают отомстить его сыну при попытке вновь возбудить дело. Но через несколько дней мать Рави, послушавшись мужа, отвела своего четырехлетнего сына к Прасаду.

Рави тут же узнал своего бывшего отца и идентифицировал часы, которые были на том, как часы, купленные в Бомбее для Мунны. Он сообщил детали о смерти Мунны, которые полностью совпадали с признанием обвиняемого и соответствовали вещественным доказательствам преступления. Прасад также подтвердил другие детали жизни мальчика, известные только его семье: например, Мунна взял с собой поест несколько плодов гуавы, перед тем как его убили, и у него были все те игрушки, о которых вспомнил Рави. Смерть Мунны стала причиной того, что его мать сошла с ума. Она собрала все детские игрушки и хранила их в шкафу, ожидая того дня, когда ее сын вернется.

Рави трясся каждый раз, когда видел парикмахера или мойщика. Однажды он пришел в ужас, увидев незнакомца в толпе. Он узнал в этом мужчине мойщика Чатури – одного из убийц Мунны. Маленький Рави поклялся, что отомстит убийцам за свою смерть. Увидев неподдельное возбуждение и ярость своего сына, мать Рави заинтересовалась личностью этого незнакомца, и ей ответили, что он действительно является одним из подозреваемых в убийстве Мунны.

Но и это еще не все. Рави родился с полосой, идущей поперек шеи, напоминавшей длинный шрам от ножевой раны. Когда в двухлетнем возрасте он впервые начал рассказывать свою историю, то, указывая на полосу, говорил, что именно в этом месте ему перерезали шею парикмахер и мойщик.

Доктор Стивенсон встретился с Рави в 1964 году и исследовал это родимое пятно. Он описал эту полосу, проходившую в горизонтальном направлении через шею мальчика. Ширина полосы колебалась от одной восьмой до одной четвертой дюйма. Вот что записал исследователь: «Полоса более темного цвета, чем окружающие ткани, и очень напоминает давний шрам, оставшийся после ножевой раны» [17]. По словам очевидцев, эта полоса была более длинной, когда Рави был маленьким мальчиком, но с возрастом стала уменьшаться.

Доктор Стивенсон еще раз встретился с Рави в 1969 году, когда тому было восемнадцать лет и он готовился поступить в колледж. Рави сказал, что его воспоминания о прошлой жизни полностью исчезли. Об истории с Мунной он знал только по рассказам других людей. Все фобии, связанные с парикмахерами и бритвами, также исчезли, хотя он до сих пор испытывал неприятные чувства, проходя по саду Храма Чинтамини. Родимое пятно, проходящее через шею, до сих пор было хорошо различимым.

Родимые пятна и врожденные дефекты

Родимое пятно на шее Рави Шанкара, в точности соответствующее смертельной ране его предыдущей личности, вовсе не единичный случай. Доктор Стивенсон обнаружил, что в 35 процентах верифицированных случаев (в 309 из 895) дети имели родимые пятна или врожденные дефекты, совпадающие с ранами из прошлых жизней. Он недавно опубликовал многотомную монографию, посвященную исключительно этому феномену, под названием *«Реинкарнация и биология: К вопросу об этиологии родимых пятен и врожденных дефектов»*. Здесь на 2 300 страницах рассмотрено 210 верифицированных случаев. Объем этой работы – *opus magnum* доктора Стивенсона – красноречиво свидетельствует о том, какое значение ученый отводил этому вопросу. Подобные свидетельства реинкарнаций действительно очень важны, так как являются *физической* связью между прошлой и настоящей жизнями. Сколь явными ни были бы вербальные и поведенческие свидетельства в таких случаях, критики всегда обнаружат погрешность в данных. Но родимые пятна и врожденные уродства – в особенности если они могут быть сопоставлены с патологоанатомическими записями соответствующих смертей, – являются неопровержимыми, материальными доказательствами прямой зависимости между прошлой и настоящей жизнями.

Одна из историй новой монографии Стивенсона была опубликована в журнале *Journal of Scientific Exploration* [18]. В ней говорится об одном мальчике-индусе, утверждающем, что помнит, как был убит выстрелом в грудь из дробовика. На груди этого мальчика определялись родинки, составляющие рисунок, совпадающий по форме со смертельной раной, описанной при аутопсии.

Еще одна жертва была убита выстрелом в правую половину головы из дробовика в упор (что было зафиксировано в протоколе вскрытия). Турецкий мальчик, утверждавший, что помнит жизнь человека, погибшего таким образом, родился «с уменьшенным в размере и деформированным ухом (монологическая микроотия) и с недоразвитой правой стороной лица (гемифациальная микросомия)» [19].

У одной женщины на спине было три отдельных родимых пятна линейной формы, которые напоминали шрамы. В детстве она вспоминала, как была убита в прошлой жизни тремя ударами топора по спине [20].

Еще один мальчик из Индии родился с культями пальцев только на правой руке (очень редкая врожденная патология). Он вспомнил свою предыдущую жизнь, когда его пальцы на правой руке были отрезаны при уборке урожая комбайном [21].

Родимые пятна, описанные доктором Стивенсоном, совсем не напоминают обычные родинки, которые можно обнаружить на теле любого взрослого человека. Они действительно напоминают шрамы и раны. Это большие, отчетливые пятна причудливой формы, которые «чаще всего имеют сморщенную поверхность, напоминающую шрам, порой образуют впадины, лежащие под поверхностью кожи. Или представляют собой зоны сниженной пигментации, лишенные растительности или напоминающие пятна, оставленные портвейном» [22]. То же относится и к врожденным дефектам, например к деформации конечностей. Это также редкая патология, не вписывающаяся в «узнаваемый тип человеческих мальформаций» и имеющая вид последствий наружной травмы.

Доктор Стивенсон исследовал врожденные дефекты и родимые пятна со своей обычной дотошностью. Он требовал, чтобы непосредственные свидетели подтверждали тот факт, что пятна или дефекты были еще при рождении. Он тщательно измерял и фотографировал пятна. Он отбрасывал в сторону те случаи, где врожденные дефекты могли быть генетически обусловлены – передаваться от прямых родственников по наследству. А также те, которые могли быть объяснены событиями, происшедшими во время беременности. Затем он документировал факты из жизни прежней личности по рассказам очевидцев, медицинских записей и протоколов вскрытий. (Не забывайте, Стивенсон был доктором медицины, следовательно, знал, что следует искать.) В конце он сравнивал верифицированные

смертельные раны с врожденными особенностями ребенка, вспомнившего прошлую жизнь.

Доктор Стивенсон с большой осторожностью относился к тем случаям, где воспоминания о прошлой жизни могли быть сфабрикованными и являлись ретроспективным объяснением родимых пятен или иных уродств. Он уделял внимание лишь тем завершенным случаям, где ребенок обладал достаточным количеством вербальных воспоминаний. Например, Сварнлата помнила достаточно много, чтобы установить ее предыдущую личность. Другими словами, эти случаи должны были быть полностью доказанными, прежде чем уродства рассматривались как дополнительные свидетельства.

Некоторые критики могут попытаться приписать эти родимые пятна случайности. Но во многих случаях доктор Стивенсон описывает *два или более* совпадающих родимых пятна. Например, женщина, имевшая три пятна на спине, напоминающих шрамы. Среди 210 случаев, приведенных в его монографии, можно найти восемнадцать двойных родимых пятен или уродств. В девяти случаях смерти от пулевых ранений родимые пятна не только соответствовали входному и выходному отверстию, но там, где пуля вошла в тело предыдущей личности, располагалось маленькое и круглое родимое пятно, а там, где пуля вышла из тела, находилось большое пятно неправильной формы.

Насколько вероятно то, что *два* родимых пятна могут случайно совпасть с местами *двух* пулевых отверстий? Стивенсон подсчитал и определил, что шансы составляют 1 из 25 600. Вероятность же того, что такое произойдет восемнадцать раз, бесконечно мала [23].

Кредо

Доказал ли доктор Стивенсон то, что реинкарнация существует? Он никогда не станет этого утверждать. Стивенсон настаивает на том, что собрал данные, *свидетельствующие* в пользу реинкарнации, но он никогда не говорил, что реинкарнация доказана. Он намеренно назвал свою первую книгу: «*Двадцать случаев, свидетельствующих в пользу реинкарнации*». Доктор Стивенсон считает, что, как эмпирик, он не обязан делать какие-либо заявления или окончательные выводы. Он придерживается такой позиции: «Вот вам свидетельства, а дальше решайте сами».

Его позиция близка к той, на которой стоит и доктор Вулгер, заявивший, что совершенно не важно, верите ли вы в прошлые жизни или нет, если подобная терапия помогает. Его интересует лишь психологическая правда воспоминаний, но при этом он утверждает, что лучше *относиться* к этим воспоминаниям так, словно они действительно возникли в прошлой жизни.

Доктор Стивенсон и доктор Вулгер удерживаются от заявления о том, что верят в реинкарнацию, хотя сталкиваются с доказательствами существования прошлых жизней почти каждый день. Я же не столь осмотрительна и заявляю, что верю в прошлые жизни благодаря эмпирическим доказательствам, приведенным доктором Стивенсоном, клиническим свидетельствам доктора Вулгера, а также собственным переживаниям. Я верю в то, что воспоминания о прошлых жизнях *действительно* приходят из прошлых жизней.

Позиция этих ученых напоминает мне о старой поговорке: «Если оно ходит как утка, выглядит как утка и крякает как утка, то это, скорее всего, утка». Итак, доктор Стивенсон хочет нам сказать: «Вот все свидетельства того, что это утка. Но я не собираюсь говорить вам, что это такое». А доктор Вулгер формулирует свою мысль несколько иначе: «Давайте относиться к этому как к утке». Я согласна с ними.

Но зову это уткой.

Внимательно изучив труды доктора Стивенсона, проследив за его логикой, может ли кто-то усомниться в том, что эти воспоминания не реальность? Вот его собственное выражение: «Какие свидетельства *смогут* убедить вас в реинкарнации, если вы получите их?» [24].

Все дело не в доказательствах

Для доктора Стивенсона все сводилось к доказательствам. Благодаря ему теперь для нас все дело уже *не* сводится к доказательствам. Он подготовил путь, и мы можем уже не заботиться о доказательствах. Он сдвинул гору с места и открыл остальным простор для полета.

Чтобы построить систему доказательств, доктор Стивенсон занимался лишь редкими и крайне выраженными случаями, теми, где содержались десятки деталей, по которым могла быть опознана предыдущая личность. Сейчас нам не нужно повторять его доказательства и дублировать его методики. Мы можем принимать более обычные случаи, те, в которых повторяется общий рисунок воспоминаний о прошлых жизнях, но которым недостает деталей, чтобы служить доказательством.

Итак, например, если ребенок говорит, что помнит свою прошлую жизнь как солдата Гражданской войны, мы не должны принимать его слова со скептицизмом: «Конечно же, он мог насмотреться всего этого по телевизору» или: «У него богатое воображение, иногда он попадает точно в яблочко». Благодаря доктору Стивенсону мы уже знаем, что воспоминания о прошлых жизнях действительно встречаются, и мы вряд ли сумеем собрать более весомые доказательства, чем он, потому лучше обратить внимание на значимость детских воспоминаний. Мы можем продвинуться по более благодарному пути, подкрепляя свою теорию развития ребенка или собственные метафизические представления фактами воспоминаний о прошлых жизнях.

Общий рисунок объема данных

Благодаря огромному количеству верифицированных доктором Стивенсоном случаев, мы можем определить общий рисунок истинных воспоминаний о прошлых жизнях и использовать его, чтобы понять, *каким образом* действуют эти воспоминания.

Первой чертой этого рисунка является необычайно ранний возраст, когда дети впервые начинают говорить о прошлых жизнях. В большинстве случаев воспоминания приходят в возрасте между двумя и пятью годами. Рисунок универсален, он свойствен всем странам и культурам. Но это еще не правило: некоторые дети начали говорить о своих воспоминаниях, как только научились составлять первые фразы.

Как правило, воспоминания начинают угасать в школьном возрасте – между пятью и восемью годами. Они проваливаются в подсознание, бледнея, словно сновидение поутру. После того как они угасли, ребенок, как правило, отрицает то, что они у него вообще были. В редких случаях воспоминания сохраняются и в зрелом возрасте.

Второй характерной чертой является наличие соответствующих фобий у детей с выраженными вербальными воспоминаниями о прошлых жизнях. Доктор Стивенсон определил, что 36 процентов таких детей (больше, чем один из трех) имеют фобии, соответствующие характеру смерти [25]. Если ребенок погиб под колесами грузовика, он будет бояться грузовиков и больших машин. Если ребенок утонул в прошлой жизни, то будет испытывать страх перед водой, когда его купают.

Психотерапевты, занимающиеся регрессиями в прошлые жизни, также обнаружили высокую корреляцию между характером смерти и фобиями у взрослых пациентов, но их доказательства не могли быть объективными, так как воспоминания редко удавалось верифицировать. Впервые в истории благодаря усилиям доктора Стивенсона мы располагаем множеством случаев, где характер смерти подтвержден свидетелями, независимыми исследователями, медицинскими записями и протоколами вскрытия. Прямая зависимость между причиной смерти в прошлой жизни и фобией, возникшей в настоящей, очевидна. Уравнение составлено правильно. Находки доктора Стивенсона дают объективное подтверждение тому, о чем терапевты прошлых жизней догадывались и раньше – смерти в прошлых жизнях вызывают фобии в нынешней жизни.

Это хорошая новость для специалистов по регрессиям в прошлые жизни. Это важно знать и родителям. Многие дети страдают от *j* фобий, которые нельзя объяснить ничем иным, как только случившимся в прошлых жизнях. Если родители сталкиваются с необъяснимыми страхами у своих детей, то могут предполагать, что корни этих страхов уходят в прошлые жизни, даже в тех случаях, когда ребенок ничего не рассказывает о своих воспоминаниях.

Третья черта – это значительность момента смерти. Доктор Стивенсон обнаружил, что 72 процента детей помнят то, как они умирали, и более половины из них умерли насильственной смертью [26]. Это важно, особенно в свете факта, что гораздо меньшее количество детей помнили имя своей прошлой личности. Иными словами, сама смерть оставляет гораздо более глубокий отпечаток на преходящей памяти, чем повседневные события. *Большинство спонтанных воспоминаний о прошлых жизнях заключают в себе момент смерти – особенно, насильственной смерти.*

В своих «*Двадцати случаях, свидетельствующих в пользу реинкарнации*» доктор Стивенсон размышляет о том, почему так происходит. «Вполне логично предположить, что интенсивные переживания, такие, как насильственная смерть, могут каким-то образом «закрепить» воспоминания, так, что они сохраняются в сознании» [27].

Доктор Вулгер и другие специалисты реинкарнационной терапии пришли к тем же выводам, работая с памятью взрослых. Вот что сказал доктор Вулгер, и я приведу его слова для сравнения: «Возвышенное сознание, характерное для момента смерти, отпечатывает с огромной силой умирающие мысли, чувства или ощущения на то (не важно, как мы его называем), что переносит нашу сущность из одной жизни в другую» [28].

Доктор Стивенсон предполагает, что насильственные смерти дети запоминают чаще всего, так как они наступают внезапно, неожиданно и влекут за собой сильные эмоции. Они укорачивают естественный срок жизни и оставляют человека в состоянии незавершенности [29]. Даже при «естественной» смерти дети вспоминали те жизни, которые были каким-то образом незавершенными. Они уходили из этого мира с тем, что доктор Вулгер назвал «незавершенным делом души».

Картина, которую рисует доктор Стивенсон, при статистическом анализе подтверждает основные принципы, используемые психотерапевтами: смерть, отягощенная незавершенными делами и неразрешенными проблемами, придает энергию памяти, которая влияет на последующие жизни. У детей эти воспоминания могут быть особенно живыми. Часть души ребенка как бы находится еще «там», ребенок стоит одной ногой в прошлой жизни, запутавшись в паутине неразрешенных чувств.

Естественное явление

Я уверена, что самая важная черта работ доктора Стивенсона также является и наиболее очевидной: *воспоминания детей о прошлых жизнях – естественное явление.* Они находятся прямо в сознании некоторых детей. Они рождаются неожиданно, без всякого нажима, управляемые собственной логикой и волей.

Естественное явление. Эти слова пронесли, словно вспышка неоновой надписи в моем мозге. Это означает, что любой ребенок, в любом уголке мира может иметь спонтанные воспоминания о прошлой жизни. Но как много таких детей? Является ли это редкой аберрацией, или такое происходит постоянно в неявной форме, так что мы просто не знаем, что следует искать? Доктор Стивенсон ничего не говорит по этому поводу. Он также ничего не сделал для сравнения своих исключительных случаев со всем населением. Этот вопрос остается открытым.

Я больше думаю о том, что это значит. Если воспоминания о прошлых жизнях у детей являются естественным явлением, то какова причина? Возникает ли все это в результате какого-то космического фокуса, трещины в системе, через которую просачиваются воспоминания, не имеющие смысла? Или это составная часть эволюционного развития души, дающая возможность прояснить вопросы прошлого?

Это совпадает с индуистскими и буддистскими представлениями о том, что с каждым воплощением мы получаем возможность развиваться в духовном плане.

Психотерапевты прошлых жизней продемонстрировали нам то, что воспоминания о травматической смерти могут привести к проблемам в зрелом возрасте. Стивенсон доказал, что большинство детских воспоминаний о прошлых жизнях центрируются на смерти. Может статься, что спонтанное проявление воспоминаний о травматическом прошлом в детстве оберегает нас от более сложных проблем в зрелом возрасте.

Если это действительно так, то какова же во всем этом родительская роль? Поскольку воспоминания приходят тогда, когда ребенок еще совсем мал и нуждается в получении физической пищи от нас, не должны ли мы обеспечить его и духовной пищей? Возможно, мы, родители, включены в часть плана, направленного на то, чтобы помочь нашим детям получить пользу от подобных воспоминаний.

Глава седьмая. Детские воспоминания о прошлых жизнях

Благодаря научным исследованиям Яна Стивенсона было доказано, что детские воспоминания о прошлых жизнях являются реальными и естественными. Психотерапевты, специализирующиеся по регрессиям в прошлые жизни, убедили меня, что подобные воспоминания могут приносить исцеление. Но где же исследователи и практики, работающие с детьми? Мои поиски, длившиеся несколько лет, не увенчались успехом. Итак, я решила предпринять свое собственное исследование, чтобы подтвердить то, что мне было уже известно, – детские воспоминания о прошлых жизнях могут исцелять. Вооруженная техникой регрессий, которой я научилась у Нормана Инджа и Роджера Вулгера, а также информацией, почерпнутой из книг, я готова была приступить к исследованию. Я решила начать регрессировать детей самостоятельно и посмотреть, что мне удастся обнаружить.

Юные исследователи

Моим первым испытуемым был семилетний Чейз (ныне и сам опытный исследователь). Однажды под вечер я спросила его, не готов ли он к регрессии со мной. На что он просто ответил: «Конечно же. Почему бы и нет?» Я уложила его на кушетку, предложила, чтобы он закрыл глаза и сосредоточился на дыхании. Я была возбуждена и нервничала, но не из-за того, что что-то могло произойти, а из-за того, что могло *ничего* не произойти.

Однако мои дурные предчувствия рассеялись, как только я увидела, как затрепетали веки Чейза. «Что ты испытываешь?» – спросила я.

Чейз, прерывистым голосом, характерным для воспоминаний о прошлых жизнях, сообщил мне, что помнит себя мастером по дереву в России четырнадцатого века. Поначалу я отнеслась к этому подозрительно, решив, что он проигрывает все ту же спокойную жизнь, которую вспомнил на сеансе с Норманом. Но нет. Похоже, что он обладал тем же талантом и в другой жизни. Чейз описал себя как процветающего деревянных дел мастера, слава о котором разлетелась далеко. Он был очень изобретательным и умелым работником. Чейз рассказал, что изобрел угловую этажерку, и это принесло ему широкую известность. К нему стали обращаться многие люди. Он также упомянул о том, что имел семью и был счастлив, но сегодня он фокусировался больше на своих достижениях, а не на отношениях с близкими. Он умер стариком, мирной смертью, в окружении семьи.

Чейз лежал на кровати тихо, как я уже видела раньше, после того как «умер» в прошлой жизни. «Чему ты научился в этой жизни?» – спросила я.

«Если у тебя есть идея и ты работаешь, чтобы воплотить ее в жизнь, то обязательно добьешься успеха. – Он остановился, а затем продолжал: – Поскольку у меня был успех, ко мне приходили люди отовсюду, только чтобы посоветоваться со мной. Мне было легко помогать им. Как приятно свободно делиться своей мудростью». Мне было странно выслушивать эти философские умозаключения от семилетнего мальчика.

Чейз улыбнулся и открыл глаза. Я поняла, что он возвратился в настоящее. Прошло около пятнадцати минут. Чейз сказал, что регрессия ему понравилась и что картины русского города были очень отчетливыми, как если бы он действительно был там. Я попросила его нарисовать этажерку, которую он тогда изобрел. Чейз закрыл глаза, чтобы сосредоточиться, затем взял карандаш и нарисовал угловую этажерку с волнистым узором наверху и по бокам. «Вот она, – с гордостью произнес Чейз, нанося последние штрихи. – Давай повторим это еще», – бросил он через плечо, выбегая из комнаты.

Я делала записи во время регрессии. Перечитав их, я задумалась, запомнит ли он урок из прошлой жизни? Можно ли возродить регрессиями мудрость, которой обладал в прошлом? Как было бы здорово, если бы Чейз смог всецело посвятить себя какому-нибудь делу, не проходя заново болезненные уроки.

Через несколько дней я уговорила Сару стать моим следующим объектом исследования. Она вошла в транс совершенно легко, как только последовала моему предложению закрыть глаза, сфокусироваться на дыхании и отправиться в любую прошлую жизнь. Сара увидела себя девочкой, стоящей рядом с глиняными строениями на солнцепеке. Она была сиротой, и ей удавалось прожить лишь благодаря тому, что она воровала пищу. Каждую ночь она проводила в каком-то укрытии. Вопрос выживания заключался в ловкости и скорости. Она сказала, что умерла совсем молодой. Ее убили за кражу еды. Однако в трансе она не казалась обеспокоенной этой безвременной смертью. Казалось, Сара испытывает облегчение.

Я спросила, какими были ее последние мысли перед смертью. Сара ответила: «Я рада, что все закончилось. Мне было тяжело жить. Я не хочу делать *этого* снова».

Мне было интересно узнать, что сможет принести Сара оттуда в эту жизнь, и я спросила: «Чему тебя научила та жизнь?»

«Нельзя выжить благодаря воровству. Не всегда удастся спастись бегством. Нужно научиться чему-то *другому*, чтобы сделать жизнь полноценной». Когда Сара открыла глаза, она не сразу поняла, где оказалась. «Я рада, что нахожусь здесь сейчас», – сказала она со вздохом облегчения.

Как эта жизнь влияет на Сару сейчас? Я рассмеялась про себя, когда осознала, насколько Сара трудолюбива и практична, как любит она откладывать любую копейку. Она не может смотреть, как освобождают холодильник от остатков еды. Ей очень трудно смириться с тем, что пища может пропасть. Возможно, такая экономность связана с воспоминаниями о жизни, полной лишений? Интересно будет проследить за тем, как отразится это на ее карьере и последующих жизненных решениях. Я также сделала записи этой регрессии и отложила их для дальнейшего анализа.

В поисках новых маленьких путешественников во времени

Исчерпав возможности своих собственных детей, я приступила к поискам других объектов исследований. Я хотела узнать, что произойдет, если я смогу регрессировать ребенка, который еще не проходил через регрессию. Сможет ли он легко получить доступ к воспоминаниям? И если да, то каковы будут эти воспоминания: увидит ли он кровавые картины прошлого или ничем не омраченные образы спокойной жизни?

Мне удалось отыскать с десяток детей от пяти до одиннадцати лет, с которыми я могла заняться регрессиями. Это были друзья Сары и Чейза. Их родители знали, что мои дети прошли сквозь регрессии в прошлые жизни и остались вполне нормальными, здоровыми детьми. Так что они легко дали свое согласие на то, чтобы я поэкспериментировала с их малышами, если те сами не будут этому противиться. Десяти- и одиннадцатилетние друзья и подружки Сары проявляли огромный интерес к предстоящим сеансам, и это делало их идеальными объектами для исследования.

Я начала с того, что объяснила маленьким добровольцам, что верю в то, что мы уже жили не раз на земле в образе различных людей, и если мы глубоко

расслабимся, то сможем вспомнить эти жизни. Дети не проявили никакого сопротивления и с радостью приняли эту возможность. Им было интересно увидеть, кем они были когда-то. Я также предупредила их, что иногда ничего не происходит, как мы ни желаем вспомнить свое прошлое, потому что они не должны расстраиваться и пытаться что-то сочинить.

Я также подготовила их к тому, что некоторые воспоминания могут быть травматическими. Я объяснила, что все мы прожили много жизней. Некоторые из них были счастливыми, иные – нет. Если они вспомнят что-то страшное или болезненное – значит, так и надо. Это все равно что смотреть грустный или страшный фильм в кинотеатре. Когда мы увлечены фильмом, то смеемся и плачем, но как только выходим из кинотеатра на солнечный свет, нам становится совсем не страшно и мы забываем о грусти. Регрессии, сказала я, действуют точно так же.

Почти все дети легко вошли в транс после простого упражнения по релаксации. Так же как и при работе со взрослыми, я попросила своих маленьких добровольцев сосредоточиться на своих телах, постараться рассмотреть, какую одежду и обувь они носят, какого цвета их кожа и волосы, какой у них рост и какого они возраста, – все это позволило им рассмотреть себя более отчетливо. Затем я предложила описать то, что их окружало, – пейзаж, здания, и рассказать, что они при этом испытывают. Я видела, как трепетали их веки и напрягались лица, когда дети концентрировались на внутренних образах и чувствах. Они говорили мне об испытаниях, выпавших на их долю в прошлых жизнях, а затем перешли к описанию момента смерти.

Ни в одной из этих историй речь не шла о значительной травме или тяжелой насильственной смерти. Они видели лишь нормальные жизни и мирные смерти. Даже тогда, когда дети описывали потерю ближнего или катастрофическую неудачу, казалось, они принимают это спокойно.

Для большинства детей достигнуть прошлых жизней было вовсе не трудно. Но я заметила, что эта техника отнюдь не всегда эффективна. Применяя те же приемы с детьми поменьше – пяти или шести лет, я ничего не добивалась, кроме ерзанья на стульях и отрывочных образов. Некоторые сообщали мне отрывки историй, которые напоминали сновидения или телевизионные программы, были и такие, которые явно старались не разочаровать меня в себе и говорили то, что, по их мнению, мне хотелось услышать. Но я могла сразу же отличить эти истории. Дети рассказывали их как сказки, чуть ли не нараспев, а не в том прерывистом стиле, который отличает подлинные воспоминания. Когда они фантазировали, то не переживали своих историй эмоционально. Легче всего замечается их непоследовательность. Реалистический характер – типичная черта подлинного воспоминания о прошлой жизни.

Например, одна история звучала очень подозрительно. Она очень уж смахивала на телевизионный фильм. Маленький мальчик видел себя в качестве принца, живущего в замке. Он ходил по длинным темным коридорам, и иногда ему приходилось сражаться с драконами, прятавшимися по темным углам. Он полностью отдался на волю фантазии, словно в хорошей видеоигре, но во всем этом не было и намека на реализм. В таких случаях, видя, что дети фантазируют, я позволяла им проявлять свое воображение и даже подыгрывала им с удовольствием. Я не хотела, чтобы они думали, что «провалились», только потому, что не сделали того, что от них ожидали. В любом случае, тут не было вреда.

Цветочные человечки

Подруге Сары, Аманде Дики, было одиннадцать лет, когда я регрессировала ее. У нее были очень яркие воспоминания об англичанке, которую звали Элизабет К. (она не могла точно вспомнить фамилию). Эта женщина жила неподалеку от Лондона с матерью и братом в середине девятнадцатого века. Элизабет часто выходила в садик своего городского дома и говорила с «цветочными человечками» – маленькими духами, которые всегда появлялись из-за цветка и давали ей совет по любому вопросу, который ей тяжело было решить самостоятельно. Элизабет

написала рассказы об этих человечках. Их опубликовали в лондонской газете, и скоро они стали очень популярны. Она вышла замуж и родила сына. Овдовев в молодом возрасте, Элизабет эмигрировала в Америку вместе со своим сыном. Она продолжала зарабатывать на жизнь литературой, пока не умерла от болезни, которую Аманде было трудно назвать. Ее жизнь омрачали лишь жестокие ссоры с братом.

Мне стало любопытно, нельзя ли получить объективную информацию об Элизабет. Я спросила Аманду, не опубликовала ли Элизабет хотя бы одну книгу. Но та ответила, что не помнит об этом, рассказы печатались только в газетах, как истории с продолжением. Это звучало аутентично, так как в середине девятнадцатого века газетные сериалы были очень популярны – ведь газеты были гораздо дешевле, чем книги, покупку которых мог себе позволить отнюдь не каждый. Могла ли об этом знать одиннадцатилетняя Аманда? Остальная часть истории также звучала вполне правдиво – детали были реалистичны, и она их вспоминала легко. К тому же это подходило Аманде, которая в свои одиннадцать лет необыкновенно легко обращается со словами.

Но откуда взялись эти «цветочные человечки»? Аманда, развитая и практичная, казалось, сама была смущена этой «нелепой» деталью истории. Я решила, что это, по-видимому, был фрагмент фантазии, просочившийся в историю. Норман Индж говорил мне, что в воспоминания о прошлых жизнях могут иногда проникать отрывки образов и мыслей из жизни настоящей. Он объяснял это тем, что воспоминания о прошлых жизнях приходят из нашего подсознания – хранилища *всей* нашей памяти как об этой, так и о предыдущих жизнях. И он предупреждал меня, что не следует отбрасывать всю историю из-за несоответствия отдельных деталей, если в целом она кажется правдивой. В случае с Амандой история казалась подлинной, и я приняла ее такой, какой она была, не желая выплеснуть ребенка из купели вместе с водой.

Через несколько месяцев Аманда выиграла на конкурсе по литературе, который проходил в школе. Я поздравила ее и сказала: «Вот видишь, тебе перешел талант из прошлой жизни». В ответ Аманда закатила глаза и стала нервно хихикать. Она все еще не была уверена в регрессии, особенно в этих «цветочных человечках».

Аманда и ее родители переехали из нашего штата в следующем году, но она продолжала поддерживать связь с Сарой. Они навещали друг дружку во время школьных каникул, а в остальное время переписывались. Это дало мне возможность следить за ее развитием как автора. Она говорила, что пишет короткие рассказы и участвует в издательстве школьного литературного журнала. Она призналась мне, что до сих пор носит в себе воспоминания об Элизабет – писательнице в ее прошлой жизни.

Почти через пять лет после своей регрессии Аманда написала мне письмо с совершенно необычным эпилогом:

«Один из самых странных случаев в моей жизни произошел около года назад, когда я проводила каникулы в Англии. До этого я никогда не гостила в Англии. Как только мы с родителями вышли из самолета, то сели в кэб, чтобы он отвез нас в гостиницу. Шофер оказался исключительно разговорчивым и готов был болтать без умолку обо всем на свете. Когда мы проехали первую городскую улицу, мама пришла в восторг от обилия цветов перед домами. Шофер ответил, что почти каждый лондонец имеет садик. Таким образом горожане пытаются спастись от жизненной суеты, и что он, а также его знакомые любят выходить в сады, *чтобы поговорить с цветочными человечками*. У меня отвисла челюсть, а глаза чуть было не выскочили на лоб, когда я услышала это. «Цветочные человечки», какое совпадение!»

Дети помнят смерть

Проведя регрессии с десятками детей, я поняла, что эти случайные сеансы вряд ли могут принести им непосредственную пользу. Их рассказы о тех жизнях, которые они вспомнили, было очень интересно слушать, но какой смысл мог увидеть

во всем этом ребенок? Они не помнили ни о каких травмах или незавершенных делах, влияющих на последующие жизни. Возможно, вспоминаемые ими истории о прошлых жизнях смогут вдохновить детей развивать свои способности, придадут им силы и помогут исправить свои *истории жизни* и *личные мифы*. Возможно, они послужат им путеводной нитью, как в случае с Амандой. Но будут ли помнить дети об этих моментах прозрения, когда вырастут? Не знаю.

И хотя я не видела столь драматических улучшений, как у моих детей, эксперимент оказался успешным в другом плане. Я поняла, что детей можно легко регрессировать в прошлые жизни. Я также заметила, что это не приносит никаких плохих последствий. По крайней мере, дети получают от этого удовольствие.

Процесс легко проходил у старших детей – в возрасте от восьми до одиннадцати лет. Однако мне ничего не удавалось добиться, когда я экспериментировала с несколькими детьми от четырех до шести лет. Но Чейзу было только пять лет, когда у него впервые появились воспоминания о Гражданской войне, так что я не могу делать однозначных выводов.

Все же на один вопрос можно ответить вполне определенно: маленькие дети *действительно* способны возвращаться к сценам своей смерти и повторно переживать состояние после смерти. Переживания, связанные со смертью, были необычайными. Я даже напоминала сама себе, что это *дети* описывают смерть.

Я никак не подготавливала их к тому, чтобы они «вспомнили смерть». Я не хотела пугать их заранее. Но каждый раз, закончив рассказ о жизни, они естественно переходили к описанию смерти. Все эти дети вспоминали мирную смерть, как и 62 процента добровольцев Хелен Уомбэч. Их описания смерти также совпадали. Когда они покидали свое тело, то взлетали все выше в небо, так же как сообщали об этом взрослые во время регрессий. Переход казался легким.

Я чувствовала прилив вдохновения каждый раз, когда выслушивала подобную историю из уст ребенка. Это были священные мгновения. Я чувствовала почти физически энергетический сдвиг, происходивший в комнате. Иногда мне явно казалось, что тело ребенка окружено сиянием, когда он говорит об этом совершенно умиротворенно. Я ожидала этих моментов, этих энергетических пиков, чтобы спросить, чему научила его предыдущая жизнь. И каждый раз я улавливала проблеск озарения – из уст ребенка исходили слова, несущие в себе мудрость, совершенно не объяснимую их малым жизненным опытом. Именно в эти минуты я до конца осознавала, что нахожусь в присутствии мудрых и опытных душ. Лишь тогда, когда сеанс заканчивался и дети снова возвращались в свои детские личности, я понимала, какими маленькими они были в действительности.

Во время одной из регрессий Чейза после того, как он прошел сквозь момент смерти, я спросила: «Что происходит после того, как мы умираем?» Без всяких колебаний, твердым мудрым голосом он стал объяснять: «Когда мы умираем, то получаем возможность сами решать, что предпринять дальше. Мы можем возвратиться к сцене из своей жизни, которую только что оставили, и получить любую информацию, чтобы ответить на вопросы и завершить эту жизнь. Мы также можем отправиться к своим близким, с которыми расстались, попрощаться с ними или посмотреть, что произойдет с ними в будущем. *Если мы видим, что с ними все в порядке, то освобождаемся и можем покинуть Земной план*». (Это его точные слова – слова семилетнего ребенка.)

Я спросила, что произойдет, если мы увидим, что у наших любимых неприятности. «Мы можем быстро возвратиться в тело, чтобы находиться рядом с этими людьми. У нас есть возможность возвратиться в духовное тело и летать над сценами жизни, которую мы оставили, чтобы видеть все происходящее в реальном времени. Мы находимся в ином времени, когда покидаем Землю. Затем мы отправляемся на Небеса, прежде чем возвратиться назад, чтобы родиться в ином теле».

Определения, сделанные Чейзом, удивительно точно совпадают с рассказами о переживаниях на пороге смерти и с описаниями состояний *бардо* восточной мифологии. Если это знал семилетний Чейз, не знаем ли мы все это также? Не

является ли наше рождение всего лишь «сном и забвением» тех внеземных состояний, как писал поэт Вордсворт? Казалось, что Чейз нуждается лишь в легком толчке, чтобы вспомнить все это.

Описываемый эксперимент происходил в то время, когда воспоминания Чейза о Гражданской войне были спровоцированы войной в Персидском заливе. Через три года после своей первой регрессии он высказал желание возвратиться в ту жизнь, чтобы завершить свою смерть. Наконец он смог примириться с этой памятью и избавился от грусти. Снова я вспомнила о силе этого процесса – самые цепкие влияния из прошлых жизней могут быть нейтрализованы благодаря ясным воспоминаниям. Эти сеансы были исполнены глубокого смысла для нас обоих. Почему я не могла добиться того же результата во время случайных регрессий с чужими детьми? Возможно, у них не было тех тяжелых проблем, которые тревожили Чейза и Сару? А может быть, это произошло потому, что импульс исходил от самого Чейза, а не от меня?

Я достигла мертвой точки в своих экспериментах с детьми. Я не была уверена в том, что они смогут разрешить какие-либо проблемы таким образом. Тогда зачем все это было нужно? Мой энтузиазм начал угасать. Я не знала, чем заняться дальше. Приходилось только ждать, вдруг что-нибудь снова выведет меня на этот путь.

Ночь Ниндзя

У Чейза появилась проблема, которую он не мог решить. Как-то в канун Нового Года он отправился на свою первую вечеринку в школу каратэ, где обычно тренировался. Это были дни расцвета популярности вездесущих Черепашек Ниндзя, и дети играли в Черепашек, смотрели видеофильмы по каратэ и уминали с особым удовольствием любимую еду Черепашек – пиццу. Они делали темные туннели из одеял, превращавшиеся в их воображении в сточные трубы, в которых жили Ниндзя. Чейз был вне себя от восторга. Но поздно вечером он стал выказывать признаки подавленности и никак не мог заснуть. Моя подруга, Эйми Мак-Логхлин, присматривающая за детьми, никак не могла успокоить его. На рассвете она усадила его в машину и отвезла к нам домой. Чейз был измотан и в каждую секунду готов был заплакать. Он никак не мог объяснить своего настроения, сказал только, что пытался проверить, до какого часа сможет продержаться и не заснуть. Когда же он решил уже заснуть, то ему это просто не удалось.

После этой ночи с Чейзом стали происходить приступы беспокойства каждый вечер в одно и то же время. У него заболел живот, он резко бледнел и начинал беспокоиться, что снова не сможет уснуть. Мы испытали все: теплые ванны, релаксационные упражнения, горячее молоко, успокоительную музыку, но ничего не помогало. Разговоры с ним также ни к чему не привели. Я поговорила со взрослыми, присутствовавшими на вечеринке, но те утверждали, что ничего необычного не произошло. Итак, в чем заключалась проблема Чейза? Такое состояние продолжалось целых шесть недель, и я начала беспокоиться. Мы уже собирались обратиться к врачам, когда сам Чейз предложил попробовать пройти регрессию.

Я решила дождаться того часа, когда обычно начинался приступ беспокойства. Вместо того чтобы проводить релаксационное упражнение, я собиралась воспользоваться болезненными ощущениями, возникающими у Чейза в животе, как мостом к прошлой жизни. Этому научил меня Роджер Вулгер. Я попросила Чейза лечь в кровать и описать ощущение в животе. Он сказал, что чувствует пустоту, которая поднимается от желудка к горлу, а затем вновь возвращается в живот. Для того чтобы усилить его фокусировку, я спросила, может ли Чейз различить цвет этого ощущения. Он ответил: да, ощущение имело оранжево-желтый цвет. Это не было чувство тошноты (хотя его несколько раз рвало во время приступа), скорее, это было чувство опустошенности – добавил Чейз. Я предложила ему «оставаться с чувством пустоты».

Это подействовало. Чейз увидел себя в образе взрослого человека, закованного в кандалы в темнице. Действие происходило в «замковые времена».

Вокруг царила тьма, и он был один. Его руки были вытянуты над головой и болели. Он продолжал осознавать все ощущения в своем теле, рассказывая историю.

Я предложила отправиться в более раннее время, предшествующее его заключению в темницу. Он увидел себя на деревенской площади. Там располагался базар. Он собирался что-то украсть. Его рука потянулась к прилавку, но он тут же был схвачен. Следующее, что он помнит, – это темница.

Я попросила его направить внимание на эмоции. «Я чувствую себя виноватым, – продолжал Чейз, – я раскаиваюсь. Это было большой глупостью – так распорядиться своей жизнью. Я ощущаю чувство вины у себя в животе. Я *не могу спать* в таком положении. Я умираю. Я взлетаю вверх, я проплываю над замком и над городом. Я знаю, что должен взлететь еще выше. Я чувствую себя лучше».

«Нужно ли тебе сказать что-то тем людям, которых ты здесь оставил?» – спросила я, проверяя, нет ли незавершенных дел в этой жизни. Так обычно поступал доктор Вулгер, когда пациент рассказывал о состоянии после смерти.

«Они знали, что я пойман. Этого достаточно», – Чейз удовлетворился этим ответом.

«Какая связь была между этими временами и ночью Ниндзя?» – спросила я, чтобы определить, может ли Чейз провести параллели и найти причину возникновения этих симптомов. Он ответил, что ему очень понравилось на вечеринке и он развлекался тем, что проверял, до которого часа он сможет продержаться и не заснуть. Но вдруг он испугался мысли о том, что вообще не сможет уснуть. Тогда-то и возникло это болезненное чувство в животе. Чейз сказал, что «вечеринка была темной и чужой, как тюрьма».

«А как ты чувствуешь себя сейчас?» – спросила я, чтобы убедиться в том, что все осталось позади. Чейз обнял меня и сказал, что чувствует себя гораздо лучше. Эту ночь он спал спокойно и крепко.

Это было то, чего я так давно ждала. Чейз дал мне возможность попробовать провести серьезное лечение. Я сделала это, и оно помогло. У него была настоящая проблема – физические симптомы, от которых он не мог исцелиться никаким иным образом. Стараясь осознать свое чувство, он смог проследить его до *настоящего* источника. Оно возникло не на вечеринке, а гораздо раньше. Просто «ночь Ниндзя» пробудила эти воспоминания. Это действительно был очень простой процесс – я шла вслед за воспоминаниями Чейза и помогла ему сформулировать проблему его прошлой жизни. Затем он сам очистил свою память благодаря лишь нескольким наводящим вопросам, которые задала я. Каждая мать смогла бы сделать то же для своего ребенка.

Маленькие англичане вспоминают...

Однажды, приблизительно в то же время, когда Чейз прошел сквозь свою последнюю регрессию, я носилась по универмагу, чтобы успеть сделать все необходимые покупки, прежде чем дети возвратятся из школы. Я заглянула в книжное отделение, чтобы посмотреть, не появились ли новые книги по реинкарнации, – это уже стало моей устойчивой привычкой. Там, среди знакомых томов, рассказывающих о прошлых жизнях, я увидела маленькую книгу в мягкой обложке, с интригующим названием: «*Дети, которые забыли время*». Я сняла ее с полки. На обложке были изображены затемненные детские лица с освещенными низами. Это напомнило мне афишу фильма «Дети Проклятых». Брр! Явно не мой стиль. Однако мое внимание тут же приковал к себе подзаголовок: *Невероятные, но подлинные рассказы детей, помнящих прошлые жизни*. Мое сердце забилось сильнее. Надеюсь, что «подлинные рассказы» оправдают свое название, я стала быстро листать книгу.

Я опомнилась, когда прошло уже полчаса. Меня так увлекли истории из книги, что я совершенно забыла о времени. Я бросилась к кассе и, расплатившись за книгу, полетела к дому. Вовремя. Школьный автобус, в котором сидели Сара и Чейз, как раз подъезжал к нашей двери. Я выложила закуску на кухонный стол, сказала «Привет», когда дети ворвались в дом, и тут же отправилась в свою комнату, чтобы

поудобнее устроиться в своем любимом кресле для чтения. Мне так хотелось поскорее насладиться своим новым сокровищем, что я даже не стала заваривать чай.

В книге *«Дети, которые забыли время»* ничего не говорилось об авторах, Питере и Мэри Харрисонах, кроме того, что они британцы. Случаи, которые они собрали, были описаны хорошо и с большой теплотой. В книге не было намека на сенсационность, как это можно было предположить, если судить по обложке. В книге приведено двадцать шесть случаев *спонтанных* воспоминаний прошлых жизней *английскими* детьми. В свободном, разговорном стиле, со множеством британских идиом, авторы рассказывают о том, как двух- и трехлетние дети вдруг вспоминали свои прошлые жизни и смерти, чем невероятно поражали родителей.

Сара и Чейз то и дело заглядывали ко мне в комнату, интересуясь, что меня так восхитило в книге. Дело в том, что каждые пять минут я издавала возгласы «Ах!» и «Ух!», будучи совершенно не в силах сдержаться. Это были спонтанные воспоминания о прошлых жизнях, происшедшие в христианско-иудейской англоговорящей культурной среде. Все это делало воспоминания менее экзотичными, более знакомыми и родными.

Эти «западные» случаи были столь же детально описаны, как и те, которые «открывал» доктор Стивенсон преимущественно в Азии. Эта книга дает ответ тем критикам, которые пытаются опровергнуть результаты исследований Стивенсона на том основании, что они проводились в основном в тех культурах, где вера в переселение душ является традиционной и где дети подсознательно настраиваются говорить о прошлых жизнях, так как их родители верят в это. (При близком ознакомлении с трудами доктора Стивенсона вы убеждаетесь в беспочвенности подобных заявлений.)

Но вот в книге Харрисонов описываются родители, не верящие в реинкарнацию, которые подтверждают то, что их дети вспоминали свои прошлые жизни. Многие из них были удивлены, если не шокированы, когда их малыши стали говорить: «когда я жил раньше» или «когда я умер». Один из отцов произнес по этому поводу: «Я слышал и раньше о подобных странных вещах. Но никогда не думал, что такое может произойти в моей семье» [1]. Эти дети явно не были вдохновлены своими родителями на веру в прошлые жизни, и вряд ли они могли позаимствовать подобные идеи из детских телесериалов. Скорее, все происходило наоборот: родители отказывались верить в то, что их крохи говорят совершенно серьезно, и старались отвлечь их в надежде, что такое странное поведение скоро пройдет. Но эти воспоминания не угасали, несмотря на сопротивление, и взрослым приходилось уступать.

...а мамы слушают

Эта книга касается родителей в той же мере, что и детей. В ней описан конфликт между верой родителей в то, что «мы живем лишь раз», и тем, что они узнали от своих детей. Вначале родители сомневаются и пытаются переубедить своих детей, затем, как правило, наступают длительные периоды смирения с неизбежным, пока наконец трогательные доказательства не заставляют взрослых принять правду, исходящую от их крох.

Читая эти истории, я чувствовала, как мой внутренний стандарт подсказывает мне: «да, это звучит правдиво». Я знала, что ступила на знакомую территорию, когда читала признания родителей об их реакции на спонтанные воспоминания, которыми делились с ними дети. Я вспомнила то утро, когда Чейз удивил меня, заявив, что был черным солдатом. Как утешительно для меня было видеть эти деликатные интеракции детей и родителей, с описанием которых я столкнулась лишь в этой книге.

Многие вещи, о которых говорилось в книге, были мне знакомы. Я начала замечать черты, описанные и доктором Стивенсоном: очень юный возраст, когда эти воспоминания возникают впервые, и их исчезновение к тому времени, когда дети обычно идут в школу; ориентация детей на местности, которую они помнили по

прошлой жизни; фобии, связанные с характером смерти; возвращение в те же семьи, в которых дети жили раньше.

В большинстве случаев, приведенных Харрисонами, дети *не* сообщали достаточно специфической информации – имен, названий, дат и мест, – чтобы установить их прошлую личность. Доктор Стивенсон отбросил бы подобные случаи, решив, что им недостает данных для убедительной верификации. Однако тот факт, что случаи Харрисонов не столь строго обоснованы, не снижает их ценности.

Перечитывая книгу во второй раз, я поняла, что Харрисоны предлагают доказательства иного рода. Они документировали то, как воспоминания детей повлияли на мировоззрение родителей, изменив их точку зрения на перевоплощения и смерть. Эти родители-христиане мало что выигрывали, но многим рисковали, сообщая о «фантастических» заявлениях своих детей. Однако они были переубеждены. Воспоминания о прошлых жизнях перевернули их устоявшиеся взгляды и изменили их жизни. Эти свидетельства доступны пониманию обычных людей и не менее убедительны, чем графики и доказательства доктора Стивенсона.

В конце концов, кто, как не родители могут распознать правду и мотивации, стоящие за словами детей? Они знают, какая информация была доступна их детям, что им известно, а что нет. Родители могут определить, когда их дети сочиняют, а когда они серьезны. Харрисоны освещают детали, которые заметят родители и которые пройдут мимо внимания постороннего наблюдателя, ищущего лишь доказательств: различная тональность голоса, радостные восклицания при воспоминаниях о любимой собачке или кошечке из прошлой жизни; отрешенное выражение лица, когда ребенок вспоминает о ком-то любимом из своего далекого прошлого. Именно эти детали заставляют дрожать родителей, прислушивающихся к детям, или вызывают ощущение «удара током». Такие чувства заставили воскликнуть одну мать: «Я *знала*, что он не сочиняет все это!»

Рассказы из колыбели

Поскольку истории Харрисонов записаны со слов родителей и отражают родительскую точку зрения, они показывают те тонкие качества и аспекты этого феномена, которых я раньше просто не замечала.

Например, после прочтения книги *«Дети, которые забыли время»*, я задумалась над тем, не вспоминают ли дети свои прошлые жизни еще в колыбели, прежде чем они научились говорить. Некоторые дети были так малы, когда впервые начали говорить о своих воспоминаниях, что казалось, они только *ждут* того момента, когда узнают достаточно слов, чтобы рассказать родителям, о чем они все время думали. Большинству карапузов было по два годика, и некоторые еще *ходили в подгузниках*, когда начали рассказывать родителям о своих воспоминаниях.

Элизабет было всего лишь восемнадцать месяцев отроду, и она еще не научилась составлять предложение целиком. Однажды вечером, когда мать купала ее в ванночке, девочка произнесла: «Я собираюсь дать клятву». Изумленная мать никак не могла поверить своим ушам. Это было первое заверщенное предложение Элизабет. И что означала эта «клятва»?

Когда мать спросила Элизабет, что та хочет сказать, девочка ответила: «Сейчас я не Элизабет. Я – Роза и собираюсь к сестре Терезе Грегори» [2]. Мать изумилась еще больше. Их семья не была католической. Элизабет ничего не могла слышать о монахинях и клятвах. Она была совсем младенцем!

Элизабет продолжала рассказывать своей матери о том времени, «когда была здесь раньше». Оказывается, она была старой леди, которая носила длинное черное платье и черную накидку на голове. Все детали совпадали. Затем, через два года, Элизабет дополнила историю монашеской жизни рассказом о своих обязанностях в монастыре. Рабочий день начинался, когда было еще темно, – она доила коз, делала сыр и помогала готовить пищу. Монахини молились часто. Когда бил колокол, они переставали разговаривать и спешили к молитве, независимо от

того, чем занимались. Она умерла в старости во время молитвы в своей крошечной келье.

Когда она умерла, все вокруг стало черным. Затем она проснулась и оказалась среди своих подруг – монашек, которые также умерли. Элизабет сказала, что они были облачены в монашеские наряды и выглядели моложе, чем при жизни. Она также стала выглядеть более молодо, когда умерла. Больше Элизабет ничего не могла вспомнить и никогда больше не говорила о своей жизни в монастыре.

Несколько детей помнили себя в качестве родственников, умерших прежде, чем те появились на свет. Доктор Стивенсон также обнаружил, что случаи перевоплощения в пределах семьи очень часты. Рассказы Харрисонов замечательны тем, что в них говорится о том, насколько убеждены члены *семьи* в том, что ребенок является их возрожденным родственником. Поскольку члены семьи знают детали биографии умершего и его черты, им очень легко сравнивать заявления и поведение ребенка с тем, что собой действительно представлял их родственник. У них начинают мурашки бегать по коже, когда ребенок в точности копирует жест усопшего или вспоминает те факты, о которых все почти полностью забыли или просто никогда не вспоминали.

Десмонд играл с машинкой на полу, когда без всякого перехода произнес: «Ты знаешь, мам, прежде чем прийти сюда, я был у тети Рут, но не задержался у нее надолго». Мать была изумлена, услышав такое от своего сына, которому было три с половиной года. Ее свояченица, Рут, родила мертвого сына десять лет назад. Но в семье существовал договор никогда не говорить об этом случае, воспоминания о котором все еще причиняли боль Рут. Десмонд ни от кого не мог услышать об этом.

Десмонд отчетливо помнил, каково ему было в матке у тети Рут: там было очень тепло и мягко. Он был «счастливым и мокрым». Он все время «крутился, и крутился, и крутился». Там было темно, но не страшно. По временам его одолевал сон. Однажды он заснул, а когда проснулся, то оказалось, «что он уже не с тетей Рут» [3].

На протяжении нескольких месяцев Десмонд постоянно вспоминал свое пребывание «с тетей Рут». Его родители постепенно пришли к заключению, что он действительно тот мальчик, которого носила *Рут*. Но мать Десмонда никогда не говорила об этом Рут. «У нее нет собственных детей, – объясняла она, – так что я боюсь рассказывать ей об этом случае с Десмондом. Она может вообразить, что мальчик действительно принадлежит ей». Отец Десмонда говорил так: «То, что он рассказал нам о своем пребывании у Рут, прежде чем прийти к нам, – совершенно невыносимо... Я ни минуты не сомневаюсь, что ребенок жил раньше, и эта память не пропала» [4].

В половине случаев, описанных Харрисонами, дети помнили свою смерть и говорили о ней спокойно, без грусти и страха. Казалось, что они просто заново переживают все то, что происходило с ними, «когда я был здесь раньше».

Маленькая Мэнди помнила, как была своей же сестрой, умершей от врожденной болезни сердца. Все родные были вне себя от горя, когда девочка умерла. Но Мэнди заявила, что умирать было легко, единственное, что ей не нравилось, – это то, что все родные так сильно плакали. «Но, – добавила девочка, – возвратиться назад было очень приятно» [5]. Двухлетний Ричард сумел убедить своих родителей, что он не кто иной, как возродившийся собственный дедушка. Он успокоил взрослых тем, что нечего бояться смерти: «Мне не страшно умирать, со мной это уже произошло раньше. Все было нормально» [6].

Только несколько описанных Харрисонами детей испытывали неприятное чувство, вспоминая о смерти (насильственной и травматической). Именно они страдали от фобий, связанных со смертью. Это совпадает с правилом, которое можно вывести на основании данных исследований доктора Стивенсона: травматические смерти в прошлых жизнях порождают необъяснимые фобии.

Один из мальчиков, Доминик, страдал от фобии, имевшей отношение к травматической смерти. Как и в самых неоспоримых случаях доктора Стивенсона, у

него на теле было родимое пятно: «на правом бедре была белая линия, напоминающая шрам, которая особенно выделялась на фоне загара» [7].

Еще в младенчестве Доминик боялся погружения в воду. Он подымал такой крик каждый раз, когда родители пытались посадить его в ванночку, что те наконец сдались и стали ограничиваться растиранием мокрой губкой. Однажды, когда бабушка прикоснулась к его шраму, Доминик, который только начал произносить первые слова, сказал: «Человек в лодке сделал это большим ножом. Было много крови. Я весь был в крови». Затем он сказал, что выпал из лодки и утонул [8]. Его мать утверждала, что сын никогда не был на лодке, никогда не слышал о том, что ножом можно убить, и у него никогда не шла кровь из-за ранения. Это не была случайная фантазия. Объяснение Доминика прекрасно подходило как к необычному родимому пятну, так и к его страху перед водой. Взрослым пришлось поверить ему.

Уменьшился ли страх Доминика перед водой после того, как он рассказал о своей насильственной смерти? Харрисоны не дают ответа на этот вопрос. Этот факт расстроил меня. Харрисоны проделали замечательную работу, собирая случаи, но то, что они не уделяли достаточного внимания дальнейшей судьбе маленьких героев, вызвало мое удивление. Я хотела узнать, исцелился ли Доминик от своей фобии. Как жалко, что интервьюировала его родителей не я! Я бы попыталась разузнать побольше о том, как они реагировали на поведение своего ребенка и каковы были отдаленные результаты.

Катарсис Никола

Одна история особо тронула меня. Из всех прекрасных случаев, приведенных Харрисонами, только в истории о Никола говорилось о катарсисе и исцелении.

Когда Никола исполнилось два года, родители подарили ей маленькую игрушечную собачку. Она пришла в большое возбуждение и заявила матери, что игрушка напоминает ее пса, Маффа: «Точно такой же, как тот пес, который был у меня раньше» [9]. Мать Никола, Кэтлин, решила, что фантазия дочери очень забавна, но скоро забыла о ней. Но затем она стала замечать, что Никола часто беседует с игрушечной собачкой и спрашивает ее, не помнит ли она о тех веселых днях, которые они проводили прежде. Кэтлин заметила это, так как «фантазия» ее дочери оказалась необычайно устойчивой.

Однажды Кэтлин совершенно растерялась, когда Никола неожиданно спросила, почему сейчас она не мальчик, как в тот раз, когда миссис Бенсон, его мама, и он играли с Маффом. На этот раз Кэтлин попросила свою дочь рассказать об этом подробнее. Для того чтобы история о прошлой жизни выплеснулась из Никола, ей больше ничего не требовалось.

Дочь сказала, что он вместе с семьей жил в сером кирпичном доме, который находился «посреди четырех домов, соединенных в один ряд». Дом стоял рядом с железнодорожным полотном. Его мать носила длинные юбки – такую же викторианскую одежду, в какую сейчас была одета ее кукла. Город, в котором они жили, назывался Харвортом, и они с псом часто бродили в полях. Его «другая мама» все время предупреждала, чтобы он держался подальше от железной дороги. Но однажды он все же играл на рельсах, когда поезд «быстро подъехал и сбил меня с ног». Мужчина отвез его в больницу, где я «уснул и умер и видел Бога в небесах, прежде чем снова родиться. Но я умерла не по-настоящему, а пришла сюда, вместо того чтобы вернуться к своей другой маме» [10].

Этот поток деталей невозможно было игнорировать. Вся история звучала столь убедительно, что Кэтлин отвезла свою дочь в Харворт, который находился неподалеку, чтобы убедиться, действительно ли дочь сможет что-то узнать. Никто из них никогда не был в этом городке прежде, но как только Никола попала туда, она тут же засемила по улочкам, ведущим к окраине. Она подвела свою мать прямо к дому, который описывала. Он стоял между четырех домов серого камня. Все в точности совпадало с описанием Никола, в том числе железнодорожное полотно и прилежащие поля.

Кэтлин решила проследить за воспоминаниями своей дочери о прошлой жизни. Поскольку у нее были имя и адрес предыдущей личности, она решила просмотреть церковные записи и таким образом определить точность воспоминаний своей дочери. Когда она открыла пожелтевшие страницы церковной книги, ее сердце «на минуту перестало биться». Кэтлин увидела там фамилию Бенсон (редкая фамилия в этом приходе). У Бенсонов был один сын, который родился в 1875 году. Но в следующей записи, сделанной через шесть лет, имя сына уже не значилось среди членов семьи Бенсонов. Речь шла о двух маленьких девочках, одной из которых было три года, а другой шесть лет, но о мальчике не говорилось ни слова. Напрашивался лишь один вывод – тот маленький мальчик, жизнь которого вспомнила Никола, умер в возрасте пяти-шести лет [11].

На этом история замечательных воспоминаний Никола о прошлых жизнях не заканчивается.

Однажды вечером, после экспедиции в Харворт, вся семья сидела возле телевизора и смотрела фильм. На экране появился поезд, который со стуком мчался по рельсам. Тут же Никола истерически закричала, упала на пол и забилась в припадке, ловя воздух широк открытым ртом. Кэтлин бросилась к ней, не понимая, что могло напугать ее маленькую дочь. Никола повторяла только одно: «Поезд, поезд, поезд!» Кэтлин выключила телевизор, и Никола тут же перестала кричать, но слезы продолжали литься из ее глаз. Кэтлин сразу же догадалась, что вид поезда напомнил ее дочери ту жизнь, когда она была мальчиком в семье Бенсонов. Понимая, что так испугало Никола, Кэтлин позволила ей вволю наплакаться на ее руках, не пытаясь внушить ей, что нечего бояться поездов. Через некоторое время Никола успокоилась.

Никола больше никогда не проявляла страх перед поездами. К пяти годам она полностью забыла свою жизнь как сына Бенсонов. Она не забыла лишь одного – своего пса Маффа.

Что же случилось с маленькой Никола? Меня поразило все то, что сделала мать Никола, а также то, чего она не сделала. Поскольку воспоминания Никола могли быть верифицированы благодаря историческим документам, Кэтлин совершенно не сомневалась в том, что ее дочь жила раньше в качестве мальчика по фамилии Бенсон, который погиб, попав под поезд. Итак, когда Никола стала повторно переживать свою смерть под колесами поезда во время просмотра телевизора, Кэтлин поняла причину припадка и не приняла его за случайную истерику. Она тут же увидела связь между припадком и травматическими воспоминаниями дочери и сделала все возможное, чтобы поддержать ее в эту минуту. Она не препятствовала естественному ходу процесса, высказывая сомнения. Воспоминания проходили естественно, завершившись катарсисом. Страх, так долго гнездившийся в памяти, наконец получил выход. Затем воспоминания поблекли и исчезли.

Родители помогают решить головоломку

Случай с Никола был необычен, так как весь процесс проходил спонтанно и естественно. Он начался в свое время, проходил в своем ритме и не требовал постороннего вмешательства. Я не встречала описания этого целительного процесса у Стивенсона. Харрисоны также не упоминали об исцелениях. Они просмотрели то, что я считаю наиболее замечательным в случае Никола. Но мне это бросилось в глаза. С того момента, как Норман Индж провел сеанс регрессии на моей кухне, я собирала все фрагменты головоломки о воспоминаниях детей из прошлых жизней. Случай с Никола, идея о том, что *спонтанные* воспоминания могут приносить естественное исцеление, был последним фрагментом головоломки, который я так долго искала. Сейчас все фрагменты были на своих местах и прекрасно стыковались друг с другом. Я отступила на шаг, чтобы рассмотреть всю картину. Она выглядела приблизительно так:

Каждый ребенок, в любом уголке мира, может иметь воспоминания о прошлой жизни независимо от культурных или религиозных воззрений своих родителей. Большинство воспоминаний не вызывают проблем. Они безобидны и порой помогают объяснить таланты, которыми наделены дети, а также причуды их поведения. И, как это продемонстрировали Харрисоны, такие воспоминания способны изменить у родителей самые стойкие взгляды на жизнь и смерть. Так как маленькие дети могут научить взрослых тому, о чем они забыли, – жизнь продолжается после смерти.

Иногда дети имеют воспоминания о прошлом, которые порождают проблемы, такие, как фобии или физические болезни. Эти дети нуждаются в том, чтобы им помогли разграничить прошлое и будущее. Возможно, им следует объяснить, что прежняя жизнь закончилась. Но если воспоминание о прошлом является признаком того, что дело в прошлом не завершено, следует подумать о том, как определить это дело и завершить его. Возможно, им следует повторно пережить момент смерти, рассмотреть свои мысли и чувства и пройти процесс освобождения от них по методике доктора Вулгера.

Для большинства детей процесс может быть еще проще: все, что требуется от родителей, – это внимательно выслушать своих детей и признать подлинность их воспоминаний. Тогда процесс пойдет по естественному пути, как в случае с Николаем.

Какими бы ни были эти воспоминания, они дают возможность родителям помочь своему ребенку. Наилучшее время для признания воспоминания о прошлой жизни – это момент его появления. Родители почти всегда находятся рядом, когда это происходит. Они могут поддержать ребенка, проявив максимум внимания к его словам.

Но они смогут помочь лишь в том случае, если распознают воспоминание о прошлой жизни. Если родители сомневаются, то вряд ли они облегчат процесс. Момент упущен, и неуловимое воспоминание может больше не всплыть на поверхность. К сожалению, наша культура не в состоянии подготовить родителей к этому моменту. Напротив, все в нашей культуре учит тому, что воспоминания о прошлых жизнях невозможны. Родители не знают, куда обратиться за советом, чтобы понять, как выглядят воспоминания о прошлой жизни.

Что можно предпринять? Возможно, для того чтобы помочь детям, следует просветить родителей? Если родители будут знать, как мгновенно распознать воспоминания ребенка о прошлой жизни, то они будут вооружены всем необходимым, чтобы мгновенно понять, фантазирует ли ребенок или вспоминает прошлую жизнь. И если родители поймут динамику воспоминаний о прошлой жизни, они смогут быстро отреагировать на тревогу в голосе их ребенка. Им будет известно, что нужно сделать.

Мысли вертелись у меня в голове, и я ощутила возбуждение: «А что, если написать книгу для родителей, в которой бы описывались воспоминания?» Я дала волю воображению, но затем меня посетила более трезвая мысль: если эта идея появилась у меня, не пришла ли она кому-то другому еще раньше? Может, в это время другие также проводят работу, чтобы писать книги? Если это так, не могу ли я об этом узнать?

Я знала, где мне следует искать.

Роджер Вулгер рассказал мне о группе ведущих психотерапевтов, занимающихся вопросами о прошлых жизнях. Они обладали информационной сетью, охватившей весь мир. Конечно же, если сейчас кто-то проводит исследование, то им об этом станет известно в первую очередь. Это Ассоциация по Исследованию и Терапии Прошлых Жизней⁶, известная своей аббревиатурой APRT. Я позвонила и узнала, что сейчас самое время записаться на их конференцию, которая будет проводиться во Флориде. Доктор Элизабет Кюблер-Росс, прославившаяся благодаря своей книге «О смерти и умирании», будет там главным

⁶ Association for Past Life Research and Therapies.

докладчиком. Я давно уже восхищалась смелостью этой женщины, которая отмела все запреты на разговоры о смерти. Сейчас у меня появилась надежда увидеть ее во плоти.

Моя добрая подруга, Эйми, работавшая в то время над диссертацией по трансперсональной психологии, увидев мой энтузиазм, сдалась и согласилась поехать со мной на конференцию. По правде говоря, ее нетрудно было уговорить. Предложение отправиться в путешествие во Флориду в разгар отвратительной филадельфийской зимы звучало ох как заманчиво! И что мешало поездке? Это был шанс уйти от рутины и окунуться с головой в замечательное приключение вместе. Я не могла больше ждать!

APRT – мир приключений

Мы с Эйми прибыли в аэропорт до восхода солнца. Рассвет омыл громадные реактивные самолеты розовыми лучами, отчего те стали напоминать гигантские надувные игрушки, а ранняя утренняя дымка смягчала очертания аэровокзала и тех странных машин, которые обслуживали самолеты. Аэропорт еще никогда не выглядел так красиво и фантастично. Это было хорошее знамение перед путешествием. Вздвинченные от выпитого кофе и надежд, мы поднялись на борт самолета, отлетающего до Форт-Лодердаля.

Пролетая над побережьем на высоте 35 000 футов, я закрыла глаза, и, укачанная шумом машин, стала думать. Мне пришло в голову, что это мое первое путешествие, которое я предпринимаю отдельно от семьи с тех пор, как родилась Сара. Что ж, пришло время, и я была готова к этому. Впервые за тринадцать лет я была свободна от домашних обязанностей и суеты и могла отправиться путешествовать в мир идей. Я могла сосредоточиться исключительно на поиске информации. Как здорово!

Я выглянула из иллюминатора и увидела цепь островов, которые с этой высоты казались костлявыми пальцами, указывающими на юг. Я поняла, что этот перелет от Филадельфии до Флориды знаменует собой поворотный момент в моем исследовании. Все предыдущие годы я была одинока в своих поисках ответов на вопрос о воспоминаниях прошлых жизней у детей. Единственной поддержкой для меня были книги и импровизированные самостоятельные эксперименты. И сейчас впервые я окажусь в обществе других ищущих терапевтов, исследователей и профессионалов по предыдущим жизням. Основатели психотерапии предыдущих жизней будут участвовать в этом семинаре. Это будут звезды такой же величины, как доктора Хелен Уомбэч, Файор и доктор Вулгер. Интересно, воспримут ли они меня всерьез или просто сочтут чокнутой домохозяйкой?

Я знала, что участники конференции являются центральными звеньями информационной сети этого направления. Если терапевты вообще когда-либо работали с воспоминаниями детей о прошлых жизнях или по этой теме проводились какие-либо исследования и писались труды, то, безусловно, участники конференции должны знать об этом.

Мы с Эйми приехали в нашу гостиницу рано, за несколько часов до начала конференции. В наши планы входил отдых на берегу и прием солнечных ванн. После этого мы будем готовы окунуться с головой в кипучую деятельность. Не прошло и часа, как слепящее солнце Флориды, совсем не похожее на то, к которому мы привыкли в Филадельфии, сожгло мою кожу так, что она стала красной, как помидор. Когда же я займусь делом? Ладно, если у меня ничего не выйдет, то хоть будет чем похвастаться перед подругами, когда вернусь домой.

Я густо смазала все тело кремом и, облачась в невесомое летнее платье, направилась с Амандой регистрироваться на конференцию. Люди, прибывшие из всех уголков страны, уже заполнили гостиничный холл. В своих шортах и легких юбочках всевозможных цветов и оттенков, они напомнили мне райских птиц. Меня скоро представили «Матриархам APRT» – докторам Хейзел Деннинг, Уинифред Лукас и Ирэн Хикман. Эти невероятные женщины находились на передних рубежах психотерапии на протяжении последних сорока лет. В 1981 году, когда им было по

шестьдесят и семьдесят лет, они (вместе с Хелен Уомбэч и Файор) основали APRT, чтобы расширить свои горизонты, сделать терапию прошлых жизней законным средством лечения. Сейчас, когда им было за семьдесят и восемьдесят, они продолжали заниматься организаторской работой, продолжали учить, продолжали писать книги, продолжали бороться со старыми научными догмами, отстаивая свои передовые взгляды. Я восхищалась их молодым задором.

К вечеру в холле гостиницы можно было насчитать около двух сотен психотерапевтов, психиатров, гипнотерапевтов и прочих людей, интересующихся прошлыми жизнями, как и я. И все они разговаривали на том же, знакомом мне с детства языке. Я могла спокойно подойти к любой группе и вклиниться в разговор об инкарнационной терапии. Я была среди своих соплеменников.

Еще до начала конференции я разработала тактику поведения. Меня лишь ограничивало время, чтобы выбрать из всей толпы тех людей, которые знали явно больше моего о воспоминаниях детей о прошлых жизнях. На каждом семинаре, на каждом приеме и во время каждого перерыва я подбегала то к одному, то к другому, представлялась и, не дав человеку опомниться, спрашивала, приходилось ли ему работать с детьми. Если да, то какие случаи детских воспоминаний о прошлых жизнях ему известны? Какие книги он мог бы порекомендовать мне? Все были доброжелательны, и все хотели помочь. Я получила ценную информацию о паре интересных источников, но в целом меня поразило тот факт, что эти люди так мало знают о детях. В основном их информация относилась к тем книгам и сведениям, которые мне удалось обнаружить без посторонней помощи. Большинство же психотерапевтов никогда не работали с детьми и признались, что до сих пор их интересовали в основном взрослые пациенты.

Почти каждый из них отсылал меня к доктору Стивенсону, заявляя при этом, что *«Двадцать случаев, свидетельствующих в пользу реинкарнации»*, – единственная книга по этому вопросу, которую они читали. «Но, – возражала я, – доктор Стивенсон ничего не говорил о целительных свойствах этих воспоминаний».

Некоторые даже заявили мне, что считают опасным «экспериментировать с хрупкими структурами детского эго». Эти слова выбили почву у меня из-под ног. Опасно? Я вспомнила, сколько раз я проводила регрессии своим детям и экспериментировала с их многочисленными друзьями и подружками. Хрупкие структуры детского эго? Я рассказала о том, что уже узнала, заявив, что считаю детей более благодарным материалом, чем взрослых. Некоторые признались, что все это было для них в новинку, и они с нетерпением будут ждать результатов моих исследований.

После нескольких часов я пришла к выводу, что работа с детьми была малоизученной областью даже для этой многоопытной группы. Это было полной неожиданностью. Делал ли кто-нибудь еще шаги в том же направлении? Могу ли я сравнить свои записи с чужими выводами? Я вышла в холл, чтобы обдумать все это.

Как раз в эту минуту входная дверь открылась, и в холл влетел Роджер Вулгер. Он был одет в цветастую гавайскую рубашку и слегка напоминал стилягу-туриста. Я была рада увидеть знакомое лицо. Мы поболтали. Роджер сказал, что пришел сюда, чтобы провести семинар. Я объяснила ему свою миссию.

«Ага, – сказал он, – здесь есть одна голландка, Тинеке Нурдеграаф, – специалист по детским регрессиям. Я недавно повстречался с ней в Европе, и на меня произвели сильное впечатление ее работы». Он посоветовал мне искать самую высокую женщину на этой конференции, говорящую с сильным голландским акцентом. Роджер считал, что от нее я смогу узнать много интересных вещей.

Тинеке Нурдеграаф

Я наблюдала за толпой в течение нескольких часов, пока не различила возвышающуюся над ней женскую голову. Статная, ростом не менее шести футов, Тинеке Нурдеграаф стояла передо мной. Властное выражение ее лица подчеркивалось пронзительными глазами и венцом густых каштановых кудрей. Я представилась и спросила, может ли она уделить мне время для беседы. Тинеке

Нурдеграаф сказала, что сейчас очень спешит, но надеется, что сможет поговорить со мной позже. Она тут же исчезла за углом.

Когда мы с Эйми пришли в банкетный зал, большинство стульев было уже занято и зал продолжал быстро заполняться людьми. Мы поспешили вперед, надеясь найти там пару свободных мест – нам хотелось находиться поближе к доктору Кюблер-Росс, чтобы услышать ее речь. Там было только два свободных стула – рядом с местом Тинеке Нурдеграаф. Она тепло улыбнулась мне, когда я пристраивалась рядом. Пока официант вертелся вокруг нас, Тинеке Нурдеграаф рассказывала мне о своей работе. Я засыпала ее вопросами без передышки. Эйми, осознав важность этого разговора, внимательно ловила каждое слово.

Судьба моих изысканий последних лет решалась для меня между салатом и десертом. Тинеке Нурдеграаф подтвердила правильность моих выводов относительно детских воспоминаний о прошлых жизнях. Да, они могут приносить исцеление и даже на более глубоком уровне, чем я могла себе вообразить.

Тинеке Нурдеграаф тщательно подбирала английские слова, произнося их с сильным акцентом. Она рассказала мне, что с успехом практикует терапию прошлых жизней с детьми в Голландии на протяжении последних семи лет. Она также сказала, что в Голландии, как и во всей Западной Европе, реинкарнационная терапия быстро обретает признание как вполне приемлемая форма психотерапии. И все же пока что она была единственным психотерапевтом, работающим с детьми в этом направлении. Ей удалось излечить такие серьезные недуги, как церебральные параличи, фобии, диабет и нарушения формулы сна. Благодаря такому успеху родители привозили ей своих детей со всей Европы. И, поскольку спрос на этот вид услуг начал стремительно возрастать, она со своим коллегой Робом Бонтенболом начала обучать работе с детьми других европейских психотерапевтов.

Тинеке Нурдеграаф подчеркнула, что не применяет гипнотической индукции для детей. Для того чтобы помочь ребенку раскрыться, откровенно рассказать о своих проблемах, она широко пользуется играми, а чаще всего – рисованием. Эти средства помогают детям сфокусироваться на внутренних образах, телесных ощущениях и ключевых фразах, которые можно использовать как мост в прошлые жизни.

Терапия прошлых жизней детей, продолжала объяснять мне Тинеке Нурдеграаф, схожа во всем с терапией взрослых, так как в обоих случаях нам приходится работать на уровне души. А душа, обитающая в маленьком теле, такая же, как и душа взрослого человека. Обычно с детьми работать даже легче, так как они находятся ближе во времени к корням своей проблемы – обычно приходится иметь дело с предыдущим воплощением, которое прервалось незавершенной смертью. Если эмоциональный заряд переживаний, пришедшихся на предыдущее воплощение, достаточно сильный, воспоминания могут проявиться спонтанно, ведомые желанием души завершить незаконченные дела. Душа действительно желает завершить незавершенное. Это естественное побуждение. Дети невероятно хорошо поддаются терапии, прибавила Тинеке Нурдеграаф, так как кажется, что они интуитивно знают, каким образом следует завершить дела прежней жизни, – нам остается лишь задавать им правильные вопросы.

Я дрожала от приятного возбуждения –эта выдающаяся женщина, ведущий эксперт в области детской психотерапии, подтверждала правильность выводов, которые я сделала самостоятельно.

Я призналась Тинеке Нурдеграаф, насколько я была счастлива встретить человека, с которым можно серьезно поговорить об исцелении детей при помощи терапии прошлых жизней. Я спросила ее, не знает ли она кого-нибудь, занимающегося аналогичной деятельностью в Соединенных Штатах. Тинеке Нурдеграаф ответила отрицательно. Мы обе сошлись на том, что это была загадка. По какой-то причине реинкарнационная терапия в Соединенных Штатах отстает от европейской. Многие психотерапевты стараются не афишировать деятельность подобного рода, так как здесь она еще считается не вполне научной. Я сказала, что американские родители часто просто не могут догадаться о том, что их дети говорят

о воспоминаниях из прошлых жизней и что они очень важны для возможного исцеления, так как им просто неоткуда узнать об этом.

Обдумывая тезисы книги, которую мне, возможно, удастся когда-нибудь написать, я спросила у Тинеке Нурдеграаф: «Думаете ли вы, что *родители* сами могут работать со спонтанными воспоминаниями своих детей?» Она ответила: «Почему бы и нет?»

«Пишете ли вы книгу о работе с детьми?» – спросила я, вдруг ощутив приступ нервозности.

«Да, – ответила Тинеке Нурдеграаф, – книгу о психотерапии при работе с воспоминаниями о прошлых жизнях у детей. Клинический труд для психотерапевтов. А вы?»

«Да, но думаю, что пишу книгу *другого* плана, – вдруг брякнула я. – Книгу для родителей – хочу помочь им распознать воспоминания, если они вдруг столкнутся с ними, общаясь со своими детьми. Но я совсем не уверена, что это стоит делать именно мне. Наверное, кто-то сможет сделать это лучше... вот почему я здесь, на конференции...»

Тинеке Нурдеграаф остановила поток моего самоуничтожения повелительным взмахом руки, затем, пронзив меня своим взглядом кобры, она сказала: «Послушайте меня. Вы должны начать писать эту книгу сейчас. Немедленно! Никаких отсрочек!»

Я знала, что она права. После такой жаркой речи мне нечего было сказать.

Бабочки и Опра

В следующее мгновение звон ножа о бокал призвал всех нас к молчанию. Доктор Элизабет Кюблер-Росс поднялась со своего места, чтобы произнести речь. Элизабет Кюблер-Росс оказалась миниатюрной женщиной, одетой в прямые брюки, рубашку и сандалии. Она выглядела так, словно только что возвратилась с прогулки по горам. Ее внешность была скромной, но слова были способны вызвать головокружение.

Она заговорила о своих собственных воспоминаниях о прошлых жизнях. Затем она рассказала нам историю. Сразу же по окончании Второй мировой войны она, молодой швейцарский врач, отправилась в путешествие по Европе, чтобы помочь только что освобожденным узникам концентрационных лагерей. В одном из лагерей, где содержались дети, она увидела нечто совершенно невообразимое: везде на маленьких нарах были видны изображения бабочек, которые выгравировали там дети собственными ногтями. Обреченные дети в окружении запаха смерти оставили на память о себе послания, исполненные духа надежды и свободы. Многие присутствующие в зале стали утирать глаза платками.

Следующим со своего места поднялся доктор Брайен Уэйсс. Публика приветствовала его возбужденным гулом, так как он явно пользовался наибольшим успехом на конференции APRT. Его книга *«Множество жизней, множество учителей»* была бестселлером. Он был первым выдающимся представителем консервативной медицины, признавшим реинкарнационную терапию. Каждый из присутствующих знал, насколько важен был этот шаг для широкого признания их работ.

Доктор Уэйсс пересказал историю того, как он пришел к регрессиям в прошлые жизни – случай с Катрин, на котором базировалась вся его книга. Его история замечательна тем, что начинал он как традиционалист. Он получил свое образование в Колумбийском университете, а также в Йеле и вскоре сумел приобрести значительный вес в медицинском мире и занять должность председателя в психиатрическом центре «Майами Синай Маунтин». Его коллеги относились к регрессиям в прошлые жизни приблизительно так же, как к вуду или ведовству, и доктор Уэйсс разделял это мнение, пока не встретился с Катрин.

Катрин обратилась к нему с множеством жалоб, включающих приступы паники и множественные фобии. На протяжении восемнадцати месяцев доктор Уэйсс применял без всякого успеха все известные ему методы традиционной

психотерапии. Затем он провел сеанс гипноза, чтобы попытаться докопаться до возможной травмы детства. Когда он приказал ей «отправиться в то время, когда впервые возникли симптомы», она вспомнила живую и связную картину из прошлой жизни. Находясь в трансе, Катрин также рассказала об открытиях, сделанных доктором Уэйссом в его профессиональной жизни, о которых она не могла узнать из каких-либо материальных источников. Это было потрясение, изменившее научные взгляды доктора Уэйсса. В довершение ко всему после сеанса регрессии, при котором Катрин вспомнила свою предыдущую жизнь, ее симптомы стали быстро исчезать, и после интенсивного курса реинкарнационной терапии наступило полное выздоровление.

Доктору Уэйссу потребовалось восемь лет для того, чтобы набраться смелости и опубликовать отчет об этом случае. Он знал, что подвергнется нападкам со стороны коллег-психиатров за то, что подает регрессию в прошлые жизни как вполне научный метод лечения. Но, к его удивлению, он не подвергся остракизму, а получил сотни писем с выражением благодарности от своих коллег, которые также столкнулись с чудодейственным эффектом регрессий в прошлые жизни. Они испытывали признательность за то, что известный ученый опубликовал свое наблюдение – это позволит им чувствовать себя более уверенно. Некоторые из этих психотерапевтов присутствовали здесь, в этом зале, и слушали рассказ доктора Уэйсса.

Рассказ ученого был восхитителен, но я не могла дождаться того момента, когда можно будет спросить о его работе с детьми. Безусловно, он лечил детей в своей практике. Занимался ли он регрессиями? Когда настал подходящий момент, я тянула вверх руку, как нетерпеливая школьница, но каждый раз он пропускал меня и обращался к кому-то другому. Наконец я отчаялась и откинулась на спинку стула. Я смогу добиться его внимания как-нибудь иначе и, очевидно, в другой раз.

Я снова навестила уши, когда речь зашла о телевизионном ток-шоу. Доктор Уэйсс появлялся чуть ли не на каждом американском ток-шоу. Он знал весь подспудный механизм этих передач. Он предупреждал своих коллег, что на некоторых ток-шоу могут попытаться дискредитировать идею регрессий в прошлые жизни, пригласив «экспертов» выступить перед камерами. С места поднялась доктор Хейзел Деннинг, одна из «матриархов» APRT конференции. Она заявила, что у Опри весьма серьезные планы и что люди, с которыми она встречалась на телевидении, действительно хотят получить информацию о регрессионной терапии, а не ищут дешевых сенсаций. Многие участники APRT конференции, сами выступавшие по телевизору, поддержали ее.

Тут же словно заряд электричества прошел сквозь мое тело. Я знала, что также приму участие в *Опра-шоу*.

Вдруг на меня что-то нашло. Я начала хихикать. Эйми вопросительно подняла бровь. Я прошептала ей на ухо: «Я тоже собираюсь участвовать в *Опра-шоу*». Эйми только удивленно хмыкнула, затем взглянула мне прямо в глаза и сказала: «Что ж, ладно».

Но лишь через неделю я окончательно приняла решение, объявив своей парикмахерше Кэтлин о том, что собираюсь отправиться на *Опра-шоу*.

Глава восьмая. Блэйк

Многоопытные души в маленьких телах

Однажды, вскоре после моего посещения конференции APRT во Флориде, я заехала за Чейзом в школу, чтобы отвезти его к стоматологу. Было еще довольно рано, и я знала, что Чейз ничего не будет иметь против того, чтобы прогулять несколько уроков в такой чудесный весенний день, даже если сделать это можно, лишь отправившись к стоматологу. Когда я приехала, урок еще не закончился, так что я расположилась на лужайке, наслаждаясь ярким солнцем.

Рядом со мной везде носились дети. Некоторые играли в «догонялки», другие просто бегали ради забавы. Я стала наблюдать за маленькой девочкой на качелях,

которая при каждом взлете так выгибала спину, что ее длинные волосы чуть ли не волочились по земле. Казалось, движение качелей завораживало ее. Несколько мальчиков о чем-то заговорщицки переговаривались на краю площадки, а затем тихонько нырнули в соседний лесок. Что они задумали?

Оглядывая площадку, я подумала, сколько из этих пятнадцати-двадцати малышей пытались сообщить своим родителям о том, что они жили раньше. Один? Два? Может быть, десять? Если это и происходило, скорее всего, родители просто не обратили внимания на их слова. Но сейчас я точно знала, что каждый ребенок может спонтанно вспомнить свою прошлую жизнь. Безусловно, не все, но среди этих пятнадцати детей, *по крайней мере* один должен был когда-то раньше произнести при родителях: «Когда я жил раньше...» или «Когда я был большой...».

Сейчас, сидя здесь и наблюдая за резвящимися малышами, я осознала, что моя работа с прошлыми жизнями в корне изменила мои представления о детях. Большинство людей смотрят на ребенка сверху вниз, считая, что тот не обладает жизненным опытом и мудростью, которые приходят лишь с годами. Но если каждый из нас прожил бесчисленное количество жизней, то резвящиеся вокруг меня малыши обладают опытными душами, только заключенными в маленькие тела. Я прищурилась и на минуту представила малышей, суесящихся на площадке, взрослыми и мудрыми людьми, которые лишь на время превратились в детей. Тогда все менялось. Мне хотелось спросить каждого из них: «Откуда вы явились? Чему вы можете научить меня?»

Я снова мысленно возвратилась на конференцию APRT. Слова Тинке прозвучали в моих ушах словно мантра: «Вы должны начать писать свою книгу прямо сейчас. Немедленно! Без проволочек!» Я не могла проигнорировать ее напутствие. Она была права. Но... книга? Невероятная работа! Я ничего, кроме писем, не писала со времени окончания колледжа. Но странно, я почувствовала приток энергии лишь от одной мысли об этом.

Чейз похлопал меня по плечу, и я вышла из теплого облака своих мыслей. Время отправляться к зубному врачу.

Головой вперед

Ожидая под дверью кабинета стоматолога, я обдумывала план. С чего начать книгу о детских воспоминаниях из прошлых жизней? Я накопила материал, у меня были идеи, но при этом не было ни одного собственного наблюдения за спонтанными воспоминаниями о прошлых жизнях (если не считать Сару и Чейза). Я знала, что такие случаи не так уж редки, и я смогла найти хотя бы несколько. Но как мне переговорить об этом с сотнями, а то и тысячами родителей?

Когда я механически перелистывала страницы старого журнала для родителей (который стоматолог держал в приемной еще с прошлой осени), у меня в голове зародилась идея: я подам объявление о том, что собираю случаи. Но, конечно, они должны появиться не в таких старомодных журналах, проповедующих традиционные способы воспитания детей. Я подам их в своем любимом издании *Mothering*⁷, которое я стала регулярно читать с того момента, как Чейз появился на свет.

По приезде домой я сразу же перетрясла весь семейный бюджет и выкроила средства на объявление. Я не могла позволить себе ждать выхода следующего номера журнала – объявление должно появиться немедленно.

А сейчас я должна начинать писать. Я должна набить руку, пока буду ждать ответов на мое объявление. Кто станет слушать меня? Я вновь мысленно вернулась к конференции APRT – как мало людей, участвовавших в ней, слышали о книге Харрисонов, которую я считала столь ценной! Я позвонила в APRT и подала заявку на статью в *Journal of Regression Therapy*. Редактор отнесся ко мне с сочувствием, но сказал, что не может обещать публикацию, поскольку мое имя еще ни разу не встречалось в литературе. Вначале мой опус должна будет рассмотреть редколлегия.

⁷ «Материнство».

Я трудилась над небольшой статьей несколько недель. Стив был моим первым редактором. Затем я отправила ее в журнал и стала ждать приговора редколлегии. Когда наконец из редакции пришел ответ, я стала танцевать прямо у почтового ящика. На открытке красовалось лишь одно слово: «Да». Меня напечатают!

Теперь, когда меня стали печатать, я начала искать и другие издания, куда можно послать свои труды. Подруга дала мне номер журнала *Venture Inward*. Этот журнал издавал Эдгар Кейс – целитель, который стал одним из первых консультантов по прошлым жизням. Я позвонила редактору. К концу нашего разговора я дала согласие написать статью о Чейзе и Саре, которую опубликуют в журнале. Это означало, что я должна буду выступить перед пятидесятитысячной аудиторией. Ни минуты не думая, я бросилась в авантюру головой вперед.

Лийя, дочь Тийю

Куда бы я ни приходила, с кем бы я ни встречалась, везде я старалась ненавязчиво перевести разговор на детские воспоминания о прошлых жизнях. Скоро я научилась непринужденно задавать эти вопросы почти при каждом разговоре. Очевидно, потому, что я стала так часто и много говорить на эту тему, вскоре я обнаружила, что интересующие меня случаи находились совсем рядом.

Впервые я познакомилась с Тийю, когда пришла на чай к своим добрым друзьям. Она была похожа на фею со своими светлыми волосами, голубыми искрящимися глазами и лукавой улыбкой. Мне она сразу же понравилась. Было забавно слышать, как она оживляет разговор своими острыми меткими замечаниями. Когда у меня наконец появилась возможность обронить пару фраз о детских воспоминаниях прошлых жизней, она, не колеблясь ни минуты, воскликнула: «О, у Лийи было воспоминание о прошлой жизни в прошлом году. Я в этом уверена».

И Тийю рассказала, что произошло:

Когда Лийе было два года, мы вместе ехали в машине. Лийя сидела на специальном детском сиденье и выглядывала в окно. Мы как раз проезжали по мосту, переброшенному через высокое ущелье, когда девочка взволнованно и отчетливо произнесла встревоженным голосом: «Мама, это очень напоминает место моей смерти!» Она не казалась расстроенной. Просто уверенно заявила об этом.

Я сказала: «Лийя, о чем ты говоришь?»

«Я сидела в машине, и она упала с моста в воду. Я умерла».

Я пришла в полное недоумение от ее слов и свернула с дороги, чтобы ни во что не врезаться. Затем я спросила: «Где была мама?»

«Тебя не было со мной *тогда*».

Меня очень удивила речь Лийи, и мне захотелось выяснить побольше. Потому я спросила: «Кто же тогда вел машину?»

«Я была большой. Я могла сама дотянуться до педалей», – ответила мне дочь.

Меня удивило то, что Лийя знала, что машину водят с помощью педалей. Она всегда сидела позади, на своем сиденье, и никак не могла увидеть, что я делаю ногами.

Я продолжала спрашивать, стараясь не наводить ее на ответы: «Что произошло потом?»

«На мне не было ремня, и я выпала из машины в воду». Затем она приложила руку к затылку и продолжала: «Мама, я лежала на камнях. Я могла ощущать камни у себя под головой». Она покрутила головой, чтобы показать мне, как ее голова располагалась на камнях. После чего добавила: «Я увидела блестящий мост». Она подняла голову и сказала: «Я видела блестящий мост и пузыри, которые поднимались наверх».

Это совершенно сразило меня. Откуда она могла знать о пузырях? На этом этапе жизни она никогда не видела пузырей, поднимающихся из воды, так как

никогда не ныряла под воду и даже не плавала. Она никогда не опускала лицо под воду во время купания в ванной. Она не видела ни одной передачи по телевизору. Я знаю это, так как я ее мать и я стала ей разрешать смотреть телевизор лишь позже. И все же она сказала: «Я видела, как пузырьки поднимались в воде, и видела мост, сверкающий на солнце».

На протяжении следующего года она часто говорила об этом. Детали неизменно совпадали, в ее рассказе не было никаких вариаций. Она говорила о собственной смерти как бы невзначай, словно это ее совершенно не волновало. Любопытным во всем этом было еще то, что Лийя всегда следила за тем, чтобы на нее надели ремень безопасности. Когда у нее появилось достаточно слов, чтобы предъявлять требования, то каждый раз она напоминала всем о том, что нужно пристегнуться.

Как и во многих случаях из книги Харрисонов, воспоминания Лийи были спокойными. Они не вызвали никаких проблем. Напротив, рассказ девочки помог родителям понять ее одержимость правилами безопасного вождения.

«Меня сбил мужчина в грузовике»

В январе 1993 года, через пару месяцев после того, как мое объявление появилось в журнале, мне позвонила по телефону Колин Хокен, женщина со Среднего Запада, говорящая мягким голосом. Явно нервничая, Колин рассказала историю своего трехлетнего сына, который, по ее словам, сейчас вспоминал свою травматическую смерть в прошлой жизни.

Колин сообщила, что за шесть месяцев до этого эпизода она видела известного психиатра Бранена Уэйсса, автора книги *«Много жизней, много учителей»*, выступающего на телевизионном ток-шоу *Опра*. Колин никогда раньше не задумывалась над вопросом о прошлых жизнях, но ее заинтриговало сообщение ученого о лечении при помощи регрессий в прошлые жизни. Он также сказал, что дети часто сообщают своим родителям о переживаниях в прошлых жизнях, но те, как правило, не обращают внимания на их слова, считая, что дети просто сочиняют небылицы. Когда Колин слушала доктора Уэйсса, в ее голове все время вертелась одна и та же мысль: «Надо же, а мои малыши никогда не говорили ничего необычного».

Как раз на следующий день Блэйк, которому недавно исполнилось три года, стоял у окна, наблюдая за своим братом Тревором, ожидающим школьной «развозки». Колин, находящаяся в соседней комнате, вдруг услышала, как Блэйк кричит своему брату: «Отойди, по улице едет автобус!»

Колин бросилась вниз, чтобы убедиться, что с Тревором все в порядке. Там она обнаружила и Блэйка, стоящего у двери и прижимающего руку к голове. Он сказал: «У меня болит ухо».

«Почему ухо болит?» – спросила Колин.

«Грузовик ударил меня», – ответил ее сын.

Колин решила, что Блэйка ударили в садике игрушечным грузовиком, и она спросила: «Кто ударил тебя грузовичком?»

«Взрослый ударил».

«Этот человек ударил тебя игрушечным грузовичком?»

«Нет, – ответил мальчик, – *большим* грузовиком».

«Таким большим грузовиком, который ездит по улицам?»

«Да», – подтвердил Блэйк.

Колин, пытаясь сообразить, о чем идет речь, спросила: «А где все это произошло?»

«На улице», – ответил Блэйк.

В это мгновение Колин вспомнила о том, что говорил доктор Уэйсс на *Опра-шоу*. Позже она так описывала свое состояние: «Я не хотела отвергать все то, что мне сообщал Блэйк. Мне действительно было интересно, что он может еще сказать,

но я боялась вкладывать ответы в его уста. Потому я спросила: «И что произошло потом?»

Колин внимательно слушала все то, о чем говорил ее сын. Он объяснил ей, что грузовик действительно сбил его на улице. Когда мать спросила, что у него болело, мальчик ответил: «Все. Я попал под колеса». При этом Блэйк вращал руками с левой стороны, чтобы показать, как колеса пережали его. Колин видела выражение боли на его лице, говорящее о том, какую боль он испытывал.

«Что произошло позже?»

«Мужчина отнес меня в грузовик и отвез в школу». Колин объяснила, что «школой» ее трехлетний сын называл любое большое здание. Она поняла, что сын имел в виду больницу.

«Где были твои отец и мать, когда все это произошло?» – спросила Колин.

«Они пошли покупать в магазин», – ответил мальчик.

Колин стала лихорадочно искать объяснений всему тому, что говорил Блэйк. Вначале она решила, что мальчик просто фантазирует. Но затем она поняла, что это не просто игра воображения. Как мог трехлетний малыш ясно представлять, что его переезжают колеса грузовика? Почему он так точно показывал это и на его лице была написана боль? Затем она предположила, что Блэйк вместе со своим старшим братом мог увидеть это по телевизору, когда она была в другой комнате. «Ты видел это телевизору?» – спросила Колин.

«Нет!» – сердито ответил Блэйк. Колин почувствовала, что сын раздражен тем, что она не запомнила этот случай. «Нет, – повторил он, – это случилось на улице».

Затем она спросила: «Ты умер?»

«Да», – ответил мальчик совершенно обычным голосом.

Колин объяснила мне, как странно было слышать этот обыденный тон ее малыша, когда он описывал несчастный случай, словно давно знал о нем. Он никак не показывал того, что шутит или фантазирует. Единственное, что можно было различить в его тоне, – это раздражение по поводу ее глупых вопросов.

Больше он ничего не говорил по этому поводу, пока большой грузовик, увозящий мусор, не подъехал к их дому. Блэйк указал на него и без всякого предисловия заявил: «Похожий грузовик сбил меня». Она решила больше ни о чем не спрашивать Блэйка в надежде, что он забудет об этом случае.

«Я люблю тебя, затем я тебя ненавижу»

Вскоре после того, как Блэйк рассказал Колин историю с грузовиком, он впал в депрессию, которая на протяжении нескольких месяцев углублялась все больше и больше. Колин заметила эту перемену лишь со временем – когда Блэйк стал играть реже, чем обычно, утратил хорошее расположение духа и чувство юмора. Были дни, когда Блэйк только то и делал, что сидел перед телевизором, бессмысленно уставившись в экран, или устремлял невидящий взгляд в окно. Это совсем не соответствовало его характеру. Блэйк был шалун, обожавший шумные забавы. Соседи даже прозвали его «Смайли»⁸ за то, что он беспрестанно смеялся.

Колин чувствовала себя виноватой за состояние своего сына. Но, кроме Блэйка, у нее был еще годовалый капризный младенец и шестилетний Тревор. И обо всех нужно было заботиться. Она решила, что, возможно, Блэйк просто играет, чтобы получить основную долю внимания. О средних детях иногда забывают, подумала она, может быть, и Блэйк начал чувствовать себя заброшенным. Ей не хотелось ни к кому обращаться за помощью – ведь друзья и родные могут обвинить ее в том, что она плохая мать. Она и без того чувствовала себя отвратительно.

Но Колин знала, что не должна ни в коем случае игнорировать состояние своего сына. В постепенном изменении настроения Блэйка было что-то загадочное. Что-то происходило с ним, что-то, чего она не могла понять.

Она старалась развеселить сына различными способами и уделяла ему больше внимания, чем обычно. Она ставила кассеты с его любимой музыкой, но

⁸ *Smiley* – «Улыбчивый». – Прим. перев.

Блэйк, потанцевав немного, вновь возвращался на диван и устремлял свой взгляд в пустоту. Однажды он смотрел по телевизору свою любимую программу «Мистер Роджерс». В этом шоу было множество надувных шаров. Зная, как любит Блэйк надувные шары, Колин воскликнула: «Не прелесть ли эти шары?» Блэйк просто посмотрел на нее пустыми глазами и ответил: «Нет, шары плохие». Это не на шутку взволновало ее. С Блэйком явно что-то происходило. Она старалась проводить с ним побольше времени – читать ему детские книги, решать с ним головоломки, но ответ был неизменным: «Уходи».

У Блэйка стали развиваться также и физические симптомы. Каждый день он жаловался на то, что у него болит рука, нога или глаз, и всегда слева. «Хочешь, я поглажу твое больное место?» – обычно спрашивала Колин в надежде, что Блэйку понравится такое проявление внимания. Но тот неизменно отвечал: «Нет, уходи». Она предложила сыну передать в картинках свои ощущения. Колин рассудила, что если ему не хватает слов, то, возможно, ему будет легче изобразить на бумаге тревожащие его образы. Но он просто нарисовал бурю линий и сказал: «Это мои боли».

Колин попыталась обнять его и сказала: «Блэйк, возможно, я смогу помочь тебе, ты ведь знаешь, как я тебя люблю». На что Блэйк ответил с большим чувством: «Я люблю тебя, затем я тебя ненавижу!»

Позже Колин объясняла мне: «Казалось, он любил меня и ненавидел одновременно. Он не мог объяснить почему. И я тоже не знала».

Она собиралась уже отвести сына к психотерапевту, но усомнилась, сможет ли тот сделать для него что-то большее, чем она сама. Она продолжала обвинять себя в его состоянии и боялась рассказать обо всем мужу, чтобы тот не обвинил ее тоже.

Через три месяца, когда они всей семьей гостили в Лондоне, произошел ужасный случай, который помог Колин осознать таинственную причину перемен, приключившихся с ее сыном.

Вот как она рассказывает об этом: «Однажды в Лондоне, где царила пред рождественская суeta, мы стояли на посреди улицы на «островке». Регулировщик просвистел в свой свисток, чтобы пешеходы остановились. Мы все жались друг к другу, как сардины в банке. Блэйк был в коляске, которую обычно занимал его младший брат. Коляска стояла рядом с проезжей частью. Никто не двигался. Но в тот момент, когда на улице показался большой грузовик, Блэйк выскочил из коляски и бросился на проезжую часть. Я закричала, чтобы он возвращался, но мальчик стоял как вкопанный, глядя на несущийся прямо на него грузовик. Мой муж моментально схватил его на руки и оттащил с дороги. Водитель грузовика резко затормозил, выскочил из машины и заорал на нас, что мы, мол, не смотрим за ребенком. Все мы словно были заморожены ужасом.

Но тогда я впервые задумалась, не связана ли депрессия Блэйка с тем случаем, о котором он пытался рассказать мне несколько месяцев назад? Мог ли он считать, руководствуясь какой-то странной логикой, что он *должен* попасть под грузовик еще раз? Это пугало меня по-настоящему».

Через две недели по возвращении из Англии Колин увидела мое объявление в журнале. Она тут же позвонила мне и рассказала историю Блэйка. Я почувствовала ее расстройство и услышала страх в ее голосе, когда она спросила: «Если это действительно воспоминание из прошлой жизни, значит ли, что оно должно повториться сейчас?»

Она приходила в ужас от мысли, что Блэйк может снова попасть под грузовик. Я также находила его поведение потенциально опасным. Он нуждался, чтобы к нему проявили внимание немедленно. Я знала, что все описываемое Колин подходит под формулу Фрейда «навязчивое повторение», то есть навязчивую потребность повторить травматическое переживание, независимо от последствий. В случае с Блэйком первоначальная травма, принудившая его выскочить на середину лондонской улицы, находилась в его прошлой жизни.

Я заверила Колин в том, что Блэйк действительно переживает воспоминания из прежней жизни, и рассказала ей о тех шагах, которые следует предпринять, чтобы

обеспечить его безопасность. Но вначале я убедилась, что это были действительно воспоминания о прежней жизни, а не фантазии, сравнив характерные черты случая с Блэйком и других, уже известных мне случаев.

Начнем с того, что Блэйку было три года, когда он впервые заговорил об этих переживаниях. А это оптимальный возраст для воспоминания о прошлой жизни.

Он говорил своей матери о том, что его сбил грузовик, как о чем-то само собой разумеющимся. По тону его голоса она знала, что Блэйк верит в свои слова. Было ясно, что все это произошло в его мозгу. И его история не изменялась, как ни выпрашивала его Колин насчет деталей.

Его видение несчастного случая было графически точным – это была перспектива *из-под* колес. Его личное восприятие отличалось от того, каким оно могло бы быть, наблюдай он за этим как зритель по телевизору. Как мог трехлетний мальчик обладать подобной перспективой?

Блэйк говорил о болях в левой стороне его тела, а именно туда пришелся первый удар грузовика. Все это, наряду с изменениями его личности, свидетельствовало о подлинности воспоминаний.

Я не стала советовать Колин отвести своего сына к традиционному психотерапевту, так как была убеждена, что причины его проблем коренились в травме из прошлой жизни. Я была уверена, что большинство терапевтов не будут знать, что делать с травмой из прошлых жизней, даже если они воспримут заверения Колин совершенно серьезно. К тому же ни я, ни Колин не знали ни одного детского психотерапевта, специализирующегося по прошлым жизням, который бы жил в Чикаго или его окрестностях.

Мы сошлись на том, что лучшая стратегия – это попытаться помочь Блэйку ей самой. Я знала, что в любом случае она не сможет повредить ему. А если Блэйку не станет лучше, то мы попробуем что-то другое. Но прежде чем помогать своему сыну, Колин должна понять основные принципы того, как воспоминания из прошлых жизней могут влиять на настоящее.

Я проиллюстрировала Колин на примере регрессии Сары, как эмоции переходят из прошлого в настоящее. Я рассказала о том, как убежденность Сары в том, что родители из ее прошлой жизни не хотели помочь ей выбраться из огня, переросла в злость по отношению к ним в этой жизни.

Когда я рассказывала о Саре, Колин внезапно ощутила шок узнавания. Не сердился ли Блэйк сейчас на нее из-за того, что винил родителей из своей прошлой жизни, которые не сумели уберечь его от несчастья? Когда Блэйк говорил: «Я люблю тебя, затем тебя ненавижу», не путал ли он своего отношения к родителям из той жизни и из этой? Интуитивно Колин поняла, что с ним происходит.

Затем я объяснила ей то, что маленькие дети порой с трудом различают прошлое и настоящее. Иногда образы и события из прошлого для них являются столь же живыми и яркими, как и то, что произошло недавно. Блэйк находился в замешательстве из-за того, что произошло с ним в прошлой жизни, и перенес недовольство своими прошлыми родителями на родителей из своего настоящего. Ему следовало разъяснить, что травматические события произошли в прошлом и что сейчас ему ничто не угрожает.

Я предложила Колин испытать несколько стратегий. Первой и самой действенной среди них была ее любовь к сыну. С этим не могут сравниться никакие техники, которым я научу ее. Я верила, что ее материнская интуиция поможет ей найти правильные слова для выражения своих чувств к сыну. Я предложила ей поговорить с Блэйком, когда он будет наиболее восприимчив – перед сном или купанием.

Затем она должна признать, что верит во все, что Блэйк ей говорит, – что все его воспоминания подлинны. Наконец, ей следует заверить своего сына в том, что сейчас, в новом теле, он находится в безопасности и что они совсем не такие родители, которые могут позволить своему сыну бегать по улице, где его может сбить грузовик, в то время как сами занимаются покупками в магазине. Я считала,

что это и будет разъяснением различий между прошлым и будущим, в котором нуждался Блэйк.

«К нам возвратился наш прежний Блэйк»

Через неделю мне снова звонила Колин. Ее голос звучал возбужденно и счастливо: «Я следовала вашим советам. Я уложила Блэйка в кровать, закутала его одеялом, погладила по спине, а затем спросила: «Тебя действительно сбил грузовик, Блэйк?»»

Он ответил мне: «Да».

Тогда я объяснила ему, что грузовик сбил его в иной жизни, что он был другим мальчиком и у него была другая мама. Я боялась, что снова встречу с его ничего не выражающим взглядом, к которому уже привыкла за последние месяцы, что он снова не поймет, о чем я говорю.

Но выражение его лица стоило тысячи слов! Его глаза засветились от удивления, и он сказал: «Действительно, то было другое тело? И у меня была другая мама?» Я ответила «да» на оба вопроса и объяснила, как все любят его в этой жизни. Затем я перечислила всех его родных и близких, которые любят его и заботятся о нем.

Он был впервые счастлив за долгое время, словно я сказала ему, что скоро должен прийти Дед Мороз. Он заулыбался и засветился, словно рождественская елка. Его глаза снова сверкали. Невероятный груз был снят с его плеч».

Затем Колин продолжала: «Я была удивлена тем, что он тут же все понял; я и не ожидала, что мои слова произведут столь сильное впечатление на мальчика. Я приготовилась к тому, что это должен быть длительный процесс, что нам придется возвращаться к этому разговору вновь и вновь. Но, к моему изумлению, уже на следующее утро он смеялся и играл. Теперь он все время веселился. К нему вернулось его изумительное чувство юмора. Он полон счастливого озорства. Я думала, что он не поймет меня, но от детей можно ждать чего угодно!

Физические симптомы Блэйка также полностью исчезли. Мы с мужем не можем нарадоваться этой перемене. Мы боялись, что навсегда потеряли нашего прежнего Блэйка. Но его депрессия полностью исчезла в один день. И все благодаря тем нескольким словам, которые я сказала ему. К нам возвратился наш прежний Блэйк».

Глава девятая. Престо, Чикаго

Наш телефонный разговор с Колин закончился восхищенными восклицаниями по поводу того, насколько легким и быстрым, насколько непосредственным оказалось исцеление Блэйка. Не чудо ли это было – Блэйк превратился в. прежнего, улыбчивого ребенка, просто поняв, что его прошлая жизнь завершилась?

Колин сказала: «О том, что детей могут тревожить воспоминания из прошлых жизней, должно знать как можно больше людей. Тогда родители смогут вовремя помочь им». Затем добавила: «Я собираюсь написать Опре Уинфрей и рассказать ей об этом».

Я засмеялась про себя, подумав о том, что Опра, очевидно, получает тысячи подобных писем каждую неделю, и решила отшутиться: «Конечно, если вы хотите послать письмо Опре, то приступайте. Но обождите, пока я не издам книгу».

Преодоление страха

Я обрадовалась тому, что эти простые техники помогли в случае с Блэйком и что Хокенсы «вернули себе своего Блэйка». Как приятно осознавать то, что можешь изменить жизнь людей в лучшую сторону, просто поделившись своими знаниями о детских воспоминаниях о прошлых жизнях.

История Блэйка была важна для меня и в ином смысле. Этот яркий случай завершил мою модель исцеления. Он знаменовал собой кульминацию моих поисков и изысканий. Он подтверждал мои догадки о том, что дети могут быть исцелены, если их родители понимают принципы воспоминаний о прошлых жизнях. Данный

случай являлся яркой иллюстрацией этих принципов, и я могла использовать его в разговорах с другими родителями.

Теперь я получила новый заряд вдохновения для написания своей книги. Но мне требовалось больше случаев. Я дала новое объявление в журнал *Mothering*. Капля по капле ко мне поступали сведения. С помощью Стива я написала еще одну, более полную статью для *APRT Journal*, в которую были включены новые случаи и, конечно же, случай Блэйка. Я сделала еще один крупный шаг – в качестве дипломированной студентки, я подала заявку на участие в консультативной программе при Виллановском университете. Я хотела отточить свои способности консультанта и посмотреть, чему могут научить меня академические ученые в проведении строго научного исследования.

Я опасалась за следующую часть своего плана. Я знала, что не могу полагаться только на публикацию статей, если хочу рассказать широкой публике о своих находках и получить больше сообщений об интересных случаях. Я должна проводить публичные выступления. Во всем этом была лишь одна проблема. Я *никогда прежде* не выступала перед широкой аудиторией. Более того, выступление перед группой людей, даже самой маленькой, всегда внушало мне ужас. Меня преследовали повторные кошмары на эту тему. Годами я планировала каждый свой шаг таким образом, чтобы всеми средствами избежать публичных выступлений. Даже в детстве, когда меня просили выступить перед классом, мои глаза застилал туман. У меня вылетали из головы все слова, меня прошибал пот. Мой ужас был столь велик, что я чувствовала себя узником, которого вели на расстрел с завязанными глазами.

Но сейчас я твердо намеревалась преодолеть этого демона страха. Моя подруга Эйми, проникшись моим состоянием, организовала для меня аудиторию из восьми человек, перед которыми я должна была выступить в собственной гостиной. Она заверила меня, что я смогу сделать это, и я согласилась на ее предложение в надежде, что, начав с малого, вскоре смогу выступать перед большими аудиториями. К своему собственному удивлению, после первых минут страха я сумела расслабиться и начать говорить. Мое желание поделиться своими открытиями оказалось сильнее, чем страх. Меня так вдохновил собственный успех, что я храбро заявила Эйми, что в следующий раз смогу выступить перед большей группой – может быть, даже перед двадцатью людьми.

Молния ударяет в лед

Однако прогресс, который я делала в своей исследовательской работе, написании книги и преодолении страха перед публичными выступлениями, вскоре остановился. Тысяча девятьсот девяносто третий год оказался тяжелым для нашей семьи. Год назад Стива «сократили» из корпорации, и сейчас денег, заработанных его консультациями, хватало в обрез на то, чтобы содержать семью. Я знала, что мне следовало быть более реалистичной и посвятить свободное время тому, чтобы заработать денег.

С первых недель 1994 года дела пошли еще хуже. Филадельфия была парализована серией снежных бурь и суровым морозом, который, казалось, не собирался отступать. Однажды ночью разыгралась самая страшная из бурь. Мы дрожали от страха и холода под своими одеялами, слыша, как на дворе ревет ветер и с треском ломаются деревья. Казалось, вокруг дома разыгралась настоящая битва. Одна гигантская ветвь чуть не упала на крышу над спальней Чейза. Утром, когда мы рискнули выглянуть наружу, то увидели, что все вокруг, в том числе и невероятная путаница сломленных ветвей, было покрыто блестящей корой призматического льда дюймовой толщины. Солнце, поднимающееся над деревьями, ослепило нас фонтаном радужных искр. В окружении такой красоты мы забыли на день о своих бедах и наслаждались этим торжеством света.

В течение нескольких недель одна ледяная буря следовала за другой. Дороги были покрыты черным льдом, и дорожные бригады скоро сдались, так как у них кончилась соль. Школы закрылись по крайней мере на месяц, коммерция

остановилась, и никому больше не требовались консультации Стива. Деньги перестали поступать, и наша судьба показалась нам жалкой.

Мое исследование также приостановилось – у меня не было денег на то, чтобы дать объявление. Мой план замерз, как лужи на дворе, а звезды и счастливые знамения, казалось, забыли мой адрес.

Как-то в середине февраля в один из хмурых холодных дней, улучив период затишья между двух бурь, я решила прогуляться на природе и поговорить начистоту сама с собой. Я решила, что должна получить диплом как можно быстрее, чтобы заняться *настоящей* работой. Я считала это суровой необходимостью, и мне было больно думать о том, что придется забыть о мечте написать книгу о своих открытиях. Я призналась перед лицом хмурого неба, что если мне суждено написать книгу о детских воспоминаниях из прошлых жизней, то лишь чудо может помочь этому. А в настоящее время я должна делать все от меня зависящее, чтобы моя семья продержалась на плаву.

Придя домой, я приготовила себе чашку чая и уселась с нею на веранде. Я наблюдала за тем, как пар таял в холодном воздухе, словно мои мечты. Чашка была уже пуста, а я все еще сидела на холоде и смотрела в пустоту, думая о том, как больно расставаться с мечтой.

Стив хлопнул дверью и вывел меня из оцепенения. В руке он держал портативный телефон. Его лицо было бледным. «Что еще произошло?» – еле выдавила я из себя, чувствуя, как внутри у меня все провалилось.

Он спокойно нажал кнопку на телефоне, чтобы проиграть сообщение, записанное на автоответчике. Он сказал: «Это то, чего ты ждала».

Голос в телефонной трубке произнес *«Это шоу Опры Уинфрей из Чикаго. Просим Кэрл Боумэн позвонить нам как можно быстрее»*.

Я заплакала. Стив плакал тоже. В одно мгновение я осознала значение этого звонка. Чудо произошло.

В Хранилище файлов

Получив заряд энергии от этих известий, я сделала глубокий вдох и набрала телефон в Чикаго. Звонившая мне женщина представилась, она оказалась продюсером компании Опры. Она сказала мне, что готовила программу по детским фобиям, когда письмо Колин Хокинс, то самое, которое она послала год назад, выпало из файла. Его вложили не в тот файл еще год назад. Оно должно было находиться в файле «прошлые жизни», а не «фобии». Далее она рассказала, что их программа давно уже хотела подготовить передачу по детским воспоминаниям о прошлых жизнях, но у них не было достаточно материала и они не могли найти экспертов по этому вопросу. Итак, обнаружив письмо Колин, она решила немедленно позвонить мне.

«Располагаете ли вы дополнительной информацией по этому вопросу? – спросила меня продюсер. – Если да, вышлите ее, пожалуйста, сюда. Я хочу посмотреть, хватит ли материала, чтобы посвятить все шоу целиком этому вопросу». Я ответила «да» и тут же выслала факсом свою последнюю, наиболее полную статью, которую я опубликовала в журнале в то время, как письмо Колин томилось не в том файле.

Через несколько минут продюсер позвонила мне снова. Она даже не успела дочитать статью до конца, но не выдержала и решила сообщить, как ей она понравилась. Продюсер задавала вопрос за вопросом, и мы проговорили достаточно долго. Я удивлялась самой себе не только потому, что смогла ответить на все ее вопросы, но и потому, что осознала, как много мне еще следует сказать. И я была польщена тем, что эта женщина, которая, по собственному выражению, «повидала все на свете», проявила такой горячий интерес к моей работе. Я сказала, что счастлива оттого, что у меня, наконец, появится аудитория. Мне надоело лаять на ветер все это время.

Она сказала, что придется проделать еще большую работу, прежде чем «дать зеленый свет» этому шоу. Она хотела, чтобы там появились Сара и Чейз, а также

другие матери со своими детьми. У нее было много вопросов и несколько требований. Она хотела получить копии свидетельств о рождении Чейза и Сары (все следовало подтверждать документально), а также выписку из истории болезни, подтверждающую, что Чейз действительно страдал от экземы. Меня удивила их дотошность.

Через два дня шоу было одобрено официально. Вся семья должна будет отправиться в Чикаго в следующий вторник. Мы будем гостями *Опра-шоу* – нас разместят в дорогой чикагской гостинице и будут перевозить с места на место на лимузине. Какой это был контраст в сравнении с той перспективой, которая нам открывалась из заметенного снегом дома несколькими днями раньше!

В новом ритме

Стремительность темпа все нарастала. Продюсер и весь штат *Опра-шоу*, казалось, работал как часы. С самого раннего утра до позднего вечера они звонили по телефону и рассылали факсы. Спят ли они вообще когда-нибудь? Каждый день проект шоу обретал все более и более четкие очертания, и мы углублялись в обсуждение деталей моего исследования. Становилось ясно, что они полагаются на меня как на основной источник информации.

В Чикаго работали без устали, и мы тоже включились в этот неумолимый ритм жизни – бегали по магазинам в поисках новых джинсов для детворы и одежды для меня; отвечали на звонки удивленных друзей и изумленных родственников. Кэтлин, моя парикмахерша, услышав от меня новости, воскликнула: «О Боже, вы предсказывали это!»

И еще одна маленькая деталь: никто из нашей семьи не видел раньше *Опра-шоу* по телевизору. Итак, Стив приделал наружную антенну к нашему старенькому телевизору, и на протяжении недели мы не пропускали ни одного *Опра-шоу*, стараясь представить себе, каково оказаться на сцене. Наблюдая за Опррой, я изумлялась поразительной четкости ее вопросов и способности вести передачу в быстром темпе. Я поняла, что, когда придет мой час, у меня не будет времени, чтобы расслабиться в кресле и ждать, когда Опра задаст подходящий вопрос. Я должна быть готова к тому, чтобы вовремя высказать все те идеи, которые мне хочется донести до зрителя. Я осознавала, что, если они не будут сформулированы с предельной точностью, моим идеям суждено будет затеряться среди общего потока фраз. На протяжении последних нескольких лет я постоянно думала о значении собранных мною случаев, но так и не смогла заставить себя привести в порядок и проверить все свои идеи, так как считала, что у меня еще есть много времени. Все станет на свои места, когда я буду писать книгу. Сейчас мне нужно будет проработать весь материал за одну неделю. Мой ум работал каждую минуту, каждую секунду. Я позволяла себе передышку лишь тогда, когда садилась в кресло перед телевизором и смотрела шоу. Даже когда я ложилась спать, в моей голове продолжали роиться идеи. Смогу ли я продержаться неделю в таком ритме?

Во время одного из телефонных разговоров с Чикаго я спросила, сколько людей будут смотреть это шоу. Продюсер ответила, что более двадцати миллионов – люди с разных концов земного шара. Двадцать миллионов?! Я сумела воздержаться от возгласа, но внутри у меня все сжалось.

Я не сообщила продюсеру, что страшусь публичных выступлений. Вряд ли она могла заподозрить меня в этой слабости, так как по телефону с ней я всегда говорила уверенно. Но что случится, когда я встречу с аудиторией в студии и взгляну в объективы камер, представляющие глаза двадцати миллионов человек? Не парализует ли меня, когда я выйду на сцену? Не потеряю ли я сознания, усевшись в кресло? Я могла представить себе, как работники студии поднимают меня с пола перед включенными камерами. Это вполне могло произойти.

До этого момента, сосредоточившись на материале, я могла забыть о своем страхе. Но сейчас до передачи оставалось лишь несколько дней. Дороги назад уже не было – слишком много людей зависели от меня.

Во время этого телефонного разговора я впервые осознала, что конфликт между моим личным демоном и работой всей моей жизни приобрел мистические пропорции. Сейчас это было больше меня. Я знала, что незримые силы, управляющие моей жизнью, открыли для меня эту дверь. Это было не просто совпадение или удача. Но я не могла исполнить свою миссию, пока этот демон с глазами страха преграждал мне путь. Если я оступлюсь, то мне больше никогда не представится подобная возможность и мое положение станет хуже, чем теперь. Мне нужно было *сделать или умереть*. Я молила Бога, чтобы он дал мне сил.

Имена и даты

Формат шоу был почти определен. Вначале на сцену вместе с Опррой выйдут Чейз, Сара и я. Остальные матери со своими детьми будут присоединяться к нам по ходу шоу. Тийю Лютер, Колин Хокен, а также Мэри Флеминг, еще одна любящая мать, связавшаяся со мной через журнал *Mothering*, будут присутствовать там со своими детьми. Это был наилучший вариант – матери и их дети рассказывают собственные истории перед камерами. Меня заверили, что там не будет применено никаких трюков, нас не будут пытаться ловить на слове. Возможно, на передаче появятся и другие матери со своими детьми. Продюсеры стараются отыскать побольше детей с воспоминаниями о прошлых жизнях для этого шоу. Там будет также присутствовать психолог – женщина, придерживающаяся противоположных взглядов. Это необходимо, чтобы наше шоу выглядело более объективно. Я согласилась на это при условии, что психолог не станет подавлять детей или прямо высказывать им свое недоверие.

Чикагские продюсеры увлеклись идеей верификации рассказов Чейза о Гражданской войне. Они пригласили историка, специализирующегося на этом периоде, чтобы проверить факты из воспоминаний Чейза. Я была рада услышать это. Меня всегда интересовало, возможно ли определить по воспоминаниям Чейза реальную историческую личность, но у меня не было необходимых материалов для этого. Но поскольку Чейз мог сообщить лишь несколько деталей и никаких дат или имен, я не знала, сможет ли историк далеко продвинуться.

Тогда у продюсера возникла идея: что, если я снова регрессирую Чейза и Сару с тем, чтобы они попытались вспомнить даты и имена из своих прошлых жизней? Сеанс можно заснять на пленку и продемонстрировать во время шоу. Из этого что-то могло получиться, согласилась я, но сеанс будет выглядеть более убедительно, если регрессию проведет кто-то иной, а не их мать. Я назвала известное мне имя психотерапевта, который сможет провести регрессию. Все было тут же организовано.

На следующий день к нам нагрянули телевизионщики, и весь дом заполнился прожекторами, микрофонами, мониторами и сетью кабелей. С ними прибыл и психиатр, с факсом, полученным из Чикаго, в котором говорилось о том, что он должен попытаться разузнать факты, имена и даты – все, что может помочь верификации воспоминаний. Не теряя ни минуты, он занялся регрессией Чейза, впервые применив гипнотическую индукцию. Он приказал мальчику отправиться к временам Гражданской войны, о которой он вспоминал раньше.

Чейз вошел в легкий гипнотический транс очень быстро, но вскоре я пожалела, что не произвела регрессию сама. Доктор, выкроивший время из своего обычного приема, торопил регрессию Чейза, стараясь выудить лишь голые факты. Поскольку у доктора был свой собственный план, он не настраивался на волну воспоминаний Чейза и не следовал за ним. Чейз действительно находился в периоде Гражданской войны, но каждый раз, когда он собирался погрузиться поглубже в свои воспоминания, психотерапевт нарушал его концентрацию неизменными вопросами: «Как тебя зовут? Помнишь ли ты свое имя? Какой сейчас год?» Наконец Чейз напрягся и произнес имя: «Генри Джонсон», но он не был уверен, что это его имя.

Пришла очередь Сары, и ее постигла та же участь. Когда врач наконец удалился, дети признались, что каждый раз, когда он задавал вопросы относительно фактов, они теряли нить воспоминаний. Они согласились, что могли просто

придумывать имена, чтобы удовлетворить любопытство врача. Они очень разволновались из-за этого, но я заверила их, что тут нет беды.

Сара добавила: «Это совсем не регрессия. При регрессии ты вспоминаешь свои мысли и чувства, думаешь, как они переходят из одной жизни в другую. Это делает ее настоящей, а не всякие там факты и даты». Я с жаром ее поддержала. К нашему облегчению, эту запись решили не демонстрировать во время шоу.

В Чикаго, немедленно!

Наш полет в Чикаго был назначен на вторник, но в понедельник нам позвонили из студии и сообщили, что планы меняются. Они договорились с художником о том, что он встретится с детьми во вторник с утра. Сможем ли мы вылететь в Чикаго прямо сейчас? Следующий рейс – через три часа.

Я понеслась к школе и забрала Чейза, Стив отправился за Сарой. Я бросила все наши чемоданы в багажник, и, усевшись в машину, мы помчались к аэропорту. У нас оставалось времени в обрез, чтобы успеть к отправлению. Мы переехали через какую-то подозрительную кучу обломков, лежащую на шоссе, и через минуту Стив заявил, что у нас, должно быть, спустило колесо. Мы почти подъезжали к аэропорту, когда все услышали, как колесо стало дребезжать. Стив, не тормозя, промчался на красный свет. Придется ли нам менять колесо? Шина начала хлопать, как клоунские ботинки, но мы уже подъехали к двери аэровокзала. Я сгребла детей и багаж. Стив купил банку сжатого воздуха у привратника (он так и не сказал мне, сколько ему пришлось заплатить за нее), вкачал его в шину и поехал вниз по туннелю, чтобы поставить машину на стоянку. Посадка как раз прекращалась, и мы успели проскочить за секунду до того, как двери закрылись. Только когда мы откинулись на своих сиденьях, то с полной ясностью осознали, насколько близки мы были к тому, чтобы застрять на скоростном шоссе.

Чейз и я наблюдали из иллюминатора за зимним закатом. Тучи над нами все еще были окрашены розовыми и оранжевыми лучами, тогда как землю под нами уже покрыл мрак. Внизу распластались мерцающие города Среднего Запада. Чейзу хотелось узнать, откуда берется все это электричество, которое необходимо для освещения городов. Я же могла думать только о предстоящей встрече на телевидении и о том, сколько людей, над которыми мы сейчас пролетаем, будут смотреть наше шоу. Эта мысль вновь вызвала у меня дрожь, и я, сделав несколько глубоких вдохов, поднесла к глазам бессмысленный журнал, чтобы не думать обо всем этом.

Настоящее развлечение началось, когда мы оставили позади себя стеклянную дверь аэровокзала. В лимузине Чейз нажимал на все кнопки, которые попадались ему на глаза. Сара отыскивала газировку в баре и с удовольствием то и дело наполняла свой стакан. В гостинице также оказались разные интересные штучки: Сара никак не могла прийти в себя от телефона в ванной комнате; Чейз был зачарован электронными механизмами в тренажерном зале. Поскольку гости Опри обычно останавливались в этой гостинице, ее персонал очень хотел узнать о теме *нашего* шоу. Отвечая на вопросы, я чувствовала, что тренируюсь формулировать идеи кратко и четко.

Нарисовано по памяти

Все следующее утро мы пребывали в заточении в конференц-зале студии вместе с художницей Салли и горой разнообразной пищи. Задача Салли состояла в том, чтобы сделать рисунки по рассказам Чейза и Сары, которые будут продемонстрированы во время передачи. Салли, которая сама была матерью, сумела расположить к себе моих детишек. Оба скоро сумели раскрыться. Она попросила дать детальное описание того, как они выглядели в прошлом. Она делала наброски во время их рассказа, затем показывала их детям, выслушивала критические замечания и продолжала работу. С каждым повтором Сара и Чейз фокусировались все глубже на своих внутренних образах, входя в состояние легкого транса. Собственно говоря, это была настоящая регрессия. С открытыми глазами

они видели картины прошлого более ясно, чем когда-либо, давая все новую и новую пищу карандашу Салли. Некоторые вещи я и сама слышала от них впервые. Она буквально вытягивала из них воспоминания.

Мы завершили работу с Салли сразу же пополудни, и лимузин отвез нас назад в гостиницу. До утра мы были свободны. «Расслабьтесь, – сказала продюсер, – и отдохните перед шоу». Расслабиться? Хотела бы я, чтобы это мне удалось! У Сары начало болеть горло, и она теряла голос. В Чикаго по прогнозу должна была разыгаться снежная буря. Сможет ли Тийю долететь из Филадельфии? А как насчет других, не застрянут ли они где-нибудь по дороге? И какие подводные мины приготовит для меня психолог?

Наконец я решила, что самым конструктивным в этой ситуации будет лечь в постель и постараться заснуть. Итак, мы с Сарой легли на кровать, в то время как Стив и Чейз отправились на холодные заснеженные улицы Чикаго в поисках машины виртуальной реальности, которую Чейз во что бы то ни стало хотел испытать. Я скрутилась под одеялами в позе плода и окунулась в реальность моего страха. Я беспрерывно повторяла ключевые фразы и проигрывала воображаемый диалог с Опррой: «Да, Опра, здесь самое важное – целительная сила этих воспоминаний». «Нет, Опра, воспоминания никак не могут причинить детям вреда». Но все равно я чувствовала, что сердце готово выпрыгнуть из моей груди.

Телефонный звонок возвратил меня к действительности. Звонила Колин, она была уже в гостинице. Сотрудники студии постарались доставить ее пораньше ввиду приближающейся бури. Впервые мы встретились с ней за ужином в этот вечер. Во плоти она оказалась столь же приятной и искренней женщиной, какой показалась мне по телефонным разговорам. Она казалась такой же взвинченной, как и я. «Помните, – то и дело повторяли мы друг другу, – мы должны сделать это для детей». Это немного нас успокаивало.

Снежный прием

На следующее утро, выглянув из окна, мы увидели, что город изменился словно по волшебству. Вчерашний шумный Чикаго сейчас утопал в глубоких сугробах. Снежные хлопья медленно проплывали между небоскребами. Но продолжался ли снегопад? Прибыла ли Тийю?

Когда мы приехали на студию, ее зеленые комнаты уже были заполнены нервничающими родителями и бледными растерянными детьми. Кто были все эти люди, которых я не знала? Какой сюрприз решили приготовить мне перед объективами телекамер? Но вот и Тийю! Она обрушила на меня словесный поток, из которого я сумела разобрать, что ее чудом доставили сюда сквозь все эти снежные заносы, у нее было только два часа, чтобы отоспаться, но мне не стоит по этому поводу волноваться, так как с утра она уже выпила достаточно кофе и это взбодрило ее. Я обратила внимание на семью с двумя девочками приблизительно того же возраста, что и Сара. У них были великолепные волосы, которые они постоянно зачесывали назад рукой в перчатке. Из-за них Сара вдруг занервничала.

Мы все по очереди сделали макияж и укладку волос. Я расхаживала по комнате, стараясь вспомнить все, что знала о том, как сохранять спокойствие: глубоко дышала, воображала успешное представление, говорила себе, что через пару часов все это закончится. Но ничто не помогало.

Затем, за несколько минут до выхода на сцену, Сара запаниковала и отказалась идти. Она вдруг поняла, что то, что она намерена сказать перед телевизионными камерами, было слишком личным, чтобы это могли слышать все ее подруги. Мои нервы были и без того натянуты до предела. Я не могла убеждать ее. Я, применив весь свой авторитет, заявила, что она должна выйти на сцену, что отступать слишком поздно. Но это лишь ухудшило положение дел, и ассистент продюсера вывел ее из комнаты, чтобы поговорить наедине.

И вот минута настала. Все остальные участники передачи уже заняли свои места на сцене. Нам с Чейзом предложили подождать за кулисами. Когда все уже сидели (как Стив рассказывал нам позже), на подмостки вышла живая, хорошо

одетая женщина, чтобы расшевелить аудиторию. С риторическими изысками она объявила, что тема сегодняшней передачи называется «Дети, которые помнят прошлые жизни». Она спросила зрителей, сидящих в зале, верят ли они в прошлые жизни. И больше половины людей подняли руки. Она пригласила всех желающих высказать свое мнение, подойти к микрофону. Некоторые дамы в шляпках решительно заявили свое несогласие, так как о переселении душ ничего не сказано в Библии. Джентльмен с бородой возразил им: все, что относилось к реинкарнации, было изъято из Библии Церковью.

Затем к микрофону подошла женщина в жакете горчичного цвета и рассказала о своем воспоминании из прошлой жизни, которое она пережила в детстве. Оно было столь ярким и сильным, что женщина *никогда* не забывала его. Когда она была совсем маленькой, то слышала шум моторов единственного самолета, но вдруг ей пришло видение целого эскадрона самолетов, несущегося по небу. Она с криками бросилась к своей бабушке: «Быстрее уходи, бомбардировщики летят!» Хм... если один человек в зале обладал подобными воспоминаниями, то сколько их наберется среди многомиллионной аудитории?

В это время я и Чейз томились за кулисами. Я шагала вперед и назад. Чейз открыл новую банку колы. Я чувствовала, как меня охватывает все больший страх. Сары все еще не было рядом. От этого я волновалась еще сильнее. В последнюю минуту она появилась. Каким то образом ассистенту продюсера удалось уговорить ее выступить.

Время пришло. Нас повели по просторному холлу к открытой двери студии.

Восстановленное равновесие

В тот момент, когда меня провели сквозь студийную дверь и я увидела публику в зале, мои ноги стали словно ватными, сердце бешено разгоняло адреналин в крови и весь мир пошел кругом перед глазами. Я боялась, что могу потерять контроль над собой и упасть в обморок. Все мои инстинкты приказывали: «Убегай! Прячься!» Но рациональная часть моего мозга еще функционировала и напоминала мне обо всех причинах, по которым я должна идти вперед. И снова у меня возникло чувство, что я вырываюсь из собственного тела.

Я словно плыла рядом с собой и находилась вне времени. В этой перспективе я вдруг увидела того пианиста девятнадцатого века, которым я некогда была. Он был исполнен грации и прекрасно держался перед восхищенной публикой. Он и публика были единым целым. Я могла слышать звуки фортепиано; я могла увидеть, как его руки и тело движутся без всяких усилий, в едином с музыкой ритме. Поглощенная этим видением, я почувствовала, как поток энергии пронизывает меня от макушки до ног, проходя по позвоночнику и возвращая меня к реальности момента. Энергия укрепила мои ноги и возвратила меня назад, в мое тело. Затем видение исчезло так же быстро, как и появилось, оставив за собою силу, разливающуюся по всему телу и изгоняющую страх. В моей голове торжественно прозвучали слова: «Я знаю, что смогу сделать это. *Я делала это и раньше!*»

Внезапно я стала остро осознавать все происходящее вокруг меня. Мой разум стал изумительно острым. Ноги перестали трястись и дыхание восстановилось. Я знала, что буду способна сделать намеченное. Я вышла на сцену и села в кресло.

Вот появилась и сама Опра, наполнив все вокруг себя невероятным зарядом. Аудитория мгновенно попала под власть ее чар и разразилась аплодисментами. Она улыбнулась и приветливо помахала рукой. Затем ступила прямо на сцену и села напротив меня и Чейза. Она стала шутить и болтать, чтобы мы не почувствовали себя не в своей тарелке. Телевизионщики настроили микрофоны и подкатили поближе к нам большие камеры.

Мои колени почти соприкасались с коленями Опри, и я не могла не чувствовать огромную энергию, исходящую от этой женщины. Казалось, она была искренне рада видеть нас и очень интересовалась всем, что мы собираемся рассказать.

Устремляясь ввысь

Опра начала с Чейза. Она попросила его рассказать свою историю и показать свои передвижения на поле битвы по рисунку, который сделала Салли. Я поражалась тому, как четко он говорил и как уверенно держал себя. Он был совершенно расслаблен и импровизировал на пару с Опррой так, словно это было для него совершенно привычным занятием. Затем Опра обратилась к историку и спросила его мнение об аутентичности воспоминаний Чейза. (Мне было особенно интересно услышать его мнение.) Он признался, что скептически относится к идее прошлых жизней, но вынужден согласиться с тем, что Чейз точно описывает пушку времен Гражданской войны, а также с тем, что все, о чем говорил Чейз, могло произойти в действительности.

Сара присоединилась к нам во второй секции и рассказала свою историю, демонстрируя свое бегство от пожара по рисункам Салли. Во время рассказа Сары я поняла, что Опра закончила разговор о Чейзе еще до того, как я успела сказать, что воспоминания о прошлых жизнях исцелили его. Я выждала и вставила свое замечание в подходящий момент.

Опра спросила каждого из моих детей, что ощущает человек в момент смерти, на что те с видом знатоков ответили, что умирать легко и безболезненно. Чейз выразился так: «В следующий момент ты уже понимаешь, что взмываешь вверх», а Сара добавила: «Я не боюсь смерти, потому что она выглядит именно так».

Шоу было прекрасно продумано. Одна история естественно следовала за другой. Мягкую и искреннюю Колин прекрасно дополняла страстная и наэлектризованная Тийю. Затем заговорила Мэри, и три ее артистичных ребенка поведали свои истории с огромной убедительностью. Никто не растерялся, никто не подкачал, все сделали свою работу великолепно.

Опра не допускала энергетического спада. Она пользовалась каждой возможностью, чтобы вставить уместное замечание. Это напоминало интеллектуальный пинг-понг, где каждый ждал своей очереди, чтобы парировать замечание и точно послать идею к цели. Я делала все возможное, чтобы довести до сведения публики ту мысль, что воспоминания о прошлых жизнях не являются каким-то чудом, а обладают способностью исцелять.

Я с облегчением заметила, что другие дети, рассказывая о своих случаях, подтверждают эту идею. Первая девочка, Эрин, страдала от страха перед природными катаклизмами – в частности, перед пожарами и наводнениями. Тут же была продемонстрирована видеозапись ее регрессии, где она вспоминала, как тонула во время наводнения: «Я вижу, как тонут люди и языки пламени поднимаются в воздух. Вода поднимается, а я не умею плавать... Я стараюсь забраться как можно повыше». Она продемонстрировала это, встав на стол. Затем вода поднялась выше головы и она «просто умерла».

Другая девочка, Шэннон (одна из обладательниц роскошных волос), была убеждена, что является воплощением собственного деда. Еще совсем маленькой она рассказала родителям такие подробности из жизни деда, которых ни от кого не могла узнать. Во время регрессии она увидела себя в качестве деда, а также вспомнила, что его убили двое мужчин выстрелами в шею. Любопытно, что у нее был врожденный порок развития, потребовавший хирургического вмешательства, – выпячивание мышцы шеи в том месте, куда попали пули убийц ее деда. Я ощутила сильнейшее волнение – прямо передо мной стоял классический пример из стивенсоновской книги.

Маленькие дети Мэри Флеминг настолько изумили Опру своим искусством художников, что та воскликнула: «Если бы я умела так рисовать, то не стала бы вести это шоу. Клянусь вам!»

Когда камеры были переведены на зал, Чейз наклонился ко мне и сказал: «Мне срочно нужно пойти в туалет». Я бросила на него самый строгий взгляд, на который только была способна, и прошипела: «Потерпи!»

Приверженность старой парадигме психологии

После того как матери и их дети рассказали свои истории, наступила очередь психотерапевта Изабелл высказать «противоположное мнение». Слушала ли она нас? Читала ли мои статьи? Даже если она не была согласна с нами, смогла ли она по крайней мере непредвзято отнестись к рассказам детей? Я надеялась, что у нас может состояться разумный разговор о значении детских воспоминаний.

Или эта женщина-психолог просто не поверит всему услышанному и, несмотря на очевидность воспоминаний, станет объяснять их как фантазии, проекции или исполнение желаний? Я слишком часто сталкивалась с подобными высказываниями критиков. Они твердо убеждены в том, что мы «живем лишь раз», и закрывают глаза на любые свидетельства в пользу обратного, сколь бы убедительными они ни были. Вместо того чтобы выстраивать теорию, которая удовлетворяла бы фактам (как и должны действовать настоящие ученые), они пытаются деформировать факты и втиснуть их в уже существующие философские категории старых парадигм.

С первых же слов, произнесенных Изабелл, я поняла, что она составила свое мнение еще до того, как пришла сюда. Она заявила: «Я не верю в то, что мы жили раньше и возвращаемся сюда снова». Случай закрыт. Обсуждения приведенных здесь свидетельств не получится. Вместо этого произойдет защита старых догм психологии.

Она не слушала ничего. Она не сделала попытки разобраться во всех этих удивительных историях. Вместо этого она стала сыпать научным жаргоном, пытаясь дать традиционное объяснение воспоминаниям о прошлых жизнях. Из ее уст вылетали формулировки типа «метафоры», «манифестации конфликтов», «выражение подавленного духовного поиска» и «крик о желании быть признанным как личность», была дана еще одна попытка объяснить это «переживаниями в матке». Она повторила слово «подсознательные» несколько раз, делая на нем упор, словно это могло объяснить все.

Я знала, что бесполезно спорить с человеком, который твердо решил не допускать иных возможностей. Но это сделали другие. Опра любезно задавала коварные вопросы по каждому пункту ее выступления. Когда Изабелл заявила, что воспоминания о прошлых жизнях есть не что иное, как выражение духовного поиска, Опра вежливо поинтересовалась, как объяснить с этой точки зрения то, что двухлетняя Лийя помнила, как погибла, упав с моста. Тийю, соблюдавшая внешнее спокойствие, тут же напонила: «У нее было мультисенсорное восприятие. Все пять чувств не могли быть симулированы никаким опытом из этой жизни». После этого Тийю послала Изабелл взгляд, в котором красноречиво читалось: «Кончай чушь пороть!»

Но Изабелл парировала тем, что Лийя описывала переживания под водой: «Вода или океан – это символ бессознательного... У детей очень сильные подсознательные побуждения. Вот почему у них такие реакции».

Не успела психолог завершить свою мысль, как Тийю сразу же выпалила: «Значит, она могла знать о юнговском символизме, но не о прошлой жизни?»

Изабелл открыла рот и стала подыскивать ответ. Казалось, она была удивлена столь острым замечанием, тем более высказанным на ее собственном научном жаргоне. И все же она ответила, но не на конкретный вопрос – просто повторив свое заявление о том, что прошлые жизни невозможны.

На это Опра сказала: «Я надеюсь, что вы не правы. Мы должны воспользоваться другой возможностью, в другом месте».

Через минуту Опра задала свой собственный вопрос: «Изабелл, я пытаюсь переманить вас на нашу сторону. Что вы скажете, видя перед собой этих детей, которые – цитирую: «кажется, были здесь уже раньше»? Не видите ли вы, как светятся их глаза? Люди смотрят на такого ребенка и говорят: «У этого ребенка древняя душа». Что вы думаете об этом?»

И Изабелл ответила: «Да, мы должны помнить о том, что происходит в *подсознании*».

Опра взмолилась: «Но *что такое* подсознание? Что это такое?» Ах, Опра! Она не хотела, чтобы изумительные переживания детей могли быть перечеркнуты одним словом.

Сара, внимательно прислушивающаяся к разговору, закатила глаза вверх, когда психолог начала что-то лепетать в ответ. Затем, улучив момент, она взяла слово. Ее речь была явно адресована Изабелл: «Не важно, что это такое. Может быть, это не религиозно или, по-вашему, неправильно. Но важно то, что я раньше боялась огня, а сейчас не боюсь. Чейз раньше страдал этой экземой, и вообще у него были проблемы, но он смог преодолеть все это. Важно лишь то, что это помогло мне и ему». Браво, Сара! Я гордилась ею. Изабелл проигнорировала вопросы исцеления, но Сара напомнила ей о них.

Затем встал мужчина из зала и спросил Изабелл, как она может объяснить столь мастерскую работу, которой отличаются картины пятилетнего мальчика – Мишеля Флеминга: «Не фантазирует же он, что был великим мастером. Он может на бумаге продемонстрировать свои способности. Как можно объяснить все это, если учесть, что он нигде не учился?»

Ответ Изабелл можно было предвидеть – она просто ограничилась иным высоколобым словом, которым невозможно ничего объяснить: «Я считаю, что мальчик обладает большим *талантом*».

Опра не дала ей передышки: «И *откуда* пришел *этот* талант?»

Но у Изабелл был ответ и на это: «Созидательный гений».

«Да, но откуда все это берется?» – не сдавалась Опра. Изабелл решила переменить тему.

Прежде чем наступила концовка, одна из матерей, сидящих в зале, дала свое прекрасное объяснение логической связи реинкарнаций с законами природы. Она сказала: «Если вы согласны, что энергия не создается из ничего и нигде не исчезает бесследно, а наша душа – это энергия и жизненная сила – это энергия, то почему не допустить реинкарнаций? Поскольку никакая энергия не умирает, почему бы и нам не продолжать изменяться и преображаться?»

И Опра добавила, глядя прямо в объектив камеры: «Мы еще вернемся».

Первое марта 1994 года

В первый день марта где-то в далекой Ирландии моя подруга из Эшвилла Кэти Скай развлекалась со своим другом. Вдруг уголком глаза она заметила на экране телевизора знакомое лицо. Кэти вскочила с дивана с криками: «Это же Кэрл Боумэн! Моя подруга. Кэрл на *Опра-шоу*!»

Кэти позвонила мне на следующий же день: «Ты сделала это, девочка! Ты добилась своего! Когда мы сидели с тобой на кухне несколько лет назад, кто бы мог подумать, что тебя занесет к Опре с твоими идеями!»

«Да, – ответила я. – Но это еще не конец. Это только начало».

Часть вторая. Практическое руководство по работе с воспоминаниями о прошлых жизнях у детей

Глава десятая. Четыре признака

Когда я говорю с людьми о воспоминаниях из прошлых жизней, мне неизменно задают вопрос: «Как можно отличить истории, произошедшие в прошлых жизнях, от обыкновенных фантазий?»

Вначале я отвечала лишь таким образом: «Ну, родители просто *знают*». Не особенно полный ответ, я знаю. Но когда я стала разбирать случай за случаем, то стала слышать повторяющиеся почти слово в слово комментарии. Эти комментарии стали привычными. И я поняла, что могу полагаться на них как на тест для воспоминаний о прошлых жизнях. Когда родители описывали то, что происходило с их детьми, я на первых порах ловила себя на том, что перебираю в уме список симптомов, чтобы решить, действительно ли это были воспоминания. Список симптомов выкристаллизовался в *Четыре Признака*.

(Когда я говорю «родители», то не исключаю этим иных взрослых людей. Эти признаки могут оказаться полезны для бабушек и дедушек, тетушек и дядюшек – короче, всех людей, которые проводят время с детьми.)

Чем больше я говорю с родителями и чем больше сличаю случаев, тем лучше я понимаю, почему эти признаки достоверны. Воспоминания о прошлых жизнях звучат, выглядят и воспринимаются совершенно не так, как фантазии, поскольку происходят из другого источника. Фантазии являются игрой ума. Тогда как воспоминания о прошлых жизнях – это полновесные образы реальных событий. Разницу может определить любой чувствительный слушатель, знающий о признаках.

Я определила более дюжины признаков реальности воспоминаний о прошлых жизнях, учитывая все нюансы, о которых упоминали родители, пытаюсь решить, действительно ли их ребенок рассказывает о своей прошлой жизни или просто фантазирует. Но для простоты запоминания и дальнейшей работы я сгруппировала все вторичные признаки и нюансы и свела их к четырем первичным признакам.

Вот эти *четыре признака реальности детских воспоминаний о прошлой жизни*:

- 1. Уверенный тон.**
- 2. Неизменность во времени.**
- 3. Знание, не объяснимое опытом.**
- 4. Соответствие поведения.**

Не во всех воспоминаниях о прошлых жизнях удастся обнаружить все четыре признака. Воспоминания приходят по-разному и проявляются в различной степени у разных детей. Но, как я убедилась, признаки всегда проявляются в комбинации. Некоторые случаи обладают лишь двумя, иные имеют все четыре. Мне даже случалось видеть случай, в котором я обнаружила лишь один признак. Легче всего понять механизм их работы на примере случаев, приведенных в этой книге. Даже тогда, когда я в какой-то истории подчеркиваю только один признак, вы сами сможете заметить присутствие других.

Эти четыре признака являются эффективными лишь по отношению к собственному ребенку. Лишь тот, кто хорошо знает ребенка, сможет применить их. Все зависит от способности заметить перемены в выражении лица и в голосе ребенка, которые посторонний человек пропустит. Также важно обратить внимание на нюансы поведения, которые можно определить лишь при длительном наблюдении.

Четыре признака не имеют никакого отношения к научному доказательству существования прошлых жизней. Они предназначены для вашего личного общения. Когда воспоминания выходят наружу, вы должны задать определенные вопросы своему ребенку, чтобы помочь им проявиться как можно полнее. При этом вовсе не следует думать о том, какие доказательства подлинности воспоминаний вы сможете привести скептически настроенному соседу или даже недоверчивому родственнику. Если вас будут заботить доказательства, вы сможете лишь навредить свободному потоку воспоминаний. *Дело не в доказательствах.* Важны лишь исцеление, духовный рост и понимание.

Не следует путать четыре признака с методами исследований доктора Стивенсона. Его методы предназначались для верификации воспоминаний детей, которых он не знал раньше. К тому же его случаи нетипичны – это случаи исключительной памяти о прошлой жизни. Четыре признака относятся к более обычным случаям – когда дети обладают лишь фрагментами и общими чертами воспоминаний.

Безусловно, отнюдь не все необычные истории или заявления, сделанные детьми, порождены воспоминаниями о прошлых жизнях. Дети часто изрекают то, что заставляет их родителей задуматься: «Где он узнал об этом?» Я предупреждаю вас – не переоценивайте все замечания, сделанные вашим ребенком. *Возможно*, вы действительно присутствуете при процессе воспоминаний о прошлых жизнях. Но, скорее всего, это не так. Детский разум так подвижен, что постоянные новые и

свежие замечания не являются редкостью. Фантазии и игра воображения постоянно занимают головы детей, и в большинстве случаев необычайные истории, которые вы слышите от своих детей, не имеют ничего общего с прошлыми жизнями. Дети часто заставляют нас верить в то, что жили в прошлом, просто проигрывая истории из книг или то, что видели по телевизору.

Но иногда завеса приподнимается, и ребенок действительно говорит о своей прошлой жизни. Зная эти признаки, вы сможете уловить магический момент подлинных воспоминаний.

Это совершенно неизвестная область для большинства людей. Когда ребенок внезапно начинает говорить о своей прошлой жизни, большинство родителей приходят в замешательство или оцепенение. Они ощущают, как сердце тянет их в одну сторону, тогда как разум советует им совершенно противоположное. Идеям о прошлых жизнях просто нет места в их мировоззрении, и рассудку легче поверить, что странное поведение детей имеет какое-то иное, «логическое» объяснение. В то же время сердцем они способны распознать искренность слов своего ребенка, их тело начинает дрожать от наплыва огромной энергии, а их интуиция подает им сигналы, что происходит нечто особое и вневременное. В таком состоянии нет ничего ненормального. Я же предлагаю эти четыре признака как ориентиры, которые помогут вам уравновесить голову и сердце, помогут вам не потеряться в потоке противоречивых мыслей и чувств, когда ваша кроха скажет: «Я помню, когда я умер».

Первый признак: Уверенный тон

Большинство воспоминаний о прошлых жизнях формулируются ребенком в виде заявлений. Иногда во время езды на автомобиле или игры на полу в кухне маленький ребенок совершенно обыденно может заявить: «Все тут так же, как и тогда, когда я умирал» или «Моя *другая* мама обычно делала это так...» Дети обычно болтают без умолку. И нет ничего удивительного в том, что подобные замечания могут пройти мимо внимания хлопчущей матери или занятого отца. Но внимание родителей может привлечь перемена тона. Когда тон ребенка становится очень уверенным, это подразумевает значительность того, что он хочет сообщить.

Когда я спрашивала родителей о том, как их дети описывали свою прошлую жизнь, те всегда отвечали, что голос их ребенка изменялся. Обычно я слышу такие фразы: «Он казался очень *уверенным*, когда заявил это» или «Она говорила прямо и *уверенно*».

Обычно, когда дети что-то сочиняют, они говорят нараспев, весело или с шаловливыми интонациями. Голос постоянно меняется, становится то громким, то тихим в зависимости от того, как развивается фантастическая история. Язык и тон несутся по волнам воображения. Вы можете чуть ли не подпевать их фантазии.

Но с воспоминаниями о прошлых жизнях дело обстоит совершенно иначе. Одна мать, Шарлотт Свенсон, рассказывает:

Когда мой четырехлетний Джерри говорит о том, как он умирал вместе с друзьями в 1945 году, его голос внезапно меняется. Он говорит очень серьезно, словно поражен горем. Можно просто ощутить перемену. Мальчик становится очень напряженным и кажется старше своих лет. Его тон привлекает мое внимание. Когда он рассказывает то же самое моим подругам, те тоже признают, что Джерри говорит это совсем не как четырехлетний.

Трехлетний сын Эда Дурбина начал говорить о воспоминании времен Гражданской войны, увидев по телевизору Линкольна. Эд пытается описать эту загадочную перемену тона:

Мне вдруг показалось, что я разговариваю со взрослым человеком. Он говорил так, как мужчина рассказывал бы о своих переживаниях. Нет, тембр его голоса не менялся – изменилась манера говорить. Он поведал мне фактическую историю из жизни солдата. Он осознавал, что говорит со мной – просто

припоминал то, что когда-то видел. Однако у меня было ощущение, словно я говорю с кем-то другим – гораздо старше моего трехлетнего сына.

Настроение может быть различным: серьезным, счастливым, озабоченным, взволнованным или грустным. Но тон всегда очень уверенный и убежденный. Вы всегда сможете понять, что ваш ребенок не шутит. Тийю описывала голос Лийи как очень взволнованный, а не серьезный: «Мы как раз проезжали по мосту, переброшенному через высокое ущелье, когда девочка возбужденно и отчетливо произнесла взволнованным голосом: «Мама, это очень напоминает место моей смерти!» Она не казалась расстроенной. Просто уверенно заявила об этом».

Лайза, детский психолог, имела хорошую практику в этом, так как ее дочь Кортни пережила много воспоминаний из прошлых жизней. Она говорит, что лишь прямое общение может помочь различить воспоминания и фантазии.

Исходя из собственного опыта как консультанта, так и матери, могу сказать, что, когда ребенок фантазирует, он всегда пытается вызвать у меня определенную реакцию. Когда дети рассказывают небылицы, им хочется, чтобы я смеялась, пыталась поймать их на слове, передразнивала их или реагировала подобным образом. Здесь я играю роль *аудитории*. Это всегда интерактивное общение.

Но Кортни не ждала моей реакции, когда рассказывала мне о своих воспоминаниях из прошлой жизни. Она просто делала заявления. Если я ничего не отвечала, это не беспокоило ее. Она просто сообщала факты. Это все равно что я сказала бы вам: «Небо голубое». Я бы ничего не ждала в ответ от вас, так как это факт, и обе мы знаем, что небо голубое. Это не интерактивное общение. Кортни не говорит мне об этих вещах из прошлой жизни, чтобы вызвать мою реакцию или увидеть, что я горжусь ею. И если я спрашиваю ее: «Какого цвета это платье?» или «Какая пора года тогда была?», она обычно не отвечает. Она не задает вопросов и не ждет их от *меня*.

Дети говорят уверенно о своих прошлых жизнях, так как сообщают то, о чем помнят. Точно так же они сообщали бы о том, что видели на прошлой неделе или месяц назад. Воспоминания о происшествии их прошлой жизни для них выглядят столь же живо и ярко, как и воспоминание о собственном дне рождения или о том, как их возили на побережье прошлым летом.

Поскольку дети заявляют о фактах, а не фантазируют, они очень удивляются, если мы не сразу понимаем, о чем идет речь. Если мы начинаем спрашивать их, просим повторить сказанное, они могут возмутиться нашим невниманием или несообразительностью. Они могут просто отмахнуться от наших вопросов, сказав: «Я уже рассказывал об этом». Некоторые дети просто не представляют, что мы можем ничего не знать об их прошлой жизни. Они считают, что если картины из прошлой жизни так ясно запомнились им, то нам они должны быть известны и давным-давно. В конце концов, родители знают все, разве не так? Когда же они встречаются с нашим пустым, непонимающим взглядом, им кажется, что мы шутим, разыгрываем их. Они могут посмотреть на нас раздраженно – мол, ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю, не строй их себя дурочку! Если же мы продолжаем утверждать, что ничего не помним, это может сбить их с толку.

Если вы проследите за диалогом в истории Блэйка, то можете увидеть ее динамику. Блэйк продемонстрировал свое раздражение, когда Колин пыталась разобраться в его рассказе о том, что его сбил грузовик. Он объяснил ей несколько раз, что на него действительно наехал грузовик и что он не видел этого по телевизору. Он по-настоящему расстроился, когда увидел, что Колин не понимает его. Все было так ясно в его мозге.

И еще один нюанс – *Уверенный Тон* означает, что ребенок сделал внезапный прогресс в речи. Передавая воспоминание из прошлой жизни, ребенок может впервые заговорить полными фразами или употреблять слова, не входящие в его словарь. Если же ребенок и прежде говорил завершенными фразами, то при

передаче воспоминаний из прежней жизни он может использовать более совершенный синтаксис или говорить с особой легкостью и убежденностью. Вот почему многие родители удивляются внезапному прогрессу в речи ребенка, когда тот делится с ними воспоминаниями о прошлых жизнях.

Пат Кэрролл, мать двухлетнего Билли, так говорит об этом:

Он употреблял слишком взрослые слова для такого маленького ребенка. Я помню, что подумала тогда, что разговариваю со взрослым или с большим мальчиком. Он говорил полными фразами, что было совершенно не характерно для него. Он не делал пауз, не подыскивал слов и не задумывался, чтобы описать какую-то вещь, как он это обычно делает. Он говорил свободно. Его речь просто лилась.

Когда дети рассказывают о своих воспоминаниях, меняется не только их голос и манера говорить – они сами изменяются. Выражение лица становится иным. Иногда они излучают необычную умиротворенность и покой. Лицо горит. Пат Кэрролл заметила эту перемену, когда Билли стал делиться с ней воспоминанием:

Это было действительно странно. Трудно объяснить. Лицо оставалось прежним, но он выглядел таким умиротворенным. Его плечи опустились, он стал выглядеть гораздо старше. Я просто не могу объяснить этого. Я знала, что с ним что-то произошло, но не знала, что именно. Такое случается каждый раз, когда он заговаривает о своей прошлой жизни.

Другие матери утверждают, что разницу легко заметить. Они говорят, что их дети словно находятся в трансе, фокусируясь на внутреннем мире и теряя связь с внешним. Они могут смотреть в пространство «широко открытыми глазами» или их глаза становятся «стеклянными», словно они видят и воспринимают нечто выходящее за пределы их обычного восприятия. Одна мать говорила, что ее дочь «остаётся с очень серьезным лицом» и смотрит на нее, не отрывая глаз, все время, пока говорит о своих воспоминаниях из прошлой жизни.

Вы сами поймете, когда воспоминание прошло. Лицо примет снова обычное для маленького мальчика или девочки выражение. Перемена происходит мгновенно – дети тут же начинают говорить на другие темы, играть или танцевать. Они снова становятся прыгучими и резвыми, ведут себя как обычные трехлетние дети, словно ничего особенного не произошло. Каково бы ни было это состояние, оно исчезает так же быстро, как и появляется. Вы не сможете вернуть его, даже если попытаетесь.

И еще один достоверный признак (как странно это бы ни звучало) – *эффект гусиной кожи*. Почти все родители, рассказывающие о своих детях, вспоминающих прошлые жизни, ощущали при этом озноб, покрывались «гусиной кожей» или чувствовали огромный прилив энергии (а иногда все это вместе). Почти все описания совпадают. Шарлотт Свенсон выражает это так:

Когда дети пытаются что-то придумать, вы знаете, что это лишь игра воображения. Но тут возникают другие *ощущения*. Я чувствую покалывания в позвоночнике. Меня бьет озноб. *Вы можете ощутить энергию воспоминания* – у меня возникает такое чувство, словно в тело всадили булавы или иглы, но при этом ничто не болит; все тело словно наливается энергией. Это *не происходит*, когда он рассказывает мне о своих фантазиях. И хотя происшествие из прошлой жизни длилось недолго, может быть, всего несколько минут, мы с сыном ощущали его. Затем все прошло.

Я тоже испытала эти ощущения. Когда мой сын впервые заговорил о воспоминаниях из прошлой жизни, волоски на моих руках поднялись. Электрический разряд пробежал по моим плечам и вниз по спине, и поток энергии хлынул к моей макушке. Я истолковала эти ощущения как узнавание истинности воспоминаний.

Что это за чувства? То, что наши тела окружены энергетическими полями, – факт, подтвержденный наукой. Я подозреваю, что, когда ребенок начинает

вспоминать прошлую жизнь и входит в иное состояние сознания, что-то изменяется в энергетическом поле, окружающем его тело. Очевидно, когда мы прислушиваемся к тому, что говорит нам ребенок, то настраиваемся на его волну и реагируем на это изменение энергии. Наше энергетическое поле регистрирует эти перемены точно так же, как разум регистрирует слова ребенка.

Но каково бы ни было объяснение, эти ощущения порой действуют угнетающе. Иногда родители шокированы своей собственной телесной реакцией меньше, чем словами ребенка. Они становятся дезориентированы, почва уходит из-под ног и появляется ощущение свободного падения. Некоторые словно выпадают сквозь щель, образовавшуюся в реальности. Не волнуйтесь, это нормально. Ни вам, ни вашему ребенку ничего не угрожает.

Второй признак: Неизменность во времени

Второй признак воспоминаний из прошлых жизней – это неизменность. Дети будут неоднократно рассказывать об эпизодах из прошлой жизни на протяжении недель, месяцев или лет, не внося в свою историю практически никаких изменений.

Эта неизменность событий является одним из основных различий между воспоминанием о прошлой жизни и фантазией. Ребенок, наделенный фантазией, сможет сочинить историю, даже довольно замысловатую историю, но вряд ли сможет повторить ее с теми же деталями через неделю, день или даже минуту. Фантазии порождаются воображением ребенка, они нестойки, изменчивы, легко обрастают новыми деталями и столь же легко забываются. Воспоминания же о прошлой жизни являются кинофильмом о реальных событиях, разворачивающимся перед внутренним взором. Они стабильны, как и воспоминания о значительных событиях нынешней жизни. Каждый раз, рассказывая свою историю, ребенок обращает свой взор вовнутрь и видит все ту же последовательность образов, заключенных в его разуме.

Сюжет не изменяется, но ребенок может *добавлять* детали по мере того, как развивается его речь или окружающая действительность напоминает ему о забытых фактах из прошлого. Эти дополнительные детали служат для того, чтобы оживить скелет рассказа, который, в большинстве случаев, начинается с фрагментов.

Я впервые обратила внимание и была удивлена этой характеристикой, когда Чейз регрессировал во второй раз в период Гражданской войны через три года после регрессии с Норманом. В промежутке между регрессиями мы ни разу не возвращались к его рассказам об этом периоде, и все же его второй рассказ совпадал с первым в самых незначительных бытовых деталях, таких, как куры, расхаживающие по пыльным улицам рядом с пушками, вид полевого госпиталя. Он мог дать более подробное описание, так как его словарь расширился, но суть истории и последовательность событий оставались неизменными. Такая неизменность кажется поразительной, если учесть, сколько всего произошло с Чейзом за это время. Собственно говоря, Чейз помнил события своей прошлой жизни лучше, чем многие детали жизни в Эшвилле.

Филлис Элкинс объясняет, в чем история о прошлой жизни Натали отличается от фантастических рассказов, которые та часто сочиняет:

При воспоминаниях она рассказывает всегда одну и ту же историю. Когда она фантазирует, то добавляет детали из других историй, из своего воображения и из волшебных сказок, которые ей читали. Она все смешивает вместе. Я могу легко определить это: она изменяет сюжеты и детали. Но сейчас она не фантазировала. Она очень уверенно и четко описывает детали. Она повторила все это по крайней мере три раза, и все совпадало.

Виктория Брагг работала в яслях, когда познакомилась с четырехлетним Марком, помнившим жизнь, которую они прожили вместе как муж и жена. Он повторял все ту же историю около четырех раз на протяжении нескольких недель.

Я росла при церкви как пасторская дочь, и я обучала многих детей различного возраста. Я знаю, что дети всегда забывают истории, которые они

сочиняют. Они не могут не меняться, так как их маленькие головки не способны отчетливо запомнить все, что рождается в их воображении. Если дети сочиняют истории, пока мы занимаемся своими делами, они должны записать их, чтобы не забыть.

Но Марк был абсолютно последователен. Он рассказывал все точно так же и своей матери. Он никогда не ошибался в деталях – никогда.

Марк не казался расстроенным, когда сказал, что умер первым – его это нисколько не заботило. Но он становился очень настойчивым и рассердился, когда понял, что я не помнила этого. Каждый раз, встречая Марка, я задавала ему одни и те же вопросы, чтобы проверить, остаются ли прежними его ответы, например: «Когда это произошло?» Он всегда расстраивался и отвечал: «Я уже говорил тебе об этом».

Третий признак: Знание, не объяснимое опытом

Если вы услышите, как ваш маленький ребенок говорит о вещах, которым, как вы *знаете*, его никто не обучал и которые он не мог увидеть, значит, он сообщает вам о воспоминаниях из прошлой жизни. Помните, что только вы можете определить, что находится вне сферы опыта вашего маленького ребенка.

Конечно же, легче определить, что ваш ребенок может, а чего не может знать, если он совсем маленький и почти всегда находился рядом с вами. Вы знаете, что он мог видеть и слышать по телевизору, радио и что он мог узнать из книг. Так, к примеру, если ваш двухлетний или трехлетний ребенок точно рассказывает о распорядке дня моряка и правильно называет различные виды мачт, которые были на его корабле (детали, которые не известны *вам*), это может расцениваться как признак воспоминаний о прошлой жизни.

Когда дети становятся старше и их круг общения расширяется, становится трудно определить, что могло стать им известно обычным путем. Следуйте своей интуиции. Если вам показалось, что ребенок рассказывает о своем воспоминании из прошлой жизни, спросите его: «Откуда тебе это известно?» Если он ответит: «Просто известно», продолжайте выпытывать – возможно, вы наткнулись на след. Дети могут неожиданно открыться и сказать напрямик: «Когда-то я был здесь раньше, но ты не была моей мамой...»

Иногда воспоминание удается определить по одному-единственному замечанию. Но замечание, несущее в себе информацию, которая никак не может быть известна вашему ребенку из опыта, способно мгновенно выбить почву из-под ваших ног.

Серебряный зуб

Карен Грини, живущая на ферме в Иллинойсе, везла на машине домой от стоматолога свою трехлетнюю дочь, Лорен.

Лорен только что поставили на боковые зубы шесть неуклюжих серебряных коронок. Но она была хорошей пациенткой – ни разу не заплакала и слушалась врача во всем. По дороге домой она произнесла озабоченно: *«Я не люблю серебряных зубов, помнишь, когда мы умерли вместе, те плохие дядьки забрали наши серебряные зубы?»*

Когда она это произнесла, мое сердце дико забилось, а руки задрожали. Я свернула на обочину и затормозила, чтобы никуда не врезаться. Так как мы евреи, я сразу поняла, что Лорен говорит об уничтожении евреев нацистами. (Нацисты вынимали золотые и серебряные коронки из ртов своих жертв.) Я знала, что не ослышалась, знала, что дочь не шалит. Я даже не подумала, что она может говорить о чем-то ином. Я почувствовала правду ее слов. Я действительно верила в то, что она помнит, как мы были где-то вместе и что кто-то вытащил наши серебряные зубы.

Лорен сказала это без всякого страха. Она не кричала, не топала ногами, не отказывалась, чтобы ей ставили эти серебряные коронки. Она сказала просто, как говорят: «Как ужасно, что идет дождь, когда так хочется кататься на велосипеде!»

Она произнесла это, словно знала, что я прекрасно пойму, о чем она говорит. Казалось, что она просто хочет напомнить мне о том, что мы когда-то пережили вместе, в ее голосе не чувствовалось беспокойства – лишь озабоченность по поводу того, что те плохие дядьки могут снова захотеть забрать ее серебряные зубы.

Вероятность того, что Лорен могла знать, что фашисты снимали коронки с обреченных, – нулевая. Даже мой десятилетний сын, которому многое известно о войне, не знает этих деталей. Они ничего не смотрели по телевизору на эту тему. Я не читала им о концлагерях. Я никогда не хотела пугать их подобными вещами. Это совсем не то, что им необходимо знать. В этот момент я ощутила прилив особой любви к Лорен и полностью поверила в то, о чем она говорила. И я подумала, как хорошо, что сейчас у нее такая спокойная жизнь после трагедии, которую она пережила в предыдущей жизни.

По одной фразе, произнесенной Лорен, Карен сразу же поняла, что она имеет в виду. Озабоченный голос дочери, точное знание того, что сделали с ней «плохие дядьки», и телесная реакция самой Карен не оставили ей сомнения в том, что ее дочь говорит о своих воспоминаниях из прошлой жизни.

Джастин

Родители Джастина долго не могли прийти в себя, когда их маленький сын рассказал им, как умирал в прошлой жизни. Его мать Линда рассказывает:

Джастин отличался исключительно ранним развитием. Он начал говорить полными фразами, когда ему был один год. Однажды совершенно неожиданно он рассказал нам, как отправился на каток, чтобы покататься на коньках, упал, ударился головой и умер. Затем он рассказал, что его родителей звали Гарри и Бобби Коломби и что он жил в Карсоне, в Калифорнии.

Он рассказывал очень уверенно об этом: «Да, я упал на лед и умер, а они были моими родителями». Он описывал это так же, как и все остальное, происходящее с ним, словно говорил: «Я ударил коленку» или «Я уронил пряник».

Он никак не мог знать, что в Калифорнии есть городок под названием Карсон, так как даже мы не знали этого. Мы жили на другом конце Соединенных Штатов, в Бруклине. Мы проверили по карте и действительно нашли Карсон в Калифорнии. Он также никак не мог знать о том, что «Бобби» может быть женским прозвищем, и у нас не было знакомых с такой фамилией, какую он назвал. Мы попытались найти семью Коломби в Карсоне, но нам не удалось. Да мы и не знаем, как давно все это произошло.

Он говорил об этом на протяжении года, так как мы все время напоминали ему об этом. Когда Джастин отправился кататься на коньках в первый раз, ему было около шести лет. Мы были немного озабочены и спросили, помнит ли он, что произошло, когда он катался на коньках в прошлый раз. Но он, казалось, совершенно забыл об этом к этому времени.

Одна деталь в истории с Джастином беспокоила меня больше всего, и я сказала об этом Линде. Карсон находится рядом с Лос-Анджелесом, где тепло круглый год. Откуда там мог взяться лед, на котором можно было бы кататься на коньках? Линда не могла ответить на это, но они с мужем находились под столь сильным впечатлением от слов своего сына, что в общем-то не придали этой детали должного значения. Его тон был настолько уверенным и все остальное, сообщенное Джастином, составляло настолько связную историю, что родители были уверены – это несоответствие также будет объяснено. Они считали, что Джастин мог вспомнить о каком-то закрытом катке или о том, как поехал куда-то на каникулах в иное место и там катался на коньках. А возможно, память была частично искажена и на самом деле он катался на роликовых коньках, когда упал.

Искажения случаются при воспоминаниях о прошлых жизнях точно так же, как они происходят и при обычных воспоминаниях. Кому из нас не приходилось, рассказывая какую-то историю из прошлого, выслушивать исправления от человека,

также присутствовавшего при этом? Но мы никогда полностью не перечеркиваем при этом свое воспоминание, не говорим: «Ну ладно, раз я не вспомнил все детали правильно, очевидно, это никогда не происходило». Нет, мы продолжаем рассказывать историю, пропустив спорные детали. К воспоминаниям о прошлых жизнях следует относиться точно так же: постарайтесь увидеть историю целиком, особенно если можно определить и другие признаки воспоминаний о прошлых жизнях.

Одна деталь особенно убеждала Линду в том, что Джастин не сочиняет своей истории, – это его слова: «Я умер оттого, что ударился головой об лед». Откуда мальчику, которому лишь недавно исполнился один год, знать, что можно умереть, ударившись головой об лед?

Как правило, сами по себе заявления «Когда я умер...» являются лучшими индикаторами воспоминаний о прошлых жизнях. Как показали исследования доктора Стивенсона, смерть – это то событие из прошлой жизни, которое лучше всего запоминается детьми. А насильственная или внезапная смерть являются наиболее частой причиной прихода подобных воспоминаний. Детали смерти – это не та вещь, о которой обычно шутит или размышляет карапуз... кроме тех моментов, когда он кричит «бах, бах, бах–ты мертв!», а это игра фантазии, которую просто определить. И когда эти крохи описывают собственную смерть, они снабжают свой рассказ такими деталями, которые вряд ли могут почерпнуть из телевидения или видеоигр. Много ли двух- или трехлетних малышей могут представить смерть от удушья или пожара во всех подробностях?

Еще одна форма знания, не объяснимого опытом, – это способность маленьких детей говорить на языке, которому они не обучались и даже не имели возможность слышать в этой жизни. Этот феномен называется ксеногlossией. Поскольку для изучения языка требуются месяцы или годы постоянной практики, наука бессильна объяснить то, как человек (а особенно, маленький ребенок) может начать говорить на языке, которого он никогда не слышал. В контексте прошлых жизней ксеногlossия становится вполне объяснимым явлением – человек вспоминает то, что знал когда-то.

Этот документированный случай, опубликованный в журнале *Reincarnation: The Phoenix Fire Mystery*, является ярким примером ксеногlossии:

К величайшему недоумению доктора Маршалла Мак-Даффи, знаменитого нью-йоркского врача, и его жены Вильгельмины, их сыновья-близнецы стали разговаривать между собой на неизвестном языке. Детей отвезли на исследование в Колумбийский университет, на кафедру лингвистики, но ни один из присутствующих языковедов не мог определить язык. Но случилось так, что профессор, специализирующийся на древних языках, зашел в комнату и, к своему изумлению, обнаружил, что дети разговаривают на арамейском языке, на том самом языке, на котором говорили во времена Иисуса Христа! [1]

Это очевидный пример ксеногlossии, так как совершенно ясно, что дети не могли научиться этому языку дома или услышать его от кого-то из своего окружения, так как уже никто на этом языке не говорит. К тому же мальчики произносили не просто несколько слов, они владели достаточно обширным словарем, чтобы эксперт смог безошибочно узнать их язык.

Случаи полной ксеногlossии весьма редки, но являются прекрасной демонстрацией того, до какой степени память о языке может сохраняться в последующих жизнях. Если ваш ребенок вообще проявляет признаки ксеногlossии, то скорее всего вам удастся от него услышать лишь несколько изолированных слов или фраз. Вы можете услышать иностранные слова, но обращайте также внимание на забытые слова из родного языка или жаргон, с которым, как вам известно, ваш ребенок никогда не сталкивался.

Например, в одном случае из книги Харрисонов родители Саймона были уверены в том, что он вспоминает жизнь моряка девятнадцатого века. Однажды, описывая свою морскую жизнь, он употребил слово «spanker», что являлось

совершенно верным термином, обозначающим один из парусов задней мачты корабля. В другой раз, случайно сбив на пол банку с вареньем, он спросил у матери, должен ли он делать «haze». Когда мать, недоумевая, спросила, что означает это слово, мальчик ответил, что так всегда говорили, когда моряк «делал шкodu» и должен был отдраивать палубу или исполнять иную тяжелую работу. Родители были изумлены, когда, проведя расследование, узнали, что *haze* действительно является словом из старинного морского жаргона и означает дополнительное задание как наказание за провинность. Когда Чейз рассказывал мне о своей средневековой жизни, то употребил слово *betrothed*, которое практически не встречается в современной речи, но вполне подходит к тем временам.

Перспектива, в которой подается история из прошлой жизни, также является ценной информацией. Говорит ли он от первого лица или рассказывает так, словно наблюдает за собой со стороны? Это едва уловимый, но очень важный момент. Визуальная перспектива может быть поразительно реалистичной, как в случае с Блэйком, когда он видел себя *под* колесами грузовика, или как в случае с Линдой, которая видела пузырьки, поднимающиеся в воде вверх, *над ней*, упав в реку с серебристого моста. Эта точная перспектива характерна для подлинных воспоминаний, так как двухлетний ребенок вряд ли может ее вообразить или заимствовать из фильма, где события в большинстве случаев разворачиваются в перспективе постороннего наблюдателя.

Харрисоны в своей книге приводят случай Филипа, который в два с половиной года описывал убийство (и употребил слово верно)⁹, как его воспринимал шестилетний ребенок, затиснутый в толпе. Он не мог видеть самого убийцу из-за «больших людей», стоящих вокруг, но он знал, что что-то произошло, так как внезапно люди стали толкаться и кричать. Если бы воспоминание было заимствовано из фильма, Филип рассказал бы, что видел убийцу отчетливо [2].

Эти визуальные описания столь точны, так как при воспоминаниях дети обычно видят вещи глазами тех людей, которыми они были ранее. Когда двухлетняя Натали Элкинс рассказывала своей матери Филлис о том, как утонула в прошлой жизни, она не отрывала своего взгляда от глаз матери. Но когда Филлис, пытаясь выудить дополнительную информацию, спросила дочь, был ли на ней тогда купальник, та *опустила глаза, оглядывая себя*, и ответила «да». Она видела себя в ином теле.

Еще одна возможность определить перспективу – это наблюдать за эмоциями, которые проявляет ребенок, рассказывая о воспоминании. Если он описывает свою жизнь в качестве взрослого человека, то естественно предположить, что он проявит зрелые эмоции, совершенно несвойственные дошкольнику. Когда Чейз описывал свою растерянность и страх на поле боя, то не забыл упомянуть о мыслях о жене и детях. Сварнлата опустила глаза, встретившись со своим мужем из другой жизни, но при этом вела себя словно мать по отношению к «своим сыновьям» из той же жизни, хотя они были взрослыми мужчинами, а она десятилетней девочкой. Если маленькие дети даже научились хитрить в словах, то вряд ли можно от них ожидать, что они смогут подделывать эмоции и чувства.

Многие дети, описывающие прошлые жизни и смерть, обычно обладают знанием того, что происходит с ними *сразу же после того, как они умирают*. Часто они описывают картину в перспективе вездесущего наблюдателя, находящегося в стороне от покинутого тела. При этом они видят, что происходит вокруг этого тела.

Блэйк, говоря о том, как его задавил большой грузовик, также вспоминает, как его тело везли в больницу. Никола описывает свою дорогу в больницу после того, как ее сбил поезд, а также то, как она пыталась общаться с людьми, но не могла. Скорее всего, дети были либо в бессознательном состоянии, либо мертвы к этому времени, и все же знали, что происходило вокруг их тел. Рави Шанкар, вспоминая о своей смерти, точно рассказал своим родителям, где убийцы спрятали его изувеченное тело. Полицейский доклад, найденный позже, подтвердил истинность

⁹ В оригинале употреблено слово «assosination», двухлетний мальчик скорее бы употребил менее «взрослое» слово, скажем, «murder» – *Прим. перев.*

его слов. В книге Харрисонов рассказывается о случае, когда двухлетняя Манди, оказавшаяся своей собственной возрожденной сестрой, потрясла родителей точным описанием своих похорон, вплоть до таких деталей, как обморок матери на краю могильной ямы и игрушка, которую ее другая сестра незаметно спрятала в гроб. Тема похорон никогда не обсуждалась в их доме [3]. Эти рассказы во многом совпадают с описаниями переживаний на пороге смерти, которые давали многие взрослые.

Поскольку сознание является непрерывным континуумом, естественно предположить, что ребенок может описывать события, случающиеся на протяжении всего континуума. Не удивляйтесь, если ребенок начнет вам описывать «небесные будни», говорить о посещениях «сияющих дам» или объяснять то, почему они избрали вас своими родителями, тем же уверенным тоном, которым они описывали свои переживания в прошлых жизнях. А возможно, вам посчастливится и вы услышите из уст собственного ребенка о вещах, которые происходили с *вами* за годы до того, как он появился на свет.

Маленькая красная машина

Это одна из многих историй, которые я слышала о детях, рассказывающих, как они парили вокруг своих родителей еще до того, как были зачаты. Эту историю прислала мне Джуди из штата Вашингтон. Все началось с того, что ее двухлетняя дочь, Джессика, спросила, почему мама все время находится в инвалидной коляске и не может передвигаться как остальные люди. Подбирая слова, которые могла бы понять двухлетняя девочка, Джуди описала автокатастрофу, в которую когда-то попала и из-за которой стала инвалидом. Тогда Джессика сказала:

«Я была там».

«Нет, милая, тогда я была совсем молодой, ты еще не родилась», – ответила ей Джуди.

«Я была там», – сказала моя дочь с мягкой настойчивостью, и я поняла, что мне придется ее выслушать.

«Где же ты была, Джессика? Я не видела тебя».

«О, я просто сидела и наблюдала, пока машина «УРРРРР УРРРР», не приехала и не забрала тебя».

Изумленная, я спросила: «Так ты хотела убедиться, что обо мне позаботятся?»

«Угу», – сказала девочка и, отпустив коляску, побежала играть.

Я не могла забыть слов Джессики в течение нескольких дней. Но меня удивило не *то*, что она сказала, а *как* она это произнесла. Я рассказала своей матери о том, что сказала мне Джессика, чувствуя невероятную, но великую правду ее слов.

«Я знала, что у тебя есть ангел-хранитель, – ответила та, – но я не думала, что именно этот».

Через несколько недель произошло нечто еще более удивительное. Неожиданно Джессика зашла в мою комнату и ни с того ни с сего заявила: «Когда ты попала в аварию, маленькая красная машина выбросила тебя и ты ударилась больно».

«Да, – ответила я, – верно, я была выброшена из машины, но не помню красной машины».

Джессика уверенно повторила: «Маленькая красная машина выбросила тебя и ты ударилась больно».

Вдруг у меня перехватило дыхание и я выпрямилась в своем кресле. Да, я вспомнила! Это действительно был маленький красный «фольксваген»!

Кортни

Некоторые дети могут делать много заявлений о своих прошлых жизнях, каждое из которых по отдельности не является достаточно убедительным свидетельством воспоминаний. Но если все эти фрагменты, взятые вместе, составляют связную историю, вы можете воспринимать их как признак знания, не

объяснимого опытом. Маленькие дети не обладают способностью сочинять истории с реалистическим сюжетом. Они даже не представляют, как подбирать подходящие детали и привязывать их к тому или иному историческому времени или месту, которое они описывают. Но истории из прошлых жизней всегда отличаются реализмом (даже если они кажутся странными) и соответствием деталей.

Случай Кортни демонстрирует, как все это происходит. Время от времени, на протяжении нескольких лет Кортни поражала свою мать милыми рассказами о своей прошлой жизни, напоминающими сцены американской жизни девятнадцатого века. Ни одно из ее заявлений само по себе не могло служить доказательством воспоминаний о прошлой жизни, но все вместе они составили весьма правдоподобную и связную историю, убедившую родителей, что девочка действительно вспоминает прошлую жизнь. Лайза позвонила мне по телефону, сообщив, что происходит с ее дочерью, а затем прислала мне письмо, содержащее цитаты из ее дневника:

У нас с мужем трое детей. Кортни – средняя дочь и ей исполнилось пять лет. Нашей старшей дочери – семь лет, а маленькому сыну – три года. Однако Кортни что-то отличается от моих остальных детей – это можно увидеть по глазам.

Первое воспоминание о прошлой жизни пришло к Кортни в первый день наземных операций «Бури в пустыне» в Ираке. Наша семья особо запомнила этот день, так как мой муж служил пилотом армейской медслужбы. Ему приказали находиться в состоянии готовности к вылету, и мы просто ждали звонка. День клонился к вечеру. Моя старшая дочь была в школе танцев, а маленький сын, которому только исполнился год, спокойно спал. Я была сплошным комком нервов в ожидании телефонного звонка. Для того чтобы немного успокоиться, я воспользовалась проверенным средством – пошла на кухню и стала готовить пищу.

В доме стояла полная тишина. Кортни находилась при мне, листая старый календарь. Она что-то тихо бормотала себе под нос, а я настолько была погружена в свои мысли, что не обращала на ее слова никакого внимания. Я начала слушать только тогда, когда дочь стала говорить о том, как скучает по бабушке Алисе. Она все повторяла и повторяла, что очень скучает по бабушке Алисе. Наконец я не выдержала и спросила: «Кто она такая, эта бабушка Алиса?» Она ответила: «Бабушка Алиса – моя бабушка». Я сказала дочери, что у нее есть три бабушки, и назвала их по именам, но среди них нет Алисы.

Она подняла голову, взглянула мне в глаза и сказала серьезно и убежденно: «Я знаю это. Она была моей бабушкой еще до того, как я стала Кортни». Когда она произнесла эти слова, меня словно мороз по коже пробрал.

Несмотря на подавленное состояние, в котором я находилась, мне удалось задать ей несколько вопросов, хотя я и не подозревала, куда может привести разговор. Я спросила дочь, что она обычно делала со своей бабушкой и как та выглядела, чтобы попытаться определить, о которой из ее «настоящих» бабушек идет речь. Но Кортни продолжала рассказ: она очень любила свою бабушку Алису, и после того, как ее родители умерли, она жила с дедушкой и бабушкой. Она сказала, что бабушка Алиса очень ее любила. Рассказывая о том, что та поддавалась внучке в играх, девочка хихикала. Она описала эту игру как «Парчизи». Я знала эту игру, играла в нее в детстве, но в нашем доме ее никогда не было.

Во время всего нашего разговора Кортни ни разу не посмотрела на меня. Она вела себя очень тихо (что совсем не характерно для нашей резвой дочурки), продолжала листать календарь, и ее речь напоминала поток сознания. Она не плакала, даже когда говорила о том, что грустит, но все время оставалась задумчивой и пассивной. Я не перебивала ее и не задавала много вопросов. Ее речь не была обращена ко мне – просто ей следовало излить все, что было у нее на душе. На ум приходит слово *катарсис*.

Она сказала, что была молодой, наверное, шестнадцатилетней (странно выслушивать это из уст трехлетнего ребенка), когда ее бабушка умерла. И еще одна странная деталь – девочка рассказала, что ее бабушка очень растолстела как раз перед смертью. Она стала такой толстой, что внучка не могла обнять ее. Кортни казалась очень расстроенной этим обстоятельством.

Кортни завершила свою историю глубоким вздохом и словами: «Я очень тоскую по бабушке Алисе». Я сказала, что и мне жалко ее из-за того, что она тоскует, но все же я рада, что сейчас Кортни стала членом нашей семьи. Ответ Кортни потряс меня – она впервые подняла на меня глаза и сказала: «Я знаю, что ты любишь меня. Вот почему я выбрала тебя своей мамой». Она добавила, что они с бабушкой Алисой выбрали меня быть матерью Кортни. Алиса так советовала.

Кортни часто возвращалась к этой теме. И снова-таки, ни одна из деталей, взятая в отдельности, не может являться абсолютным доказательством знания, не объяснимого опытом. Но вместе эти детали складываются в связную картину деревенской жизни.

Когда Кортни впервые заговорила об этих вещах, я покрывалась гусиной кожей и чувствовала сильную подавленность. Мне часто хотелось отделаться от этого, и я говорила: «Ладно, Кортни, давай поговорим об этом позже». Ведь я не знала, как мне себя с ней вести. Сейчас же, после того, как я выслушивала эти вещи на протяжении двух лет, я принимала ее слова с нежностью и заботой. Но мне все равно не просто, так как от подобных воспоминаний у меня волосы становятся дыбом, а по коже ползут мурашки.

Со временем Кортни сообщила мне больше подробностей о своей жизни. Например, она сказала, что они жили там, где деревья сбрасывают листву осенью и наступают долгие, холодные зимы. Кортни никогда не могла узнать об этом из собственного опыта, так как мы живем в Южной Луизиане.

Однажды вечером трое моих детей принимали ванну вместе. Кортни терла спинку своей старшей сестре, Обри, и вдруг произнесла: «Как хотелось бы купаться вместе с бабушкой Алисой». Обри, отличающаяся аналитическим складом ума и считающая все эти истории о бабушке Алисе полнейшей чепухой, заявила: «О, снова ты заладила свое об этой бабушке Алисе!» (Сейчас, когда прошло уже несколько лет, Обри спрашивает меня: «Мама, а откуда Кортни *знает* все эти вещи?») Тогда Кортни подняла голову, взглянула сестре прямо в глаза и отчетливо произнесла: «Когда я жила с бабушкой Алисой, у нас не было ванны. У нас не было даже туалета».

Я решила расшевелить ее и пошутила: «Тогда, наверное, вы здорово пахли – не принимали ванны и не ходили по своим делам в туалет!» Тогда Кортни принялась рассказывать мне, как они грели воду в большом горшке и смачивали тряпки, чтобы протирать свое тело, – одним словом, дала точное описание омовений, которых никогда не видела в этой жизни. Затем она во всех подробностях описала уборную во дворе. Интересно, что она никогда не видела дворовой уборной и даже не поняла, о чем идет речь, когда я как-то употребила это слово¹⁰. Она также рассказала о том дне, когда ее дедушка привез из города унитаза. Он уехал на рассвете и возвратился только на следующий день. Все очень радовались, когда у них наконец появился настоящий туалет.

Тот факт, что семья не имела домашнего туалета, мог быть плодом воображения. Но откуда трехлетнему ребенку было знать, что появление «настоящего туалета» могло так обрадовать все семейство? Не могла она также знать и того, что деревенские жители часто отправлялись в город на два дня, чтобы сделать специальную покупку.

¹⁰ В оригинале *outhous* – специальный американский термин, означающий уборную во дворе. – *Прим. перев.*

Однажды, когда Кортни узнала какое-то домашнее приспособление, известное ей из другой жизни, то замерла, «словно громом пораженная», а заодно, «словно громом пораженная», замерла и Лайза.

Мне очень неловко признаваться в этом, особенно если учесть, что я дипломированный консультант по внутрисемейным отношениям, но моим излюбленным орудием воспитания является лопаточка, которой я переворачиваю пищу во время жарки.

Был уже поздний вечер, а Кортни и Обри, обитающие в одной комнате, никак не хотели уgomониться. Я обратилась к ним с просьбой вести себя тише, так как боялась, что они могут разбудить младшего брата, но слова не действовали на них. Кортни подняла особый шум – кричала и прыгала на кровати. Тогда я взялась за свое любимое орудие воспитания – лопаточку. Обычно я пользуюсь пластмассовой лопаточкой на тот случай, если потеряю чувство меры. Но в тот вечер я не могла ее найти и потому ухватила старую лопаточку, почерневшую, с деревянной ручкой. Я ворвалась в комнату и хлопнула несколько раз лопаткой по матрасу, объявив, что, если они сейчас же не прекратят шуметь, я надаю им лопаткой по задницам.

Так вот, Кортни, которая обычно принимает подобные меры как вызов (потому я прибегаю к ним редко), вдруг застыла, как громом пораженная, бледная как мел, с очень смешным выражением на лице. Она сказала: «Мама, если ты ударишь меня этим, то обожжешь меня».

Я не знала, что ей ответить, но продолжала угрожать: «Я не обожгу тебя, но сделаю тебе больно, а потому ложись и спи!» И чтобы подчеркнуть грозное значение своих слов, я снова хлопнула пару раз лопаточкой по постели.

Кортни не согласилась со мной: «Мама, это обожжет меня. Ведь ты должна подогревать этим простыни, а не колотить детей».

Тут уж я застыла, как громом пораженная, глядя на старомодную лопаточку в моих руках. Ведь Кортни приняла ее за деревянную грелку, из тех, которые клали в постели, чтобы те стали теплее. Девочке было только четыре года, и она никогда и близко не видела грелок для постелей, тем более таких.

Я обняла Корни и заверила ее, что это всего лишь лопаточка, и предложила дотронуться до нее. После этого мы отложили ее в сторону вместе.

Четвертый признак: Соответствие поведения

Если вы слышите заявления от собственного ребенка, которые, как вам кажется, описывают прошлую жизнь, присмотритесь к его поведению и физическим чертам, которые можно объяснить самой историей. Вспомните, не испытывает ли ваш ребенок различных фобий, не проявляет ли необычных манер или талантов, которые нельзя объяснить воспитанием или наследственностью. То же относится и к физическим чертам: если ваш ребенок рассказывает о травме, полученной в прошлой жизни, или о насильственной смерти, проверьте, нет ли на его теле врожденных дефектов или родимых пятен, соответствующих характеру ранения в прошлой жизни.

И наоборот, если поведение вашего ребенка нередко ставит вас в тупик, постарайтесь припомнить, не говорил ли он что-нибудь такое, что указывало бы на воспоминание из прошлой жизни, соответствующее именно такой манере поведения. Прислушивайтесь к случайным замечаниям, отрывочным фразам. Или поступите так, как мать Томми (эта история будет приведена ниже), – дождитесь удобного случая и задайте ребенку прямой вопрос. Но если из этого ничего не выйдет, то не настаивайте на своем, возможно, позже вы найдете иное объяснение, а может быть, ваш ребенок просто не помнит.

Мы можем полагаться на поведение как на знак воспоминания о прошлой жизни, так как доктор Стивенсон предоставил нам необходимые доказательства. Он считал поведение столь важным свидетельством, что в каждом случае специально разбирал то, насколько поведение ребенка соответствует образу того человека,

которым тот помнит себя в предыдущей жизни. В его лучших, самых завершенных случаях корреляция была бесспорной.

Но не всегда поведение соответствует воспоминаниям. У вашего ребенка может быть воспоминание, манифестируемое лишь одним ярким замечанием (как в случае с Лорен). Или у вас может быть ребенок, напоминающий Кортни, который часто вспоминает фрагменты прошлой жизни, но не проявляет характерных черт в своем поведении. У обеих девочек были настоящие воспоминания о прошлых жизнях, несмотря на отсутствие четвертого признака.

Случай Карла, описанный в книге Харрисонов, представляет собой ярко выраженный пример того, как характер, внешность объясняется историей прошлой жизни. Его родители, определив три вышеперечисленных признака воспоминаний, пришли к выводу, что Карл в прошлой жизни был нацистским пилотом, который разбился, когда его самолет врезался в здание. Затем они осознали, что его странное поведение проистекает из его военного прошлого. У него была «нетерпимость по отношению ко всему незавершенному, не согласующаяся с его возрастом» [4]. Он был исключительно точен во всем, что делал, чистоплотен и требователен к одежде. Представьте себе маленького мальчика, требующего, чтобы его воротничок был всегда отглажен! Его внешность также необычайно соответствовала его «немецкому» прошлому. Оба его брата были коренасты и смуглы. Карл же был светлокожим блондином, как настоящий ариец, и отличался хрупким сложением [5].

Томми-моряк

Четырехлетний Томми Хибберт из Калифорнии являет собой пример ребенка, обладающего необычными способностями и поведением, но не имеющего вербальных воспоминаний. Он обладал познаниями в авиации, совершенно не свойственными его возрасту. Когда же его мать, Бернис, спросила, откуда Томми так много знает о самолетах и воздухоплавании, тот сразу же рассказал о двух предыдущих жизнях, которые в точности соответствовали его ошеломляющим способностям.

Когда моему старшему сыну Томми было четыре года (сейчас ему двадцать шесть), он выказывал необычайный интерес к винтовым самолетам. Реактивные самолеты были ему совершенно безразличны. Он ходил в подготовительную школу, и однажды детей повезли на экскурсию к маленькому аэродрому, где стояло множество винтовых самолетов. Один из пилотов с удовольствием позволил Томми взобраться в кабину его самолета, чтобы рассмотреть все там. Итак, Томми вошел в кабину, осмотрел приборный щиток, нажал на кнопки, затем надавил на педали – одним словом, доказал пилоту, что прекрасно знает, что и в каком порядке нужно включать, чтобы взлететь. Пилот был поражен, он сказал, что если бы ключ был в зажигании, то Томми бы поднял аэроплан в воздух!

Через два или три месяца Томми нашел иллюстрированную книгу об аэропланах периода Второй мировой войны. И как вы думаете, от каких самолетов не мог оторваться Томми? От японских «Зеро». Он был полностью очарован ими, он не хотел смотреть ни на какие другие самолеты. Я даже пошутила: «Небось ты летал на таких самолетах?»

Он ответил: «Да, конечно», а затем стал рассказывать мне, каково было летать и как выглядела земля, если смотреть на нее из кабинки самолета. Он также описал железные рамки иллюминаторов и описал то, какой открывается вид из иллюминатора, когда летишь высоко в небе.

Тогда я спросила: «Если в своей прошлой жизни ты был японцем, то как ты умер?»

«Я врезался своим самолетом в корабль», – ответил он уверенным тоном, словно констатируя факт.

Я вспомнила о летчиках-камикадзе, делавших именно это во время Второй мировой. Казалось, Томми совершенно не был смущен этой смертью. Его больше

занимали воспоминания о полетах. Он очень любил летать, и его лицо светилось всякий раз, когда он заговаривал об этом.

В то время я поверила, что он говорит о своей прошлой жизни, но я не знала, какие вопросы можно задавать и как подступиться к этой теме.

Хотя Бернис и высказывает сожаление, она поступила очень правильно, дав возможность сыну рассказать о своем воспоминании о прошлой жизни. Она разделяла его энтузиазм и задавала прямые вопросы. В общем-то она получила хорошие ответы.

Томми предоставил ей еще одну возможность увязать особенность своего поведения с воспоминанием о прошлой жизни.

Примерно в том же возрасте – ему было тогда четыре или пять лет – Томми потерял пуговицу со штанов, а я пришила ее не совсем там, где нужно. Тогда Томми взял нитку и иголку, вдел нитку в ушко и пришил пуговицу точно там же, где она и должна была находиться. Я не могла поверить своим глазам. Я никогда не учила его этому, а он даже не видел, как я пришиваю пуговицы. «Где ты научился пришивать пуговицы?» – спросила я изумленно своего сына.

«Мы делали это на моем корабле», – ответил он.

«Ты был моряком?»

«Да, конечно», – ответил Томми, а затем рассказал мне, как корабль поскрипывал ночью, когда он лежал на койке в своей каюте. Судя по описаниям, это был старинный парусник с высокими мачтами и множеством канатов. Как выяснилось впоследствии, это воспоминание сыграло важную роль в его жизни – он отправился служить во флот. И представляете, где размещалась его база? Именно на той земле, которую он так любил, – в Японии!

Врожденная способность Томми пришивать пуговицы также указывает на его прошлую жизнь. Пришивание пуговицы – довольно сложный процесс. Ребенку обычно очень трудно научиться попадать иглой в маленькие дырочки в пуговице. Большинство четырехлетних детей даже не могут зашнуровать свои туфли. Бернис знала об этом, и такая способность осталась бы просто загадкой, если бы не воспоминание о прошлой жизни. Задав простой вопрос, мать стимулировала воспоминания и получила описание жизни матроса на деревянном корабле.

Гордон, житель Вермонта, позвонил мне, наткнувшись на мое объявление в журнале, так как считал, что смог решить загадку фобии своего сына и странный характер его игр.

Еще в младенчестве Сэм очень пугался и начинал безудержно кричать каждый раз, когда видел ванну, наполняющуюся водой. Но не сама вода пугала его – истерику вызывала *ванна, наполняющаяся водой*.

У Сэма также была любимая игра, которая приводила в полное недоумение его отца, – он любил забираться в перевернутый контейнер для мусора и разговаривать с воображаемым другом Карлом. Гордон слышал, как тот неоднократно говорил Карлу: «Не беспокойся, а позабочусь об этом».

Однажды, включив телевизор, Гордон с Сэмом увидели на экране документальные кадры периода Второй мировой войны. Маленький Сэм смотрел как завороженный, когда стали показывать сцены из жизни фашистской Германии. Особенно его привлекло появление Гитлера. Сэм объявил Гордону, как он гордится немцами. Сначала отца шокировало такое явное восхищение фашистами, и он стал объяснять сыну, что Гитлер был вовсе не хорошим человеком, что он причинил людям боль, страдания, а многие из-за него умерли. Но это не убедило Сэма, и он продолжал отождествлять себя с нацистами.

Затем в голове у Гордона что-то щелкнуло: он решил, что Сэм был членом экипажа обреченной подводной лодки, принадлежавшей фашистской Германии. Он сложил все вместе – страх Сэма перед водой, набирающейся в ванне, его восхищение фашистами и Гитлером. Последнее, что видели в своей жизни моряки поврежденной подводной лодки, – это вода, врывающаяся внутрь через

пробоину. Гордон также дал объяснение разговору с воображаемым Карлом. Очевидно, Сэм чувствовал вину перед Карлом и старался успокоить его перед гибелью, говоря: «Не беспокойся, я позабочусь об этом».

Я согласна с догадкой Гордона. Хотя Сэм никогда не говорил прямо о своей прошлой жизни, его необычное поведение и реакции, взятые вместе, складывались в связную и правдоподобную историю. Необычный страх перед водой, текущей в ванну, – вот что придает особую силу умозаключениям Гордона. Ничто иное в короткой жизни Сэма не может объяснить этого специфического страха – он является врожденным. Но если он действительно погиб в тонущей подводной лодке, эта фобия находит прекрасное объяснение.

Подобные фобии часто являются ключом к воспоминаниям из прошлых жизней. Данные, приведенные доктором Стивенсоном, красноречиво свидетельствуют о том, насколько такие фобии часты. Каждый третий ребенок, помнивший прошлую жизнь, обладал фобией, связанной с тем, каким образом он умирал. Фобии часто обращают на себя внимание, так как иногда они очень странны.

Еще одним ключом в случае с Сэмом является серьезный характер его игры. Отнюдь не всякая детская игра порождена фантазией. Повторяющиеся игры часто являются попыткой воспроизведения сцен из прошлых жизней с целью закрыть нерешенные вопросы и незавершенные дела. Если ваш ребенок демонстрирует повторяющийся характер игр, присмотритесь внимательнее, возможно, вы получите подсказку относительно его прошлой жизни. Прислушайтесь к диалогам: если ваша дочь ведет необычайно связный разговор со своей куклой, не содержат ли ее слова знания, не объяснимого опытом? Если это так, то спросите, с кем она беседует. Если же вы увидите, как она воспроизводит управление машиной, хотя никогда не видела, как взрослые делают это, спросите у нее, откуда она все это знает. В обоих случаях вы можете получить связный рассказ о прошлой жизни, который будет полностью соответствовать характеру игр.

Еще один тип поведения, который может указывать на воспоминания о прошлой жизни, – это особая тяга к какой-то определенной культуре или историческому периоду. Эта тяга может быть манифестирована определенными кулинарными предпочтениями, стилем одежды или манерами, не свойственными остальным членам семьи. Может быть, ваш ребенок проявит особый интерес к определенным фильмам или картинкам, как это случилось с Томми, которого нельзя было оторвать от изображений японских боевых самолетов периода Второй мировой войны. Тяга может также проявляться в виде повышенного интереса к людям иных культур. Коди, ребенок из Калифорнии, помнит, как он умирал во Вьетнаме. Его мать уверена, что он был *чернокожим* солдатом, так как всегда испытывал особую симпатию к тем немногим черным, которые встречаются в их преимущественно белой среде. Он сразу же устремляется к черным детям, если видит их на площадке. Однажды он привел домой чернокожего мужчину, рыбачившего на сваях, чтобы познакомить его со своими родными.

Если у некоторых детей проявляется необъяснимая тяга к чему-то, верно и противоположное: иногда ребенок испытывает сильное отвращение к определенным вещам или людям, которые могут напоминать ему о травме, перенесенной в прошлой жизни. Дети могут отказываться от пищи, напоминающей им о тяжелых переживаниях, плакать, слышав какой-то иностранный язык, или чувствовать отвращение к определенному историческому периоду. Если эти антипатии не почерпнуты ребенком от друзей или членов семьи, они могут являться характерным признаком.

Джон ван Дайк

Мальчик из Коннектикута, Джон ван Дайк, вспомнил свою прошлую жизнь, что предопределило его отношение к американским индейцам, по крайней мере в детстве. Его мать, Алисой, рассказывает:

Однажды трехлетний Джон, сидя на заднем сиденье автомобиля, играл миниатюрными моделями легковых машин и грузовиков. Вдруг он стал говорить:

«Я помню, как был индейцем. Я был старше, чем сейчас. У нас были пони, и мы, дети, катались на них и стреляли в зверей. Затем однажды нам сказали, что мы должны идти воевать. Мы не хотели этого делать, так как это было дело мужчин, а мы еще не были взрослыми. Но они заставили нас. Это было ужасно: все мои друзья умерли, и я тоже умер. Это было нечестно. Нас просто убивали, как животных. Это было отвратительно. Я ненавижу индейцев, ненавижу их».

Позже, когда Джону было пять или шесть лет, я читала ему книги, которые мы выбирали с ним в библиотеке. Он очень любил истории о ковбоях времен «Дикого Запада». Но я никогда не могла убедить его выслушать историю об индейцах. Я постоянно пыталась привить ему интерес к моему любимому предмету – аборигенам Америки, но Джон наотрез отказывался что-либо слушать. Я очень старалась его переубедить – по крайней мере я смогла бы читать вслух хоть одну книгу, которая бы представляла интерес и для меня, но мой сын был неумолим. Вместо этого он запоминал названия городов, пути перегона скота и имена знаменитых ковбоев.

Алисой добавила, что злость ее сына по отношению к индейцам с годами трансформировалась – сейчас ему за двадцать и он стал членом общества миссионеров, чтобы работать с индейцами.

Всякий редкий талант может быть признаком памяти о прошлых жизнях, особенно если это подкрепляется соответствующими заявлениями. Удивительные способности к музыке, математике, изобразительным искусствам и литературе – это загадка, ставившая в тупик человечество на протяжении веков. История полна примеров, когда маленькие дети моментально обретали навыки, которые обычно требуют многолетней практики. Казалось, что они просто вспоминали то, что давно знали. Традиционно такое явление объясняли *гениальностью*, словно термин, которым определяют чудо, является объяснением. Но сейчас, когда мы знаем, что знания и навыки передаются из жизни в жизнь, нам гораздо проще объяснить появление этих вундеркиндов. Дети привносят в свою жизнь умение, приобретенное в прошлом. Для того чтобы ребенок вспомнил, как он когда-то играл на фортепьяно, ему не обязательно обладать удивительным талантом Моцарта. Если ваш ребенок постигает какой-либо предмет с поразительной быстротой – это может являться знаком.

Мэри Флеминг позвонила мне из Иллинойса в ответ на объявление в журнале. Когда ее дети-близнецы, Мишель и Алан, обучались в подготовительной школе и им было по четыре года, учитель обратил внимание на их удивительную способность к рисованию.

Личный учитель Мишеля сказал мне, что он рисует как одаренный двенадцатилетний подросток. Любопытно, но в это же время оба мальчика испытывали трудности в изучении алфавита. Они смогли его выучить только к шести годам. Но оба они демонстрировали удивительные способности к рисованию.

Как-то, когда Мишелю было около четырех лет, я укладывала его в постель и он стал говорить о своем таланте: «Как хорошо, что я помню, как рисовать, мам. Я так боялся, что забуду, но нет, я помню. Это пришло ко мне за один раз. Я так переживал, что забыл свое искусство, а теперь счастлив, что вспомнил его». Так он продолжал говорить месяцами – все об одном и том же.

Это совершенно ошарашило меня. Я не знала, что отвечать ему, – прошлые жизни и реинкарнации не входили в мою систему воспитания. Нет, я читала об этом – я читала Ширли Мак-Лайн, и мне это казалось интересным. Но одно дело – читать обо всем этом, и совершенно иное – слушать, как твой собственный ребенок говорит такие вещи.

Оба моих сына заговаривали о прошлых жизнях, а также о воспоминаниях, предшествовавших рождению. Когда они рассказывали обо всем этом, я и не знала, что отвечать. Обычно я бормотала что-то вроде: «Угу» или: «Да, это,

наверное, здорово», сама не зная, что обо всем этом думать. Но мне всегда было интересно слышать, что говорят дети об этой теме.

Это искусство – совершенно иная история. Когда дети говорят о прошлых жизнях, их просто невозможно не слушать. Я просто ощущаю подлинность их слов. Это нельзя проигнорировать или отместить.

Когда моим детям исполнилось по пять лет, я нашла для них учительницу рисования. Она работает с ними уже два года. Она утверждает, что Мишель – исключительный ребенок. Он подходит к работе как зрелый профессионал: начав рисовать, он отказывается выслушивать замечания и советы, пока вещь не завершена. Когда учительница дает новый материал, он схватывает его на лету, словно это было ему давно известно и нужно только освежить память. Если дети его возраста обычно рисуют схематических человечков, Мишель сообщает своему рисунку перспективу и вносит в него тени и полутона. Учительница сказала, что обычно более взрослые дети учатся передавать перспективу в течение десяти недель, тогда как Мишель и Алан постигли это за один раз.

Билли

Пат Кэрролл позвонила из Вирджинии и рассказала мне о том, что ее сын, Билли, часто вспоминает свою прошлую жизнь. Слушая ее историю, я про себя отметила, что первые три признака в ней явно присутствуют. Когда я спросила ее о возможных странных чертах поведения ее сына, мы обе пришли к неожиданному открытию.

Когда Билли было чуть больше двух лет, мы как-то пекли изделия из теста и пользовались сахарной пудрой. Я терпеть не могу сахарной пудры, потому обычно обхожусь без нее, но он хотел, чтобы я приготовила особые пирожные, какие делает тетя, и потому мне пришлось воспользоваться этим рецептом.

Я посадила Билли на столик так, чтобы он мог «помогать» мне смешивать компоненты. Когда пришло время посыпать пирожные сахарной пудрой, я открыла желтую коробочку, в которой та была упакована. Билли спросил меня: «Что это такое?» Я ответила, что это не очень хороший сахар, и он попросил меня дать ему попробовать немножко. Я ответила: «Конечно», и он засунул свои крохотные пальчики в коробку и, достав оттуда щепотку сахара, положил ее себе в рот. Внезапно выражение его лица изменилось. Трудно описать, как именно изменилось, – лицо оставалось все тем же, но стало таким умиротворенным, каким никогда раньше не бывало. Его плечи опустились – я не могу передать этого словами, но вдруг он стал выглядеть гораздо старше своих лет. Я знала, что что-то произошло с ним, но не представляла, что именно.

Он сказал: «О, я знаю, моя бабушка часто пользовалась таким».

Я не поняла, что Билли имеет в виду, так как моя мама никогда ничего не печет из теста. Тогда я спросила его, имеет ли он в виду свою другую бабушку. «Нет, нет, – сказал он, – моя *другая* бабушка». Я снова переспросила его, имеет ли он в виду мать своего отца, но мальчик упорно повторял: «Нет, моя другая бабушка».

«Хорошо, – сказала я, – давай разберемся, о какой бабушке ты говоришь».

«О прежней бабушке».

Мне стало любопытно, и я спросила, что это за «прежняя» бабушка? Он стал рассказывать, что эта бабушка любила печь и все время применяла такой сахар. Он был очень счастлив, вспоминая, что бабушка его очень любила и он любил ее тоже.

«У тебя была мама?» – спросила его я.

«Да, у меня была мама».

«А папа был?»

Он поднял глаза, словно задумавшись, но никак не мог вспомнить. Потом он ответил: «Там были несколько мужчин, которые жили с нами некоторое время, но я не думаю, что они были моим папой. Я не знаю, кем они были. Они были мамиными друзьями».

Я очень удивилась, когда Билли рассказал мне все это. Вначале я подумала, что он просто пересказывает сон, но затем поняла, что это что-то большее, чем просто сон, – его лицо было совсем другим. К тому же это не было похоже на сон двухлетнего мальчика. И он не мог увидеть такое по телевизору, так как я *всегда* смотрю телевизор вместе с ним. В этот момент я действительно не знала, что и подумать. У меня возникло это чувство – ну не совсем как мороз по коже, но что-то похожее – что-то подсказывало мне слушать и наблюдать. Итак, я перестала печь и направила все внимание на ребенка.

Он стал употреблять слова, которые были слишком взрослыми для такого маленького ребенка. Помню, что мне тогда казалось, что он был взрослым или большим мальчиком. Он употреблял полные фразы, что было совершенно несвойственно ему. Он не делал пауз, не подыскивал слов, не мучился с описанием той или иной вещи, как это обычно происходит. Его речь была очень гладкой. Слова лились сами собой. Я была потрясена – он никогда не говорил подобным образом.

Я решила, что ему есть еще что рассказать. Я пыталась получить от него больше информации, не наводя его на определенные ответы. Я хотела, чтобы он продолжал рассказывать сам.

Он казался по-настоящему счастливым, когда вспоминал, как они с бабушкой любили сидеть на заднем крыльце своего дома и наблюдать за поездами, проходящими вдалеке. Все это показалось мне странным, так как мы живем в городской квартире и рядом нет никаких поездов.

Затем я спросила Билли, что произошло с его семьей и бабушкой. Он сразу же загрустил – действительно глубоко загрустил. Знаете, когда человек испытывает настоящую грусть, он не всхлипывает, только слезы катятся у него по щекам. Он продолжал меланхолично рассказывать о том, что у его близких не стало денег, чтобы содержать его.

Я спросила: «Хорошо, и куда ты тогда пошел?»

Он ответил не сразу. «У них не было денег, чтобы покупать пищу, мам. Мы ходили в продуктовый магазин, и человек из магазина давал нам хлеб. А затем однажды он заявил, что не сможет больше этого делать, так как мы не расплатились с ним. А у нас не было денег, чтобы заплатить ему. Моя прежняя бабушка начала печь пряники и давала их мне». Затем он снова заговорил о том, как они наблюдали за поездами.

Я снова спросила, что он делал после этого. Билли повторил: «У них не было денег, и они не могли заботиться обо мне. Так что им пришлось отпустить меня».

Я спросила, пошел ли он жить к кому-то другому. Тогда он расстроился и как-то странно посмотрел на меня. Затем, раздраженный моим непониманием, он повторил: «Им пришлось отпустить меня, мам».

Я сказала, что не понимаю, куда же он все-таки пошел. Он взглянул мне прямо в глаза и ответил: «Мам, они отдали меня тебе».

Меня мороз продрал по коже. Я почувствовала себя очень глупо, так как не понимала, о чем он говорит. Но у меня не было опыта в подобных вещах, и я не представляла, чего ожидать. Я не хотела ничего говорить, надеясь, что он мне все объяснит. Я спросила: «Как мы с папой получили тебя?»

«Они оставили меня умирать. Мне было семь лет, когда я умер».

«Наверное, это было очень тяжело для твоей матери?» – высказала я предположение.

«Да, они очень грустили, но они знали, что я должен уйти, так как они больше не могли заботиться обо мне».

«И как ты умер?»

«В автокатастрофе. Машина разбилась возле дилерской фирмы «Тойоты», когда мне было семь лет».

Это заявление совершенно поразило меня. Билли никак не мог знать ни о какой дилерской фирме «Тойоты». Такое понятие, как *дилерская фирма*, ни в коем

случае не входило в его словарь. И то, как он описал свою смерть – он был столь серьезен, – ударило меня, словно электрическим разрядом.

Я спросила Билли, не помнит ли он, где жил. Он огляделся по сторонам и сказал: «Голливуд».

Я спросила: «Голливуд, Калифорния?»

«Нет, – ответил он, – другой Голливуд, Техас». Затем он добавил: «Это случилось в 1987 году». Это очень было странно слышать от двухлетнего мальчика. Сейчас у меня есть ребенок, которому четыре с половиной года, и он до сих пор не понимает, что такое годы и летоисчисление.

Я работала в исследовательской фирме и нашла там очень подробный атлас. В нем я обнаружила маленький городок в штате Техас, который назывался «Голливуд», или «Голливуд Хайтс» – не помню точно, но главное, что слово «Голливуд» там действительно присутствовало. Еще одна сотрудница фирмы видела это название. Оно действительно было на карте.

Этот первый эпизод с Билли продолжался лишь несколько минут. Затем он вышел из этого состояния. Когда я попросила его рассказать мне что-то еще о своей бабушке, он снова стал прежним двухлетним мальчиком и ничего не отвечал мне. И это хорошо. Я больше никогда не пыталась напомнить ему об этом. Я не хочу, чтобы его голова была забита такими мыслями.

Но каждые пару месяцев на протяжении года он сам вспоминал об этом. И каждый раз он рассказывал мне в основном о своей бабушке. С матерью он был также близок, но бабушка, очевидно, значила для него больше. Он рассказывал мне самые разнообразные истории из той жизни, но каждый раз он возвращался к рассказу о том, как сидел со своей бабушкой на заднем крыльце и наблюдал за поездами. Он улыбался от уха до уха и начинал смеяться. Это были счастливые воспоминания.

Казалось, Билли никак не мог успокоиться из-за того большого мужчины из продуктового магазина, который сказал, что они больше не смогут брать хлеб. Билли все время повторял: «Он не мог понять. Он просто не понимал, что они не могут обо мне позаботиться». Он повторял этот рассказ на протяжении года, не изменяя ни одной детали. Каждый раз, говоря об этом, он описывал очень большую любовь между ним и его бабушкой.

Но воспоминания как приходили, так и уходили. Я ничего не могла сделать, чтобы вернуть их.

Заинтригованная историей Билли – его грустью по поводу бедности, рассказом о смерти «перед дилерской фирмой "Тойоты"», я спросила Пат, не замечала ли она за своим сыном странностей поведения или необычных страхов, которые могут быть связаны с его прошлой жизнью.

Сейчас, когда вы напомнили мне об этом, я могу ответить положительно, хотя раньше не обращала внимания. Каждый раз, когда мы возили его в машине, он, сидя на заднем сиденье, внимательно следил за тем, как мы держим руль. Стоило мне или моему мужу отпустить одну руку, как Билли тут же начинал кричать: «Держись двумя руками. Рули двумя руками!» и не успокаивался, пока не видел обе руки на руле. Это особенно утомляло, когда приходилось долго ехать. Я обычно отвечала: «Нет, Билли, я хочу рулить одной рукой», но мальчик не унимался и все время повторял: «Держись двумя руками, рули двумя руками», пока я не сдавалась. Мне приходилось выжидать, пока он не переставал наблюдать, и тогда я опускала руку. Он делал это от двух до трех с половиной лет. Как раз в тот период, когда он часто вспоминал о прошлой жизни. Я никогда не замечала за ним подобного ни до, ни после.

Билли также очень много ест. Сейчас, когда ему семь лет, его рост составляет четыре фута, десять дюймов и он весит сто фунтов. Он на голову выше всех своих одноклассников. Когда он возвращается из школы, то съедает по крайней мере два сэндвича с арахисовым маслом и желе. Он любит кушать – все что угодно, когда угодно. Я помню, наш педиатр сказал, что я перекармливаю

ребенка. Но я не могу не давать ему еды, если он голодный. Моя мама тоже педиатр, и она сказала, что я права, пусть мальчик ест столько, сколько хочет. Он начал принимать твердую пищу в шесть месяцев, когда у него еще не было зубов. Он начинал сильно капризничать, когда был голоден.

И еще одна вещь. Билли очень волновался, когда наконец стал достаточно взрослым, чтобы посещать детский сад. Я тоже волновалась и в его первый день отправилась за ним сама на машине, чтобы поскорее услышать, как обстоят дела. Но как только он очутился в машине, он с отвращением бросил на пол свой рюкзачок и закричал: «Я ненавижу детский сад! Они не позволяли мне там ничего. Они даже не знают, что я должен быть во *втором классе!*»

Сейчас я понимаю, почему он сказал это. Он погиб, когда ему было семь лет и он должен был идти во второй класс!»

Глава одиннадцатая. Стимуляторы

Что стимулирует спонтанные воспоминания о прошлых жизнях? Что заставляет этих маленьких детей произносить такие фразы, как: «когда я умер...» или «когда я жил раньше...»?

Все что угодно.

Любые картины, звуки, запахи, вкус, люди, места или события могут напомнить вашему ребенку прошлую жизнь. В тот момент, когда Билли пробовал сахар, он вспомнил о своей бабушке из прошлой жизни, которая пекла пряники, и тут же хлынул поток воспоминаний. Лийя увидела солнечные отблески на алюминиевом мосту, и тут же перед ее взором предстала сцена смерти, когда она упала в воду с серебристого моста и солнце играло на нем. Когда Лорен поставили на зубы серебряные коронки, она тоже вспомнила о собственной смерти и о том, как «плохие дядьки» снимали с ее зубов коронки.

В момент узнавания места, звука или картины выключатель щелкает, цепь между прошлым и настоящим замыкается, глаза ребенка начинают гореть и чувства потоком устремляются в сознание.

Не существует универсальных стимуляторов. Каждый из стимуляторов специфичен для определенного воспоминания.

Старинная вещь, такая, как масляная лампа, веретено, дворовый туалет или ледник, впервые попавшаяся на глаза ребенку в музее или в доме вашей бабушки, обладает способностью стимулировать поток его воспоминаний о прошлой жизни. Личные вещи, такие, как медальон или монокль, могут заставить вашего ребенка произнести: «У меня раньше был точно такой же». В особых случаях ребенок узнает ту вещь, которую знал по прошлой жизни. Золотые часы, переходящие по наследству из поколения в поколение, спровоцировали поток воспоминаний в нескольких случаях. И не так уж редко случалось, что, листая семейный альбом, ребенок указывал пальцем на своего предка и заявлял: «Это я».

Детям не обязательно входить в прямой контакт с предметом. Кадр из кинофильма или отрывок музыкального произведения может также пробудить воспоминания. Эд Дурбин из Нью-Йорка сидел и смотрел телевизор, когда его трехлетний сын, Дэвид, посмотрел через плечо и заявил: «Это Эйб Линкольн, правильно? Я воевал за него». После чего Дэвид начал описывать солдатскую жизнь времен Гражданской войны в таких подробностях и столь зрелым тоном, что Эд скоро пришел к выводу, что его сын действительно вспоминает прошлую жизнь.

Иногда же ребенок может знать объекты, которые он видит по телевизору или на фотографиях, но воспоминания не приходят до тех пор, пока он не сталкивается с ними непосредственно. Например, звуки выстрелов в фильмах не могут сравниться по силе с настоящими выстрелами, и потому, когда ребенок слышит выстрел из настоящего ружья с близкого расстояния, это может впервые пробудить в нем воспоминания о прошлой жизни, хотя до этого он смотрел множество фильмов со стрельбой. Поезд может выглядеть очень милым на картинке или в детской игре, но

лишь настоящий поезд может показаться маленькому ребенку чудовищным и потрясти его настолько, что это вызовет поток воспоминаний из далекого прошлого.

Все, что приходит из экзотической страны или культуры, может стимулировать процесс воспоминаний, когда ребенок сталкивается с этим впервые: пальмы, террасированные холмы, пагоды, африканские маски или египетские статуи, покрытые иероглифами. Но стимулятор вовсе не всегда должен быть экзотическим. Когда двухлетняя девочка впервые увидела свою мать в фартуке на кухне, она заявила: «Моя черная мама тоже носила фартук». Любой звук также может пробудить воспоминания о прошлой жизни. Рубка дров для костра, скрип дверной петли, иностранная речь – все это может прозвучать как эхо из прошлой жизни для вашего ребенка. Особенно сильно воздействует музыка – впервые услышанные звуки полкового оркестра, мотив свирели, дробь африканских барабанов или церковная симфония могут задеть тайную струну воспоминаний. Когда мне было четыре года, классическая фортепьянная музыка оказала на меня огромное воздействие.

Вкусы и запахи, проходящие мимо рационального разума, являются сильнейшими стимуляторами. Запах кожи седла, дым костра или аромат церковных благовоний, так же как и вкус риса, приправленного пряностями, может пробудить дремлющие воспоминания о каком-то ином месте и времени.

Всякое драматическое событие – такое, как внезапное расставание с родителями, первое посещение школы, отъезд в летний лагерь, – может напомнить трагическую разлуку с близкими людьми, пережитую в прошлой жизни.

Вид крови, ножа, веревки или раненого человека, лежащего земле, может напомнить ребенку убийство, свидетелем которого он был в прошлой жизни. Ребенок, закрытый в шкафу, очутившись под одеялом или просто в темной комнате, может вспомнить свою смерть, возникшую из-за того, что его замуровали или поймали в ловушку. Все, что связано с войной, – громкие хлопки, шум тяжелых машин и звуки выстрелов – может вызвать воспоминания о смерти на поле битвы. Яркие вспышки, грохочущие аэропланы могут напомнить о воздушных налетах, а вертолет, зависший над головой, способен вызвать к жизни картины войны во Вьетнаме. Конечно, все эти стимуляторы могут дать возможность проявиться фобии – вы можете видеть перед собой испуганного ребенка, но не услышать из его уст ни одной связной фразы, объясняющей этот страх.

Рабби Йонассан Гершом говорил с сотнями взрослых людей, которые утверждали, что умерли в фашистских концлагерях. В большинстве случаев эти воспоминания начали проявляться в раннем детстве в виде фобий, необъяснимых страхов и навязчивых образов. В своей книге *«То, что не превращается в пепел»*, он перечисляет распространенные фобии, связанные со смертью при нацистах: газ, сирены, самолеты, колючая проволока. Некоторые дети приходили в ужас при виде черных ботинок. Один ребенок боялся любой униформы, в том числе и водительской фуражки своего отца. Некоторые дети также испытывали страх перед смертью от удушья, от огня или боялись умереть с голоду. Все эти образы и чувства пробуждали в них воспоминания о войне и смерти, хотя дети, описанные в книге Гершомы, не были способны разобраться в своих страхах, пока не достигли зрелости [1].

У некоторых детей воспоминания проявляются только при комбинации нескольких факторов – зрительных образов, звуков, запахов, освещения и погодных условий, которые все вместе достаточно точно воспроизводят сцену из прошлой жизни. Воспоминания Чейза о Гражданской войне были скорее всего вызваны звуками фейерверка, запущенного на празднике Четвертого Июля. Но кроме звуков, возможно, на него повлияли и другие факторы – со своего наблюдательного пункта на вершине холма он мог видеть множество людей, стоящих и лежащих на земле. Освещение становилось сумеречным, и всюду по воздуху неслись клочья дыма и горящие ракеты. Вся эта сцена могла напомнить Чейзу то время, когда он стоял у пушки на границе долины и наблюдал за дымом и неразберихой, творящейся на поле битвы. Когда разрывались большие ракеты, их громкие

хлопки были подобны звукам пушечных выстрелов. Таким образом, первичным стимулятором фобии Чейза были не только громкие звуки, но и вся обстановка праздника.

Узнаваемые пейзажи

Любое место или пейзаж – дом, перекресток, вид, открывающийся с определенного места, – все, что было известно ребенку по прошлой жизни или напоминает ему о ней, может пробудить поток воспоминаний. Ян Стивенсон описывал многих детей, которые успешно находили дорогу к дому своей предыдущей личности, когда их отвозили в деревню или город, о котором они говорили, вспоминая о прошлой жизни. Многие дети, описанные в книге Харрисонов, делали то же самое.

Харрисоны рассказывают о том, что трехлетний Джонатан, проезжая со своей матерью по улицам города на автобусе, вдруг указал рукой на перекресток и с грустью в голосе объявил матери: «Ох, здесь моя дочь погибла». Затем он объяснил, что, когда он был взрослым, его маленькая дочь, Анжела, была сбита машиной именно в этом месте. После этого каждый раз, когда они проезжали мимо этого перекрестка, мальчик повторял одно и то же. Травма была настолько сильной, что она оставила неизгладимый след в его памяти, и вид перекрестка, где произошла трагедия, пробуждал эти воспоминания из прошлой жизни [2].

Пьерс Холл

Джоанна Холл взяла двух своих маленьких детей в деловую поездку в Хемптон. Дорога от дома до Хемптона занимала около часа. Дети никогда прежде не были в этом городе, но, когда их мать вела машину по улицам, ее шестилетний сын, Пьерс, казалось, знал, где они находятся.

Пьерс воскликнул: «Ох, мама, спустись по этой улице, я хочу видеть воду и лодки».

И хотя я не могла увидеть никаких признаков воды, меня так поразила уверенность его тона, что я повернула туда, куда он указывал. Мы поехали по улице и очутились в старой части города, где стояли старинные столетние дома. Он взволнованно воскликнул: «Посмотри, мама!» В его тоне было что-то такое, от чего у меня мурашки забегали по коже. «И что тут такого?» – спросила я.

«Дом. Тот большой дом, посмотри! Неужели ты не помнишь его?»

«Нет, Пьерс, не помню», – ответила я.

«Но это же тот самый дом, в котором мы жили, когда ты раньше была моей мамой», – сказал он. У Пьерса хорошо развито воображение, и я привыкла к его бесконечным фантазиям.

Но сейчас было что-то другое: я начала дрожать и покрылась гусиной кожей. Я не испытывала подобного чувства никогда раньше. Было такое ощущение, словно холодный ветер ворвался в машину.

Я взяла себя в руки. «Ты помнишь, как жил здесь?» – спросила я.

«Да, давным-давно», – ответил мой сын.

Он возбужденно перечислял имена людей, живших в окружающих домах, и рассказывал о своих друзьях. Он сказал, что у него никогда не было братьев и сестер и что он дожил до глубокой старости, но «никогда не был ворчливым».

Затем он посмотрел на меня как-то странно и сказал, изменив тему: «А сейчас, мама, поезжай туда, – он указал рукой прямо, – я хочу посмотреть на лодки». В машине вновь произошла перемена. Холод исчез. Меня уже не трясло. Что-то во всем этом было такое, что я *ощущала*, что это реально. К сожалению, я не сообразила вовремя спросить его имя, а когда вспомнила, время было упущено.

Ощущение исчезло, но Пьеру все равно ориентировался на местности. Я проехала два квартала в ту сторону, куда он указал. Внезапно мы подъехали к самой воде. Я очень удивилась, но Пьеру не выдавал никаких признаков

удивления. Он указал рукой на большой белый дом и спокойно сказал: «А это был твой любимый дом, мама».

Я ответила: «Думаю, да», – дом действительно был очень красив.

Кажется невероятным, что в таком огромном мире мы вновь возвращаемся к тем же местам, путешествуем по тем же дорогам, видим те же пейзажи, что и в предыдущих жизнях. Но все свидетельствует о том, что случается именно так. Местность, которую мы выбираем для следующей жизни, не столь случайна, как нам может показаться. Как Стивенсон, так и Харрисоны обнаружили, что некоторые дети воплощаются в пределах сотни миль от своего предыдущего жилища, а иногда даже ближе. Если мы часто воплощаемся рядом с предыдущим местом жительства, то нет ничего странного в том, что мы попадаем в знакомую обстановку. Мы буквально ходим по тем же дорогам.

Привет. Я люблю тебя. Прощай.

Как мы часто возвращаемся в ту же местность, так же часто мы сталкиваемся и с теми же людьми, с которыми общались в предыдущих жизнях. Когда ребенок видит кого-то, знакомого ему по прошлой жизни, это может пробудить его воспоминания. Если эта жизнь завершилась недавно, ребенок может назвать такого человека по имени, как это сделала Сварнлата. А если прошло несколько столетий или поколений, ребенок может узнать самую суть человека – его душу. Как это происходит, я не знаю. Известно лишь, что души часто встречаются вновь, чтобы доделать незавершенные дела и разрешить нерешенные вопросы.

Каждому из нас известно, как можно, впервые заглянув в глаза незнакомцу, понять, что вы встречались с ним и прежде. Иногда рождается любовь с первого взгляда, а иногда человек мгновенно вызывает ужас. Но взрослые редко когда помнят историю прошлой жизни, чтобы найти объяснение в ней.

Но некоторые дети помнят. И если их еще не научили той «истине», что узнавать кого-то из прошлой жизни «невозможно», они могут подойти к кому-то из взрослых, заглянуть глубоко в глаза и произнести: «Ты помнишь меня?» Это может произвести сильное впечатление на взрослого человека, особенно если ребенок расскажет убедительную историю о том, как они жили вместе когда-то раньше. Это может пробудить мощные эмоции у *взрослого*. Это именно то, что произошло с Викторией Брэгг.

Виктория Брэгг

Симпатичная молоденькая дочь протестантского священника, Виктория Брэгг работала в яслях, когда ребенок узнал ее по прошлой жизни, которую они провели вместе. Глубокое чувство к этому четырехлетнему карапузу перевернуло всю жизнь молодой женщины и поставило ее перед вопросом, почему этот ребенок появился в ее жизни. Она рассказала мне свою историю по телефону.

Приблизительно десять лет назад я работала в яслях, находившихся на курорте. Однажды ко мне привели маленького мальчика с белыми жесткими волосами. Его звали Марк и ему было четыре года. Когда Марк вбежал в комнату, он поначалу казался немного растерянным. Затем он заметил меня, тут же бросился и обхватил руками мои колени. Я подумала: «До чего дружелюбный маленький мальчик!»

Затем Марк поднял вверх свое маленькое круглое лицо, посмотрел мне в глаза и спросил: «Помнишь, как ты зашла ко мне в лавку, когда я подметал там, а затем мы сели в мою машину и я стал катать тебя? Помнишь, как было здорово?»

Я только смогла спросить: «Что ты сказал?»

Марк повторил свой вопрос слово в слово.

Я спросила его: «Когда все это произошло, Марк?»

«Ну, ты знаешь... раньше».

Я находилась в шоке, ничего не могла ответить. Мой разум пытался отбросить все сказанное этим малышом как плод слишком живого воображения. Но из-за этих слов электрический разряд пробежал у меня вдоль позвоночника. Я

знала, что не могу игнорировать их. Я хотела разузнать об этом побольше, но к тому времени, как я оправилась от шока, он уже убежал играть с другими детьми на ковре.

Я не могла выбросить Марка из головы и, встретившись с подругой, рассказала, какое впечатление на меня произвели слова четырехлетнего малыша. Она высказала предположение, что мы встречались с ним в другой жизни, и потому предложила мне задать ему побольше вопросов и посмотреть, что из этого получится.

Марк появился в яслях лишь через несколько дней и снова подбежал ко мне, чтобы спросить, помню ли я, как мы катались с ним на машине. Я ответила, что не помню. И снова он повторил ту же историю с теми же подробностями, но под конец прибавил, что вначале мы просто дружили, а затем поженились.

Когда я спросила его имя, он ответил: «Они звали меня Маляром».

«Ты был художником? Ты рисовал картины?»

«Нет, я красил дома».

«Были ли у тебя дети?»

«Да, – ответил он, – дочка». Затем он прибавил, что я умерла первой и он очень по мне тосковал, так как сильно любил.

Я видела Марка еще два раза. С каждой встречей я испытывала все более сильные эмоции, которые не могла понять. Я плохо спала по ночам. Я плакала, думая о нем. Я знаю, что это звучит глупо, но я хотела быть все время с ним. Я не воспринимала Марка как мальчика – я видела в нем совершенно другого человека. Он казался мне взрослым. Мне было страшно испытывать такие чувства по отношению к этому четырехлетнему малышу. Я боялась, что со мной творится что-то не то. Я испытывала грусть.

Когда мать привела Марка в ясли в последний раз, я спросила ее, говорил ли ей Марк что-то необычное. Она ответила, что он только и говорит, что обо мне, как он любит меня и как скучает без меня. Он также сказал о том, что хочет снова покататься со мной на машине, как раньше. Он терпеть не может курортов, но сейчас он хочет поскорее вернуться на этот курорт, чтобы встретиться со мной снова. Она призналась, что несколько сбита с толку всем этим. Я же сказала, что испытываю страх, так как он говорит не о чем ином, как о реинкарнации. Затем меня позвали, и мы так и не смогли закончить разговор. Спустя некоторое время я ушла с работы и покинула курорт. Контакт с Марком был утрачен. Я никогда больше его не видела.

Но для меня это был не конец. Многие годы меня преследовали эти воспоминания. Я без конца думала о Марке, недоумевая, что все это могло означать. Почему он подбежал тогда прямо ко мне и выпалил все это? Наконец я решила обратиться к психотерапевту, специализирующемуся по регрессиям в прошлые жизни. Я сразу же возвратилась в ту жизнь и убедилась, что все, что сказал мне Марк, – это правда. Я также увидела, как попала в авткатастрофу. Рядом со мной на сиденье сидела моя маленькая дочь. Она уцелела, но я погибла. Мой муж так и не смог смириться с моей смертью и стал алкоголиком.

Регрессия помогла мне понять значение нашей встречи, но не излечила меня от тоски. Я чувствовала, словно меня увели от любимого. Почему я и Марк не можем вновь быть вместе? Я снова плачу, рассказывая вам об этом. Чувства оказались очень глубокими. Я так хочу рассказать ему о том, как жалею, что покинула его столь рано в той жизни. Я не могла сказать ему об этом тогда в яслях, так как не знала, что умерла раньше и оставила его одного. Я сожалею, что не смогла задать ему побольше вопросов.

Но я уверена, что знаю, почему он вновь пришел ко мне. Он хотел сообщить мне, что с ним все в порядке. Он хотел сказать мне, что мы *все равно* возвращаемся назад и живем в другой жизни, о том, что узы любви сильнее, чем смерть. Я уверена, что какая-то часть его души знала о том, что мы не сможем жить вместе в этой жизни. Он просто хотел увидеть меня еще раз, так как тосковал обо мне. И еще раз хотел сказать: «Я люблю тебя».

Состояние ребенка

Некоторые родители уверяли меня, что их ребенок начинает говорить о прошлой жизни совершенно неожиданно, без всяких стимуляторов. Это не удивительно. Логика детского разума непостижима. Маленькие дети часто говорят вещи, которые не имеют никакого отношения к теме разговора. В этом и состоит главная прелесть общения с детьми. Когда Сара и Чейз были маленькими, мы часто шутили, что в их голове находится что-то вроде автомата, из которого выскакивают отрывки мыслей вместо случайных номеров.

Но чем больше мне сообщают о подобных случаях, тем отчетливее я вижу, как вырисовывается общий рисунок прихода воспоминаний о прошлых жизнях. Как часто я слышу от родителей: «Мы ехали в машине, когда внезапно ребенок начал рассказывать мне о воспоминаниях из прошлой жизни». Я даже начала шутить, что автомобили – это машины времени. Но все же я задумалась, что общего имеют с воспоминаниями автомобили?

Затем меня осенило – движение автомобиля укачивает ребенка и вводит его в состояние, подобное трансу. Матери обычно знают, что убаюкивающий ритм движения автомобиля помогает ребенку заснуть. Человек моего возраста, прежде чем заснуть, проходит через границу подсознания – сумеречную зону образов и интуитивных впечатлений, названную гипнотическим состоянием. В этом состоянии, предшествующем сну, на поверхность всплывают психические образы, в том числе и воспоминания из прошлых жизней. Ребенок же, войдя в эту зону и не засыпая окончательно, может начать рассказывать о своей прошлой жизни.

Я думала об этом достаточно долго и пришла к выводу, что само психическое состояние ребенка является стимулятором. Все –и не только езда в автомобиле, – что приводит ребенка к состоянию релаксации, действует как стимулятор. Мать Блэйка делала сыну массаж спины, чтобы вернуть воспоминания о прошлой жизни, и я слышала от других матерей, что они делают для своих детей то же самое. Другие дети начинают вспоминать перед отходом ко сну или сидя в ванной. Маленькая Элизабет как раз находилась в ванночке, когда заявила: «Я собираюсь дать клятву» [3]. Раскачивающаяся на ходу машина может столь же легко ввести ребенка в измененное состояние сознания, как и гипнотическое тиканье часов.

Дети также входят в легкий транс во время спокойных игр, рисования, лепки. Такие занятия творчеством активизируют правое полушарие мозга – источник творчества и бессознательных образов. Психотерапевты, работающие с детьми, используют рисование как надежную клиническую технику доступа к воспоминаниям о прошлых жизнях.

Материнский разум

После Четвертого Июля, когда с Чейзом случилась истерика из-за фейерверка, я задавала себе вопрос: «Почему это произошло именно сейчас? Почему не случилось раньше? Ведь он столько раз слышал эти громкие звуки и присутствовал при фейерверках». Но память в нем пробудилась только в пять лет (в форме фобии). Может быть, сыграли роль иные факторы? Не оттого ли, что я прошла сквозь регрессию за месяц до этого случая и более полно осознала возможность прошлых жизней, Чейз и Сара стали вспоминать свое далекое прошлое? Может быть, их подсознание подало им сигнал о том, что я смогу воспринять все это адекватно и что психический климат сейчас подходящий? Интуитивно я ощущала правильность этой догадки, но без нужного количества данных телепатическую связь доказать трудно. Итак, я спрятала эти мысли в некий воображаемый файл «недоказанных» случаев и стала ожидать, пока у меня не появится побольше доказательств.

И скоро я стала их получать. Колин Хокен говорила мне, что Блэйк заговорил о прошлой жизни *на следующий день* после того, как она смотрела *Опра-шоу*, где выступал доктор Брайен Уэйсс. Тогда я задала ей вопрос: «А перед этим могли ли вы пропустить подобный рассказ Блэйка, так как не думали о возможности прошлых жизней и просто не придали словам мальчика должного значения?» «Нет», – твердо

ответила она. Колин была абсолютно уверена в том, что до этого ни один из ее детей не говорил ничего подобного. Но когда Колин была настроена на такую возможность, воспоминания ее сына сразу же активизировались.

Другая мать, Шэрон Бенедетто, проходила сквозь регрессию со своим психотерапевтом и вспомнила жизнь в России. Ту жизнь она провела вместе со своим сыном из настоящей жизни, которого зовут Джой. В следующую ночь ее пятилетнему Джою приснился кошмар (впервые в жизни), где он увидел ту же жизнь в России, которую вспомнила его мать. Шэрон высказала уверенность, что ее регрессия стимулировала память сына, так как она не делилась своими воспоминаниями ни с кем. (Полностью случай приведен в тринадцатой главе.)

Я начала видеть причинно-следственную связь между состоянием матери (ее способностью воспринять рассказ ребенка о прошлых жизнях) и пробуждением этих воспоминаний у ребенка. Означает ли это, что необходимо родительское понимание, прежде чем воспоминания о прошлой жизни проснутся? Конечно же, нет. Случаи, собранные Харрисонами и даже доктором Стивенсоном Индии, свидетельствуют о том, что родители часто не знали или просто враждебно воспринимали эту идею. У детей все равно возникали спонтанные воспоминания – родительское понимание вовсе не является необходимым условием.

Сэнди

И все же я убедилась, что родительское понимание является фактором той формулы, которая определяет, где и когда воспоминания о прошлой жизни будут пробуждены.

Это становилось все более и более интересным. Я услышала рассказ от Сэнди – психотерапевта и матери из Нью-Джерси, которая пыталась разобраться в отношениях между ней и ее семилетним сыном Дэвидом. Сэнди говорила мне: «Он вел себя так, словно я была его врагом и ему было необходимо защититься от меня. Могла ли я быть столь плохой матерью? Могла ли я настолько ошибаться в своих добрых намерениях?»

Сэнди регулярно ведет дневник. Для нее это своеобразная форма медитации, помогающая пробудить внутренний голос и решить личные проблемы. Эта практика состоит в том, что она садится и медитирует, вводя себя в состояние легкого транса. Затем формулирует вопрос и начинает писать, пока ответ не появится в ее записи.

В тот день я ощущала ту же умиротворенность и защищенность, которую чувствую всегда перед тем, как сесть писать. Вопрос, который был в моем разуме и сердце, звучал так: «Что происходит с Дэвидом? Почему он относится ко мне как к врагу?» Начав писать, я удивилась словам, которые вышли из-под моего пера: «Поведение Дэвида может быть объяснено лишь в свете множества жизней, в которых он был рабом, подвергался гонениям и унижениям».

Не удивительно, что он ведет себя подобным образом! Я поняла, что могу снять с себя обвинение в том, что я «плохая мать». Сейчас я должна была приступить к поиску путей успокоения и помощи Дэвиду. Я почувствовала себя лучше и решила расслабиться.

Как раз в этот момент в комнату вошел Дэвид и спросил: «Мама, о чем ты тут пишешь?» Я была очень удивлена этим вопросом, так как за полтора года моей практики Дэвид ни разу не заходил в комнату во время медитаций и не задавал подобных вопросов. Я ответила, что пишу о многих вещах и что сейчас я писала как раз о нем. Я спросила, хочет ли он послушать это, и он с энтузиазмом ответил: «Да!»

Я прочла ему свои записи. Он слушал внимательно. Когда я закончила, то взглянула на его лицо. Выражение было совершенно необычным. Он был задумчив, казалось, он находится далеко отсюда. А затем, словно в нем повернули переключатель, он начал говорить ровным голосом о своих прошлых жизнях. Я никогда раньше не слышала, чтобы он так говорил. Чувствовалось, что он совершенно ясно представляет то, о чем рассказывает. Я сидела тихо и слушала.

Дэвид рассказал мне о своих пяти различных жизнях. Он сообщил в деталях о лишениях, унижениях и преследованиях, пережитых в прошлом. Воспоминания были очень живыми, и он рисовал передо мной яркие картины своих взаимоотношений с людьми, которых он любил или ненавидел. Последняя жизнь, которую он описывал, совершенно не походила на остальные – она была исполнена спокойствия и мира.

С этих пор мы с Дэвидом время от времени заговаривали о прошлых жизнях, но его рассказы уже никогда не были столь плавными и живыми, как в тот вечер.

Почему Дэвид вошел в комнату именно в тот момент? Почувствовал ли он интуитивно, что его мать задает вопрос относительно него и записывает ответ? Не ощутил ли он бессознательно изменение в отношении матери к нему – она обрела способность внимательно выслушать рассказ о прошлых жизнях? Мы с Сэнди обе верим, что это *не* совпадение, а результат бессознательного общения между сыном и матерью. Собственно говоря, Дэвид был стимулирован два раза – первый раз, когда вошел в комнату, а второй раз, когда заговорил о прошлых жизнях. Телепатическое пространство было подготовлено медитативным состоянием Сэнди и ее готовностью услышать о трудностях, пережитых Дэвидом в далеком прошлом, – это было первым стимулятором. Затем только стоило упомянуть о прошлых жизнях, чтобы переключатель повернулся, и воспоминания Дэвида о прошлых жизнях приобрели сознательный характер.

Телепатическая связь между ребенком и матерью

Услышав историю Сэнди, я стала серьезно относиться к своей собственной идее, что телепатическая связь между ребенком и матерью может быть сильным стимулятором воспоминаний о прошлых жизнях. Ее рассказ напомнил мне о том, что я слышала и раньше, – о постоянном телепатическом общении между матерью и ребенком. Подобная связь хорошо известна многим матерям, но почему-то сведения о ней трудно встретить в литературе. Многие матери помнят, как просыпались ночью за секунду до того, как ребенок зашевелится. Наиболее явно телепатическая связь заметна тогда, когда ребенок находится в опасности, и мать предпринимает необходимые действия, не размышляя, лишь почувствовав это. Она поднимает голову в тот момент, когда ковыляющий ребенок достигает проезжей части, или выглядывает из окна, когда он подходит к краю бассейна. Это форма телепатии.

Некоторые исследователи изучали телепатическую связь между родителями и детьми. Нет ничего удивительного в том, что они обнаруживали ее чаще между матерью и ребенком, чем между отцом и ребенком. Матери точнее настроены на волну своего ребенка – ведь они носят его в своем животе на протяжении девяти месяцев. Как считают физиологи, во время беременности сознание матери и плода объединяется. До некоторой степени плод, находясь в матке, разделяет материнские чувства и мысли. Эта глубокая связь не прерывается полностью с отсечением пуповины.

Томас Армстронг в своей книге *«Лучащийся ребенок»* цитирует психиатра Яна Эренвальда, изучавшего этот феномен: «ESP»¹¹ представляет собой естественную символическую связь между матерью и ребенком в первые годы жизни. Телепатия является примитивной, формой передачи мыслей ребенком, так как он еще не освоил речь» [4].

Если телепатическая связь реальна, то способность матери воспринять историю ребенка о прошлой жизни также может стимулировать процесс воспоминаний. Два случая вполне убедили меня в реальности этого феномена.

Илона, Анна и Сет

Как-то на празднике Четвертого Июля, когда мы все собрались в доме моей сестры Барбары, я познакомилась с Илоной – матерью троих детей. Мы с ней как раз доедали печеное мясо и обсуждали вопрос о том, стоит ли брать с собой детей смотреть фейерверк этим вечером. Естественно, разговор скоро зашел о *том самом*

¹¹ Extra sensorial perception – нефизическое общение (восприятие). – Прим. перев.

празднике Четвертого Июля и о воспоминаниях детей о прошлых жизнях. Илона была заворожена моим рассказом. Она всегда подозревала, что в прошлой жизни умерла в детстве в концлагере. Но все же она до конца не верила, что такое может быть, так как вера в реинкарнации не была частью ее религиозного воспитания. Однако ее ощущение жертвы концлагеря было так сильно, что снова пробудилось в ней в то время, как мы заканчивали есть арбуз. «Я не готова к этому», – сказала она и утерла рукой слезы.

Через неделю она со своим сыном, Сейдживом, ехала в машине, когда тот спонтанно вспомнил прошлую жизнь. Она была уверена в этом. (Полностью эта история будет изложена в следующей главе.) Она также была уверена в том, что наш разговор, состоявшийся на вечеринке в честь Четвертого Июля, подстегнул память ее сына. «Еще один случай телепатической связи между матерью и сыном», – подумала я.

Но на этом дело не закончилось. Несколько позже, в сентябре, я отослала Илоне в письме набросок ее истории в собственном пересказе, который я собиралась использовать в своей книге. Она как раз села, чтобы просмотреть его и внести исправления, когда ее подруга Анна позвонила в дверь.

«Что это такое?» – спросила Анна.

Илона показала ей мой черновик. Пробежав его глазами, Анна была в состоянии лишь заявить: «Это не может быть правдой. Тебе, должно быть, все это приснилось».

Илона объяснила, что уверена в подлинности воспоминаний Сейджива. Она тут же привела в пример Чейза с его страхами перед громкими звуками и то, как эти страхи исчезли после регрессии. Но все это не могло убедить Анну. Тогда Илона прибегла к последнему доводу: «Твой собственный сын, Сет, испытывает ужас перед раскрашенными лицами. В День Всех Святых с ним случилась настоящая истерика. Как ты объяснишь это?»

«Наверное, ему это передалось от меня», – ответила та, полностью отменяя Илоино предложение.

Через два дня Анна позвонила Илоне. Она была испугана и растеряна. По телефону она рассказала, что приключилось с ее пятилетним Сетом.

«Мой муж, Сет и я ехали в машине, как вдруг, ни с того ни с сего, Сет спросил своего отца: «Папа, а твоя мама умерла?»

Муж ответил: «Конечно же, нет. Твоя бабушка жива. Ты сам должен знать об этом».

Тогда Сет продолжал печально: «А вот моя мама умерла». Мой муж, Бен, совершенно обалдев, выпалил: «Не говори чепухи. Твоя мама сидит рядом с тобой».

Несмотря на гнев Бена, Сет не мог остановиться и продолжал: «Моя мама тяжело болела и умерла».

Я спросила, как ее звали, и он произнес имя, которое звучало совсем как индейское. Затем он прибавил: «Она была очень старой, и я тоже старый. Перед смертью она просила найти одного человека, а я не мог его разыскать». После этого он стал плакать почти беззвучно, как взрослый. Выразил жалость по поводу смерти матери и по поводу того, что не смог выполнить клятву, данную перед ее смертью».

Когда Анна закончила свой рассказ, Илона спросила ее: «А какую связь ты видишь между этим воспоминанием и боязнью раскрашенных лиц?»

Анна только смогла ответить одно: «Я испугана. Сейчас я смотрю на Сета иначе, чем раньше, и не знаю, что делать».

Через несколько дней Илона вновь позвонила мне и сказала: «Когда я говорила с Анной, та была растеряна и огорчена, так как заметила у своего сына те же признаки, которые я видела у своего. Она видела зрелое выражение лица у своего пятилетнего Сета, когда тот рассказывал о жизни индейцев. Я знаю, что она видела это, так как сказала мне. Это особое выражение лица, которое невозможно описать

словами или представить себе, пока не увидишь его сама у своего собственного ребенка. Анна видела это выражение, и оно потрясло ее, так как полностью разрушило представление о том, что мы живем лишь раз. Она не хочет возвращаться к этой теме в надежде, что с Сетом такое больше не повторится».

Мы с Илоной сошлись на том, что Сет боится раскрашенных лиц, так как это напоминает ему об индейцах и о его неисполненной клятве. Казалось, это было вполне удовлетворительное объяснение.

Мы с Илоной снова вернулись к разговору о Сете через пару недель после Дня Всех Святых. Она сказала: «Я видела Сета в праздничный вечер. Он совсем не испугался ряженных и их раскрашенных лиц. Ему все это показалось очень смешным. В прошлый раз, до воспоминания, ему было страшно, но после того, как он вспомнил прошлую жизнь, этот страх прошел».

Это было удивительно. Несмотря на сопротивление Анны поверить в возможность прошлых жизней, у Сета проснулись воспоминания через два дня после того, как Анне рассказали об этой идее. И благодаря простой вербализации воспоминания Сет исцелился от своего страха.

Илона была потрясена этой «цепной реакцией» – мой рассказ о Чейзе пробудил воспоминания у ее сына, ее разговор с Анной о *возможности* реинкарнаций заставил Сета вспомнить историю из прошлой жизни, что привело к исцелению от фобии.

«Это цепь стимуляторов – все они связаны вместе, – предположила Илона с удивлением в голосе. – Это цепная реакция осознания». Затем она прибавила: «Слушай, а что произойдет, когда твоя книга увидит свет?!»

«Я не знаю, – ответила я ей. – Но могу себе представить!»

Глава двенадцатая. Что могут сделать родители

Если однажды ваш ребенок начнет переживать воспоминания о прошлой жизни, что вы будете делать?

Во-первых, успокойте себя тем, что другие родители тоже прошли через это. Без посторонней помощи многие сумели объяснить своим детям, как пережить этот период глубоких перемен. Единственными их средствами были любовь, интуиция и желание прислушаться к словам своего ребенка. В книге приведены примеры этого трудного процесса.

Если они сумели сделать это, сумеете и вы. Собственно говоря у вас это должно получиться с большей легкостью, так как вы ознакомились с описанием механизма действия воспоминаний прошлых жизней и в вашем распоряжении имеются десятки примеров, с которыми вы можете сравнить характер воспоминаний о прошлых жизнях именно вашего ребенка.

Многие родители, которым пришлось впервые столкнуться с подобными вещами, растерялись, так как никто прежде им даже не говорил, что воспоминания о прошлых жизнях возможны. Они страшились того, что их дети страдают от странных фантазий и галлюцинаций. Но благодаря научным изысканиям доктора Хелен Уомбэч, проведенным более чем на тысяче взрослых людей, стало известно, что память о прошлых жизнях отнюдь не редкое явление. Доктор Ян Стивенсон, проанализировав более 2 500 документов, пришел к выводу, что *спонтанные* воспоминания о прошлых жизнях являются нормальным явлением у детей. Итак, ваш ребенок вспоминает прошлые жизни (четыре признака помогут вам понять то, что он действительно вспоминает), вы можете успокоить себя тем, что он абсолютно нормальный и попал в хорошую компанию.

Более того, вы можете быть уверены в том, что воспоминания о прошлых жизнях приносят пользу. Как вы уже узнали из работ реинкарнационных терапевтов, память о прошлом помогает разобраться в незавершенных делах, которые в противном случае создают проблемы, когда ребенок вырастает и становится взрослым. Вам также известно, что память о прошлых жизнях может принести духовные озарения и вдохновить человека на значительные поступки в этой жизни.

Но вернемся к начальному вопросу. Итак, если ваш ребенок заговорит о воспоминаниях из прошлых жизней, что вы будете *делать*?

Ваша реакция является основным вопросом. Здесь вы сможете применить свое понимание, здесь перевоплощение перестает быть отвлеченным философским вопросом и требует практических действий. Вот пять шагов, которые следует сделать, чтобы правильно ответить на спонтанные воспоминания вашего ребенка о прошлых жизнях. Вот что вы должны предпринять, когда ваш ребенок вдруг заявит: «Когда я был большим, моя мама была совсем другой»:

1. *Сохраняйте спокойствие:*

Глубоко дышите. Очистите свой разум, чтобы вы смогли все свое внимание направить на ребенка.

2. *Признайте:*

Скажите слова одобрения любящим тоном и признайте правдивость воспоминаний. Это даст возможность воспоминаниям изливаться свободно и принесет положительный результат.

3. *Распознавайте:*

Прислушайтесь внимательно, чтобы распознать факты и эмоции, встречающиеся в рассказе. Обратите внимание на темы, составляющие фон воспоминания, и на то, как они влияют на нынешнюю жизнь ребенка.

4. *Позвольте проявиться эмоциям:*

Всегда позволяйте ребенку следовать воспоминаниям, куда бы они ни вели, и при этом выражать все эмоции, какими бы волнующими и сильными они ни были.

5. *Разъясните прошлое и настоящее:*

Успокаивающим и любящим тоном разъясните своему ребенку разницу между образами прошлого и нынешней действительностью.

И хотя я изложила свои советы в виде шагов, не задумывайтесь, в каком порядке их следует сделать. Один случай не похож на другой. Иногда воспоминания выплескиваются одновременно. Если это произойдет, вы убедитесь, что у вас нет времени задумываться над порядком и вы реагируете интуитивно, совершая все пять шагов одновременно. В другом случае воспоминания могут выходить по капле на протяжении нескольких недель или месяцев, оставляя вам достаточно времени для их анализа и обдумывания собственного поведения. Что бы ни происходило, помните: не стоит следить за шагами – следите за ребенком, и вы сами поймете, что следует предпринять в данный момент.

Не заботьтесь также и о запоминании этих советов. Ответ на воспоминания из прошлых жизней не является делом техники – это общение с вашим собственным ребенком, и вы прекрасно знаете, как это делать. Вы впитаете в себя все прочитанное, и если вашему ребенку когда-нибудь явятся образы из прошлого, то вы поймете, что нужно делать.

Но не забывайте, что ваша реакция *всегда должна быть позитивной*. Подтверждайте, позволяйте, одобряйте, вдохновляйте, проясняйте, разъясняйте и успокаивайте – всегда с любовью. Я никогда не сталкивалась со случаями, где отрицательная реакция была бы уместна. Реагируя на воспоминания из прошлых жизней, *никогда* не исправляйте или упрекайте своего ребенка, а также не спорьте с ним. Точка.

Сохраняйте спокойствие

Представьте, что вы ведете машину, забавляя свою трехлетнюю дочь. Внезапно ее тон становится серьезным, и она говорит вам:

«Когда я была со своей *другой* мамой, я была мальчиком».

В этот момент образы и эмоции вихрем проносятся в вашем рассудке. Вы слышите слова, произнесенные уверенным тоном. Вы смотрите на свою трехлетнюю дочурку и видите, что выражение ее лица спокойное, серьезное, *сияющее*. Мгновенно *вы* ощущаете приток энергии. Все ваши чувства обострены. В долю секунды вы осознали, что она говорит о воспоминании из прошлой жизни.

Что предпринять в первую очередь?

Во-первых, не разбейте машину! Это не шутка. Подобные воспоминания так часто пробуждаются во время поездки в автомобиле, что у вас есть все шансы столкнуться именно с такой ситуацией. Если вы чувствуете, что стали нервничать или растерялись, подъезжайте к обочине и остановите машину. Затем отдайте ребенку все свое внимание. Не важно, где и когда это произошло – дома, когда вы собираетесь уложить свою дочь в постель, готовите ей суп или набираете ванну, или в ином месте, – остановитесь. Полностью сосредоточьтесь на ребенке.

Почти все родители ощущают испуг, неуверенность и дисбаланс после того, как обнаружат, что с их ребенком произошла такая перемена. Старайтесь сохранять спокойствие и возьмите себя в руки, чтобы быть совершенно собранным. Один из способов – это начать дышать глубоко и размеренно. Глубокое медленное дыхание снимает стресс и облегчает шоковое состояние. Это поможет вам найти точку равновесия. Если ваш разум посетили сомнения или дикие мысли, вначале успокойте его, чтобы уделить все внимание тому, что собирается вам сообщить ребенок. Старайтесь продолжать глубоко дышать на протяжении всего процесса.

Контролируемое дыхание, а также спокойствие и равновесие усилят вашу восприимчивость. Это поможет вам установить более полную связь с ребенком. Приход воспоминаний о прошлых жизнях является необыкновенным, даже мистическим моментом – прорывом сквозь иллюзию времени. При вашем полном *присутствии* вам удастся войти вместе с вашим ребенком в пузырь вневременного пространства. Ваш дух объединяется. Концентрация и глубокое дыхание открывают ваше сердце и усиливают эту особую связь.

В эти моменты, когда вы чувствуете, как оказались вместе со своим ребенком в одном энергетическом пузыре, окружающий мир отрезан от вас, и вам нет дела больше ни до чего. Защищайте это ощущение. Не делайте ничего такого, что могло бы прорвать эту оболочку. Не бегите за другим членом семьи, чтобы он тоже слушал, не бросайтесь на поиски магнитофона, чтобы записать на пленку рассказ ребенка, не ищите бумагу и карандаш. Если вы покинете комнату или закричите, чтобы позвать кого-нибудь еще, то можете отбросить ребенка назад в обычное состояние сознания. Не беспокойтесь из-за того, что не сможете запомнить каждое слово ребенка. Вы будете помнить об основном и позже сможете записать его рассказ. Собственно говоря, через несколько дней вы убедитесь в том, что главные слова глубоко отпечатались в вашем мозге.

Признайте

Не забывайте признать правдивость воспоминаний вашего ребенка. Покажите ему, что верите его словам и они очень важны для вас. Это необходимо сделать. Своими вопросами и замечаниями, своим исполненным любви голосом вы показываете, насколько вы интересуетесь всем, что он собирается сказать. Выражая своему ребенку признание, вы поддерживаете в нем веру в то, что он может совершенно свободно выражать все, что всплывает в его памяти, что его никто не будет высмеивать и никто не подумает, что он плохой мальчик (или девочка), болтающий глупости.

Задавайте вопросы, чтобы он продолжал говорить о своих воспоминаниях. Первое время вашей целью является сделать все возможное, чтобы ребенок рассказал как можно больше и дал вам достаточно информации для определения предмета воспоминаний. Проще всего – это повторять последние слова фразы в вопросительном ключе. Если ваш ребенок говорит «Когда у меня была другая мама...», вы спрашиваете: «У тебя была другая мама?» Если он скажет: «Плохие люди застрелили меня и я умер под водой», вы повторяете: «Тебя застрелили плохие люди?» или: «Ты умер под водой?» Подобные вопросы говорят ребенку о вашем признании его воспоминаний, о том, что вы следите за его рассказом и хотите услышать больше. Это очень эффективная техника, поддерживающая поток воспоминаний открытым.

Вы можете попытаться прозондировать, задать вопросы для определения, действительно ли это воспоминания о прошлой жизни. Можно спросить, не видел ли

ребенок подобную историю в телефильме или не услышал ли он этот рассказ от брата или сестры. При этом не критикуйте и не выражайте сомнения никаким образом. Задавайте вопрос любящим тоном: «А расскажи-ка мне...», но ни в коем случае не обвинительным: «Где ты услышал(а) такую ерунду?» Пи в коем случае не дайте ребенку повода подумать, что вы считаете его лгунишкой или выдумщиком.

Расспрашивая, воздержитесь от суждений о том, является ли данный рассказ отражением воспоминаний о прошлой жизни. Это может быть и не так. Предположите на время, что это *действительно* настоящая память. Таким образом, вас не будет отвлекать внутреннее обсуждение. На высоте момента источник воспоминаний не имеет особого значения. Позже, когда все станет на свои места, вы сможете решить, что это было. Но не сейчас. Пока это происходит, откройтесь реальности переживания вашего ребенка. Отложите на время суждения. Оставайтесь с воспоминанием. Если ваша вера не допускает возможность перевоплощений или вы боитесь, что вам никто позже не поверит, не думайте об этом сейчас. В дальнейшем у вас будет время обдумать такие вопросы.

Признание правдивости слов ребенка поможет укреплению ваших отношений на долгое время. Дело в том, что, рассказывая о своих воспоминаниях о прошлой жизни, дети открывают самую сокровенную часть своей души, что-то очень деликатное и истинное. Признавая их воспоминания, мы признаем *самых детей*. Это признание откроет каналы коммуникации между вами и вашим ребенком. Именно благодаря этим каналам происходит естественное понимание и исцеление. Непризнание воспоминания вашего ребенка окажет столь же значительный, но *вредоносный* эффект. Отрицая детские воспоминания или насмехаясь над их замечаниями, мы сбиваем с толку наших детей. Это все равно что дать им пощечину за то, что они сказали правду. Дети могут воспринять это как повод для сомнения в том, что они переживают, и замкнуться в себе, чтобы их больше не считали лжецами и не насмехались над их словами. Благодаря такому опыту дети могут начать сомневаться во всех своих духовных переживаниях. Могут пройти многие годы, прежде чем они смогут вновь прийти к правде, некогда открывшейся с такой ясностью в их невинных сердцах. Мы тоже проигрываем. Когда дети закрывают от нас эту часть своей души, мы лишаемся бесценного дара общения с ребенком.

Не важно, чем вы еще занимаетесь; продолжайте признавать своего ребенка и его воспоминания.

Распознавайте

С самого начала попытайтесь понять, что пытается выразить ваш ребенок. Собственно говоря, перед вами стоит две цели: распознать факты и чувства истории из прошлой жизни, а также распознать темы, стоящие за этими фактами. Когда вы будете ясно представлять, о чем именно эти воспоминания рассказывают, какие эмоции и незавершенные дела выталкивают их на поверхность, то сможете подготовить необходимый ответ, проявить понимание к нуждам ребенка.

Внимательно прислушайтесь к тому, что хочет сказать вам ребенок. Задавайте вопросы, чтобы он продолжал рассказывать вам о своих переживаниях. Наблюдайте за выражением лица ребенка, за языком его тела, за жестикуляцией. Воспользуйтесь собственной интуицией: обратите внимание на чувства, которые пробудил в вас рассказ ребенка, на образы, которые возникают в вашем мозге по мере того, как вы слушаете и наблюдаете.

Но важнее всего позволить ребенку вести в этой игре. Я не могу даже выразить словами, насколько это важно. Вам нужно постараться узнать о характере этих переживаний с его необычной точки зрения. Не пытайтесь навязать ему никаких своих мыслей или убедить себя и ребенка, что знаете, куда должны привести его воспоминания. Пусть речь льется свободно, не перебивайте рассказ слишком частыми вопросами. Приспособьтесь к ритму разговора.

Если история выплескивается целиком, вам остается только внимательно слушать. Иногда вы можете поощрить ребенка простыми восклицаниями, вроде: «Ага, понятно» или «Надо же, как интересно!», и он будет продолжать говорить.

Зрительный контакт, кивок головой или короткое выражение восторга также произведут нужный эффект. Однако если ваш ребенок начинает сомневаться или ему трудно разобраться в воспоминаниях, проявите терпение. Дышите глубоко. Затем задайте открытый вопрос, требующий обстоятельного ответа, вроде: «Что произошло потом?», или «Что ты сейчас видишь?», или «Расскажи мне об этом подробнее». На вопросы такого типа *нельзя* ответить просто «Да» или «Нет», нельзя отделаться от них и коротким ответом. Их ценность в том, что благодаря им рассказ должен продолжать литься. Вы не предлагаете никаких идей или решений. Открытые вопросы позволяют ребенку продвигаться в своем рассказе в нужном ему направлении.

Закрытые вопросы или те вопросы, на которые можно ответить «Да» или «Нет», а также ограничиться коротким ответом, нужно задавать тогда, когда вы хотите разобраться в определенных деталях. Вопросы типа: «Были ли у тебя братья или сестры?», «Сколько тебе было лет, когда ты умер?» или «Была ли ты тогда одета в купальник?» помогут вам получить завершенную картину случившегося. Если ребенок колеблется или застрял в рассказе, правильный конкретный вопрос может заострить фокусировку на определенных деталях и прояснить его ментальные образы.

Как правило, открытые вопросы помогают получить больший объем информации, чем конкретные. Так, например, вместо того, чтобы спросить: «Ты грустишь?» (закрытый вопрос), спросите: «Какое у тебя настроение?» (открытый вопрос). Ответ может удивить вас своей неожиданностью. Вместо того чтобы услышать, что ребенку грустно, вы можете узнать, что он злится или радуется, или боится, или завидует, или испытывает гордость. Вопрос может дать толчок новому подробному описанию или неожиданному ответвлению в истории. Очень маленьким детям с ограниченным словарным запасом вы можете предложить меню возможных ответов: «Ты продолжал болеть, или тебе стало лучше, или ты умер?»

Избегайте задавать вопрос «Почему?». Вопросы, где есть слово «Почему?», заставляют ребенка искать объяснений или интерпретаций. Они могут прервать поток воспоминаний и положить конец вашему диалогу.

Помните, что ваша главная цель – поддерживать разговор, не дать ему внезапно прерваться. Прочувствуйте ритм этого потока и не сбивайте его несвоевременными замечаниями. Когда перед вами развернется история, вопросы сами придут вам на ум, вы станете задавать также и закрытые вопросы, чтобы прояснить отдельные детали.

Старайтесь, чтобы ваш тон соответствовал настроению ребенка. Если он с энтузиазмом рассказывает о своей прошлой жизни или даже смерти, попытайтесь продемонстрировать такой же энтузиазм. Если он выражает грусть, отвечайте серьезно и озабоченно, как если бы вы говорили, услышав от него про смерть любимого хомяка. Ваш искренний интерес вдохновит ребенка на более глубокое проникновение в собственную память, он увидит все с большей ясностью и расскажет об этом подробнее.

Это только советы, а не техники, которым необходимо неотступно следовать. Не переживайте, если вы допустили ошибку. Погрузившись в свои воспоминания о прошлых жизнях, дети цепко ухватятся за правду своих видений. Вспомните, как часто родители были настолько озадачены замечаниями детей, что с трудом могли подыскать слова и задавали неуместные вопросы. Однако дети проявляли удивительную терпимость к несообразительности своих родителей и спокойно исправляли их. В других случаях, когда родитель брал на себя слишком много и говорил ребенку: «Ты видел все это по телевизору, да?», последний твердо отрицал это. Итак, не молчите из боязни задать неверный вопрос. Гораздо важнее, чтобы ребенок ощущал ваше любовное присутствие в этот момент. Ваше безоговорочное принятие его переживаний является ключевым моментом, искусство вопросов – всего лишь вспомогательное средство.

Генри Болдак, говоря с высоты своего тридцатилетнего опыта в регрессиях в прошлые жизни, утверждает, что спокойный темп является лучшей техникой:

Когда дети начинают говорить о своих воспоминаниях, мне кажется, очень важно суметь выслушать их, не делая из этого истории. Я задаю как можно меньше специфических вопросов и обычно говорю: «Расскажи мне еще об этом». Это никогда не превращается в допрос или дознание или во что-то подобное.

Важно, чтобы они могли продвигаться в своем собственном темпе. Таким образом вы сможете стимулировать естественный поток информации. Наберитесь терпения. Иногда при работе со взрослым клиентом мне не терпится вмешаться с вопросом или репликой, но я всегда замечал, что лучше сосчитать про себя до десяти... и воздержаться. Процесс воспоминаний подобен раскрытию цветка – вы не должны торопить его.

Распознавать факты и чувства

Научиться распознавать необходимо для того, чтобы определить характерные черты истории. Какой период прошлой жизни вспоминает ваш ребенок? Был ли он тогда взрослым или тоже ребенком? Каков был его пол? Была ли у него семья? Какие травматические переживания изменили его жизнь? В каком возрасте наступила смерть? Вы должны узнать как можно больше информации, пока у ребенка длится прозрение.

Старайтесь понять чувства, охватывающие ребенка во время рассказа. Грустит он или счастлив, испуган или радостно возбужден? Может, он испытывает отчаяние, раскаяние или чувство вины? Слезы часто указывают на грусть, но отнюдь не всегда. Они могут быть индикатором любого глубокого чувства, прорывающегося на поверхность, – даже радости. Эмоции являются лучшим указателем той силы, с какой память о прошлом воздействует на нынешнюю жизнь. Сильные эмоции свидетельствуют о том, что причина воспоминаний еще жива в вашем ребенке, и подскажут вам, как следует реагировать на рассказ. Если он рассказывает вам свою историю бесстрастным, холодным тоном, эмоциональный заряд, скорее всего, слаб. Но если ребенок во время рассказа плачет, глубоко расстраивается или приходит в отчаяние, значит, чувства из прошлого все еще имеют власть над ним и искажают сегодняшнюю реальность.

Обращайте внимание на то, в каком времени употребляются глаголы в рассказе. Это может быть дополнительной подсказкой того, как ребенок переживает воспоминание. Говорит ли он так, словно знает, что все это происходило в прошлом? Например: «Моя мама любила зачесывать волосы наверх, чтобы выглядеть особенно хорошенькой». Или он говорит так, как будто события происходят в настоящем? «Моя настоящая мама живет в Билоси». Иногда, когда рассказ разворачивается, *изменение* употребляемого времени может указать вам, где находится ребенок в процессе воспоминаний и до какой степени ему удалось освободиться от прошлого.

Если ребенок упомянет смерть, сосредоточьтесь на событиях, ее окружающих. Задайте вопросы такого типа: «Как ты умирал?», «Кто был с тобой рядом, когда ты умирал?», «Что случилось сразу перед тем, как ты умер?». Старайтесь использовать также открытые вопросы: «Что произошло потом?», «Что ты тогда ощущал?», «Что ты тогда думал?». Старайтесь выудить как можно больше информации из своего ребенка, чтобы понять, какие незавершенные дела остались с момента смерти. Мягко говорите со своим ребенком, старайтесь, чтобы ваш голос звучал спокойно, уверенно. Если ребенок противится такому типу опроса, не настаивайте.

После того как ребенок расскажет вам все, что мог, о моменте смерти, спросите его: «Сразу *после* того, как ты умер, что происходило?» Возможно, вы будете вознаграждены подробным рассказом о путешествии сквозь все стадии *бардо* и посещении Небес. Или ваш ребенок может просто ответить: «А затем я пришла к тебе». Проследив весь переход от смерти в прошлой жизни к рождению в этой, ваш ребенок может впервые осознать, что с прошлой жизнью покончено, что он попал в следующую жизнь. Возможно, именно это понимание требуется ему, чтобы распрощаться с проблемами прошлого и утвердиться в нынешней реальности. Самое осознание может нейтрализовать эффект незавершенности прошлой жизни.

Помните, что не обязательно узнавать имена, названия и даты, чтобы определить значение воспоминания. Имена и даты не важны для значимости прошлой жизни, и дело не в доказательствах. Не слишком допытывайтесь подобных сведений, так как, если ребенок этого не помнит, он может решить, что в его рассказе что-то не то, и запнется на середине, блокируя поток сознания. То же относится и к кажущейся непоследовательности при описании деталей и историческим неточностям. Не исправляйте ребенка, если вы найдете несоответствия в его рассказе. Пусть продолжает говорить без ваших комментариев. Заостряя внимание на кажущихся несуразицах, вы можете разрушить всю тонкую паутину воспоминаний, которая только начинает разворачиваться перед вами. Сосредоточьтесь, лучше, на полном рисунке рассказа, постарайтесь распознать те эмоции, которые за ним стоят.

Вот за чем еще следует внимательно следить. Не пропустите того мгновения, когда воспоминание окончено. Вы заметите это по выражению лица, когда ваш ребенок снова превращается в игривого шалуна. Или вы ощутите смещение энергии, которое произойдет между вами. Когда транс закончился, вы бессильны продлить его. Так что и не пытайтесь. Если еще не все сказано, будьте уверены, что воспоминания еще появятся.

Сэйджив (Часть первая)

Этот случай прекрасно демонстрирует нам то, как мать сумела воспользоваться вопросами, чтобы узнать факты из прошлой жизни своего сына.

Свою первую встречу с Илоной на пикнике у моей сестры я описала в предыдущей главе. Неделей позже ее сын, Сэйджив, начал рассказывать о своих прошлых жизнях. Единственное, что знала Илона о воспоминаниях из прошлых жизней, – всего лишь то, что ей удалось почерпнуть из моего рассказа о Чейзе. Но воспользовавшись своими инстинктами и здравым смыслом, а также задавая закрытые и открытые вопросы в правильной пропорции, Илона смогла узнать, что ее сын говорит действительно о воспоминаниях из прошлой жизни, и проследить за естественным ходом истории.

Благодаря непрерывности воспоминаний Сэйджив скоро пережил катарсис, изменивший его жизнь.

Однажды вечером я и Сэйджив, которому было четыре с половиной года, выехали в город, чтобы купить пиццу на ужин. Мы редко выезжали с ним наедине, так как кроме Сэйджива у меня есть еще два ребенка. Он сидел со мной на переднем сиденье и вдруг произнес: «Когда мне было три года, моя мама обычно укладывала меня спать прямо в машине». Это заявление показалось мне странным, так как я никогда этого не делала, но я тут же спросила: «Это была наша машина?»

«Да, она была такой же, но верх был другой, – и он указал на потолок. – В ней не было ни окон, ни потолка». Я решила, что он говорит о машине с откидывающимся верхом. Затем он сказал как бы хвастливо: «У моего папы была скоростная машина».

Это было уж очень странно, так как он никогда не называет своего отца «папа». Мой муж еврей, и дети называют его «Абба», что по-еврейски значит «папа». Я так удивилась, что тут же выпалила: «Твой папа?»

Он ответил: «Ага», но, кажется, был столь же растерян, как и я.

«Ты имеешь в виду Аббу?» – сказала я.

«Нет, – настаивал он на своем, – папу».

«Ладно, – подумала я, – интересно, куда это все пойдет?» Его лицо оставалось серьезным, и он явно ничего не придумывал. Дети совершенно прозрачны. Когда они начинают сочинять, все сразу видно по глазам. Я тут же слышу по характеру голоса, когда он произносит нараспев: «И тогда лягушка... у...у...у». Но сейчас он смотрел вниз, а его лобик был наморщен в глубокой концентрации. Он действительно старался вспомнить. Каждый раз, когда Сэйджив был готов произнести следующую фразу, он поднимал глаза, в которых читалось удивление, словно говоря: «Да, это так». Он действительно испытывал счастье,

что мог что-то вспомнить и выразить это. Любопытно, у Сэйджива обычно ее проблемы с речью. Он забывает слова и затем чувствует растерянность, когда не может выразить свою мысль. Но сейчас он сконцентрировался, и слова сами приходили ему на язык.

Чтобы не прерывать ход беседы, я спросила у него: «Были ли у тебя братья или сестры?»

«Нет», – ответил Сэйджив. «Сколько лет тебе было, когда это произошло?» «Три».

Я почувствовала, что между нами установилась особая связь, и мне не хотелось задавать вопросы, которые могли бы нарушить ее. Я просто хотела получить от него информацию в этот момент. Я хотела узнать о том, где он сейчас находится и куда он пытается продвинуться и как я должна говорить с ним как мать: серьезно или нет. Но я почувствовала, что речь идет о чем-то вполне реальном. И продолжала вести машину! Итак, я ехала как ни в чем не бывало и задавала вопросы обычным тоном.

Я спросила его, где он жил, и, когда Сэйджив ответил: «Не знаю», я поставила вопрос по-другому – поинтересовалась, жил ли он в деревне, в пригороде, где мы живем сейчас, или в городе.

«Это было в городе, вроде того, где живет дядя Стас, в квартире».

«Ты вырос или так и остался трехлетним?»

«Нет», – ответил Сэйджив серьезно, – меня застрелили».

«Тебя убили?» – переспросила я.

«В меня выстрелили и убили».

Я была очень обеспокоена этим вопросом и потому снова спросила его: «Как?»

«Грабители, – ответил Сэйджив. – Они не должны были этого делать. Ведь я им ничего не сделал, а он просто застрелил меня без всякой причины. Я был наверху, на лестничной площадке. Сначала они застрелили мою маму – она была внизу, а затем застрелили меня».

История Сэйджива делает резкий поворот в этот момент. Она будет продолжена позже в этой главе.

Распознавать темы и потребности

Следующая цель, о которой вы не должны забывать, – это определить то скрытое значение, которое несет в себе история о прошлой жизни, распознать то, что кроется за словами. Исходя из этого, вы сможете определить, какого рода помощь необходимо оказать ребенку.

Когда дети говорят о воспоминаниях из прошлых жизней, они рассказывают о том, что видят своим внутренним зрением, о своих чувствах, а также отвечают на ваши вопросы. Но они не обладают ни достаточной зрелостью, ни объективностью, чтобы объяснить, как эти переживания соотносятся с их нынешней жизнью. Они слишком малы, чтобы проанализировать историю или определить проблемы прошлого, оказывающие влияние на настоящее. Здесь и необходима ваша помощь. Взрослые знают, как узнавать смысл литературной истории – читать между строк. Благодаря вашим общим знаниям о механизме работы этих воспоминаний и способности к анализу, вы сможете распознать, как влияет прошлая жизнь на нынешнюю жизнь ребенка. Вы сможете также понять, *почему* эти воспоминания стремятся проявиться, и распознать незавершенные дела, стоящие за ними.

Вспомните, ведь Чейз, рассказывая о своих воспоминаниях о Гражданской войне, не говорил ясно о том, что испытывает чувство вины за то, что был солдатом. Он был слишком мал, чтобы сформулировать свою мысль подобным образом, но он сказал, что «не хочет быть там и стрелять в других людей». Норман Индж догадался по языку тела Чейза, что тот испытывает чувство вины из-за того, что убивал людей на войне. Определив тему и адресуясь к неприятным чувствам в форме, доступной пониманию пятилетнего мальчика, Норман помог избавиться Чейзу от чувства вины и сопутствующего страха.

Понимание такого уровня требует размышлений. Вам может потребоваться несколько дней постоянных раздумий, чтобы осознать связь между проблемами прошлого и реакцией в настоящем. Но к вам может прийти озарение и в ту же секунду – нет двух одинаковых случаев.

Как распознать темы прошлых жизней? Во-первых, поставьте себя на место ребенка и представьте, что вы увидите, почувствуете и подумаете, если окажетесь в центре сценария прошлой жизни. Например, если он расскажет вам о смерти на поле битвы, представьте себя на этом поле битвы. Что *вы* будете испытывать? Ненависть к врагу? Или, может быть, ненависть к тупости собственных полководцев? Будете ли вы испытывать отвращение к себе за то, что дали себя так просто убить? Придете ли вы в ужас от крови, покрывающей землю вокруг? Возможно, у вас появится чувство вины перед остальными, которые являются такими же пешками в этой игре, как и вы. А может быть, вы оставили невесту, которая обещала дожидаться вас? Подумайте, каким образом каждая из этих эмоций может окрасить ваше восприятие реальности в этой жизни. Затем проанализируйте все, что вам известно о собственном ребенке. Замечали ли вы необъяснимые особенности его поведения, физические симптомы, проблемы эмоционального характера? В первую очередь следует обратить внимание на фобии. Если он поступает необъяснимым образом, подумайте о том, как это может соответствовать фактам и эмоциям его прошлой жизни. Подобные соответствия вы и должны искать.

Чтобы представить себе все разнообразие возможностей, вспомните о том соответствии между травмой в прошлой жизни и; проблемами, возникающими в настоящей, которое открыл доктор Вулгер. Некоторые вещи проверить достаточно просто. Например, если ваш ребенок рассказывает, что в прошлой жизни его растерзали дикие собаки, а сейчас он проявляет страх перед большими животными, – связь очевидна. Но взаимоотношения могут быть более сложными – мы можем иметь дело с напластованиями травматических тем и неразрешенных проблем из многих прошлых жизней, и это затрудняет корреляцию.

Используйте свою интуицию наряду с интеллектом, чтобы распознать эти соответствия. Это не научное изыскание, здесь не существует точных формул, которым необходимо неуклонно следовать, чтобы понять значение воспоминания. Откройтесь для вдохновения. Вы близко знаете своего ребенка и можете рассчитывать, что решение задачи придет к вам в виде озарения или даже во сне. Если это так, поверьте своему чувству, словно получили прямое заявление от ребенка. Проверьте, куда выведет вас интуиция.

И помните: темы прошлых жизней не обязательно должны быть негативными и причинять проблемы. Позитивные воспоминания несут в себе позитивные темы. Ребенок может вспоминать любимую бабушку из прошлой жизни, и эти воспоминания будут согревать его в этой жизни, порождая в ребенке чувство спокойствия и безопасности. Вдохновляющие воспоминания не менее важны, чем тревожные. Благодаря пониманию этих позитивных тем вы сможете глубже понять личность, особенности характера и поведения своего ребенка. Когда у вас возникают такие отношения с ребенком, вам больше не следует думать о том, как его воспитывать.

Оправданные родители

Случай Дональда Фостера являет собой пример того, как мать сумела распознать связь между темой прошлой жизни и проблемой, возникшей в этой. Позвонив из своего дома в Тенесси, Бекки Фостер рассказала мне о случившемся.

Когда Дональду было три года, мы как-то ехали с ним в машине, любясь пейзажем, и вдруг он стал говорить мне о своих *других* родителях. Когда он произнес эти слова, меня словно током ударило – он был очень серьезен и голос его звучал искренне. Я могла точно сказать, что это не было придуманной историей, он не шутил. Я спросила его, что случилось с теми другими родителями, и Дональд ответил, что был совсем маленьким, когда те умерли.

«А где был ты, когда они умирали?» – спросила я.

«Я прятался в кустах», – ответил он.

Он не мог сказать, как умерли его родители, но по голосу Дональда я поняла, что тот испытывает ужас. Он продолжал рассказывать о своей жизни, и это, казалось, приносило ему облегчение. Наконец его лицо просветлело и он радостно сказал: «А сейчас я здесь, верно? И ты моя мама?»

Я ответила: «Верно. Ты мой сын, а я твоя мама. Папа – твой отец, а Кэссиди, Келли и Элизабет – твои сестры».

«А все мы большая и счастливая семья», – добавил Дональд. Когда он произнес это, я поняла, что его переживание осталось позади. Он мог чувствовать себя здесь в безопасности.

Когда я спросила Бекки, не было ли поведение Дональда необычным в связи с этим воспоминанием, она ответила:

Сейчас, когда вы упомянули об этом, я вспоминаю, что Дональд испытывал огромный страх перед разлукой. Он был единственным из всех моих четверых детей, у кого проявлялся страх. Он нормально себя чувствовал, если мог меня видеть, даже когда я выходила из комнаты, но если он не мог видеть меня, когда я покидала комнату, то начинал ужасно кричать, не важно, кто находился рядом. Чтобы не допускать этого, я должна была носить его везде, куда бы ни шла. Это было ужасно!

Никто из моих детей не страдал этим, так что я решила, что во всем виновата я. Мне казалось, что страх перед разлукой у Дональда возник из-за моего эмоционального состояния во время беременности.

Я никогда не связывала его поведение с воспоминаниями, но сейчас я вижу зависимость. Очевидно, Дональд боялся, что я могу покинуть его, так как его родители из предыдущей жизни были убиты у него на глазах и он остался один. Сейчас это приобретает смысл, и я больше не чувствую себя виноватой!

История Бекки порождает мысль о том, как важно для *родителей* понимать воспоминания о прошлых жизнях своих детей. Понимая детей, они могут получить *оправдание* за то, в чем винили себя.

Поскольку в нашей культуре вера в перевоплощения не распространена, многие совестливые родители упрекают себя за упущения в воспитании, когда у их детей возникают проблемы с поведением или в ментальной сфере. Последние исследования доказали, что плод, находящийся в матке, регистрирует переживания матери, что формирует его личность [1]. Итак, некоторые матери испытывают чувство вины даже за то, что допускали плохие мысли или эмоции во время беременности, как это делала Бекки Фостер. Причиной самообвинения является популярное представление в нашей западной культуре о ребенке как *tabula rasa* – древняя идея о том, что ребенок является в мир как белый лист бумаги, на котором родители могут написать то, что им хочется.

Но сейчас, когда нам известно о влиянии прошлых жизней на личность ребенка, родители не должны быть слишком придирчивыми к себе. Я не собираюсь утверждать, что все проблемы настоящего являются результатом того, что произошло в прошлых жизнях, – безусловно, не все так просто. Но родители не должны терзаться виной за все, что произошло с их ребенком. Они должны знать из результатов исследований, приведенных в этой книге, что дети *действительно* приносят свой багаж из прошлого и что не все их чувства и поведение являются отражением родительского воспитания.

Пусть эмоции проявятся

Не важно, насколько расстроен, смущен, грустен или радостен ваш ребенок, позвольте ему выразить свои эмоции до конца. Если эти воспоминания появились потому, что травматические проблемы не были полностью разрешены, они могут полностью разрешиться лишь благодаря тому, что ребенок рассказал вам все о них. Подобное разрешение может сопровождаться слезами и даже полным катарсисом. Но возможно и полное отсутствие эмоций, отрешенные воспоминания. Какую форму

это бы ни приняло, ваша реакция всегда должна быть одной и той же: позвольте ребенку переживать свои воспоминания столько, сколько они длятся.

Это очень важно, так как процесс воспоминаний о прошлой жизни является совершенно естественным и управляется подсознанием. Понять, как работает подсознание, увы, не в наших силах, но мы можем довериться его мудрости. Психотерапевты прошлых жизней вполне полагаются на эту мудрость. Каждый день они наблюдают то, как происходит исцеление благодаря работе подсознания. Вы можете положиться на подсознание своего ребенка, которое подскажет ему, какую информацию можно открыть, а когда следует остановиться. Оно знает, каким образом происходит исцеление. Если вы позволяете ребенку проявить эмоции, то даете свободу подсознанию, и оно работает в полную силу. Вы тем самым позволяете произойти чуду спонтанного исцеления.

Некоторые дети, такие, как Кортни, не пережили тяжелых проблем. Их воспоминания как на ладони – дайте им лишь возможность рассказать свою историю. Такие дети чаще всего вставляют отрывки воспоминаний из прошлых жизней в обычные разговоры, когда что-то пробуждает эти воспоминания. Даже тогда, когда смерть внезапна, ребенок не кажется обеспокоенным. В таких простых случаях следует позволить ребенку высказаться, не преувеличивая проблемы. Здесь может не быть загадки, которую необходимо решить, или сложных вопросов, которые нужно понять. Просто позвольте своему ребенку говорить о прошлой жизни. При этом вы можете расслабиться и насладиться происходящим чудом.

Вы сумеете распознать сильные положительные эмоции, которые испытывает ваш ребенок, вспоминая прошлую жизнь. Он расскажет вам истории о любви, исполнении желаний и преданности. Он может быть возбужден, радостен или умиротворен. Он может плакать от радости. Радуйтесь вместе с ним любви и исполнению желаний. Подобные воспоминания могут способствовать развитию талантов и способностей ребенка.

Если же ваш ребенок выражает отрицательные эмоции, если он плачет, рассказывая вам о трагической жизни, дайте ему понять, что разделяете его чувства. Если он говорит об утрате или даже описывает собственную смерть, постарайтесь проявить свое сочувствие, пусть он знает, что вы остаетесь с ним. Ваше понимание поможет ему почувствовать себя в безопасности и выразить себя до конца. Вскоре после того, как он перестанет говорить, эмоциональный заряд исчезнет и негативные чувства забудутся.

Если сильные эмоции все еще хранятся в памяти, то вы, скорее всего, услышите о травматической смерти. Приготовьтесь к этому, так как такие воспоминания наиболее часты. Возможно, вам неприятно будет это выслушивать, но *ваши* чувства здесь не в счет. Не старайтесь приуменьшить трагичность воспоминаний или попытаться перевести разговор на другую тему. Наоборот, старайтесь, чтобы ребенок проработал все образы и чувства. Не думайте, что эти образы смерти являются болезненной фиксацией или могут повредить психике ребенка. Они безопасны и являют собой естественную возможность освобождения от багажа прошлого. Их воздействие благотворно. Терапевты, занимающиеся регрессиями в прошлые жизни, обнаружили, что прохождение сквозь момент смерти в воспоминаниях помогает избавиться от негативных эффектов этой травмы.

Рассказ о травме из прошлой жизни вполне достаточен для того, чтобы нейтрализовать ее негативные последствия у большинства детей. И все же некоторые дети нуждаются в полном катарсисе. Катарсис – это такое состояние, когда все болезненные эмоции и мысли изливаются одномоментно. Ваш ребенок может злиться, плакать и колотить руками и ногами. С ним даже может случиться истерика. Это хорошо. Значит, он избавляется от воспоминаний. Пусть это произойдет.

Конечно же, не забывайте о здравом смысле. Если ваш ребенок готов забиться в истерику, проследите, чтобы он не ушибся и не сбросил на себя мебель. Придерживайте его, если чувствуете, что это необходимо, но *никогда* не пытайтесь отговорить его от проявления чувств. Я знаю, как тяжело наблюдать за тем, как ваш ребенок борется с овладевшими им эмоциями. Но процесс должен достигнуть

своего апогея, и лучшее, что вы можете сделать для ребенка в данной ситуации, – это не препятствовать ему. Никогда не меняйте резко тему разговора – не говорите что-то вроде: «Ну, хватит, идем домой обедать», чтобы он почувствовал себя лучше и не фиксировался на чувствах. Катарсис не будет длиться дольше нескольких минут. Но если вы постараетесь резко отвлечь внимание ребенка, то прервете процесс освобождения от тревожащих эмоций – катарсис будет неполным.

Когда ребенок выйдет из этого состояния самостоятельно, вы сразу же заметите это: у него будет такое выражение, словно солнце выглянуло из-за туч после бури. Вы увидите сияние лица, когда тучи тяжелых эмоций развеются.

Сэйджив (Часть вторая)

Илона приняла то, что рассказал ей Сэйджив, и это сделало возможным катарсис, оказавший влияние на его жизнь. Давайте возвратимся к тому моменту, когда Сэйджив рассказывал, как его застрелили.

«В меня выстрелили и убили».

Меня очень обеспокоили его слова, и я спросила: «Как?»

«Грабители. Они не должны были этого делать. Ведь я ничего не сделал. Он выстрелил в меня без всякой причины. Я был на лестничной площадке. Вначале они застрелили мою маму, она была внизу, а затем застрелили меня».

Затем он посмотрел на меня и громким злым голосом выкрикнул: *«Ты не спасла меня!»* Он действительно злился на меня и начинал возбуждаться. Вновь он выкрикнул: *«Ты не спасла меня!»*

Это застало меня врасплох. Я стала успокаивать его мягким, но убедительным голосом: *«Это была не я. Это была не я. Все это происходило в совершенно другое время. Это была другая мама. Я ее даже не знаю».*

Казалось, он принял мои объяснения сразу же, затем начал рассказывать о том, что происходило позже. «Да, я умер. Я был мертвым, но стал большим, ты знаешь, что я имею в виду. Я оставался там, пока не пришел сюда снова как ребенок». Затем его лицо засияло, он поднял глаза и добавил: «Тогда я выбрал тебя и Аббу!» Он произнес эти слова так, словно внезапно понял весь смысл происшедшего.

Поверьте мне, наша семья никогда не обсуждает подобных вещей. Мы исповедуем традиционный иудаизм. Мы зажигаем свечи каждую пятницу, но никогда не говорим на теософские темы. Я не знаю даже, слышал ли он к тому времени о Боге. Так что, когда он произнес это, я была просто поражена – это было гораздо выше того, что он мог знать. И как было смешно слышать, что он радовался, что выбрал нас своими родителями.

После всего этого, рассказав о смерти и о своем выборе родителей, он сказал как ни в чем не бывало: «Мы уже приехали за пиццей?»

«Да, – ответила я ему, – мы уже почти там».

Искреннее внимание Илоны, проявленное к рассказу Сэйджива о смерти, позволило ему быстро пройти сквозь катарсис, который начался, когда он закричал: *«Ты не спасла меня! Ты не спасла меня!»*

Через неделю Илона сумела вновь пробудить в сыне те же воспоминания. Но в этот раз рассказ был неэмоциональный, злости в словах Сэйджива уже не звучало. Катарсис завершился, и Илона стала замечать изменения в его личности.

Через неделю я спросила его об этом снова. Он как раз должен был идти спать. Он повторил свой рассказ точно таким же образом, но в этот раз сообщил больше деталей о своей смерти. Он сказал, что его мать стояла сверху на лестничной площадке, а он находился перед ней. Вначале они застрелили ее, после этого выстрелили в него. Когда грабители стреляли в него, мать была уже мертва – лежала на полу под лестницей. Снова он повторил, что его мать не смогла спасти его. *Но в этот раз он не выражал никаких эмоций по этому поводу.* Я снова успокоила его, заверив, что не та мать и что я никогда не допущу, чтобы такое произошло снова. Он успокоился.

Именно после этого я обнаружила огромную перемену в поведении Сэйджива, особенно в его отношении ко мне. Он никогда не проявлял теплоты к родителям. С момента рождения чего-то доставало в наших отношениях. Он не любил проявлений нежности. Когда я ласкала его, он отталкивал меня, и я чувствовала его напряженность. Он не допускал проявлений нежности *ни от кого*. Это удручало меня, так как его старшая сестра была совершенно другим ребенком, очень нежным и ласковым. В том, что Сэйджив не таков, я винила себя – считала, что что-то упустила в его воспитании.

Но сразу же после того, как он рассказал мне свою историю, Сэйджив переменялся. Я помню это отчетливо – все это поразило меня, словно взрыв бомбы. Сэйджив прижался к моим коленям, обнял меня и сказал: «Я люблю тебя, мама». Он стал очень ласковым и полюбил обнимать меня. Он гладит мне шею, если чувствует, что я напряжена. До этого он отказывался сидеть у меня на руках. Даже моя мама увидела перемену в мальчике и сказала, что он стал намного нежнее.

Оглядываясь назад, я вижу, что он считал меня виновной в том, что произошло с ним в той жизни. Он злился на меня за то, что я не смогла спасти его. И он пронес эти ощущения с рождения. Рассказав свою историю, он избавился от этих чувств. Он постоянно обнимает меня. Это удивительно.

Разъясните прошлое и настоящее

Некоторые дети, подобно Сэйдживу, нуждаются в том, чтобы им разъяснили разницу между прошлым и настоящим. Даже после того, как они рассказали о своих воспоминаниях и выразили эмоции, в их душах продолжает происходить борьба с неприятными чувствами из прошлого. Они нуждаются не только в нашей снисходительности, им требуется наше вмешательство и заверение в том, что образы прошлого не будут больше мучить их, что сейчас они находятся в безопасности, что новая семья сумеет защитить их.

И хотя нам трудно это представить, но некоторые маленькие дети не вполне могут отличить прошлое от настоящего. Они не понимают, что умерли и перенеслись в иную жизнь, в иное тело. Прошлое и настоящее перемешивается в их сознании, и образы прошлого накладываются на нынешнюю действительность.

Мы можем увидеть это с драматической ясностью на примере двух случаев, описанных Яном Стивенсоном. В первом случае первая полная фраза турецкого мальчика, Келала Капана, была: «Что я здесь делаю? Я был в порту». Когда он научился говорить лучше, то объяснил, что был портовым работником, который заснул в трюме корабля, в то время когда его загружали. Он скончался мгновенно, когда на него свалилась цистерна с нефтью. Келалу казалось, что он проснулся в трюме корабля, и он очень удивился, обнаружив себя в теле ребенка. Он не знал, что умер [2]. Пармод Шарма из Индии был столь же удивлен, внезапно оказавшись в новой жизни. Он помнил десятки верифицированных деталей из жизни человека, который умер сразу после того, как принял целебную ванну. Одна из первых фраз Пармода была: «Я сидел в ванной и вдруг увидел, что мои ноги стали маленькими» [3].

Некоторые дети стоят одной ногой в своей прошлой жизни и перескакивают в своем воображении из одной жизни в другую. Они не понимают, в которой из жизней находятся в данную минуту. Это особенно справедливо по отношению к очень маленьким детям, так как их память очень тесно связана с континуумом прошлой жизни. Их сознание еще не фиксировано в пределах границ одной жизни. Их восприятие времени размыто: прошлое и настоящее существует для них одновременно. Я думаю, что одна из причин, по которой это происходит, – та, что шок, переживаемый при внезапной смерти, удерживает часть сознания в его прежнем существовании, и переход в новую жизнь оказывается незавершенным.

Мы можем помочь ребенку завершить переход, объясняя ему: «В новом теле тебе ничего не угрожает. Сейчас ты в иной жизни». Так сделала Колин, утешая Блэйка. Слова действуют как страховочный канат, при помощи которого ребенка

можно вытянуть прошлого и полностью перенести в настоящее. Иногда этого понимания совершенно достаточно, чтобы избавиться от прошлого, тяжелые переживания из прошлых жизней после этого прекращают тревожить его.

Возможно, наряду с общей классификацией, вы еще должны успокоить своего ребенка в отношении *специфических* причин беспокойства. Заверьте его в том, что все травматические события завершились и ему не придется переживать их вновь. Пользуйтесь положительными заверениями (аффирмациями), чтобы закрепить положительные уроки. Повторяйте заверения, если это необходимо, на протяжении нескольких последующих дней, недель, а то и месяцев. Это особенно важно, если какая-нибудь ситуация может напомнить ребенку о травматическом переживании из прошлой жизни.

Например, в случае с Билли, которого беспокоили воспоминания о бедности и голоде, подходящей аффирмацией будет: «Сейчас ты всегда можешь иметь столько еды, сколько захочешь». А это заверение будет уместным в любом случае: «Ты – член нашей семьи и все мы любим тебя».

Натали

Филлис Элкинз нашла меня вскоре после моего появления в *Опра-шоу*. Она позвонила мне через пару дней после того, как ее двухлетняя дочь, Натали, произнесла то, что прозвучало как предсказание собственной неминуемой смерти. Обратите внимание на то, как в этом случае Филлис использует вопросы, чтобы распознать, как изменялось время, в котором Натали употребляла слова, описывая свою историю и путая прошлое с настоящим, и как девочка через несколько недель прошла через катарсис.

Однажды утром мы с Натали спустились вниз, и я стала готовить ей овсянку. Она ползала по полу и о чем-то болтала, и вдруг, подняв на меня глаза, произнесла необычно ясным и отчетливым голосом: «Ты никогда меня больше не увидишь».

Я спросила: «Что ты имеешь в виду?»

Она ответила: «Боб и Рэнди бросили меня в воду. И убили меня. И я поднялась наверх, в голубое». При этом она указала на небо. Конечно, у меня поджилки затряслись, и я спросила: «Когда это все произошло?» Она снова задумалась и ответила: «Во вторник». Это был понедельник.

Когда мы сели за стол и стали завтракать, ее глаза словно остекленели, она смотрела на меня неотрывно. По ее взгляду я могла сказать, что были моменты, когда она присутствовала, и были моменты, когда она входила в транс. Ее слова были обдуманно и кристально ясны. Ее поведение внезапно изменилось – стало более контролируемым и взрослым. Ее слова, тон, поведение привели меня в отчаяние.

Я рассказала об этом мужу, когда он пришел с работы, и он расстроился так же, как и я. Муж старался расспросить дочь подробнее, но она перестала говорить на эту тему и вновь начала вести себя как ребенок.

На следующее утро я, руководствуясь инстинктом, приоткрыла окно, прежде чем обратиться к ней снова с вопросом на эту тему. Мой муж ушел наверх, и я опросила: «Помнишь, как ты вчера начала рассказывать мне о Бобе и Рэнди?»

Она ответила: «Да, что-то о бассейне». Ее лицо было очень серьезным и говорила она очень отчетливо.

Я сказала: «Расскажи мне об этом бассейне».

Она ответила очень тихо и спокойно: «Там были игрушки и рыбки».

Я продолжала: «Расскажи мне о Бобе и Рэнди. Кто они – дети?»

«Они мальчишки», – без колебаний ответила Натали.

«Это был сон?» – спросила я.

«Нет, это не сон».

«Ты видела все это по телевизору?»

«Нет, этого не было по телевизору».

«Это уже произошло?»

Она сказала: «Я должна скоро буду уйти. Я уйду наверх, в голубое».

«Ты боишься воды?»

«Нет, я скоро уйду наверх – туда, в голубое».

Это все, что мне удалось из нее вытянуть. Говоря об этом, Натали произносила слова особенно отчетливо и уверенно. Она казалась старше своих лет.

Мы с мужем даже не представляли, что думать обо всем этом. Мы были эмоционально истощены. В эту ночь я спала с Натали, так как была испугана и хотела быть поближе к ней. На следующее утро я снова спросила ее насчет бассейна. Она ответила: «Я взлетела в голубое». (Обратите внимание на прошедшее время.)

«А Боб и Рэнди были там?»

«Они были моими друзьями, но не хотели играть со мной».

«Ты одета в купальник?» – спросила я.

Она наклонила голову, посмотрела на себя и ответила: «Да».

«Была ли мама с тобой?»

«Нет».

«Ты была большой девочкой или маленькой? Как тебя зовут?»

«Натали». (Обратите внимание, Филлис употребила в этом вопросе настоящее время, и Натали назвала свое нынешнее имя.)

«Как выглядел бассейн?»

«Игрушки, маленький бассейн с рыбками. Я плавала».

«А как было взлетать?»

«Приятно».

Я знала, что она не сочиняет. Натали было только два года, а рассказ выглядел очень связным. Рассказ не изменялся день ото дня. Когда она сочиняет, то прибавляет новые детали каждый раз, присоединяет кусочки из других историй и из волшебных сказок, которые ей читали. Я могу легко определить их – такие истории все время изменяются. Но в этом рассказе не было фантазий. Она была очень уверена в том, что говорит, и точно описывала детали.

Натали вновь и вновь возвращалась к своей истории, и всегда по утрам. Иногда она заговаривала об этом, как только вставала с постели. Она никогда не противоречила собственному рассказу. Я начала задавать ей открытые вопросы, вроде: «А что произошло потом?», и следила за тем, куда они приведут. Она всегда говорила о том, что было в ее голове, никогда не поддаваясь внушению.

Но когда это проходило, я ничего не могла сделать, чтобы продлить рассказ. Я старалась разговорить ее перед сном, но это не срабатывало. Что любопытно, Натали такая «папина дочь», но никогда с ним не говорила об этом. Она ничего не вспоминала при нем.

Мы с Филлис задумались: вспоминает ли девочка свою прошлую жизнь или предвидит свою собственную смерть? Мы склонялись к первому. Хотя Натали не выражала страха перед водой, все остальные признаки присутствовали: уверенный тон, неизменность во времени, а также знание того, что утопление приводит к смерти, – то, что двухлетний ребенок не имел возможности ниоткуда узнать.

Филлис также сообщила, что они не знают ни одного мальчика с именами Боб и Рэнди, но она не собирается оставлять девочку одну возле бассейна – по крайней мере, пока все это не объяснится. Собственно, она даже боялась купать дочь в ванночке!

Я предложила Филлис продолжать разговоры на эту тему, используя открытые вопросы, и попытаться внушить дочери, что все это произошло давно, когда та еще была в ином теле, и что Боб и Рэнди остались в той, другой жизни. Я также предупредила Филлис, что катарсис неизбежен. Натали вновь может пережить ужас того момента – плакать, даже биться в истерику, но все это должно быть к лучшему. Когда это произойдет, Филлис должна присутствовать и дать возможность

завершиться процессу, после чего с предельной лаской и любовью объяснить дочери, что сейчас она в безопасности и ей нечего бояться.

Через несколько недель положение дел начало изменяться. На День Матери Филлис вновь спросила Натали об этом переживании.

«Было ли ребенку больно, когда он плавал в бассейне?»

«Да, – ответила Натали, – ребенок упал и ударился головой. Щека была красной. Его звали не Натали, его звали Зак».

Удивленная Филлис спросила: «Что затем произошло?»

«Я полетел к небу».

«Сколько лет было Заку?»

«Два», – ответила девочка.

«Ты хочешь рассказать мне об этом?»

«Нет, – ответила та, – я боюсь».

Филлис попыталась успокоить ее: «Это никогда больше не произойдет. Сейчас можно говорить об этом». Но Натали вышла из транса. Ей больше нечего было сказать об этом.

В этот момент Натали начала осознавать свои чувства до такой степени, что смогла сформулировать их. Она сказала: «Я боюсь».

В тот же день семья отправилась к бабушке Натали. Филлис вспоминает:

Натали сидела в своем стульчике на заднем сиденье и была очень сонной. Мой муж обернулся и посмотрел на нее. Она выглядела так, словно случилось что-то плохое. Ее лицо было очень мрачным, и она сосредоточенно смотрела в пол.

Я спросила: «Ты хочешь поговорить об этом?»

Натали ответила: «Я боюсь, я боюсь». При этом она заерзала на своем стульчике. Затем она взглянула вверх и ее глаза прояснились. Я видела перемену в ее лице. Когда мы приехали к бабушке, она была совершенно безмятежной.

Через несколько недель Натали удивила меня, когда, во время посещения моей подруги, моя дочь спросила ее: «Ты слышала о Заке?» И затем очень уверенным тоном, словно констатируя факт, Натали рассказала, как Зак плавал в бассейне, захлебнулся водой, упал на дно, туда, где плавают рыбки, и ушиб голову. Очевидно, процесс разрешения произошел в День Матери, так как на этом все завершилось.

Я думаю, что Натали смогла преодолеть свой страх, так как чувствовала полную поддержку со стороны матери. У нее был катарсис, когда она ехала в машине. Через несколько недель, в подтверждение того, что эпизод получил разрешение, она вспомнила его, употребляя *прошедшее время* и говорила о себе в *третьем лице*. Она не испытывала при этом никаких эмоций, не казалась взволнованной. Она рассказала обо всем этом как о случае, происшедшем с кем-то другим. Больше Натали никогда не говорила о том, как «поднималась в голубое».

Разворачиваясь во времени

Разрешение воспоминания обычно не происходит за один раз. В большинстве случаев процесс происходит постепенно. Воспоминания могут повторно приходить на протяжении дней, недель, месяцев и даже лет. Ваш ребенок может заговорить о своей прошлой жизни, затем вернуться к этому разговору через год, чтобы больше никогда не говорить о ней. Но есть такие дети, которые часто отпускают случайные замечания по поводу своей прошлой жизни, чем каждый раз изумляют вас.

Поскольку вы не знаете, завершился ли процесс воспоминаний у вашего ребенка, вы должны относиться к его словам с большой осторожностью, чтобы не отпугнуть его от этого. Если вы хотите поделиться невероятной историей, рассказанной вашим ребенком, с друзьями или родственниками, *проявите сдержанность*. По крайней мере, никогда не поднимайте шума по этому поводу,

особенно в присутствии ребенка, – это может смутить его. Некоторые родители рассказывали мне, что их дети, став центром внимания, начинали так смущаться, что просто отрицали свои собственные слова. Защитите ребенка от прямой критики – никогда не передавайте его слов человеку, который, как вы знаете, ни за что не примет идеи о прошлых жизнях. Достаточно нескольких насмешливых слов взрослого, чтобы ребенок понял, что прошлые жизни – это то, над чем взрослые смеются.

Женщина из Южной Калифорнии писала мне о незабываемом переживании из прошлой жизни, которое она вспомнила более *шестидесяти лет назад*. Тогда ей было пять лет отроду. Но ее мать посмеялась над ней. Чувство жгучего смущения осталось с ней на всю жизнь:

Я помню, словно это произошло вчера. Мать только обнимала меня и смеялась. Я сожалела, что поделилась с ней своим видением. Позже я слышала, как мать передает отцу мои слова. Она снова смеялась при этом. Тогда я решила, что *больше никогда не буду рассказывать им ничего важного для меня, ведь это сможет вызвать их смех.*

Некоторые родители спрашивают, можно ли пытаться пробудить в ребенке воспоминание вновь, вместо того чтобы ожидать, пока оно придет спонтанно. Ответ: «Да», но только в том случае, если вы будете пытаться сделать это мягко, не нажимая на ребенка. Если первое спонтанное воспоминание было коротким, как это часто бывает, у вас, скорее всего, не было достаточно времени, чтобы попытаться прояснить его. Это достаточный повод попытаться возродить процесс – попытка не принесет вреда.

Прислушайтесь к собственному инстинкту, чтобы определить лучшее время для вопросов. Успокойтесь сами и подождите, пока ваш ребенок расслабится, выберите время, когда вас никто не будет отвлекать. Колин и Илона пользовались тем моментом, когда их дети готовы были отойти ко сну и были наиболее податливыми. Филлис Элкинс обнаружила, что лучшее время для прихода воспоминаний к ее дочери – это утро, перед самым завтраком. Еще одна мать говорила мне, что с ее дочерью это *всегда* происходит на кухне.

Когда вы почувствовали, что энергетическое состояние является подходящим, напомните своему ребенку, как бы между прочим, о том, что он рассказывал раньше. Например, спросите: «Помнишь, как ты рассказывала о своей другой маме?» Дайте ему понять, что вас интересует то, что он говорил, и вы хотите услышать продолжение истории. Ребенок может продолжить говорить с того места, на котором прервался, не пропустив ничего. Но может статься, что он откажется говорить или заявит, что ничего не помнит. Если, после ваших деликатных напоминаний, ребенок отказывается говорить на эту тему или отвечает, что это был «всего лишь сон», не настаивайте, оставьте все как есть. Если дверь не открывается сама, вы не сможете заставить ее отвориться.

Если ваши попытки разговаривать с ребенком не увенчались успехом, вы можете постараться сделать так, чтобы он передал свои образы художественными средствами. Пусть он нарисует все это или воспроизведет в игре с куклами. Даже если он проигнорирует ваше предложение, продолжайте наблюдать за его рисунками и играми. Заметив, что он рисует или проигрывает сцены из своих воспоминаний, проявите интерес к этому. Возможно, поток памяти откроется вновь.

Постскриптум: Записывайте

Записывайте все, что расскажет вам ребенок о своих воспоминаниях. Делайте это тут же, пока его слова свежи в вашей памяти. Кроме рассказа, записывайте все, что вам запомнилось: язык тела, выражение лица, характерные жесты. Запишите также то, что именно вы и ваш ребенок делали в тот момент, когда пришло воспоминание.

Если ваш ребенок вернется к этому разговору, ваши записи помогут вам определить совпадение рассказов или установить, какие новые детали появились.

Часто воспоминания о прошлых жизнях приходят в виде небольших фрагментов, которые кажутся совершенно бессмысленными и которые трудно запомнить. Но если вы будете вести регулярные записи, то сможете убедиться, что собранные вместе отрывки воспроизводят некий сюжет и имеют смысл.

Запись – прекрасный способ разобраться в собственных мыслях и обнаружить новые аспекты переживаний ребенка. Вам могут открыться связи между воспоминаниями и чертами личности вашего ребенка. Запись может быть формой раздумья о духовном значении воспоминания для вашего ребенка, а также для вас самих.

Ваши записи могут помочь и другим родителям. Исследование воспоминаний о прошлых жизнях – новая наука, и, прежде чем придет полное понимание этого явления, предстоит сделать большую работу. Такие независимые исследователи, как я, должны полагаться на свидетельства таких свидетелей, как вы. История, записанная вами, может стать ценным вкладом в исследование, если вы захотите поделиться ею позднее. Другие родители смогут поучиться у вас.

Храните тетрадь с записями в самом надежном месте, где она будет целая следующие двадцать-тридцать лет. Когда ваш ребенок вырастет и забудет собственные слова, вы сможете показать ему, что он говорил раньше. В этой новой перспективе его воспоминания о прошлой жизни могут приобрести новое, более глубокое значение. Как вы, так и ваш ребенок будете удивлены, обнаружив, что его карьера, черты характера и поведение были предопределены теми странными фразами, которые он произносил еще в двухлетнем возрасте.

Джон ван Дайк

Джон ван Дайк сейчас взрослый человек – ему за двадцать. Это тот самый Джон ван Дайк, который помнил свою жизнь, в которой он был мальчиком-индейцем, погибшим во время битвы. Когда ему было три года во время посещения Ассизи в Италии, к нему пришло еще одно воспоминание о прошлой жизни. Его мать, Алисой, вела дневник. Когда Джон подрос, одна из записей в дневнике стала для него источником вдохновения. Она напомнила ему о том, что он получил путеводную нить, еще будучи маленьким мальчиком.

Джону было три года, когда он посетил Ассизи. Еще до этого посещения его любимой книгой была *«Святой Франциск и волк»* – маленькая детская книжка, в которой описывалась жизнь этого замечательного святого. Ему нравилась эта история больше любой другой, и он просил меня перечитать ее еще и еще.

В первый же день мы посетили главную церковь, а затем отправились к маленькой часовне, где св. Франциску явился Христос и велел: «Франциск, возведи мне церковь».

Как и всякий шустрый трехлетний ребенок, Джон постоянно бегал. Вот и сейчас он опережал нас по крайней мере на полквартиры. Когда мы с мужем повернули за угол и ступили на дорожку, ведущую к церкви, то, к своему удивлению, увидели Джона, держащего за руку монаха-францисканца и терпеливо поджидающего нас. Монах представился и сказал, что Джон просил его показать церковь. Монах казался несколько ошарашенным и в то же время заинтригованным открытостью трехлетнего американца.

Следуя за двумя новыми друзьями, мы прислушивались к их беседе и были очень удивлены, когда Джон попросил монаха показать определенные места церкви, о которых я никогда не слышала, и уж давно не говорила о них сыну. Он говорил, словно человек, бывавший здесь раньше. Монах, словно почувствовав это, давал обдуманные ответы: «Да, но в *наши дни* мы едим здесь. *Сейчас* мы спим здесь, так как нас стало больше».

Когда мы пришли в саму церковь, где св. Франциску явилось видение, Джон застыл на несколько минут, вглядываясь в изображение Христа. Это было совершенно не свойственно нашему трехлетнему сорванцу. Когда Джон прощался со своим новым другом-монахом, мы с мужем были вполне убеждены, что одну из своих прошлых жизней наш сын провел в Ассизи.

Мы с Джоном составляли альбом нашего путешествия, расставляя по темам фотографии и открытки. Этот альбом до сегодняшнего дня остается его самой ценной вещью. Мне стоит только сказать: «А помнишь, когда мы были в Ассизи?» – и воспоминания вновь возвращаются к нам, когда мы переворачиваем его затертые страницы.

Как только Джону исполнилось двадцать лет, он стал членом Христианской студенческой группы Колорадского колледжа. Два раза он отправлялся в Мексику для миссионерской работы среди индейцев племени тараумара и один раз ездил в Канаду, чтобы помочь эскимосам. Он решил посвятить свою жизнь помощи беднякам Третьего Мира. Я уверена, что выбор карьеры Джона во многом предопределен его детскими воспоминаниями о прошлых жизнях.

Как мать и детский психотерапевт, я поняла, что дети особенно открыты для спонтанных воспоминаний о прошлых жизнях в возрасте между двумя и семью годами. Долг взрослых людей – отнестись с вниманием к этим воспоминаниям и, если получится, записать их, чтобы мудрость не была утрачена.

Глава тринадцатая. Увидеть прошлое во сне

Воспоминания о прошлых жизнях появляются в снах

«Это никогда бы не произошло, не будь того сновидения...» – так начинается история Дженни Коккелл о детских сновидениях и воспоминаниях о прошлых жизнях. В детстве, которое проходило в пятидесятых годах нашего столетия в Англии, Дженни преследовали повторяющиеся, необычайно яркие сновидения. Она видела себя взрослой женщиной по имени Мэри, лежащей на кровати в большой белой комнате и умирающей от лихорадки. Каждый раз Дженни просыпалась с чувством страха и раскаяния, мучимая мыслью о восьми детях, которых она вынуждена оставить. Когда она стала старше, повторяющееся сновидение продолжало преследовать ее, и она не могла отделаться от убеждения, что та женщина была реальным человеком, жившим в прошлом. Как только она взяла в руки карандаш и научилась проводить линии на бумаге, Дженни стала рисовать карты деревни, являющейся ей в ее снах. Она пыталась как можно точнее изобразить дом, дорогу, лавки, церковь и даже переулки. Она «знала», что деревня находится в Ирландии и рано или поздно она найдет ее.

Когда Дженни выросла, у нее уже накопилось достаточно информации, полученной из сновидений, чтобы определить, что ее прежней личностью была женщина по имени Мэри Саттон, жившая в маленьком городке к северу от Дублина, умершая от лихорадки и оставившая после себя восьмерых детей. Упорные попытки Дженни определить свою прежнюю личность вознаградились встречей со взрослыми детьми Мэри Саттон, жившими в Ирландии. Почти каждая деталь, перечисленная Дженни, была подтверждена, включая и те из них, которые были известны исключительно в кругу семьи. Но, самое главное, после встречи со своими детьми из прошлой жизни, Дженни избавилась от чувства вины, которое преследовало ее с детства – с тех самых пор, как ей стали являться повторяющиеся сновидения.

Удивительная история Дженни Коккелл, полностью описанная в ее книге «Сквозь время и смерть» [1], является ярким примером «раскрытого» случая, когда предыдущая личность идентифицирована, а воспоминания верифицированы. Это является убедительным подтверждением того, что воспоминания о прошлой жизни могут приходить во сне. Я также встречалась со сновидениями о прошлых жизнях в собранных мною случаях. Это же описывал и доктор Стивенсон в своих трудах – некоторые сны о прошлых жизнях подтверждались событиями из биографии реального умершего человека [2]. Сновидения о прошлых жизнях являются частным случаем феномена детских воспоминаний о прошлых жизнях. Сны могут предшествовать или сопровождать воспоминания о прошлых жизнях, приходящие во время бодрствования. Это дополнительное пространство, где мы можем искать воспоминания о прошлых жизнях.

Логично предположить, что воспоминания о прошлой жизни могут приходить во время сна. Воспоминания о прошлых жизнях существуют в подсознании, а сновидение – это форма, в которой подсознание выражает себя. Во время сна рациональная часть разума ослабляет свой контроль, и весь подсознательный материал – фантастические видения, символические образы страха и желания – прокручивается в нашем сновидящем мозге. Но иногда воспоминания из прошлых жизней вытесняют весь остальной бессознательный материал и разворачиваются во всей красе. Поскольку память о прошлых жизнях у детей столь свежа и близка к поверхности, я думаю, что подобные воспоминания гораздо чаще просачиваются в детские сновидения, чем мы привыкли считать.

С какого возраста начинают приходить детям сновидения о прошлых жизнях? Некоторые дети начинают рассказывать о своих сновидениях и кошмарах, как только научатся говорить. Некоторые из этих детей начинали кричать во сне с самого рождения, что, возможно, свидетельствует о том, что воспоминания о прошлых жизнях стали являться им сразу же после появления на свет. Могли ли сновидения, несущие в себе информацию о прошлых жизнях, являться еще раньше, до рождения? Последние исследования доказывают, что плод, находящийся в матке, начиная с двадцати шести-тридцати недель проявляет мозговую активность, аналогичную сну *REM*¹², что, как известно, является признаком сновидений [3]. Что может сниться еще не родившимся детям, когда их опыт ограничен стенками матки? Напрашивается логический ответ – прошлые жизни.

Любопытно, но тибетский средневековый текст, появившийся в одиннадцатом веке, рассказывает нам о том, что воспоминания о прошлых жизнях начинаются еще в матке, более того, тибетские авторы называют тот же возраст плода, когда он (по современным научным данным) проявляет признаки сна *REM*. Вот что сообщает этот текст: «В двадцать шесть недель сознание ребенка, находящегося в матке, становится очень ясным, и он может увидеть свои предыдущие жизни. Он может видеть, был ли он чистым созданием или обычным созданием и какой образ жизни он вел перед тем, как должен родиться повторно» [4].

Признаки сновидений

Динамика сновидений о прошлых жизнях в основном такая же, как и динамика спонтанных воспоминаний. Признаки, определяющие подлинность воспоминаний о прошлых жизнях, приведенные в десятой главе, почти полностью применимы и для разбора сновидений. Но есть еще три дополнительных признака, помогающие отличить сновидение о прошлой жизни от обычного сновидения.

1. Яркие и связные

Яркие – вот слово, которое чаще всего слышишь от людей, которым снились сцены из прошлых жизней. Сновидения являются необычайно реальными и отчетливыми. Они настолько ярки, что оставляют по себе впечатления на несколько дней, недель и даже лет.

В отличие от обычных сновидений, сновидения о прошлых жизнях никогда не превращаются в неразборчивую смесь отрывочных фрагментов историй, расплывчатых образов и фантастических событий. Сама история всегда является связным и реалистическим сценарием, с достоверными деталями и действиями, развивающимися по правдоподобию сюжету. Даже если сновидение состоит из коротких фрагментов, в них заключена связная история.

2. Повторяющиеся

Многие сновидения о прошлых жизнях повторяются. Обычно они начинаются и обрываются на одном и том же месте, словно видеомэгнитофон, который прокручивает по заданной программе один и тот же фрагмент записи. Иногда появляются одиночные, неподвижные образы, каждый раз остающиеся неизменными. Иногда сновидение развивается, чтобы остановиться в критический момент. Этот критический момент чаще всего является смертью или преддверием

¹² *REM (rapid eye movements)* – быстрые движения глазного яблока. – Прим. перев.

значительного события, изредка – откровения. Иногда история открывается с каждым повтором немного полнее, а иногда делает стремительный скачок после того, как во всех предыдущих случаях обрывалась все на том же месте.

Например, в моем сновидении о той жизни, где я погибла в фашистском концлагере, мне все время снилась женщина в светло-коричневом пальто и в шляпке, которая несет сумку, переброшенную через плечо, и идет по бульвару мимо каменной стены. Это сновидение преследовало меня с самого раннего детства, и я всегда видела одну и ту же сцену. Только когда я стала взрослой, сновидение продвинулось дальше, и я увидела себя в правительственном здании, стоящей перед двумя немецкими офицерами.

Иногда такие сновидения становятся более редкими, по мере того, как ребенок растет, и затем полностью уходят. Но отнюдь не всегда: повторяющиеся сновидения могут начаться в детстве и *продолжаться в зрелом возрасте*, не теряя своей яркости и эмоциональной напряженности. Из приведенных ниже случаев вы увидите, как повторные кошмары могут преследовать человека долгие годы, доводя его до тяжелой бессонницы.

Безусловно, не все яркие повторяющиеся сновидения несут в себе воспоминания о прошлых жизнях. Страхи сегодняшнего дня могут преследовать нас и во сне. Не каждому ли из нас являлся кошмар о том, что мы не готовы к школьному экзамену? И не все сны о прошлых жизнях приходят к нам повторно. Я слышала от разных людей, как воспоминания о единственном сновидении преследовали их годами – столь яркими и сильными были образы, заключенные в нем.

3. Иная личность

Поскольку сновидения о прошлых жизнях порождены настоящими воспоминаниями, сновидящий видит себя иной личностью, находящейся в ином месте в иное время. Если эта личность имеет другой пол и значительно отличается по возрасту, то сновидящий по пробуждении понимает, что этот сон «совсем не такой, как те, которые обычно снятся».

В моем повторяющемся сновидении я видела себя взрослой женщиной, находящейся в незнакомом городе и носящей старомодный наряд, совершенно не похожий на ту одежду, которая была у меня или у взрослых, окружающих меня в нынешней жизни. И хотя я воспринимала женщину как «кого-то другого», в то же время я без сомнения *знала*, что это была я, точно так же, как Дженни Коккелл знала, что она и есть Мэри Саттон. Рабби Гершом в своей книге *«То, что не превращается в пепел»*, приводит историю мальчика, который часто видел себя во снах в образе взрослой женщины [5]. Если этот признак повторяется неоднократно, он является свидетельством того, что вы видите сон о прошлой жизни.

«J'ai Peur! Ou Est Ma Mere?»¹³

Самым ярким свидетельством того, что воспоминания о прошлых жизнях могут приходить во сне, является ксеногlossия – разговор на чужом языке, которому человек никогда не обучался. Вот случай из книги *«Жизни»* доктора Фредерика Ленца.

Мы с мужем как-то проснулись ночью, разбуженные странным голосом, доносящимся из комнаты нашей шестилетней дочери. Мы вскочили с постели и бросились в ее комнату, но увидели, что она спокойно спит. Мы уже собирались возвращаться обратно, когда услышали, что она снова заговорила. Она быстро что-то говорила по-французски каким-то чужим голосом. Моей дочери шесть лет, она никогда не покидала нашей страны и никогда не встречалась с кем-либо, говорящим по-французски.

Она продолжала говорить по-французски несколько ночей подряд. Мы с мужем не могли понять, о чем шла речь, так как прошли только элементарный курс французского в колледже. Тогда мой муж принес с работы портативный магнитофон и записал ее слова. Мы дали прослушать запись преподавательнице

¹³ «Мне страшно! Где моя мама?» (франц.)

французского языка из местной высшей школы. Она сказала, что маленькая девочка (наша дочь), голос которой записан на пленке, ищет свою мать, которую потеряла, когда на их деревню напали немцы. Она также сказала, что маленькая девочка пребывает в растерянности и, если судить по ее тону, очень расстроена.

У меня такое чувство, что наша дочь жила раньше во французской деревне и умерла во время одной из мировых войн.

Этот случай представляет ценность не только благодаря тому, что речь девочки была записана на пленку и ксеногlossия верифицирована, но и потому, что он несет в себе признаки воспоминаний о прошлых жизнях. Девочка описывает историю из прошлой жизни, созвучную столь многим трагедиям прошлых войн.

Эта история кажется мне незавершенным делом, вызывающим к вниманию. Я подозреваю, что в той своей жизни она умерла вскоре после разлуки с матерью, и это стало причиной того, что и в этой жизни она страдала от остаточного чувства одиночества и страха. Я думаю, что девочка испытывала фобии и боялась изолированности в этой жизни. Но в книге ничего больше не говорится о том, как эти воспоминания воздействовали на ребенка.

Исцеление от кошмаров

Сновидения о прошлых жизнях, о которых нам приходится чаще всего слышать, – это кошмары. Детям снятся яркие сны о приятной и спокойной прошлой жизни, но они редко делятся ими с нами. Сновидение о драматической смерти или травме, полученной в прошлой жизни, будоражит ребенка и привлекает к себе его внимание. Оно заставляет вашего ребенка просыпаться ночью и бросаться в вашу комнату, плакать и искать у вас защиты. При повторных кошмарах эти сцены происходят чуть ли не каждую ночь, разрушая покой всей семьи.

Некоторые кошмары являются воспоминаниями о прошлых жизнях, вызывающих к помощи. Как и воспоминания наяву, ночные кошмары являются манифестацией нерешенных вопросов и незавершенных дел, которые нуждаются в том, чтобы их осознали и в них разобрались. Почему бы нам не воспринимать кошмары как *возможность исцеления* травм прошлых жизней, которые не желают отпустить ребенка?

Это очень важный вопрос. Если кошмары, в которых заключены воспоминания из прошлых жизней, не распознаны вовремя и не исцелены, они могут причинить проблемы в зрелом возрасте – стать причиной бессонницы, низкой самооценки и беспричинных страхов. Вот почему родители должны прекратить реагировать на кошмары по старинке – отмечать их как фантазии (подразумевая под этим, что они лишены всякого смысла) или снисходительно пытаться доказать малышу, что под кроватью и в шкафах не прячутся никакие чудовища и бабаи. Никогда не обращайтесь в шутку кошмар своего ребенка! Напротив, старайтесь проникнуть в смысл сновидения и постарайтесь найти в нем признаки воспоминаний о прошлых жизнях. Относитесь к страху не как к проблеме, а как к симптому, который указывает на то, что воспоминания о прошлых жизнях должны быть поняты и исцелены.

Как вы *должны* реагировать? Общие принципы работы со сновидениями те же, что и принципы работы с воспоминаниями. Когда воспоминание попадает в сферу сознания и признается, оно блекнет и прекращает тревожить ребенка во сне и наяву. Но здесь есть существенная разница – обычное сновидение о прошлой жизни не всегда очищает память. В отличие от воспоминаний о прошлых жизнях, приходящих во время бодрствования, сновидения не являются сознательными до тех пор, пока ребенок не *расскажет о них подробно после того, как проснется*. После того как сновидение стало осознанным, оно мало чем отличается от любого иного спонтанного воспоминания о прошлой жизни, и для работы с ним вы можете воспользоваться советом, приведенным в двенадцатой главе. Пусть ваш ребенок расскажет вам о своем сновидении, постарайтесь распознать в нем факты и эмоции. Признайте правду в его переживании и дайте возможность выразить свои эмоции.

После этого очертите прошлое и настоящее, скажите ему, что вы его любите, и дайте специфическим темам специальное объяснение.

Мэри и бомбы

Этот случай из книги Рабби Гершома является ярким примером того, как травматические воспоминания о прошлых жизнях могут впервые прийти во сне, а затем продолжать преследовать ребенка во время бодрствования. Легко заметить, что *могли бы* сделать родители Мэри, *знай* они, на что следует обращать внимание в таких случаях.

Мэри родилась на Среднем Западе. Днем она была нормальным, активным ребенком, но по ночам кричала от страха. Как только Мэри научилась говорить, она смогла ясно описать свой страх перед бомбежкой и ужас, испытываемый при звуке сирен. Однажды, когда Мэри возвращалась домой из школы, она услышала звук сирены. Выскочив на проезжую часть, она остановила проезжающий автомобиль и начала кричать водителю: «Нас будут бомбить. Сейчас нас будут бомбить!»

В раннем детстве она видела себя в качестве молодой, очень худой женщины, очень испуганной, которая задает вопрос: «Почему, почему? Как это могло случиться?» Мэри сейчас взрослая женщина. Она никогда не голодала в этой жизни, но все же боится умереть с голоду.

Ее родители всегда отмахивались от ее странных поступков, объясняя их тем, что она «что-то слышала по радио», но Мэри знала, что за ее страхами стоит нечто большее. Она недоумевала всю жизнь по поводу того, что же с ней «не так», пока не вспомнила отчетливо свою прошлую жизнь во время путешествия по Германии. Она увидела, что умирает во время бомбежки, и ее кошмары и страхи обрели смысл [6].

Родители Мэри могли бы исцелить ее от страхов, пока она была маленькой девочкой, просто приняв ее историю как воспоминание о прошлой жизни и попытавшись утешить ее. Они могли излечить ее, говоря: «Да, ты пережила бомбежку в прошлой жизни. Мы понимаем, что ты боишься снова попасть под бомбы, но война давно окончилась. Ты находишься в безопасности с нами, и у нас много еды». Они могли бы попытаться разузнать больше об этой истории – как она умерла, в каком возрасте это произошло, что представляла собой ее семья, пока их не разлучили, и кто был с ней перед смертью. Эти несколько простых вопросов могли бы вывести на свет воспоминания и избавить Мэри от долгих лет замешательства и тревоги.

У некоторых детей бывают так называемые *ночные страхи*. Это серьезные нарушения формулы сна, относящиеся к иной категории, чем ночные кошмары. В типичных случаях ребенок может кричать по ночам, биться в постели и даже вскакивать с кровати, ходить и становиться агрессивным. Создается впечатление, что все это он совершает наяву. Но в отличие от кошмара у ребенка *не остается никаких воспоминаний* о случившемся, а также ни о каком сновидении, которое могло бы объяснить это странное поведение. Лишь это делает ночные страхи серьезным заболеванием, которое почти не поддается лечению. Ученые не в состоянии дать удовлетворительное объяснение этим состояниям и найти для них лекарства. Но все же ученые знают, что это происходит во время глубокого цикла сна у детей от трех до четырех лет. Ночные страхи обычно полностью проходят к пяти-шести годам [7].

Так как мы уже знаем, что некоторые кошмары порождены воспоминаниями о прошлых жизнях, логично предположить, что ночные страхи могут иметь ту же природу. Очевидно, во время глубокого сна, пребывая в самом бессознательном состоянии, дети начинают терзаться воспоминаниями о травмах из прошлых жизней. Я думаю, что не случайно дети страдают от ночных страхов именно в том возрасте, когда чаще всего случаются спонтанные воспоминания о прошлых жизнях.

Некоторые случаи, приведенные ниже в этой главе, демонстрируют нам возможность исцеления от ночных страхов, если к ним подойти как к воспоминаниям

о прошлых жизнях. Возможно, некоторые техники, используемые при лечении кошмаров, могут оказаться полезными и в случаях с ночными страхами. Если родители и ученые отнесутся непредвзято к идее о возможности прошлых жизней, это поможет им разрешить ряд проблем, связанных с нарушениями формулы сна у детей.

Присмотритесь к буквальному смыслу

Поскольку большинство родителей даже не представляют себе, что прошлые жизни возможны, они бессознательно усугубляют состояние своих детей, пытаясь найти «логическое» объяснение их кошмарам о прошлых жизнях. Обычно они приписывают образы, испугавшие ребенка, телевизионной программе или страшному рисунку в книге. А если они начитались Фрейда, то могут пытаться искать объяснение в символическом выражении подавленного желания или страха. Но им не нужно будет прибегать к метафорическому мышлению, если они осознают то, что все, о чем говорит им ребенок, является правдой, и многие сновидения и кошмары имеют *буквальный смысл*.

Дана Г.

Дана, которая живет в Мэриленде, наткнувшись на одну из моих опубликованных статей, написала мне письмо, в котором рассказала о повторяющемся кошмаре, преследовавшем ее с самого детства и приведшем к серьезной бессоннице. Она была полностью измотана этим состоянием, пока регрессия в прошлую жизнь не помогла ей разобраться в содержании кошмара. Она уверена в том, что, если бы к этому кошмару вовремя отнеслись как к воспоминанию о прошлой жизни, он перестал бы преследовать ее еще в детстве.

«Объясните родителям в своей книге, – просит меня Дана, – что эти кошмары *не всегда* проходят после того, как ребенок вырастает. Для этого их нужно признать воспоминаниями о прошлых жизнях». Я пообещала ей, что помещу в книгу ее историю.

Самые страшные кошмары, преследовавшие меня с детства, несли в себе ужас погружения под воду. Начиная с пятилетнего возраста, каждый раз, засыпая, я слышала глухой гул, а затем меня поглощал водоворот. Меня как бы парализовало и я не могла позвать своих родителей. Но проснувшись, я вновь обретала способность кричать и бежала в комнату к родителям, чтобы рассказать им о кошмаре. Мой отец возвращался со мной в комнату и заглядывал под кровать, открывал дверцы шкафов, чтобы продемонстрировать мне, что никакие чудовища там не прячутся.

У меня были и другие возвращающиеся сновидения, но эти кошмары с погружением под воду были особыми. Они отличались яркостью – я действительно тонула во сне, я чувствовала, как вода проникает мне в нос и горло. И эти кошмары приводили меня в ужас.

Эти кошмары преследовали меня все детские годы, они являлись ко мне в юности, пока наконец, в 1982 году, когда мне было двадцать четыре года, моя подруга не предложила пройти сквозь регрессию, чтобы разобраться в причинах этой проблемы. Я была совершенно измотана бессонницей и согласилась.

«Кто ты?» – спрашивал меня гипнотизер во время регрессии. Я ответила, что я молоденькая девушка, которую зовут Афиной, – служанка в греческом доме. Каким-то образом я знала, что я и есть эта девушка. Я испытывала ее чувства и знала ее мысли. Как-то в негодовании я отбросила кухонные принадлежности и побежала по улицам по направлению к лагуне. Я сбросила свою одежду на землю, а сама прыгнула в воду. Вода была такой приятной! Через несколько минут на берегу появился мужчина и приказал мне выйти из воды. Я отказалась, так как он не хотел бросить мне моей одежды. Я так и оставалась в воде, пока неожиданно не налетел шторм. Я утонула.

Вскоре после этой короткой регрессии моя бессонница прошла. Меня больше никогда не беспокоили кошмары о погружении под воду.

Дана не упомянула о том, консультировалась ли она с врачами по поводу своей бессонницы, но если и консультировалась, то любой психотерапевт-традиционалист истолковал бы ее кошмар, связанный с водой, как символ какой-то скрытой проблемы, уходящей корнями в детство. В зависимости от школы, к которой принадлежит психотерапевт, он мог бы истолковать сновидение как метафору поглощения материнской волей, как симптом иной ситуации, связанной с удушьем, как раскрытие забытых переживаний во время рождения или как токсикоз при беременности. Подобные выводы могли бы подойти для других людей с такими же симптомами, но не для Даны.

Скорое и полное исцеление Даны от кошмаров, преследовавших ее всю жизнь, доказывает, что ее страхи были связаны с реальными событиями далекого прошлого, а вовсе не носили метафорический или символический характер. Это были образы, обладающие *буквальным значением* и относящиеся к настоящей смерти под водой. Мы окажем своим детям большую услугу, если в дополнение к символическому истолкованию их сновидений присмотримся к буквальному значению этих образов.

Кошмары и старая парадигма психологии

Джоан, как и Дана, страдала повторяющимися кошмарами с самого раннего детства. Ее родители обратились за помощью к профессионалам, но ни один из врачей не думал о воспоминаниях из прошлых жизней и потому не мог дать действенного совета о том, как избавиться от страшного сновидения. Эти страхи продолжались до тридцати лет, пока Джоан не встретила психотерапевта Тельмой Фридмэн, живущей в северной части штата Нью-Йорк. Доктор Фридмэн сразу же распознала воспоминания о прошлых жизнях, стоящие за кошмарами Джоан, и опубликовала этот случай в *Journal of Regression Therapy* [8].

Моей пациентке Джоан было около тридцати пяти лет, она была замужем и имела троих детей. Ее всю жизнь преследовал один и тот же повторяющийся кошмар, точнее говоря, это была комбинация кошмарных видений.

Согласно ее словам, это происходило всегда одинаково: она холодела и испытывала ужас во время сна, а пробудившись, видела свою комнату залитой странным голубовато-серебристым светом. У противоположного конца комнаты стоял старый мужчина, одетый в старомодный измятый костюм. Эта фигура всегда оставалась недвижимой, но *глаза* мужчины неотрывно смотрели на нее из-под поляй выдавшей виды шляпы, надвинутой на самые брови. При виде этой фигуры Джоан неизменно вскрикивала, и видение исчезало. Исчезал и серебристо-голубой свет, заливавший комнату.

Когда Джоан было около трех или четырех лет, ее озабоченные родители решили обратиться за советом к педиатру. Он успокоил их, убедив, что через пару лет кошмары пройдут.

Но когда Джоан исполнилось восемь лет, кошмары не прекратились, и родители обратились за помощью к психиатру. Психиатр приходила к ним каждую неделю, но ее визиты не принесли никакого видимого результата. Наконец, она заявила родителям Джоан, что их дочь совершенно нормальная, умная девочка, но обладает слишком развитым воображением. Под конец она посоветовала им не волноваться, так как кошмары исчезнут через пару лет.

Когда Джоан исполнилось четырнадцать лет, кошмар продолжал ей сниться приблизительно каждые две недели. Она и ее родители почти смирились с этим. Но с каждым новым кошмаром таинственная фигура приближалась все ближе и ближе к ее кровати. Это становилось настолько страшно, что родители девушки решили прибегнуть к помощи другого психиатра. Он пришел к ним и провел «множество тестов» во время нескольких первых встреч. Затем назначил ей шестимесячный курс лечения, во время которого они говорили о детстве Джоан. Наконец психиатр пришел к выводу, что Джоан здоровая девушка, и посоветовал родителям не беспокоиться, так как все должно пройти через пару лет.

В колледже, когда Джоан было двадцать лет, ее соседка по комнате в общежитии, напуганная ночными криками Джоан и рассказами о кошмарах, убедила ее обратиться в консультативный центр. В центре Джоан объяснили, что она страдает от глубоко укоренившейся враждебности по отношению к родителям и все пройдет только тогда, когда девушка станет полностью самостоятельной и освободится от их опеки. Они посоветовали Джоан вести в колледже активную половую жизнь, чтобы избавиться от напряжения.

Ее последняя попытка лечения – до ее обращения ко мне – произошла сразу же после свадьбы, когда Джоан было двадцать шесть лет. Муж Джоан, испуганный состоянием жены, отвел ее к психиатру, который, в свою очередь, направил ее в местный психиатрический центр для исследования и лечения. Она оставалась там несколько недель, пока не была выписана с диагнозом общего тревожного состояния и с предписанием транквилизатора. Ей и мужу советовали не огорчаться – кошмары пройдут через несколько лет.

Ко мне Джоан обратилась по совету своей сестры, которая была обеспокоена тем, что, хотя та достигла вполне зрелого возраста, кошмары не прекратились. Ее сестра советовала Джоан пройти сеанс гипноза, так как до встречи со мной ее никто не лечил гипнозом. Джоан пришла в отчаяние и была согласна испытать все что угодно, хотя давно потеряла веру в медицину, что не колеблясь объявила мне при первой же встрече. Но она никогда не представляла себе, что этот кошмар может завести ее в прошлую жизнь.

Джоан была дрожа, когда она говорила о своей жизни, полной страхов. А сновидение становилось все более страшным. В детстве «старик» стоял на противоположной стороне комнаты, с годами он все приближался, а к тому времени, как Джоан обратилась ко мне, он начал появляться у самой кровати. Джоан привыкла жить с этим кошмаром, но сейчас, когда ей было за тридцать, страх проснулся в ней с новой силой, так как она даже не могла представить, что произойдет с ней, если старик приблизится настолько, что сможет *прикоснуться* к ней.

Я была откровенной с Джоан и сказала, что не исключено, что она подверглась сексуальному надругательству в раннем детстве, а этот «старик» – не что иное, как подавленное воспоминание. При этих словах она просто рассмеялась мне в лицо, заявив, что три мои предшественника говорили то же самое и изо всех сил пытались заставить ее вспомнить об этом сексуальном надругательстве, но у них так ничего и не вышло. Психиатры, лечившие ее в детстве, очевидно, также были уверены в этом, так как она помнит, что те постоянно просили ее играть в куклы, разделив роли на мужские и женские. Но ни один из психотерапевтов не смог доказать своей теории, а кошмары продолжались. Ей хотелось узнать, может ли гипноз открыть истину. Не важно, какой она окажется. Джоан решила на это.

Должна признаться, что я, как и другие психотерапевты, в первую очередь заподозрила, что Джоан подверглась сексуальным домогательствам со стороны «старика», я и не думала, что причина лежит в прошлой жизни. Джоан легко вошла в гипнотическое состояние, и я, используя технику управляемого воображения, провела ее на красивую лесную поляну. На поляне я зажгла белый свет, окруживший ее покоем. Затем я попросила Джоан вывести на противоположную сторону поляны «старика».

Ей это удалось сделать без всякого труда. Он стоял напротив нее, одетый во все тот же измятый костюм, наблюдая за ней из-под полей шляпы, хотя она не могла разглядеть его глаз. По моей подсказке она попросила человека взглянуть прямо на нее, но через минуту ответила, что он не хочет этого делать.

Однако она заявила, что чувствует, что он чего-то от нее хочет. Естественно, я проинструктировала Джоан спросить, чего же он от нее хочет, но после непродолжительного молчания та ответила, что «старик» отказывается говорить. Короче, он не смотрел на нее прямо, ни слова не произносил – просто стоял на месте.

Тут я спросила, не хочет ли она исследовать то, что произошло между ней и этим человеком в детстве. Она ответила положительно. Тогда я посоветовала ей спокойно отправиться во времени на пять минут раньше их последней «встречи». Я все еще не думала о возможности прошлой жизни и ожидала, что на поверхность всплывает воспоминание из детства Джоан.

Она увидела себя как взрослую женщину, сидящую на каменистом холме. Рядом с ней находилась маленькая девочка, собирающая дикие цветы. Мужчины нигде не было видно. И все же, описывая сцену, Джоан растерялась, так как там она была одета в длинное старомодное платье, а девочка, бегающая возле нее, не была ее дочерью из этой жизни. Я решила, что она проскользнула в прошлую жизнь, и спросила, где она находится. «Я думаю, это Испания», – ответила Джоан.

Я проинструктировала ее возвратиться в свое детство из той жизни, рассудив, что будет лучше, если рассказ о прошлой жизни будет вестись в хронологическом порядке. «Старик» должен появиться раньше или позже. *Это* перенесло нас в Англию.

Джоан рассказала о своей жизни в начале девятнадцатого века. Она росла в английском приморском городке, и, когда ей исполнилось пятнадцать лет, ее овдовевшая и обедневшая мать выдала ее замуж за процветающего местного лавочника. Ее мужу было больше сорока и он отличался чопорностью и строгостью. Это и был человек из кошмаров Джоан. Юная девушка сперва была ошеломлена прекрасным новым домом, красивыми новыми нарядами и своим статусом жены богатого человека. Но муж был слишком старым и слишком косным для нее. Вскоре он сам признался, что женился на ней, так как ему нужна была хозяйка в доме, а также он хотел сына, который унаследует его дело.

Время шло, а она все не беременела. Муж отдалялся все больше и больше. Она чувствовала одиночество и скуку. Произошло неизбежное: рыбаки приплыли в их порт, чтобы продать улов, и молодая женщина влюбилась в одного из них. Она удрала с ним в его деревню, находящуюся в Испании, где он представил ее всем как свою жену. Она стала втягиваться в новую жизнь и стала настоящей женой рыбака. Скоро она родила ему дочь.

Ее жизнь в Испании нельзя было назвать полностью счастливой. «Новый муж», как и остальные мужчины деревни, пропадал в море неделями, а деревенские женщины так и не допустили ее в свой круг, как «иностранку». И все же она была довольна, воспитывая дочь и принимая участие в общественной жизни, насколько ей это позволяли.

Однажды они с дочерью собирали цветы на холме. (Это была та самая сцена, с которой начался наш сеанс.) Девочка находилась неподалеку, когда Джоан подняла глаза и увидела своего настоящего английского мужа, шагающего по склону холма по направлению к ней. Его дорожный костюм был измят и испачкан. Он выследил ее. За ним шли женщины из деревни.

Он подошел к ней вплотную. Она продолжала сидеть на земле с охапкой диких цветов на коленях. Он ничего не произнес, но смотрел на нее сверху вниз с выражением презрения, застывшим на лице. Затем так же молча он изо всех сил пнул ее ногой. Деревенская женщина, стоявшая рядом, тут же подхватила камень с земли и запустила его в Джоан. К ней присоединились остальные односельчанки. Они осыпали ее оскорблениями и камнями. Она умерла, забитая камнями, которые бросали «благоверные» женщины испанской деревни, возмущенные ее поступком. Последнее, что она видела перед смертью, – это своего мужа, пассивно стоящего в стороне и наблюдающего за ее агонией из-под полей низко опущенной шляпы. Она не могла увидеть его глаз. Вся сцена была пронизана отраженными от морской поверхности лучами заходящего солнца.

Закончив исследовать ее прошлую жизнь, я поняла, что эти двое людей имеют в своем прошлом незавершенное дело. Они должны простить друг друга. Так что я снова предложила Джоан отправиться на лесную поляну. Но в этот раз я посоветовала ей самой подойти к своему мужу и спросить, что он от нее хочет, а затем попросить прощения за то, что убежала от него. Затем она должна простить

его за то, что он не заступился за нее и безучастно наблюдал за тем, как ее убивают. Он был холодный, черствый человек, а она была романтической, мечтательной девушкой. Они поженились, руководствуясь своими собственными эгоистическими интересами, и трагедия была вполне предсказуемой.

Сейчас Джоан осознала это и, выйдя на поляну, позвала «старика», обращаясь к нему по имени – Уильям. Она плакала, спрашивая, что он хочет от нее. На сей раз он дал ответ: он хотел вернуть ее назад как свою жену.

По моей подсказке она сказала ему, что их время давно кончилось, что она перешла в иную жизнь и что он должен простить ее и не преследовать в новой жизни. Казалось, он понял, посмотрел на нее и, взяв ее руки в свои, заговорил дружелюбно. Затем он улыбнулся и растаял. Джоан прокричала «прощай» ему вслед, продолжая плакать.

Прежде чем возвратиться в состояние полного бодрствования, Джоан сказала, что чувствует себя лучше, чем когда-либо. Она «знала», что ее английский муж не будет тревожить ее больше никогда. Я не была столь уверена, но Джоан оказалась права. Я поддерживала с ней контакт на протяжении девяти лет. Недавно я говорила с Джоан по телефону, и она сообщила, что, хотя кошмар больше ни разу не повторялся, ей интересно знать, где сейчас ее «муж».

Доктор Фридмэн комментирует этот случай: «Если бы Джоан прошла сквозь регрессию в прошлую жизнь еще в детстве, скорее всего, она еще тогда излечилась бы от этого кошмара. Это позволило бы сэкономить ей время и издержки на бесполезную терапию.

Приходишь в отчаяние, когда осознаешь, какое количество детей страдает от повторных кошмаров, как и Джоан. Учитывая то, насколько легко дети в возрасте до пяти лет поддаются гипнозу, можно предположить, что для исцеления большинства из них хватило бы одного сеанса регрессионной терапии. При таком подходе прогноз освобождения от кошмаров был бы исключительно благоприятным, тогда как уникальность детской личности и таланты ребенка не подвергались бы никакой угрозе. Если мы правильно подойдем к этой проблеме, для ребенка это станет исключительно приятным переживанием».

Бруксизм¹⁴: рассказ об успехе

Я думаю, что тысячи детей страдают от ночных страхов и кошмаров и нуждаются в помощи. Их растерянные родители могут выкладывать крупные суммы психотерапевтам, которые бессильны чем-то помочь, как это делали родители Джоан. Этот случай, произошедший во Флориде, является, скорее, исключением. Кошмары Кейта о прошлой жизни были сразу же распознаны, а мальчик исцелен. Эта история способна внушить надежду всем родителям, чьи дети страдают от кошмаров.

Восьмилетнего Кейта отец привел к доктору Де Васто в надежде найти лекарство от бруксизма – вынужденного скрежетания зубами. Он уже прежде водил своего сына к нескольким стоматологам, но те не могли найти никакой патологии со стороны челюстей, могущей объяснить это состояние. Наконец последний из стоматологов предположил, что в данном случае может помочь гипноз, и порекомендовал доктора Де Васто. Вот что, по словам психотерапевта, произошло на сеансе:

Отец рассказал мне, что проблемы у Кейта начались совершенно внезапно шесть месяцев назад, и с тех пор его состояние все время ухудшалось. Во время первой беседы он сообщил, в общем-то мимоходом, что Кейту приснился кошмар приблизительно тогда же, когда и началось скрежетание зубами. Во время кошмара он испытывал удушье. Он не знал, отчего происходило удушье, но возникало чувство, словно его что-то раздавливало. После каждого из таких

¹⁴ Скрежетание зубами во время сна. – *Прим. перев.*

кошмаров Кейт просыпался очень напряженным и испытывал чувство глубокого страха.

Кейт производил впечатление очень приятного, умного и спокойного мальчика. У нас с ним сразу же установился хороший контакт. Я знал по опыту, что с ним мне будет легко работать. Я применил возрастную регрессию, чтобы отправить его к первому кошмару. Он легко регрессировал, но сопротивлялся моим попыткам заставить его взглянуть на ситуацию. Но мягкое убеждение сделало свое дело – история стала разворачиваться, и уже через минуту я буквально подпрыгивал на своем стуле от возбуждения, а отец Кейта казался совершенно ошеломленным.

Кейт стал рассказывать нам о пятнадцатилетнем французе, переживающем фашистскую оккупацию. Он говорил с позиций этого французского мальчика, Рене. Кейт сидел с закрытыми глазами и время от времени начинал дрожать всем телом, описывая события, проходящие перед его внутренним взором. Его односельчане, выстроенные в длинную шеренгу, шагали по направлению к его ферме под надзором немецких солдат. Солдаты ворвались на ферму, схватили Рене и всех членов его семьи и заставили присоединиться к шеренге. Кейт был в трансе и с закрытыми глазами жалобно повторял: «Скажите им, я не еврей. Скажите, что я не еврей!»

Но этим призывам никто не внимал. Через несколько дней после долгой ходьбы и железнодорожного переезда, Рене, вместе с остальными, был проведен сквозь сложную структуру, состоящую из колючей проволоки и заграждений. Его тошнило от запаха смерти, доносившегося со всех сторон. Затем их выстроили в одну шеренгу перед рвом. Люди, одетые в военную форму, стали стрелять в них из автоматов. Пуля задела висок Рене, и он упал в ров. Он чувствовал вес тел, падающих на него сверху. Он хотел вдохнуть и закричать, но не в силах был сделать этого из-за массы тел, навалившихся на него. Его крики остались беззвучными – внутренними. Он медленно умирал, исполненный страха и боли.

Весь сеанс продолжался около трех часов. Когда он подошел к концу, Кейт вздохнул с огромным облегчением. Единственное, что его отец смог выдавить из себя: «Я не могу поверить в это!» После проработки воспоминаний и объяснений всего, что произошло во время сеанса, отец и сын отправились домой. Больше Кейту никогда не снились кошмары, и он перестал скрежетать зубами по ночам.

Когда страх из прошлой жизни стал просачиваться в сны Кейта, он нашел свое выражение в форме бруксизма. Совпадение по времени кошмарных сновидений и физических симптомов подсказали доктору Де Васто, где нужно искать причину всего.

Телепатическая связь матери и ребенка

Я уже рассказала в предыдущих главах, как телепатическое общение между матерью и ребенком может стимулировать воспоминания о прошлых жизнях. Случаи, которые я приведу ниже, демонстрируют то, как телепатия связывает мать и ребенка в сновидениях о прошлых жизнях. В обоих случаях мать помогала исцелиться своему ребенку от тревожных воспоминаний о прошлых жизнях благодаря этой связи, возникающей во время сна. Эти случаи говорят о том, сколько всего нам предстоит еще изучить по теме воспоминаний детей о прошлых жизнях.

В среде сновидения встречаются внутренние миры ребенка и родителей. Сновидческая телепатия придает новое измерение феномену детских воспоминаний о прошлых жизнях, еще раз доказывая то, что родители способны помочь своему ребенку как никто иной.

Шэрон и Джоуи

Повторяющиеся сновидения о прошлой жизни привели Шэрон Бенедетто к специалисту по регрессиям. Эти регрессии стимулировали в ее сыне Джоуи кошмары о прошлых жизнях, которые они провели вместе. Позже, благодаря

телепатической связи с Шэрон, Джоуи был исцелен от этих болезненных сновидений.

Шэрон, живущая в Делавэре, прислала мне свой рассказ в письме:

Когда мне было под сорок, мой психотерапевт посоветовал мне попробовать пройти сквозь регрессию, чтобы понять, почему мне так часто снятся сны о человеке, которого я знала с детства. Этот человек являлся мне в снах на протяжении тридцати лет.

После легкой гипнотической индукции я увидела себя ступающей босыми ногами по пыльной дороге. Мне казалось, что эта дорога проходила через русскую деревню. Я была крестьянкой, женой любимого человека. У нас было много детей, в их числе и мой сын из этой жизни, Джоуи. Но ощущение покоя и счастья начало исчезать, когда небо почернело от грозowych облаков. Даже сейчас при воспоминании об этом я начинаю дрожать всем телом – опустошающий смерч пронесся над деревней, разрушив наш дом до основания. Мы потеряли многое, погиб младенец, но Джоуи выжил.

Вскоре после этой регрессии Джоуи, которому тогда было пять лет, приснился кошмар. Это был первый кошмар в его жизни. Я услышала его плач и побежала к нему наверх. Я знала, что ему снится, так как он плакал и звал маленького брата в той жизни, которую я видела во время регрессии. Я удивилась тому, что он вспомнил об этом сейчас. Я также удивлялась тому обстоятельству, что совершенно ясно осознаю то, что с ним происходит. Я утешила его, и он снова заснул. На следующую ночь ему снова приснился кошмар, и я сделала следующий шаг – я начала шептать ему на ухо, когда он вертелся и плакал во сне. Я рассказала ему, что шторм произошел очень давно и сейчас ему не угрожает никакая опасность. Я шептала ему все это очень спокойным и убедительным тоном. Вскоре Джоуи успокоился.

Но на этом еще не все закончилось. Джоуи приснился третий кошмар, и я поняла, что кое-что упустила, что он еще не простился с младшим братом. В этот раз я стала шептать ему, что младенцу сейчас уже ничто не угрожает, что он находится в ином месте и имеет иное тело. Я объяснила еще раз, что все это произошло очень давно и сейчас все мы можем жить спокойно. После этого он успокоился и заснул. Тогда ему было пять лет. На протяжении последующих семи лет ему ничего такого больше не снилось.

Я считаю, что это прекрасный пример того, как я и мой сын исцелились благодаря нашей связи, возникшей в общих сновидениях. Главным было то, что я поверила своей материнской интуиции. Я инстинктивно поняла, что происходит с моим сыном, и сделала все, чтобы помочь ему. Мне оставалось лишь следовать своему внутреннему голосу.

Опыт Шэрон демонстрирует то, что бессознательная связь посредством сновидений вполне возможна. Здесь мы видим иной способ помощи ребенку со стороны родителей.

Глэдис Мак-Гэри

Следующий необычайный случай передан Глэдис Мак-Гэри, врачом-гинекологом, практикующей в Аризоне. Эта история открывает новый аспект в вопросе о телепатической связи матери и ребенка посредством сновидений. Это также пример того, как воспоминания о прошлых жизнях влияют на поведение плода в матке.

Доктор Мак-Гэри опубликовала этот случай в своей книге *«Рожденные, чтобы жить»*.

Случай, произошедший с одной из моих пациенток-рожениц, оказал на меня поистине сильное воздействие. Во время последних шести недель беременности, когда беременная женщина приходила ко мне в клинику, я определяла ягодичное предлежание плода. И каждый раз я поворачивала плод таким образом, чтобы он занял головное предлежание. Но женщина приходила снова, и я неизменно

определяла ягодичное предлежание плода. В конце концов я научила ее, как следует переворачивать плод самостоятельно, поскольку это было простейшим приемом, которому легко могли научиться будущие матери.

Это продолжалось до самых родов. Когда у молодой женщины начались предродовые схватки, я примчалась в родзал, уверенная, что плод снова находится в ягодичном предлежании. Так оно и было. Я легко изменила предлежание в очередной раз, и роды прошли благополучно. Я скоро забыла об этом происшествии, так как все окончилось хорошо, хотя это был довольно любопытный клинический случай.

Когда эта женщина пришла ко мне через месяц на проверку со своим ребенком, она заявила мне: «Не знаю почему, но этот ребенок совсем не похож на остальных, которых мне доводилось видеть: он все время кричит. Иногда у него просто появляется испуганное выражение и он начинает кричать. Я ничего не могу сделать, чтобы успокоить его».

Через неделю женщина снова явилась на прием. Она рассказала мне, что, отчаявшись успокоить ребенка, она опустила его на постель и сказала ему: «Я ничего не могу поделать с тобой, я старалась как могла, но ничто не помогло. Ты явно напуган и с тобой творится что-то не то. Что это такое? Как я могу помочь тебе?»

Конечно же младенец ничего не ответил на это, да и мать ничего не ожидала услышать.

Но этой ночью ей приснился сон. Во сне она видела схватку, которая произошла между большой группой белых всадников и горсткой индейцев. Местом действия была гора возле Феникса¹⁵, и битва развернулась на вершине утеса над отвесным обрывом. Один из индейцев потерял равновесие и полетел вниз на камни, устилавшие дно каньона. Затем перспектива изменилась, и мать увидела себя возле того места, куда упал индеец. Она подошла к тем самым камням, на которых нашел свою смерть краснокожий воин. По мере того как она приближалась к погибшему, он становился все меньше и меньше. Наконец женщина узнала в нем своего ребенка.

Позже, когда она проснулась, значение сна начало доходить до ее сознания. Если ее сын в прошлой жизни был действительно индейцем, упавшим с кручи, то эти повороты в матке были не чем иным, как повторением его падения, когда он летел по воздуху, непрерывно кувыркаясь.

После этого сна младенец продолжал кричать и пугаться, но мать почувствовала, что с ним творится. Когда ребенок заснул, она начала шептать ему: «Что было – то было. То, что было, уже не вернется. Тебе незачем переживать все это вновь. Ты сейчас в другой жизни, где тебе ничто не угрожает. Ты должен отделаться от этого чувства страха».

После этого разговора мальчик больше никогда не заходился в крике, как прежде. Его больше ничто не пугало. С этих пор он стал счастливым и умиротворенным младенцем.

Доктор Мак-Гэри снабдила свой рассказ следующей исторической справкой:

Из истории Аризоны известно, что солдаты Компании «Б» из аризонского добровольческого полка поднялись по тайной тропе на вершину горы Пикачо возле Феникса, где атаковали семьдесят пять индейцев племени апачи. Раздавались выстрелы и боевые кличи, отчаявшиеся индейцы прыгали с утеса на камни внизу. Легенда гласит, что пятьдесят индейцев были убиты во время первой атаки, оставшиеся тридцать пять прыгнули вниз, предпочтя смерть пленению [9].

Эта история необычайна в нескольких отношениях.

Во-первых, еще в утробе матери ребенок проигрывал сцену своей гибели, постоянно переворачиваясь. Возможно, это демонстрирует то, что *поведение*,

¹⁵ Столицы штата Аризона. – Прим. перев.

продиктованное опытом прошлой жизни, начинается еще *перед* рождением. Психотерапевты, специализирующиеся на прошлых жизнях, знают о подобном феномене и часто встречаются с подобными примерами в своей работе. Они обнаружили, что большое количество пренатальных переживаний является не чем иным, как проигрыванием эпизода, предшествующего смерти. Доктор Вулгер пишет: «Когда при тяжелых родах ребенок получает серьезную травму, эта травма часто символически отражает аккумулярованные переживания смерти в прошлых жизнях» [10]. Например, ребенок, вокруг шеи которого обвивается пуповина, мог принять смерть в прошлой жизни через повешение.

Во-вторых, когда отчаявшаяся мать, фигурирующая в этой истории, спрашивает у своего ребенка: «Как я могу тебе помочь?», она получает ответ в виде сновидения. Это сновидение объясняет поведение ее сына в чреве и ту боль, которую он испытывает сейчас.

И наконец, используя информацию из сновидения, мать оказывается в состоянии помочь своему сыну, поговорив с ним – признав подлинность его переживаний из прошлой жизни, точно так же, как это делают матери со старшими детьми, чтобы прояснить их воспоминания о прошлых жизнях. Конечно же, младенец не мог понять слов своей матери, но каким-то образом ее намерения дошли до него.

Пример этой матери демонстрирует нам еще раз, как и в случае с Шэрон, что сновидения действительно могут стать средой общения между матерью и ребенком, а травматические воспоминания о прошлых жизнях могут быть поняты и исцелены благодаря телепатической связи во сне.

Часть третья. Прислушайтесь к ребенку

Глава четырнадцатая. Взрослые и их религия

Взрослый человек может научиться у ребенка многим вещам, так как маленькие дети чисты и Великий Дух может показать им многие вещи, которые не видны взрослым.

– Черный Лось из племени оглала народа Сиу [1]

Лицом к лицу с реинкарнацией

Родители, услышав, как их ребенок говорит о прошлых жизнях, не могут не принять идею реинкарнаций.

Некоторым это доставляет неприятные переживания, так как слова ребенка противоречат их религиозным убеждениям, другие же, напротив, радуются, так как это является подтверждением того, о чем они давно подозревали. Но для всех родителей, с которыми мне приходилось говорить, сила детских воспоминаний брала верх над любой религиозной доктриной, которой их учили. Их внезапное понимание реинкарнаций как практической реальности расширило их старые представления о том, что возможно в жизни и во Вселенной. Все они отмечали то, что их убеждения изменились в корне после того, как их маленькие дети бесхитростно заговорили о своих переживаниях в глубоком прошлом.

Лайза признает, что именно ее дочь, Кортни, вывела ее из духовного неведения и заставила пересмотреть старую систему убеждений.

Я никогда не верила в реинкарнации до того, как Кортни не начала говорить мне об этих вещах. Я выросла в семье, где исповедовалось лютеранство в стиле штата Миссури – только геена огненная и муки вечные, а каждое слово в Библии было неоспоримым. Мое детство прошло в строго религиозной среде.

Но Кортни произвела революцию во всей нашей семье. Во всем этом есть что-то очень реальное, хотя я еще не до конца разобралась. Мне казалось, что я смогу обдумать подобные вопросы, развалясь в кресле-качалке, когда мне будет за шестьдесят, и никак не ожидала того, что многие ответы мне подскажет двухлетний ребенок.

Иногда я чувствую себя словно отрезанный ломоть и не хочу заходить слишком далеко, боясь потерять дорогу назад. А Кортни тянет меня вперед. Это смешно, однако я стала получать удовольствие. Все произошло очень неожиданно. Я думала, что это должно случиться позже... она сделала так, что именно сейчас это стало необходимо.

Мэри Флеминг, мать детей-художников, рассказывает о том, как их заявления помогли ей расширить свой кругозор:

Чувствуешь себя как-то не по себе, когда маленькие дети начинают толковать о жизни и смерти, о реинкарнациях и Боге. Но это исходило от моих собственных детей, и я не могла отместить это в сторону. Я должна была произвести переоценку своих представлений и взглядов на жизнь и на *то*, почему мы находимся в этом мире.

Мои родители довольно ревностные католики, и я не знаю, что Церковь может сказать об этих идеях. Но я должна верить своим собственным детям, когда они говорят такие вещи.

Правда, заключенная в словах детей, инициирует цепную реакцию нового понимания. Понимания не только жизни и смерти, но и того незримого духовного мира, который движется вокруг и сквозь нас. Когда дети так невинно начинают говорить о смерти и возрождении – о тех тайнах, которые, как мы считаем, стоят выше их понимания, – мы чувствуем, что все это правда, так как она пульсирует сквозь наши тела. Когда истина доходит до нас через наших детей, что-то начинает шевелиться внутри нас. Мы пробуждаемся для иной реальности, начинаем замечать вещи, на которые никогда не смотрели раньше.

Это подобно тому, когда вдруг бросаешь взгляд на паутину, на которой дрожит роса в тот момент, когда солнце освещает ее под нужным углом. Мы сразу же начинаем видеть сложную сеть, объединяющую всех людей мира и все события нашей жизни. Мы начинаем понимать, что ничто не происходит случайно, совпадения обретают смысл. На мгновение нам удается различить тот пунктирный рисунок, в котором соединены все вещи наружного и внутреннего миров. Но мы могли бы оставить все это без внимания, если бы маленький ребенок не потянул нас за рукав и указал рукой на паутину.

Пат Кэрролл, мать Билли, так описывает эту перемену восприятия:

Мой опыт с Билли помог расширить мои горизонты. Сейчас я воспринимаю все вещи по-другому. Я была просто очень поверхностным человеком раньше. Воспоминание Билли помогло мне начать думать. Я чувствую, как стало расширяться мое мышление – никакая идея не кажется мне сейчас невозможной. Раньше я просто была закрыта для всех возможностей, которые предлагала мне жизнь.

Я многое *чувствую* сейчас. Я научилась прислушиваться к своей интуиции и осознавать мир. Я могу почувствовать, что происходит во мне, – и узнать, хорошо это или плохо. Я не должна получать мощных ударов по голове, чтобы расшифровать смысл скрытых посланий. Сейчас, открывшись для мира, я вижу чудеса повсюду! Это было бы невозможно, если бы не Билли.

Когда мы верим тому, что говорит наш ребенок, то открываем себя для идеи, что мы также жили раньше и будем жить еще. Мы чувствуем себя более живыми, осознавая, что самая глубокая часть нашего сознания никогда не умрет. Мы чувствуем, свою связь с великой силой – источником всей жизни и энергии. Наши сердца и наш разум расширяются для новых вибраций.

Филлис Элкинс после разговора с Натали приобрела новый взгляд на мир, полный надежды и значения.

Меня воспитывали как католичку. Но сейчас я не особо религиозный человек. Я верю в Бога так, как подсказывает мне моя душа. Мы никогда не говорили с Натали относительно религии. Говорили лишь, что верим в Бога. Мой муж также

человек широких взглядов. Но когда мы впервые услышали это, было такое ощущение, словно нас вышвырнули за стену. Это все равно что произвести на свет ребенка – у вас тут же появляется иной взгляд на большую картину жизни. Вы меняете свои представления о том, что важно, а что нет.

Я думаю, очень утешительно считать, что после того, как умрешь, ты можешь возвратиться на землю опять и разобраться с незавершенными делами. Возможно, мы даже окажемся снова в своих семьях. Благодаря Натали я сейчас действительно считаю, что такое возможно.

Восприятие действительности, да и сама жизнь этих родителей изменились благодаря тому, что они поверили своим детям. При этом они не позволили своей формальной религии стать между собой и любовью к детям. Они либо отбросили религиозные доктрины, мешающие им смотреть на вещи открыто, либо расширили свою веру настолько, что в ней появилось место для идеи о реинкарнациях.

Но не всем это дается так просто. Когда я говорила с некоторыми родителями, они казались нервными и не знали, что и думать по поводу того, что говорит их ребенок. Они говорили мне шепотом: «Это может показаться очень странным, но...» или: «Пожалуйста, не подумайте, что я сумасшедшая, но...» Я убеждала их как могла, что они попали в хорошую компанию, так как они не единственные, кто слышит подобные вещи от своих детей. Они испытывали явное облегчение, найдя хоть кого-то, кто мог понять их. Они были благодарны возможности говорить открыто о вещах, волнующих их, не чувствуя себя при этом виноватыми или сумасшедшими. Они признавались мне, что не могли говорить об этих вещах в кругу своих семей или – упаси Бог – со своими священниками, раввинами или исповедниками. Они просто боялись этого. Они знали, что эти вещи не согласуются с их религиозными доктринами и их могут осмеять или подвергнуть ostracism за то, что они предпочли своей вере эту «вредную чепуху».

Я много думала об этом. Если эти родители, все же отважившиеся найти меня, проявляли такую нервозность, сколько же иных родителей скрывают от всего мира воспоминания своих детей о прошлых жизнях? Или, хуже того, сколько таких родителей, которые запрещают своим детям говорить о таких вещах и отрицают то, что они видели своими глазами или слышали своими ушами, из боязни подвергнуться критике со стороны соседей или церкви?

Эта боязнь и является наибольшей преградой вприятии детских воспоминаний о прошлых жизнях. Я решила провести самостоятельное расследование, чтобы понять этот вопрос получше. Меня интересовало, почему идея о реинкарнациях имеет столь дурную репутацию в культуре Запада. В мультяшках и в телевизионных программах реинкарнации высмеивают как глупый предрассудок. Для многих людей само слово «реинкарнация» ассоциируется с поклонением корове или представлением о том, что если вы сделаете что-то плохое в этой жизни, то возродитесь как слизняк. Иногда, когда я рассказываю людям о теме этой книги, они начинают напевать мотивчик из «Сумеречной зоны», вежливо намекая на то, что это по меньшей мере странно. Когда Ширли Мак-Лэйн¹⁶ опубликовала рассказ о своем переживании реинкарнаций, ее имя стало синонимом шутки по поводу реинкарнаций.

Но все же здесь происходят интересные вещи, так как публичный имидж идеи реинкарнаций отнюдь не совпадает с тем, во что люди верят в глубине души. Согласно недавнему публичному опросу, 27 процентов взрослых американцев анонимно признались в то, что верят в реинкарнации. И хотя шутить по поводу откровений Ширли Мак-Лэйн считается хорошим тоном, миллионы людей купили и прочли ее книги о реинкарнации. Откуда взялся этот странный двойной стандарт? Откуда пришла эта боязнь?

¹⁶ Американская киноактриса и автор ряда книг.

Универсальная духовная идея

Отчасти проблема состоит в престоле игнорировании фактов. Поскольку о реинкарнации редко говорят как о серьезной духовной идее в школах и, конечно же, в большинстве религиозных учреждений, большинство западных людей знают об этом то, что им удалось почерпнуть из мультяшек или анекдотов.

Несмотря на распространенное мнение, идея реинкарнации *не* привязана исключительно к Индии или какой-то определенной культуре. Это было твердым духовным убеждением миллиардов людей всего мира на протяжении многих столетий – глобальная идея, самостоятельно пробуждающаяся на каждом континенте и увлекающая множество людей – от тевтонов и кельтов Северной Европы до аборигенов Африки, Австралии и Америки. Сотни миллионов людей, исповедующих буддизм и индуизм, верят в реинкарнации. К этому благосклонно относится ислам – исламское мистическое течение, суфизм, сделало идею реинкарнаций краеугольным камнем своего учения. С этой точки зрения в масштабах всего мира иудейско-христианская культура, отрицающая реинкарнации, остается в явном меньшинстве.

По правде говоря, не существует такого понятия, как единая, фиксированная доктрина реинкарнаций. Невозможно сказать, что реинкарнация – это именно это, а не то. Это универсальная идея, как и вера в Бога, которая имеет различное толкование и принимает различные формы по всему миру. Некоторые понятия о том, как происходят перевоплощения, *являются* смешными предрассудками, чуждыми разуму современного человека. Но в иных местах учение о реинкарнациях как о мировом законе поднялось на высоту философии и может стать ценным дополнением для мысли Запада.

Что же касается механизма перевоплощения, то на этот счет существует множество представлений, разнящихся по всему миру. Например, на вопрос о том, сколько времени душа ожидает перевоплощения, некоторые отвечают, что не менее сотни лет, другие же считают, что между перевоплощениями существуют фиксированные интервалы в семь или двадцать лет. Ливанские друзья придерживаются крайней точки зрения, что перевоплощение происходит немедленно после смерти, без всякого переходного периода. Согласно их учению, последний вдох умирающего тут же сопровождается первым вдохом новорожденного, в которого вселяется его душа [2].

В некоторых культурах, религиях и сектах реинкарнации заключают в себе догматическую идею кары. Там она становится средством управления массами, так как эта идея спекулирует на страхе перед «плохим» перевоплощением. Например, кастовая система в Индии опирается на догму, гласящую, что люди при перевоплощениях восходят вверх по кастовой лестнице только после того, как пройдут через обязательные ритуалы [3]. В некоторых местных буддистских сектах считают, что человек, случайно забывший поднести воду святой статуе в семейной церкви, будет покаран бедностью в следующих жизнях [4].

В иных же культурах реинкарнация является жизнеутверждающей концепцией. Антрополог Маргарет Мид обнаружила, что как эскимосы, так и балинезийцы опираются на круг перевоплощений в своем отношении к обучению. Они верят, что их дети обладают пророческим даром и «с самого рождения начинают учить своих детей сложным вещам, веря, что те смогут скоро овладеть ими, так как дети, по существу, те же взрослые. Даже старики продолжают учиться, так как считается, что их усилия не пропадут напрасну» [5].

Версии реинкарнации, существующие в эзотерических традициях индуизма и тибетского буддизма, являются наиболее вдохновляющими и созвучными западному мышлению. Но даже буддисты и индуисты не сходятся во мнениях о том, что именно переходит из жизни в жизнь. Индуисты верят, что происходит индивидуальное путешествие души, буддисты же утверждают, что существует непрерывный поток сознания, закон причинно-следственной связи, но нет индивидуального путешествия

души. Однако и те, и другие сходятся в том, что закон природы, называемый кармой, определяет особенности возрождения.

Карма – это другая идея, тесно связанная с перевоплощениями, которую можно толковать очень широко, по, как правило, неверно понимаемая людьми Запада. На низшем уровне карма представляет собой не что иное, как закон причины и следствия, действия и противодействия. Христиане знают его как учение: «Что посеешь, то и пожнешь». Но карма действует на протяжении множества жизней. Согласно этому принципу все, что мы делаем, плохое или хорошее, оказывает воздействие на нас и на других, и последствия любого поступка в конце концов достигают каждого из нас в этой или в иной жизни.

Буддисты учат вовсе не тому, что карма – это закон неизбежной судьбы, как думают многие люди на Западе. Скорее, она определяет свободу воли. Закон кармы не диктует конкретных поступков. Карма спрашивает у нас, чему нам удалось научиться на наших ошибках. Когда мы создаем «плохую» карму, поступая эгоистично, нанося вред окружающим и самим себе, мы создаем дисбаланс в природе (иными словами, «грешим»), но Вселенная не судит нас за это. Просто происходит так, что все наши поступки возвращаются к нам по кругу, и у нас возникает возможность исправить их последствия. Мы создаем хорошую карму, поступая согласно гармонии и связанности всех вещей во Вселенной – иными словами, когда в наших поступках заключены любовь и сострадание. Главная идея кармы – это наша ответственность за свои поступки.

Реинкарнация и закон кармы объясняет парадокс, над которым мы, люди Запада, давно ломаем себе голову: кто делает так, что с хорошими людьми происходят ужасные вещи, почему негодяи часто выходят сухими из воды? Если не видеть главного аспекта кармы, может показаться, что жизнь несправедлива и всем управляет случай – космос бросает кости. Действительно, невозможно увидеть какую-либо моральную справедливость или смысл в пределах единственной жизни. Как происходит, что невинный ребенок рождается слепым или умирает в нищете? Но если мы станем рассматривать жизнь как единственный кадр на пленке со множеством кадров, наша перспектива изменится. Мы поймем, что пленку следует прокрутить полностью, и тогда перед нами предстанет история о справедливости, порядке и равновесии.

Итак, если реинкарнация является универсальной духовной идеей, не привязанной ни к какой особой доктрине или культуре, почему ей так противятся на Западе? Почему иудейско-христианская культура столь отличается от других мировых культур? В поисках ответа на этот вопрос я обратилась к истории иудаизма и христианства. Нет, я вовсе не тот человек, который любит копаться в древней истории, особенно истории религий, но то, что я обнаружила, было столь неожиданным и замечательным, что с лихвой вознаградило мои усилия.

Вначале я обратилась к христианству и обнаружила, что хотя идея реинкарнаций нигде в Библии не проповедуется, но и не отвергается. Там нет ни одной строки, говорящей против возможности реинкарнации. Собственно говоря, многие знатоки христианства считают, что Христос молчаливо подтвердил эту идею [6]. Историкам известно, что идея о реинкарнации являлась весьма распространенной на Ближнем Востоке в те времена, и Христос, очевидно, воспринял ее, не считая нужным делать те или иные комментарии по этому поводу.

Два фрагмента учения Христа, подтверждающие это, цитируются чаще всего. В Евангелии от Матфея Иисус говорит со своими учениками об известном пророчестве из Ветхого Завета. В нем речь идет о том, что возвращение пророка Илии будет предшествовать приходу Мессии:

И спросили Его ученики Его: как же книжники говорят, что Илии надлежит придти прежде?

Иисус сказал им в ответ: правда, Илия *должен* придти прежде и устроить все; Но говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его, а поступили с ним, как хотели; так и Сын Человеческий пострадает от них.

Тогда ученики поняли, что Он говорил им об Иоанне Крестителе [7].

Как это прямое заявление Иисуса Христа о том, что Илия пришел как Иоанн Креститель, может толковаться иначе, как перевоплощение?

А вот еще одна цитата из Евангелия от Иоанна. Ученики указали на человека, который был *рожден* слепым, и спросили:

Ученики Его спросили у Него: Равви! Кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?

Иисус использовал этот вопрос, чтобы поговорить о грехе, но важно и то, что он не отверг явное предположение, стоящее за этим вопросом. Как мог человек согрешить *до* рождения, если у него не было предыдущей жизни? Если бы Иисус хотел осудить реинкарнацию как лживую доктрину, он наверняка бы воспользовался предоставившейся возможностью, но он не стал этого делать [8].

Итак, когда христиане пришли к выводу, что идея о реинкарнациях – это грех, как это утверждают некоторые верующие? Ответ заключается не в словах Иисуса, а в организации Римско-католической Церкви. Самое любопытное – это то, что происходило на протяжении трех столетий, разделяющих скитания Иисуса в пустыне и установление доктрины, которую безоговорочно принимают современные христиане.

Догма жалит

Невероятная харизма Иисуса Христа и та благая весть, которую он принес с собой, в корне изменили жизни многих людей, знавших его и пришедших следом за ним [9]. Энтузиазм первых христиан распространился по всему Ближнему Востоку, и то, что начиналось как культ Христа в пыльной Иудее, переросло в революционное религиозное движение, охватившее всю Римскую империю.

По мере распространения идей, они фильтровались через теологические практики уже существующих религий и принимали такие формы, которые вряд ли смог бы узнать Христос. Это особенно относилось к институту духовенства, призванного служить посредником между человеком и Богом. На протяжении первых трех столетий Новой Эры не существовало единой христианской доктрины. Христианская теология и христианские доктрины, представляющие собой смесь интерпретаций учения Христа и философских воззрений из других религий, подвергались жаркому обсуждению по крайней мере последние триста лет [10]. Многие доктрины, которые современные христиане безоговорочно принимают, на протяжении длительного срока считались второстепенными идеями.

Известно, что некоторые христианские секты и христианские писатели принимали идею о перевоплощении как ценное дополнение к Христову учению. Ориген, один из высокочтимых отцов Церкви, являющийся, по словам св. Григория, «князем христианского учения третьего столетия», писал: «Всякая душа является в этот мир, набравшись сил благодаря победам и ослабленная поражениями в предыдущих жизнях» [11].

Итак, если идея о реинкарнациях вполне принималась ранними христианами, то почему она полностью изгнана из религии наших дней?

В начале четвертого столетия сильные фракции, существовавшие в христианской религии, стали вести жестокую борьбу за влияние среди верующих в то самое время, когда Римская империя распадалась на части. В 325 году Новой Эры Император Константин созвал глав враждующих христианских фракций на Собор в Никее. Он пообещал им оставить свои императорские интересы позади церковных, если те выработают единое кредо. Решения, принятые на Первом Соборе, заложили основу Римской Католической Церкви. (Вскоре после этого Библия и духовные книги также были проверены и изменены.) Во имя единства все верования, противоречащие принятому кредо, были отвергнуты, в том числе и идеи о перевоплощениях.

Позднее, под аплодисменты отцов Церкви, Константин двинулся войной на конкурирующие религии и утвердил еще более абсолютную императорскую власть

[12]. Благодаря союзу, заключенному между Церковью и имперской властью, возникла новая Церковь, дающая представление об автократической Римской империи. Как считают некоторые историки, именно по этой причине Церковь добилась неоспоримой центральной власти и получила возможность изгонять негодные ей идеи [13]. Это важно понимать, так как идея реинкарнации не согласуется с официальным кредо.

Очевидно, некоторые христиане продолжали верить в реинкарнацию даже после Никейского Собора, так как в 553 году Церковь выделила эту идею и осудила ее. На Втором Соборе в Константинополе концепция реинкарнаций вкупе с остальными идеями о «пре-существовании души» была предана анафеме.

Если кто-то собирается утверждать мысль о пре-существовании души или говорить о чудовищном воскрешении, что следует из этого, тот будет предан анафеме [14].

Почему Церковь пошла на такие меры, чтобы дискредитировать идею о реинкарнациях? Сам психологический подтекст реинкарнаций являет собой наилучшее объяснение. Человек, верящий в реинкарнацию, принимает на себя ответственность за собственный духовный рост, происходящий посредством возрождений. Ему не нужны попы, исповедники и ритуалы, чтобы оградить себя от проклятий (за все идеи, которые не вошли в Христово учение). Он должен только следить за своими собственными поступками. Идея реинкарнаций отвергает страх перед муками вечными, коими Церковь любит запугивать свою паству и тем самым держать ее в руках. Иными словами, реинкарнации непосредственно подрывают авторитет догматической Церкви. Нет ничего удивительного в том, что Защитники Веры так нервничали из-за реинкарнаций [15].

Но несмотря на декрет 553 года, вера в реинкарнацию продолжала существовать в среде христиан. Потребовались еще тысяча лет и множество жестоких кровопролитий, чтобы полностью искоренить идею. В начале тринадцатого столетия катары – просвещенные и преданные члены христианской секты, верившие в реинкарнацию, – процветали в Италии и на юге Франции [16]. Папа Иннокентий Третий, организовав Крестовый Поход, остановил распространение ереси и уничтожил полмиллиона человек – целые деревни, пораженные ересью, были сметены с лица земли [17]. Это «очищение» задавало тон вскоре начавшейся жестокой Инквизиции. Но преследования вызывала не только вера в реинкарнацию, а любая метафизическая идея, не вписывающаяся в рамки христианской догмы.

Преступная расторопность Инквизиции оказалась весьма эффективной. Церковь сумела внести страх в коллективную психику и окружила пас невидимым ограждением, разделяющим мир на то, во что верить можно, и на то, во что верить опасно. С тех пор люди, несущие в себе запрещенные идеи, научились держать свои мысли при себе. Наша культурная память до сих пор несет страх перед возмездием за открытую практику любых оккультных учений, использующих психические силы или веру в реинкарнацию.

Вот какова причина этого двойного стандарта. Не удивительно, что многие люди, тайно верящие в перевоплощения, боятся высказывать свои взгляды, чтобы не подвергнуться нападкам и не быть обвиненными в «прелести» (слово, обозначающее ересь). Возможно, поняв, где находится источник страха, мы сможем опрокинуть невидимые барьеры, ограничивающие наше мировосприятие. Итак, услышав, что дети заговорили о прошлых жизнях, мы сумеем пойти за своим сердцем, а не за своими страхами и прислушаться к их словам.

Виктория Брэгг и Новый Завет

Виктория Брэгг, благоверная христианка, поняла, что именно идея о реинкарнации была тем недостающим звеном, которое помогло ей укрепить свою веру.

Я провела два года в Библейском Колледже, но это ничего мне не прояснило. Я всегда оставалась бунтаркой, я все время задавала вопросы – я

была нарушителем спокойствия, не верящим в формальную доктрину, так как чувствовала, что от нас что-то скрывают. Я все время задавала такие вопросы, на которые никто не мог дать ответ.

После регрессий и всего того, что я пережила со своим четырехлетним Марком, я осознала, что наконец двигаюсь в верном направлении. Все стало на свои места. Все это значит для меня так много, так как никто не *заставлял* меня верить в подобные вещи. Это пришло само. Я верю в это просто оттого, что верю.

Это помогло моей вере в Новый Завет, так как реинкарнации не противоречат ничему тому, что написано в Библии. Моя вера в Святое Писание даже окрепла. Все представления прекрасно стали увязываться между собой, тогда как раньше я не могла понять многих вещей. Скажем, в Евангелии от Матфея Иисус говорит о возвращении Илии как Иоанна Крестителя. Сейчас я знаю, что это означает – Иоанн Креститель был перевоплощенным Илией.

Я думаю, что Иисус говорил нам, что следует возвратиться назад, чтобы научиться большему. Я верю также и в законы Кармы, а Библия учит: что посеешь, то и пожнешь. Я действительно верю в то, что мы создаем свою судьбу на земле, а также свой личный рай и ад.

Книга великолепия

Может ли человек, исповедующий иудаизм, верить в реинкарнации – верить в подлинность воспоминаний собственных детей о прошлых жизнях – без ущерба для своей религии? Большинство евреев будут удивлены, как была удивлена и я, узнав, что реинкарнации составляют ядро эзотерического иудаизма, называемого Каббалой. До того как приступить к этому расследованию, я была уверена, что иудаизм игнорировал идею реинкарнаций. Ведь об этом никогда не говорил мне ни один из членов моей семьи и об этом не упоминалось во время религиозного обучения. И все же это не так. Ученый иудей Симча Поул Рафаэль вдохновенно провозгласил: «Да, каббалист верит в реинкарнации! Реинкарнации столь же приемлемы для иудея, как кошерное вино Давида» [18].

В иудаизме не существует единой доктрины или догмы. Нет и единой книги, которая четко определяет религиозные воззрения, как Библия в христианстве. Иудеи черпают вдохновение и духовное наставничество в многочисленных священных текстах. Одним из таких текстов является книга мистических учений, составляющих ядро Каббалы. Это *Зохар*, или *Книга великолепия*. Эта книга вдохновляла иудейских мистиков по крайней мере с тринадцатого столетия, когда впервые появилась в Испании. Однако некоторые ученые верят, что эта книга существовала еще в дохристианские времена.

Книга великолепия прослеживает цикл смерти и возрождения, который называется *джилгул*, что означает как «колесо», так и «трансформации». Она учит, что каждое воплощение несет в себе неповторимую миссию, включает в себе необходимые уроки, которые следует пройти, дела, которые следует завершить, чтобы добиться баланса между добром и злом. Ультимативной целью *джилгул* является очищение души и освобождение от цикла земной жизни.

Чем больше я читала, тем больше изумлялась тому, насколько *Книга великолепия* точно повторяет мистические идеи индуистов и буддистов, в особенности те, которые изложены в *Тибетской Книге Мертвых*. Обе книги были написаны с целью помочь душе пройти сквозь этапы, следующие за смертью, и обрести новое воплощение. *Книга великолепия* описывает циклы эволюционного развития, где смерть является всего лишь одним из этапов путешествия души – дверь, открывающаяся в иные сферы сознания на пути к новому земному периоду. Как и буддистский текст, *Книга великолепия* говорит, что важнейшим моментом цикла сознания является момент смерти и что мысли, возникающие в нашем разуме в такую минуту, могут значительно повлиять на характер следующей жизни [19].

Как я была удивлена, обнаружив, что эти сокровища мудрости были зарыты в моем собственном саду, тогда как я искала откровений в эзотерических буддистских и индуистских текстах. Интересно, как изменилась бы моя духовная жизнь, узнай я о

Каббале в юности. Если бы я знала об этих учениях, когда мои воспоминания об уничтожении евреев нацистами стучали в мое сознание, возможно, я смогла бы гораздо быстрее понять, что же со мной происходит.

Почему бы современным евреям не узнать об этих прекрасных прозрениях о смерти и возрождении? Насколько я могу судить, они являлись ключевыми идеями иудаизма в средние века, но со временем отошли на второй план и были забыты. Я поняла, что ответ, скорее всего, кроется в отношении Римской Католической Церкви к евреям в средневековье. Когда Церковь играла главенствующую роль во всех европейских институтах, она принуждала евреев отречься от своей религии и принять христианскую теологию. Церковь настаивала на том, что лишь она должна контролировать дверь, ведущую в загробную жизнь. Официальный церковный декрет, принятый на Совете во Флоренции, не оставляет на сей счет никаких сомнений:

Никто из тех, кто стоит в стороне от Католической Церкви, – ни евреи, ни еретики, ни раскольники не смогут вступить в вечную жизнь, но будут гореть в вечном огне, приготовленном сатаной и его ангелами.

Века преследований отразились на психике современных евреев. В окружении христианского учения о загробной жизни, которое недвусмысленно отводило им место в аду, евреи изгнали саму идею о вечной жизни из своего учения, в том числе и мистические традиции *джилгул* [20].

Однако в наши дни мы видим пробуждение интереса ко всем мистическим традициям, в том числе и воскрешение Каббалы. *Книга великолепия*, появившись в новых переводах, получила больше читателей, чем когда бы то ни было. Изучив все это, я чувствую, что имею полное право говорить евреям, что вера в перевоплощения ни в чем не противоречит иудаизму. Напротив, веру в реинкарнации можно почерпнуть из самого сердца древней еврейской мистической традиции.

Да, Это Бог!

Когда ребенок говорит о воспоминании из прошлой жизни, словно круги расходятся по поверхности озера. В центре находится ребенок – исцеленный и переживший. Рядом стоят родители, замороженные истиной переживания – истиной настолько сильной, что она способна потрясти и сокрушить все устоявшиеся убеждения. Для того, кто не стал непосредственным свидетелем события, само прочтение книги или статьи о воспоминаниях ребенка о прошлой жизни способно настроить разум и душу на понимание. Детские воспоминания о прошлых жизнях обладают властью изменить жизнь.

Колин Хокен рассказывает о том, как изменилась ее жизнь:

Я думаю, что тот случай с Блэйком дал начало моему собственному духовному путешествию. Прежде я действительно была атеисткой. Я думала, что Бога нет. Были такие вещи, которые я просто не могла понять, например то, почему трехмесячные младенцы должны умирать. Я не могла представить себе, что Бог может быть столь жесток.

После воспоминания Блэйка я прочла много книг по реинкарнациям и поняла, как все это устроено. У нас много жизней, и мы изучаем различные вещи в этих жизнях. Мы также выбираем себе тело, в которое переселяемся. Это может быть тело с врожденными дефектами или человек, отстающий в развитии, но все это нужно нам для того, чтобы учиться. Прежде я думала, что Бог жесток, если такое выпадает на долю одного человека, тогда как другой получает прекрасную жизнь.

Но затем, когда я узнала, что прошлые жизни возможны, все стало на свои места. Я поняла, да, все это – Бог!

Глава пятнадцатая. Смерть – это возвращающаяся дверь

*Не забудь о том, что я должен вернуться к тебе...
Чуть позднее,
мгновение отдыха на крыльях ветра...
И другая женщина будет носить меня в себе.*

– КАЛИЛ ДЖЕБРАН [1]

Утрата ребенка

Нет большей трагедии, чем смерть ребенка, нет большей агонии и горя, от которых разрывается сердце и которые испытывает душа.

Когда ребенок умирает, родители в отчаянии ищут смысл этой трагедии. Обезумев от боли, они кричат: «Как Бог может быть так жесток, чтобы забрать нашего ребенка?» Они тщетно пытаются найти объяснение этому: «Что такого сделал мой ребенок, что заслужил смерть?» Они обязательно винят самих себя во всем, наполняя свою душу чувством вины: «Что сделала я, чтобы заслужить такое?» Если мы верим в то, что нам дана лишь одна жизнь, смерть ребенка кажется *нам* бессмысленной, невероятной утратой.

Ничто не может избавить от печали и боли при такой ужасной потере. Но если мы верим, что живем не один раз и что наши души – в особенности, детские – возрождаются быстро, то можем найти утешение в мысли, что ребенок скоро возвратится на Землю, чтобы начать жизнь заново.

Родители не утратят своей веры в Высший порядок и справедливость Вселенной, если они поймут, что смерть ребенка имеет свою цель, каким бы ни было их горе в этот момент. Каждая смерть является высшим кармическим событием как для того, чья душа отлетела, так и для близких, оставшихся на земле. Мы можем довериться логике космического порядка в том, что смерть имеет смысл, даже если этот смысл недоступен нашему постижению. Это немного облегчает наше отчаяние, и по мере того, как проходит время, перед нами открывается более глубокий смысл жизни, чем тот, который мы видели раньше.

Реинкарнации предлагают нам настоящую надежду совершенно реального чуда. Вполне возможно, что умерший ребенок может вновь родиться в той семье, которая его потеряла, совершив космическое сальто-мортале. Как явствует из следующих двух случаев, горячая молитва и упорная вера также играют свою исцеляющую роль.

Сила молитвы

Этот случай тщательно описан и хорошо известен в Англии. Первый рассказ о нем появился в лондонском журнале *Reincarnation International*. Доктор Стивенсон проследил за ним, верифицировал и опубликовал в книге *«Дети, которые помнят прошлые жизни»*. *Дженнифер и Джиллиан Поллаки*

Пятого мая 1957 года в семье Поллаков произошла страшная трагедия, когда две дочери – одиннадцатилетняя Джоанна и шестилетняя Джакелин одновременно погибли. Девочки шли на воскресную мессу, когда обезумевший водитель направил свой автомобиль на тротуар и на полном ходу налетел на сестер, так что они взлетели в воздух. Обе девочки умерли в ту же секунду.

За несколько лет до этого несчастья их отец, Джон Поллак, ревностный католик, верящий также в реинкарнацию, обратился с молитвой к Богу, прося предоставить ему доказательства реинкарнаций.

Сейчас он стал молить Бога вернуть девочек в семью.

В этот же год его жена, Флоренс, забеременела. Джон стал уверять ее, что к ним возвращаются их девочки как близнецы. Джон продолжал стоять на своем, наперекор гинекологу, утверждавшему, что его жена носит под сердцем только одного ребенка. Спор обоих мужчин продолжался до самих родов. Четвертого октября 1958 года Флоренс произвела на свет однойцовых близнецов – девочек. Их назвали Дженнифер и Джиллиан.

Тут же они обнаружили, что Дженнифер (*но не Джиллиан*) имеет два родимых пятна – белую линию на лбу и коричневую родинку на талии, которые совпадали по размеру, форме и локализации с родимыми пятнами, которые были на теле Джакелин. Это совершенно необычно, так как однояйцовые близнецы, имеющие идентичный генетический материал (Стивенсон провел тесты, чтобы доказать идентичность), должны появиться на свет с одинаковыми родимыми пятнами. Следовательно, эти родимые пятна имели не генетическое происхождение.

Когда девочки научились разговаривать, они стали вспоминать о деталях из жизни своих покойных сестер, которых они не могли ни от кого узнать. Был проведен тест, и они точно определили, какие игрушки принадлежали Джоанне, а какие Джакелин. Когда семья отправилась навестить тот город, где прошли первые годы Джоанны и Джакелин (впоследствии они переехали в другой город), девочки безошибочно указали дом, в котором жила семья Поллаков, а также дали точное описание школы и качелей, находящихся позади дома, прежде чем смогли увидеть их. Однажды, когда маленькие девочки играли, Флоренс услышала, как те проигрывают сцену несчастного случая: «Джиллиан держала голову Дженнифер и говорила, что кровь заливает ей глаза, так как именно туда ударила ее машина» [3].

Этот случай имел все признаки классических воспоминаний о прошлых жизнях – особенно родимые пятна. Джон Поллак был уверен, что Бог ответил на его молитвы и обе дочери возвратились в эту жизнь после страшного происшествия.

Возвращение в семью

История Поллаков о смерти сестер и их возрождении отличается большим драматизмом. Но она отнюдь не уникальна. Феномен *возвращения в семью* – реинкарнация в той же семье, в которой человек жил до своей смерти, – наблюдается удивительно часто. Ян Стивенсон документировал множество фактов возвращения детей в те же семьи. Харрисоны также столкнулись с этим явлением. Статистика, составленная из случаев Стивенсона и других исследователей, показывает, что 10 процентов детей возвращаются в семьи прежней личности [4].

В некоторых культурах (в Западной Африке, Бали, Бирме, среди индейцев и эскимосов) принято *ожидать*, что душа умершего – не важно, стар он или молод – воплотится хотя бы в том же племени, а то и семье, где он жил прежде. Когда рождается ребенок, его тщательно осматривают, чтобы определить по родимым пятнам, кто именно из членов их племени возвратился назад. Позже, чтобы убедиться в правильности своих предположений, они испытывают способность ребенка распознать вещи, принадлежащие покойному. Среди народа эбурас Западной Африки принято приветствовать новорожденного словами: «Ты пришел!» Они называют мальчиков Бабатунде, что означает: «Отец возвратился», а девочек Йетунде: «Мать возвратилась».

Этот случай стал мне известен благодаря друзьям. Его рассказала Хильда Свиджер, пожилая женщина из Флориды, которая верила, что ее молитвы помогут ей вернуть умершего сына.

Рэнди Свиджер

Я родилась в религиозной семье. Мой отец был пастырем в Церкви Бога в Индии. Он считал, что реинкарнации – это от дьявола. Многие люди разделяют такие взгляды.

Но я всегда верила в реинкарнации. Понимаете ли, в Библии есть слова о реинкарнации. В Евангелии от Матфея Иисус говорит своим ученикам, что Иоанн Креститель – это не кто иной, как возрожденный Илия. Люди просто пропустили эти слова мимо внимания. Люди теряют очень много, когда они не желают видеть.

Мой сын Ричард погиб в автомобильной аварии в 1977 году, когда ему было двадцать восемь лет.

Я все время молилась, чтобы он возвратился ко мне, и он мне постоянно снился. Последний сон о Ричарде мне приснился тогда, когда жена моего второго сына забеременела. В этом сне я умоляла его прийти на землю снова, но он

ответил мне: «Нет, я пробыл здесь, на другой стороне, достаточно долго и я не хочу возвращаться назад». Я плакала и умоляла его, говоря: «Я буду так хорошо к тебе относиться». Это был последний сон, в котором я видела Ричарда.

Вскоре после этого сна родился мой внук, Рэнди. Впервые, когда я увидела его, ему было две недели. Он протянул ручки к моему лицу и заглянул мне в глаза. Я сказала: «Ага! Я знаю, кто этот ребеночек!» Я могла различить душу в его глазах. Я сразу почувствовала сильную связь с ним и поняла, что это возвратился мой Ричард.

Когда Рэнди исполнилось два с половиной года, он сказал кое-что такое, что дало нам все основания считать, что он действительно вновь родившийся Ричард. Я переехала домой к своему сыну, и когда стала распаковывать вещи, то вытащила холст, на котором когда-то Ричард нарисовал рыбную ловлю. Когда Рэнди увидел эту картину, он тут же схватил ее и побежал к своему отцу. Он был очень возбужден и говорил: «Смотри, па, смотри! Я нарисовал это! Я нарисовал, очень давно».

В другой раз, когда ему было три с половиной года, он подошел ко мне и заявил: «Я был у тебя в животике перед тем, как прийти к маме. Но потом я умер и отправился на небо, и я видел там дедушку Джона. Но я знал, что ты ждешь меня, потому я пришел сюда вниз, в животик к маме, чтобы быть с тобой».

Джон был моим отцом, дедушкой *Ричарда*, Рэнди он приходился прадедушкой, но мальчик называл его *дедушкой* Джоном.

Когда Рэнди было четыре года, мы повезли его в Эпкот-Центр¹⁷. Когда мы пришли в ресторан, Рэнди заявил своему отцу: «Папа, мы сели неправильно. Мы должны сесть с той стороны, – Рэнди показал на столик у другой стены. – Там вы сидели в прошлый раз».

Вдруг мой сын понял, что Рэнди был прав. Они с женой сидели за тем столиком во время своего предыдущего посещения Эпкот-Центра, когда Рэнди только собирался появиться на свет. Мой сын удивленно спросил Рэнди: «Откуда ты знаешь об этом?»

Ответ Рэнди совершенно поразил нас: «О, я следил за вами с мамой, прежде чем родиться».

Вся семья сейчас убеждена в том, что Рэнди – это возрожденный Ричард. После гибели сына я действительно начала искать ответы, так как испытывала огромную боль. Нет ничего страшнее в мире, чем потерять ребенка! Большого горя никто не может пережить. Каждый год, когда исполнялась очередная годовщина смерти моего сына, я приходила на его могилу и отдавалась горю. Я могла сидеть там часами и плакать. Но затем появился Рэнди, и он заполнил ту дыру, где поселилось горе. Я знала, что это мой сын, возвратившийся ко мне. Я больше не должна ходить на кладбище.

Глава шестнадцатая. Взгляните на детей иными глазами

Наше рождение – лишь сон и забвение:

Наша душа – это наша звезда,

Что зародилась в предвечном движении,

С нами пребудет везде и всегда.

Но не в забвении и обнаженности,

Не в оскудении и обреченности –

Тучи, как шлейф за собой волоча,

Гордо из вечности сходит душа.

Небо склонилось над нашим младенчеством.

– УИЛЬЯМ ВОРДСВОРТ [1]

¹⁷ *Epcot* – Experimental Prototype Community of Tomorrow (Экспериментальный прототип общества будущего) – центр создан при Диснейленде во Флориде. – *Прим, перев.*

Принимая тот факт, что некоторые дети жили раньше, мы можем глядеть на детей иными глазами. Это изменяет наше понимание того, что представляют собой наши дети. Мы не можем уже взирать на них сверху вниз только потому, что они не выросли и не могут дотянуться до выключателя или завязать шнурки. Мы уже знаем, что дети – это не просто биологические существа, чье поведение обусловлено лишь наследственностью и внешней средой. Они также и духовные существа, принесшие с собой мудрость и опыт, приобретенные в предыдущих жизнях. Если мы примем *тот* факт, что дети – это умудренные опытом души, заключенные в маленькие тела, то поймем, что для них открыто гораздо большее, чем мы думали раньше.

Поначалу это осознание может показаться нам ошеломляющим и даже в чем-то пугающим, так как оно в корне отлично от того, что мы привыкли думать о детях. Это большая и внезапная перемены.

Шарлотт Свенсон обнаружила, что для того, чтобы привыкнуть к этой новой перспективе, требуется время:

Вначале, когда мои маленькие дети начали говорить все это, мне стало не по себе. «Я просто не хочу слышать это, – говорила я. – Лучше пребывать в неведении». Все дело в том, что их слова заставили меня задуматься, а не просто плыть по воле волн. Мне было не по себе, так как эти слова, казалось, не должны доноситься из уст маленьких созданий. Обычно думаешь, что дети рождаются, ничего не зная, и когда им четыре года, то им четыре года, а не тридцать или шестьдесят.

Сейчас я осознала, что дети действительно «настроены на волну» созидательной силы. Я хочу, чтобы их каналы оставались открытыми, чтобы поток не прекращался. Я хочу этого ради них и ради себя. И сейчас я осознаю, что мои дети могут научить меня большему, чем я их. Они продемонстрировали мне, что в мире существует нечто большее, чем видит глаз. Сейчас, благодаря им, я верю в вещи, стоящие за рамками «нормальной» жизни.

Поверив в подлинность воспоминаний о прошлых жизнях, мы начинаем смотреть на детей как на души, которые жили прежде, будут жить еще и явились к нам со специальной целью. Поэт Калил Джебран сказал: «Дети приходят через тебя, но не от тебя». В действительности, они Божьи создания, а не наши. Они рождаются у нас согласно плану, который мы не в силах осознать.

Это легкое изменение отношения делает нашу родительскую роль несколько иной. Мы видим, что развитие наших детей не зависит полностью от наших усилий. В сущности, перед нами разворачивается исполнение индивидуальной судьбы и достижение цели, с которой они явились в этот мир. Это гораздо ценнее и реальнее любого плана, который мы можем придумать для них.

Безусловно, защита и воспитание детей остаются нашим долгом. Мы должны их научить правилам, господствующим в этом мире, и тому, как уцелеть в нем. И мы должны радоваться, когда нам выпадает честь разделять с ними их интересы и мечты, учить их и учиться вместе с ними. Но мы должны пересмотреть свою роль всезнающих родителей и установить новые взаимоотношения с детьми, основанные на *молчаливом* уважении и признании. Тогда сможем восхищаться их оригинальностью и спрашивать: «А чему еще ты сможешь научить меня?» Эта формула взаимоотношений детей и родителей, корни которой уходят в духовность, становится более интересной для нас и дает возможность раскрыться ребенку гораздо полнее.

Согласно принципам возрождения и кармы, мы в каждой из жизней встречаемся с людьми, знакомыми нам по прошлым перевоплощениям, чтобы научиться урокам и завершить незаконченные дела. Каждый человек появляется в нашей жизни не случайно, и часто мы меняемся ролями. Ваш ребенок по этой жизни мог быть вашей женой, мужем, соперником, любовником или родителем в далеком прошлом. На уровне душ вы равны, просто кто-то из вас возвратился на землю на двадцать-тридцать лет раньше, чем другой.

Это новое восприятие придает новое значение нашим взаимоотношениям с детьми. Сумев посмотреть на детей новыми глазами, мы обращаемся к ним как к душам и спрашиваем: «Кто ты? С чем ты пришел ко мне?» Сумев открыть себя на духовном уровне и прислушавшись к тому, что говорит ребенок, мы сможем понять свое предназначение в этом мире более полно.

Колин Хокен знает, что Блэйк пришел к ней именно по этой причине:

Я вспоминаю, как моя свекровь, у которой, казалось, было какое-то шестое чувство, сказала мне, когда родился Блэйк: «Посмотри в его глаза. В этом маленьком теле заключена древняя душа». Сейчас я поняла, что она произнесла нечто очень глубокое. Она это просто видела. Сейчас я тоже смотрю на детей иными глазами и спрашиваю про себя: «Что за древняя душа кроется здесь?»

Мне действительно был необходим этот случай с Блэйком, так как я была такой потерянной раньше. Возможно, мои духовные проводники или ангелы знали, что я нуждаюсь в чем-то драматическом, чтобы мои глаза открылись.

Все дети, не только ваш собственный ребенок, являются духовными существами. Если они встретились на вашем пути – значит, на то есть причина. Виктория Брэгг поняла, что даже короткая встреча с ребенком может полностью изменить всю вашу жизнь:

Встреча с маленьким Марком словно распахнула передо мной дверь и помогла мне понять все, что происходило в моей жизни прежде. До нашей встречи мой дух бунтовал, а я даже не признавала этого. Он помог мне тем, что показал другую, большую, чем наша жизнь, картину. Он говорит, что нет ничего плохого в том, что мы верим, что были вместе раньше, и что нет ничего плохого в том, что мы грустим из-за этого. И он дает мне понять, что я не должна переживать из-за этого. Он говорит: «Вот я. И я тоскую по тебе, так как мы были вместе раньше».

Он помог мне понять, как должен проходить мой духовный рост. И он придал мне уверенность в своих силах. Он сделал это все сам. Я думаю, что именно для этого я встретила с ним. После всех духовных учителей, которые у меня были, моим лучшим наставником оказался четырехлетний мальчик.

Разум начинающего

Когда речь детей исходит непосредственно из их сердец и говорят они о небесах, смерти и возрождении, они затрагивают великие вопросы, которыми всегда задавались взрослые, создавая философии, религии и мифы, чтобы ответить на них. Удивительно, а иногда и страшно слышать, как малыши, перед которыми стоят такие проблемы, как вовремя сесть на горшок или побегать самостоятельно по двору, вдруг высказывают глубокие мысли по поводу этих величайших тайн Вселенной. Но все становится на свои места, когда мы осознаем, что они рассказывают о своих непосредственных переживаниях. Их память о духовных сферах еще свежа. Они до сих пор помнят о своем безвременном пребывании в безграничном царстве Бога, Христа, Аллаха, Будды, Яхве, Великого Духа... какое бы имя вы ни выбрали для универсальной любви и мудрости.

Ребенок говорит нам эти вещи с позиций непредвзятого разума, не испорченного стереотипами и клише взрослых людей. Это «разум начинающего» – как называют его буддисты. Их понимание духа является все еще непосредственным чистым переживанием. Не это ли Христос имел в виду, когда говорил, что мы должны быть подобны детям, если хотим войти в Царствие Небесное.

И все же, поскольку дети всегда столь обезоруживающе невинны, мы должны прислушиваться внимательно к их словам, чтобы отличить духовные самородки от обычных фантазий. Прислушайтесь к искренности их голосов и не забывайте об ощущениях в вашем собственном теле, когда сквозь него проходит духовная энергия. Именно таким образом Мэри Флеминг, привыкшая к вымыслам своих детей, распознала их подлинные воспоминания:

Однажды вечером – тогда Алану и Мишелю было по шесть лет, а их сестре, Колин, около восьми – мы все вместе ехали в машине. Разговор зашел о золотой рыбке, которая недавно умерла в аквариуме.

Мишель спросил: «А наша золотая рыбка снова будет жить?»

Я ответила: «Не совсем понимаю, что ты имеешь в виду».

«Будет ли она снова жить как другая рыбка?»

«Ты имеешь в виду, что она будет жить как кошка, у которой о девять жизней?» – спросила я, намекая на известную поговорку.

Мишель вдруг заговорил раздраженно: «Нет, я имею в виду, будет ли она снова жить, как люди, после того как они умирают и снова возвращаются на землю, чтобы жить жизнью других людей?»

«Кто сказал тебе о том, что люди возвращаются и живут жизнью других людей?»

Мишель ответил убежденно: «Никто не должен был учить нас этому. Мы *просто знаем* это». Я увидела, как остальные дети закачали головами в знак согласия. Я притормозила, чтобы не столкнуться со встречной машиной.

Мэри продолжает:

Впервые дети начали обсуждать вопрос жизни прежде рождения тогда, когда Колин было шесть лет, а мальчикам по три или четыре года. Это было как раз перед тем, как на свет должна была появиться самая младшая девочка. Мы сидели за столом на кухне, и разговор зашел о Небесах и о том, что там происходило до того, как они родились. Дети очень оживились и стали перебивать друг друга.

Колин сказала: «Когда я была на Небесах и ожидала, чтобы родиться, нас там было много. Некоторые тоже ожидали, чтобы родиться. Там было два ангела, которые наблюдали за нами, и если кто-то плакал, ангел подходил и поднимал тебя. Там выстроилось целая очередь из тех, кто ожидал рождения».

Мишель вмешался: «Бог держал меня на руках как раз перед тем, как я родился».

Я сказала: «Это замечательно, Мишель. Алан, а Бог держал тебя тоже?»

Мишель бросил на меня косой взгляд и ответил: «Мам, Бог держал меня, а Алана держала Мать, ты разве не помнишь?»

В это мгновение у меня появилось странное ощущение, словно мороз по коже. Я считала, что они все это сочиняют, но этот странный взгляд и уверенный голос привлекли мое внимание.

После нескольких лет воспоминания начали блекнуть. Даже сами дети осознавали это.

С тех пор как родилась Эйлин, моя младшая девочка, дети говорят, что они будут ждать, пока она заговорит и расскажет им о Небесах, *потому что они уже стали забывать*.

«Глубокая интеграция убеждений»

Дети Мэри Флеминг описали свои духовные воспоминания, преломив их сквозь призму детского воображения. Некоторые же дети от рождения наделены не только способностью помнить, но также понимать и излагать сложные духовные концепции. Кортни, дочь Лайзы, – одна из таких детей:

Однажды мой сын, Джоуи, смотрел на фотографию своей старшей сестры Обри, сделанную в ее раннем детстве. Джоуи спросил, где он находился тогда, когда делали этот снимок. Обри ответила: «Ты был на небесах, где ждут дети, чтобы родиться».

Кортни была очень возмущена и заявила: «Все происходит совсем не так! Все происходит иначе!»

Затем она стала нам всем объяснять: «Ты отправляешься на Небеса, там ты можешь некоторое время отдыхать, как на каникулах. Но затем нужно браться за

работу. Ты должен начать думать о том, что должен выучить в своей *следующей* жизни. Ты должен подобрать себе семью – ту, которая поможет тебе научиться тому, чему нужно. Небеса – это вовсе не то место, где можно споняться без дела. Там тебе не удастся расслабиться надолго. Там тоже нужно работать!»

Кортни говорила об этом очень серьезно. Очень! Ей было тогда четыре с половиной года. Но это совсем не детское представление о небесах. Небеса – это место, где должны быть закончены все дела.

Я решила проверить ее и спросила: «Кортни, если ты была на небе, то помнишь это?»

Она ответила: «Ага».

«Хорошо, тогда ты должна была видеть Бога».

Она кивнула головой в знак согласия. «Сейчас я поймаю тебя», – подумала я про себя, а вслух спросила: «Знаешь, Кортни, а я уже не помню, как он выглядит. Это было так давно. Может быть, ты мне его опишешь?»

Я рассчитывала на какой-нибудь голливудский вариант – яркий свет и чувство теплоты, но она просто посмотрела сквозь меня и ответила: «Как ты не понимаешь, я видела Бога только душой».

Я должна была знать, что мне никогда не удастся загнать ее в угол.

Иногда детское понимание глобальных законов жизни значительно превосходит представления взрослых, в том числе и их родителей. В таком случае единственное, что нам остается, – это прислушиваться к их словам и испытывать благодарность за ту мудрость, которой они делятся с нами. Лайза продолжает:

Сейчас Кортни шесть лет. Большинство из ее воспоминаний о прошлых жизнях поблекло, но кое-что осталось.

Несколько месяцев назад она сказала кое-что такое, что мне показалось интересным. Все мы были па кухне, а она носилась туда-сюда в расшитой бисером юбочке. По телевизору показывали новости, и я не смотрела на экран. Вдруг Кортни спросила меня, почему женщина, которую показывают по телевизору, плачет. Я впервые попыталась вникнуть в суть передачи и поняла, что речь идет о том, что сына этой женщины должны казнить за совершенное им преступление. Я попыталась объяснить все Кортни в сглаженном виде, не вдаваясь в детали *изнасилования*.

Кортни заявила: «Да, мам, она просто не понимает, вот почему она такая грустная».

Я спросила: «Что ты имеешь в виду? Чего она не понимает?»

«Ну, она просто не понимает того, что когда кто-то так запутался в жизни, как ее сын, то смерть для него – не наказание. Так как, когда он умирает, он затем становится ребенком в новой семье и никакие плохие дела уже не преследуют его. И это намного лучше, потому что он не тратит своей энергии и может быстрее всему выучиться, чтобы начать жить по-новому. А она просто не понимает этого, мама. Если бы она понимала, то не грустила бы». И с этим Кортни вылетела из кухни.

Я покрываюсь гусиной кожей, когда слышу такую речь. Мне потребовалось около трех часов, чтобы полностью осознать, что Кортни хотела мне доказать. Я считаю, что это глубокая интеграция убеждений. Это особенно поразительно, если учесть ее возраст. Поверьте мне, это исходит не от нас. Мы ходим в пресвитерианскую церковь и считаемся людьми широких взглядов, но это не религиозная догма. Она никогда раньше не слышала подобных рассуждений. Это все исходит исключительно от нее.

Я чувствую большую ответственность, так как должна помочь Кортни сохранить и развить все, что заложено в ней. Я чувствую, что мой ребенок обладает более высокой и сложной душой, чем я. В этот момент я сама чувствовала себя ребенком, который задает детские вопросы. Не проявляя грубости или высокомерия, она быстро поставила меня на место.

Чейз и Сара

Некоторые люди спрашивают меня, как переживания из прошлых жизней повлияли на моих детей, произошло ли что-то с ними за все эти годы. Могу с уверенностью сказать, что это им не повредило. И я убеждена, что воспоминания помогли им стать более сильными личностями.

Прошло более восьми лет после того, как Чейз и Сара впервые заговорили о своих прошлых жизнях, и сейчас оба они цветущие подростки. В следующем году Сара закончит свой колледж, а Чейз перейдет в высшую школу. Сара все время в движении – она выигрывает награды в спортивных состязаниях, поет и очень хорошо учится в школе. Она проявляет энтузиазм во всем. Все знают о том, что она может пуститься в пляс в самом неожиданном месте – в супермаркете, в школьных залах, но чаще всего – у нас на кухне. Мы от души хохочем, глядя на нее.

Чейз уже не маленький мальчик – он шести футов ростом. Чейз мечтает стать писателем, а его страсть к барабанам перешла в серьезное увлечение. Он играет в группе рок-н-ролла, на чьей визитной карточке красуются такие слова: «Ничем не заменишь живую музыку на вечеринках». Он до сих пор производит громкие (но уже синхронизированные) звуки. Его последовательность изумляет меня.

Оба моих ребенка полны творческой энергии и любознательности, что я приписываю раскрытию их древней памяти. Они знают, что мы со Стивом полностью принимаем их переживания, и это вдохновляет их на расширение собственных горизонтов. Самое главное то, что они научились доверять собственной интуиции и слушаться вдохновения. Их каналы всегда открыты для доступа творческой энергии.

Моя работа настолько чужда им, как обычно чужда всякая родительская работа детям. Они редко теперь вспоминают о прошлых жизнях, и некогда живые образы давно поблекли. И все же время от времени они задают мне вопросы, которые дают мне понять, что их воспоминания о прошлых жизнях сформировали их мировоззрение: «Интересно, какие были мои отношения с подругой в прошлой жизни? Мы просто читаем мысли друг у друга». Или: «Интересно, какая часть кармы переходит из жизни в жизнь». Я отвечаю, что не знаю, и слушаю их рассуждения. Обычно те ответы, которые дети дают на собственные вопросы, гораздо интереснее всего, что я могла бы сказать по этому поводу.

Иногда я думаю о том, насколько моя жизнь изменилась с того момента, когда Норман попросил Чейза сесть мне на руки и закрыть глаза. Я думаю также о том, какой была бы моя жизнь, если бы я *не* поверила в то, что сказали мои дети в тот вечер. Или если бы я, поверив им, оставила это знание лишь для себя и хранила бы в темном чулане памяти, как хранят куклы Барби или конструкторы «Лего», когда уже выросли из того возраста, чтобы играть ими. Наверное, я до сих пор хваталась бы за все – за работу, развлечение или приключение, – что могло бы придать видимость смысла моей жизни.

Но я просто не могла проигнорировать силу детских воспоминаний. Я поняла, что все, что произошло тогда на кухне, входило в более масштабный план – время, место и условия были выбраны превосходно. Это дало мне толчок, чтобы произвести работу, которой я могу поделиться с вами. Сейчас я смотрю на свою книгу не как на личную историю, а как на пример того, что может произойти, если вы откроете для себя эти великие силы. А это главное, что происходит, когда вы слушаете своих детей – слушаете по-настоящему – всей своей душой и всем своим сердцем.

Примечания

Глава 2

1. T. S. Eliot, *Four Quartets* (New Yourk: Harcourr, Brace and World, 1971), p. 16.
2. Ibid., p. 15.
3. W. Y. Evans-Wentz, trans., *The Tibetan Book of the Dead* (London: Oxford University Press, 1960), p.96.
4. Swami Prabhavananda and Frederick Manchester, eds., *The Upanishads* (New Yourk: New American Library, 1957).
5. William Blake, "A Memorable Fancy", in *English Romantik Poetry and Prose*, edited by Russell Noyes (London: Oxford University Press, 1956), p. 212.
6. T. S. Eliot, *Four Quartets*.

Глава 4

1. Helen Wmbach, *Reliving Past Lives: The Evidence Under Hypnosis* (New Yourk: Bantam Books, 1979), p. 2.
2. Ibid., p. 62.
3. Ibid., p.144.
4. Ibid., p. 146.
5. Edith Fiore, *You Have Been Here Befor* (New Yourk: Brillantine Books, 1978) p. 3/
6. Ibid., p. 216
7. Ibid., p. 148-59.
8. Roger Woolger, *Other Lives, Other Selves* (New Yourk: Bantam Books, 1988), p.84.
9. Ibid., p. 144-47.
10. Ibid., p. 220-24.
11. Ibid., p. 142.
12. Sogyal Rinpoche, *The Tibetan Book of Living and Dying* (New Yourk: HarperCollins, 1994), p.47.
13. Ibid., p. 224.
14. Dr. Winafred Blake Lucas, *Regression Therapy. A Handbook for Professionals*, vol. 2 (Crest Park, CA: Deep Forest Press, 1993), p. 431.
15. Woolger, *Other Lives*, pp. 174-76.

Глава 6

1. Ian Stevenson, *Twenty Cases Suggestive of Reincarnation* (Charlottesville: University Press of Virginia, 1974), pp. 109-27.
2. Ian Stevenson, *Children Who Remeber Previous Lives* (Charlottesville: University Press of Virginia, 1987), pp. 84-88.
3. Stevenson, *Twenty Cases*, pp. 52-67.
4. Доктор Стивенсон о психоанализе: «Психоанализ не базируется на научном исследовании. По существу, он ложен как в своей доктрине, так и в практике. Я уверен, что раньше или позже Фрейд будет вызывать лишь насмешки». В том же духе он отзывался и о бихевиоризме, где «человеческая личность рассматривалась как простой механизм, реагирующий на внешние раздражители». Цитата взята из Ken Adelman, "Everlasting Life?" *Washingtonian* (June 1995), p. 30.
5. Для тщательного и объективного обзора всей этой области см. статью "Past Life Memory Case Studies" by James G. Matlock, in *Advances in Parapsychologikal Research*, vol. 6 (Jefferson, NC: McFarland and Co., 1990), в которой приведены как результаты исследований последователей доктора Стивенсона, так и высказывания его критиков. Статья содержит обширную библиографию и ссылки на все значительные работы, проводимые в этой области.
6. Adelman, "Everlasting Life?" p.30.
7. См. библиографию в Matlock, "Past Life Memory Case Studies".
8. Matlock, "Past Life Memory Case Studies", p. 200.
9. Stevenson, *Twenty Cases*, pp.67-91.
10. Stevenson, *Children Who Remeber Previous Lives*, p. 116.
11. Ibid.

12. Ibid., p. 114.
13. Dr. Winifred Blake Lucas, *Regression Therapy: A Handbook for Professionals*, vol. 2 (Crest Park, CA: Deep Forest Press, 1993), p. 431.
14. Stevenson, *Twenty Cases*, p. 117.
15. Stevenson, *Children Who Remember Previous Lives*.
16. Stevenson, *Twenty Cases*, p. 117.
17. Ibid., p. 101.
18. Stevenson, "Birthmarks and Birth Defects Corresponding to Wounds on Deceased Persons", *Journal of Scientific Exploration*, vol. 7, no. 4, p.403.
19. Ibid., p. 411.
20. Ibid., p. 410.
21. Ibid., p. 413.
22. Ibid., p. 404.
23. Ibid., p. 410.
24. Stevenson, *Children Who Remember Previous Lives*, p. 158.
25. Stevenson, "Phobias in Children Who Claim to Remember Lives", *Journal of Scientific Exploration*, vol. 4, no. 2, p. 246.
26. Stevenson, *Children Who Remember Previous Lives*, p. 163.
27. Stevenson, *Twenty Cases*, p. 329.
28. Dr. Winifred Blake Lucas, *Regression Therapy: A Handbook for Professionals*, vol. 2 (Crest Park, CA: Deep Forest Press, 1993), p. 431.
29. Stevenson, *Children Who Remember Previous Lives*, p.212.

Глава 7

1. Peter and Mary Harrison, *The Children That Time Forgot* (New York: Berkeley Publication Group, 1991), p. 122.
2. Ibid., p.133.
3. Ibid., p. 70.
4. Ibid., p. 75.
5. Ibid., p. 27.
6. Ibid., p. 121.
7. Ibid., p. 176.
8. Ibid.
9. Ibid., p. 11.
10. Ibid., p. 13.
11. Ibid.

Глава 10

1. Joseph Head and Silvia Cranston, *Reincarnation: The Phoenix Fire Mystery* (Pasadena, CA: Theosophical University Press, 1994), pp. 401-2.
2. Peter and Mary Harrison, *The Children That Time Forgot* (New York: Berkeley Publication Group, 1991), p. 30.
3. Ibid., p. 19-27.
4. Ibid., p. 46.
5. Ibid., p. 41-46.

Глава 11

1. Yonassan Gershom, *Beyond the Ashes* (Virginia Beach: ARE Press, 1992), p. 135.
2. Peter and Mary Harrison, *The Children That Time Forgot* (New York: Berkeley Publication Group, 1991), p. 122.
3. Ibid., p. 133.
4. Thomas Armstrong, *The Radiant Child* (Wheaton, IL: Theosophical Publishing House, 1985), p. 29.

Глава 12

1. Thomas Verny and John Kelly, *The Secret Life of the Unborn Child* (New York: Dell Publishing, 1991).
2. Stevenson, *Children Who Remember Previous Lives*.
3. Ibid., p. 109.

Глава 13

1. Jenny Cockell, *Across Time and Death* (New York: Simon & Shuster, 1993).
2. Stevenson, *Children Who Remember Previous Lives*, p. 50.
3. Richard Ferber, *Solve Your Child's Sleep Problems* (New York: Simon & Shuster, 1985), p. 27.
4. Quoted in Dr. Winifred Blake Lucas, *Regression Therapy: A Handbook for Professionals*, vol. 2, p. 270.
5. Yonassan Gershom, *Beyond the Ashes* (Virginia Beach: ARE Press, 1992), p. 106-9.
6. Ibid., pp. 128-29.
7. Ferber, *Sleep Problems*, p. 147.
8. Thelma Feedman, "Treating Children's Nightmares with Past Life Report Therapy: A Case and a Discussion", *Journal of Regression Therapy*, vol. 5, no. 1, pp. 48-54.
9. Gladys McGarerey, *Born to Live*, pp. 21-23.
10. Dr. Winifred Blake Lucas, *Regression Therapy: A Handbook for Professionals*, vol. 2, p. 44.

Глава 14

1. Quoted in Thomas Armstrong, *The Radiant Child*, p.82.
2. Ian Stevenson, *Case of the Reincarnation Type, vol.2, Lebanon and Turkey*, p.3.
3. Hans Ten Dam, *Exploring Reincarnation*, p. 37.
4. Ibid., p. 39.
5. Ibid., p. 31.
6. Leslie D. Weatherhead, *The Case for Reincarnation*, pp.3-5.
7. From the New International Version of the Bible.
8. Charles Hampton, *Reincarnation, A Christian Doctrine*, p. 7.
9. H. G. Wells, *The Outline of History*, pp. 429-30.
10. Ibid., pp. 433-34.
11. Sogyal Rinpoche, *The Tibetan Book of Living and Dying* (New York: HarperCollins, 1994), p. 82.
12. H. G. Wells, *The Outline of History*, pp. 429-30.
13. Ibid., p. 439.
14. Joseph Head and Silvia Cranston, *Reincarnation: The Phoenix Fire Mystery* (Pasadena, C A: Theosophical University Press, 1994), p. 159.
15. Ibid., p. 164.
16. Hans Ten Dam, *Exploring Reincarnation*, p. 45.
17. Arthur Guirdham, *The Catbars and Reincarnation*, p. 29.
18. Simcha Paull Raphael, *Jewish Views of the Afterlife*, p. 314.
19. Edward Hoffman, *The Way of Splendor* (Northvale, NJ: Jason Aronson, 1981), p. 191.
20. Simcha Paull Raphael, *Jewish Views of the Afterlife*, p. 28.

Глава 15

1. Quoted in Joseph Head and Silvia Cranston, *Reincarnation: The Phoenix Fire Mystery* (Pasadena, C A: Theosophical University Press, 1994), p. 308.
2. Stevenson, *Children Who Remember Previous Lives*, p. 71-73.
3. "Sisters Returns as Twins", *Reincarnation International*, no. 3, p. 26.
4. Hans Ten Dam, *Exploring Reincarnation*, p. 120 -21.

Глава 16

1. William Wordsworth, "Intimations of Immortality from Recollections of Early Childhood".